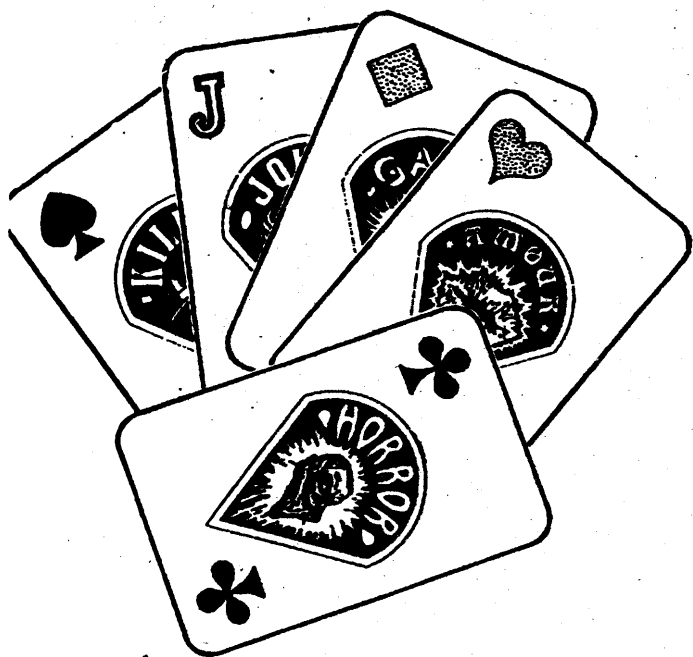

ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ МЕРТВЕЦ

ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ МЕРТВЕЦ

**СБОРНИК
ПРОИЗВЕДЕНИЙ УЖАСОВ
ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ
МЕРТВЕЦ**

**РИПОЛ
Джокер
1993**

Серия «HORROR»
Сборник произведений ужасов

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редакторы
Левкович Фанни
Молчанова И.Д.

Художник
Хромов А.А.

Корректоры
Зубина К.И.
Мещерякова Г.А.

Технический редактор
Чернецова Г.Ю.

Четвертая книга серии «HORROR» знакомит с новым для нашего читателя жанром: каждое из трех произведений, вошедших в сборник — это мистический триллер. А значит, — потрясающее сочетание авантюрного, полицейского детектива и любовных приключений, жутковатого колдовства и реалий современного Нью-Йорка. Но главное в книге — напряженная атмосфера непрерывного кошмара, от которого прямо-таки кровь стынет в жилах.

Т **4703040100-016** без объявл.
070219-92

ISBN 5-87012-016-3

- © РИПОЛ, Джокер, 1993
- © Перевод И. Гусева, И. Сатарина, О. Гончарука, 1993
- © Оформление А. Хромова, 1993
- © Составление серии К. Андронкина, 1993

Фрэнк Лаурия

РАГА СИКС

С грустью осматривая комнату, Сорди все еще не мог поверить в случившееся. Золотистые солнечные лучи пробивались в комнату через двери веранды, высвечивая парящие в воздухе частички неистребимой пыли, которая преследовала его все три года жизни в Нью-Йорке. Но сегодня он ее не замечал.

Ему нравилась эта комната, нравились темно-коричневые деревянные балки, проходившие по потолку, нравилось, что окна с одной стороны выходят на Гудзон, а с другой — в сад, нравился вкус свежей рыбы, которая жарится на рашпере. Ему здесь все нравилось.

Ему не нравилось лишь то, что вскоре придется покинуть столь полюбившееся место. Он не мог понять, зачем это нужно. Все произошло слишком быстро...

Билет был уже в кармане, деньги положены в банк, но во всем этом он не видел смысла. Если бы существовало какое-нибудь разумное объяснение, зачем надо разрушать сложившийся образ жизни, то, возможно, ему бы стало легче на душе. Но никакого объяснения не было.

Он не хотел улетать, хотя доктор и снабдил достаточной суммой, которой хватило бы на несколько лет вперед. Его семья находилась далеко отсюда. И все же он не был готов к такой скорой отставке. Работа на доктора Ориента давала ощущение учености. Выполнять обязанности секретаря — все равно, что быть ассистентом профессора в университете. Доктор научил его владеть своим сознанием. А он научил доктора готовить. Это было дружеское развивающее сотрудничество. И теперь всему пришел конец.

Он передернул плечами. Наверное, подлинных причин ему так и не узнать. Не спеша Сорди вышел на веранду. Темнеющее багровое небо над рекой пронизывали фиолетовые лучи заходящего солнца. В окнах домов начал зажигаться свет.

Как он подозревал, что-то произошло прошлым летом. Доктор Ориент, как обычно, собирался отправиться в свой загородный дом на Мысе, вместо того чтобы торчать в городе и все сильнее погружаться в работу. Это, несомненно, было бы лучше, чем сблизиться с доктором Феррари. С появлением этого человека начались одни неприятности.

Первая — охрана, все время что-то выискивающая и нарушающая привычный уклад жизни. В течение четырех месяцев, пока Феррари находился здесь, охранники обыскивали дом каждый день. Сорди не разрешалось заходить в лабораторию и рабочий кабинет: теперь он занимался только при-

готовлением кофе и сэндвичей для охраны, так что доктору Ориенту от него не было никакой пользы.

А потом эта новая манера доктора работать. Иногда они с Феррари оставались в лаборатории по два-три дня. Доктор почти перестал есть, стал худым и нервным, и, в довершение ко всему, споры каждую ночь: никогда раньше Сорди не слышал, чтобы доктор Ориент на кого-нибудь кричал.

Сорди поежился от дующего с реки ветра и, плотно закрыв за собой дверь, зашел в комнату. Иногда, несмотря на присутствие охраны, он видел, как к ним в дом привозили маленькую девочку. Пятеро крепких мужчин окружали автомобиль и заносили ее в дом так быстро, что Сорди едва успевал рассмотреть черты ее лица.

Через месяц напряжение пошло на убыль, и охрана стала больше времени проводить на кухне. Но даже охранники, казалось, не знали, что именно происходит в доме доктора Ориента. Девочка была дочерью какого-то крупного политика из Калифорнии. У нее были больные ноги, и она проходила курс специального лечения. Звали ее Джуди, но Сорди не верил, что это настоящее имя.

Со временем охрана стала дружелюбнее, помогала по дому, но глаза их оставались холодными и бесстрастными. Есть определенный тип американцев, уяснил для себя Сорди, полюбить которых очень трудно.

Однажды он увидел, как девочка выходит из кабинета. Джуди двигалась очень медленно, поддерживаемая с одной стороны Ориентом, а с другой — Феррари, которые помогли ей сесть в инвалидную коляску, а люди из охраны наемкнули Сорди, что скоро смогут обходиться без его стряпни.

Вечером того же дня, когда он видел, как Джуди выводили из кабинета, между Ориентом и Феррари произошла первая ссора. Он вышел на лестничную площадку и услышал, что Феррари, все больше и больше распаляясь, не дает сказать Ориенту ни слова в ответ. Ссора продолжалась почти два часа. Наконец Феррари выскочил из кабинета и уехал. Ориент со злостью захлопнул за ним дверь и, отказываясь от еды, не выходил до следующего вечера. Подобные ссоры стали обычным явлением.

Затем Феррари, охрана и девочка перестали появляться в доме. Ориент провел три недели, закрываясь в своем кабинете и явно ничего не делая. И в один прекрасный момент объявил, что все кончено, что он продает дом.

Сорди поднял свой чемодан и направился к лестнице. «Ничего страшного, — убеждал он себя, сегодня вечером я буду в Риме».

Когда он спустился по лестнице, то увидел доктора Ориента возле дверей кабинета. Выглядел тот еще хуже, чем во время лечения девочки: его смуглая кожа от постоянного пре-

бывания в помещении приобрела болезненный оттенок, зеленые глаза потускнели. Ориент был высоким, имел осанку атлета, но сейчас выглядел сутулым, плечи его опали и руки беспомощно висели вдоль тела. Даже прядь белых волос в черной шевелюре, казалось, увеличилась в размере.

Сорди поставил чемодан. Полгода назад Ориент казался 25-летним юношей, но сейчас морщины глубоко избороздили его лицо и выглядел он заметно постаревшим. Правда, его рукопожатие было еще крепким, а за словами прощания Сорди послышалось что-то еще: это «что-то» было искренним выражением признательности за их трехлетнюю дружбу.

Вдруг Сорди захотелось обнять доктора, попытаться успокоить его, хоть как-то его ободрить, но он не посмел. Вместо этого поднял чемодан и сказал: «Хороший вечер, будет неплохой полет. Вы знаете, где меня найти».

Ориент кивнул в ответ, а Сорди знал, что доктор никогда ничего не забывает. Сорди достал из кармана пальто небольшой бумажный сверток и передал его доктору со словами: «Это ваше».

Ориент спрятал сверток в карман своей куртки. Он был явно подавлен. Затем повернулся и зашел в кабинет.

В кабинете ничего, кроме стола и двух стульев, уже не осталось. Книги, картины, карты звездного неба, видеоаппаратура — все было убрано. Человек, купивший дом, пожелал, чтобы стол остался. Ориент с этим согласился. Единственное, о чем он заботился сейчас, — все поскорее закончить: Энди Джекобс, бывший сенатор, ожидал его в кабинете.

— Итак, приступим, Оуэн, — произнес Энди.

Доктор медленно подошел к столу, взял ручку и начал выводить свое полное имя — Оуэн Ориент — там, где ему показывали пальцем, — и после каждой подписи Энди спрашивал: «Ты считаешь, что это справедливая дань за то, что ты и твои родители всю жизнь напряженно работали?» Он не торопился, не суетился, терпеливо ожидая, пока Ориент выведет следующую подпись. «Есть способы оформить имение. Ты можешь передать его наследнику. Сыну, например. Все может случиться, Оуэн. В тридцать один год можно подыскать подходящую женщину. Все меняется». Голос сенатора был резким, даже слегка угрожающим, но одновременно вкрадчивым, словно сенатор хотел вызвать доктора на откровенность.

— Оуэн, ты можешь еще некоторое время подумать, как поступить с домом на Мысе. Я провел там много лет с твоими родителями, еще до твоего рождения, — как бы взывая к здравому смыслу произнес Джекобс голосом, проникающим в глубины памяти.

Но Ориент только улыбался, кивал в ответ и продолжал подписывать бумаги.

Когда все было закончено, Ориент медленно накрутил колпачок на ручку и выпрямился. Когда он увидел выражение искреннего участия на лице Энди, его охватило чувство печали, а ощущение потери начало проникать в него еще тогда, когда он заметил обиженную улыбку Сорди. «Возможно, он уже уехал в аэропорт», — произнес про себя Ориент. Он попытался мысленно встряхнуться: ведь все шло так, как и должно было идти.

Энди Джекобс аккуратно сложил подписанные бумаги.

— Разве это не глупо — оставаться ни с чем? — вкрадчиво спросил он. — Все твое имущество, — продолжал Джекобс, — пойдет на создание школы физических исследований. Весь доход от фильмов твоего отца — на строительство больниц. Это великодушный, но, ей Богу, бессмысленный жест.

Ориент присел на край стола и сложил руки на груди.

— Лично мне непонятно, почему доход от собственности не может быть использован для обеспечения твоего личного будущего, — Энди приблизился и посмотрел прямо в лицо Ориенту. Доктору стало неуютно под изучающим взглядом сенатора. Энди все время был его другом, советником, адвокатом. Он устраивал все дела после смерти родителей, всегда старался защитить. Теперь сенатор выглядел таким огорченным.

— Оуэн, я говорю, как старый друг, который хочет оградить от серьезной ошибки. Энди подошел еще ближе. — Отделаться от своего поместья — это одно, но отказаться в пользу Феррари от прав на научные исследования, — это, согласись, другое. Неужели тебе все равно, как будут использованы результаты твоих трудов? — Он еще пристальнее взгляделся в Ориента.

— Я сам решил не ставить свое имя на отчете по работе с Джуди, — очень быстро произнес Ориент: в душе он надеялся, что Энди не затронет этого вопроса.

— Разбрасывать деньги — глупость, Оуэн, но желание выбросить собственное имя из своего труда может иметь самые пагубные последствия. Твой вклад в развитие человечества уникален, достигнутое — это плоды твоего труда. И не говори мне, что ты не имеешь к этому никакого отношения. У меня есть доказательства. Феррари согласился не публиковать результаты работы с Джуди до твоего разрешения. Почему ты все передаешь ему в руки? Даже права на твои открытия? Почему, Оуэн?

Ориент внимательно изучал пальцы своих рук. В молодости сенатор, должно быть, многих лишил присутствия духа и сейчас он заставил извиваться еще одну рыбку.

— Зачем передавать свою работу Феррари?

Ориент еще помедлил с ответом, не будучи уверенным в том, что Энди сможет его понять.

— Лечение дочери вице-президента — большой шаг к тому, что называется замечательной карьерой. Сожги мосты,

если это необходимо, но не унижай профессию. — Энди подошел к окну, и его напор ослаб.

Ориент глубоко вздохнул.

— Послушайте, сенатор, в этом деле я хочу остаться неизвестным. Основной объем опытов выполнили от моего имени университеты. И у них, конечно, будет доступ к тем методам нейропсихологического лечения, которые я разработал для Джуди. Главное здесь — полученные знания, а вовсе не мое имя. — Ориент встал со стола.

— Ты позволяешь Феррари присваивать твои заслуги и пользоваться результатами твоей работы! — не оборачиваясь бросил Энди.

Ориент вновь опустил на стол и покачал головой. В последнее время он стал очень возбудимым и вынужден был возобновить занятия медитацией.

— Феррари довольствуется только своей долей успеха в этом лечении, — сказал Ориент спокойно. — Не забывай, что результаты его исследований были также эффективны, как и моя терапия.

— Но он получает все, включая право на издание, награды, признание и, кто знает, на что еще. Он может даже получить Нобелевскую премию, — продолжал настаивать Энди.

Ориент нахмурился: — Я не изобрел универсального метода лечения, Энди, я только помог исцелить очередного пациента. А это — не одно и то же. — С этими словами Ориент начал ходить по кабинету. — Хорошо, Оуэн, — сказал Энди, подходя к столу с другой стороны и аккуратно складывая документы в дипломат. — Вот это решает все. Подпиши эти бумаги и ты окончательно освободишься от собственности. Ориент посмотрел на Энди и ухмыльнулся: — Ты хочешь удержать меня? Надеешься меня отговорить?

— Когда знаешь, что прав, всегда надо использовать даже малейший шанс, Оуэн, — убежденно произнес Энди.

Ориент написал свое имя еще шесть раз, подтвердил две поправки, и дело было сделано.

— Ненавижу счастливичиков вроде Феррари, — сказал Энди, застегивая молнию на дипломате. Ориент вздохнул. — Пусть будет так, — произнес он тихо.

Джекобс взял Оуэна под руку и они направились к выходу.

— Ты славный парень, Оуэн, стойкий клиент. — Энди остановился у двери и снял с вешалки шляпу. — Думаю, глупо спрашивать, не надо ли тебе денег.

— У меня кое-что есть для вас. — Ориент возвратился к столу, вынул из ящика видеопленку и записную книжку. — Вы мне окажете большую услугу, если сохраните эти вещи.

— Конечно, — ответил Энди, — думаю, мне не придется

хранить их дольше месяца. Ориент с сожалением покачал головой.

— Желаю удачи, — сказал Энди, начиная спускаться по лестнице.

— Энди! — Сенатор Джекобс обернулся, ожидая перемены решения, но Ориент со словами: «Это тоже можете оставить у себя», — всего лишь протягивал ему ручку, которой подписывал бумаги.

Джекобс со вздохом взял ручку, вышел из дома и быстро направился к своему автомобилю. Ориент с улыбкой проводил взглядом машину сенатора, закрыл дверь дома и медленно поднялся в свой кабинет.

Теперь дом стал другим. Его тишина нарушалась только доносившимися с улицы сигналами сирены. Ориент попытался поудобнее устроиться на стуле. Подписывая бумаги, он почти целый час провел в наклонном положении. Наверное, он потерял форму. За все эти месяцы работы над Джуди Ориент ни разу не занимался медитацией. Придется начинать все сначала.

Его прежняя жизнь была как бы окружена непроницаемой скорлупой. Даже тогда, когда он совершал паломничество в труднодоступный непальский монастырь, с ним и то были рекомендательные письма его друзей и преподавателей. Все это умачивало его уединенную тропу к духовному наставнику Ку.

Теперь же с ним было только то, чего он достиг сам.

Ориент вспомнил про Сорди и, достав из кармана сверток, осторожно развернул бумагу.

Это была точная копия его серебряного портсигара, с тем же самым узором на крышке.

Ориент покачал головой. Портсигар был вещью, с которой он никогда не расставался и, наверное, Сорди пришлось изрядно попотеть, чтобы добиться такого поразительного сходства.

Он открыл портсигар. Внутри была аккуратно уложена пачка папиросной бумаги. Ориент, вспомнив Сорди, улыбнулся и внимательно посмотрел на узор. Возникло ощущение спокойствия, благодушия, такое же, как тогда, когда Ку подарил ему оригинал.

Ориент положил портсигар в карман и поднялся. Он не будет ждать до утра, а примет душ и покинет дом сегодня же ночью. Поднимаясь в спальню, Оуэн попытался освободить свое сознание от любых сожалений: он никогда не стал бы делать того, чего в самом деле не хочет.

Ориент закончил горячий душ холодным обливанием, получая удовольствие от упругих толчков крови в жилах.

Выйдя из ванной, он ощутил желание зайти в комнату для медитации в последний раз перед тем, как новый хозяин превратит ее в спальню. Не одеваясь, он поднялся на четвертый этаж, направился к двери в конце коридора, открыл ее и зажег свет.

Высокий потолок, стены, полупрозрачный пол осветились

по-разному. Некоторые участки выглядели приглушенно белыми, другие — ярко-желтыми: все освещение комнаты было тщательно продумано Ориентом с целью сгладить переход света в тень. Комната была пустой, и только массивный камень лежал возле бассейна. Одно время в этом бассейне обитала рыба с очень яркой окраской. Где-то в глубине души у Ориента возникла гордость за эту комнату. Он стремился создать обстановку, которая будет успокаивать находящихся здесь и вводить их в состояние восприятия знаний. Камень, бассейн, свет, тень — все было спланировано так, чтобы создать атмосферу безмятежности.

Он опустился на коврик возле бассейна и начал с первой стадии медитации: с физических упражнений. Вначале его движения были неуклюжими. Он прервался, расслабился, затем начал снова.

Ему наконец удалось сконцентрироваться на гибкости позвоночника, направляя всю энергию на работу нежной сети нервных окончаний, пронизывающих плоть. Почувствовав, что тело начало слушаться, он занялся дыханием. Самые простые упражнения: вдох через нос, подключение солнечного сплетения и вход в первую стадию. Концентрируясь с каждым вдохом все сильнее и сильнее, растворяя сознание в нужном ритме, Ориент обратился к познанию своей сути, к свету, к искре своего существа. Светящиеся картины его жизни превратились в водоворот движущихся вокруг него образов, начали разделяться, обнажая глубинные пласты памяти: рождение, игрушка из раннего детства, его родители, его мечта.

Все его естество теперь вибрировало, извивалось, и он, пытаясь восстановить спокойствие, углубил дыхательные движения.

...Мечта... Его родители... Авиационная катастрофа...

Вдруг круговорот ощущений затмился непрошенными мыслями.

Феррари! Он вспомнил этого человека: неистощимая жажда знаний, удовольствий, славы. Потрясающая способность любить, ненавидеть и состязаться. Милое дитя, которое стремится все попробовать самостоятельно. Ориент работал с ним, учился у него и боролся с ним, но никогда не мог сравниться с Феррари.

Мысли рассредоточили его внимание, и он, пытаясь вновь подчинить дыхание своей воле, возобновил упражнения.

Вновь возник неясный хоровод образов, развернулся и вдруг стал раскаленным добела отпечатком горы: он возвратился к первому часу своего первого дня. Первое впечатление от пещеры. Небольшой тент, под которым он жил во время своего ученичества у Ку. Четвертый уровень. Входя секунда за секундой в суть той замечательной уединенности безмятежного познания...

Концентрация ослабла, и он опять вернулся к суматохе мыслей — в смятение — к Феррари...

Он еще раз, контролируя дыхание, возобновил первоначальные упражнения: вся его энергия стремилась к чистому, парящему сознанию образа горы...

Он настойчиво продолжал упражнения, подобно пловцу, раз за разом ныряющему за лежащей глубоко на дне драгоценной раковины, пока не погрузился тут же, на коврик, в сон без сновидений.

2.

Донесшийся снизу шум разбудил Ориента. Он открыл глаза и огляделся: Вот так дела — он заснул в комнате для медитаций! Прежнее желание покинуть этот дом отступило, но протерев глаза, Ориент подумал: «Если некуда идти, то неважно, когда ты уйдешь.» Он встал и потянулся. Внизу с шумом вносили вещи нового владельца.

Ориент спустился в спальню, умылся, почистил зубы, причесался и начал одеваться. Он уже застегивал пуговицы на рубашке, когда перед ним возник приземистый мужчина с грязным платком на голове. Вытащив изо рта изгрызанный окурок сигары и ткнув им в Ориента, мужчина прорычал:

— Кто ты, черт побери? И что ты тут делаешь?

— Я прежний владелец дома.

— Прежний владелец уже два дня как съехал отсюда. — С этими словами мужчина подошел ближе. — Он доктор, а ты слишком молод, чтобы быть доктором.

Ориент достал свои документы и передал их мужчине. Тот запихал в рот остаток сигары, вытер о рубашку руки и внимательно изучил паспорт и водительские права. Наконец, удовлетворенный, возвратил их владельцу.

Мужчина подождал, пока Ориент собрал в сумку свои вещи и искал куртку. Присутствие этого человека мешало Ориенту, и неожиданно захотелось убраться как можно дальше из этого, теперь ставшего совершенно чужим, дома. Он схватил дипломат, сумку и направился к выходу.

Мужчина шел впереди и открыл ему дверь. Когда Ориент поравнялся с ним, то услышал: «Ты выглядишь, как младенец». «Это все витамины», — бросил на ходу Ориент, зная, что такой результат дают медитация и отдых.

Хотя светило солнце и с реки дул теплый ветерок, Ориент понял, что до настоящей весны еще далеко. Он остановился на тротуаре и вздохнул полной грудью. Затем, бросив взгляд на реку, направился к центру города.

Быстрым шагом он миновал двадцать или тридцать кварталов и ему захотелось пить. Миновав три лотка, Ориент нашел тот, где продавался свежавыжатый мандариновый сок. После второго стакана его сознание пришло в порядок. Он находился в районе Восемьдесят шестой улицы. Ориент заказал третий стакан и попытался заставить свои мысли работать. Ему необходимо где-то остановиться, потом он решит, что делать дальше. Ориент поднял руку, чтобы взглянуть на часы, но на руке их не было и он вспомнил, что оставил их в ванной на полке под зеркалом. Часы пропали, он уже никогда не вернется за ними.

С рождения живя в этом доме, Ориент, тем не менее, оказался в нем чужим. Только теперь он осознал итоги своей сделки: совершенно никакой ответственности, только воспоминания. Теперь у него была другая жизнь.

Ориент был слегка озадачен стоимостью трех стаканов сока. При таких ценах сотни долларов наличными ему долго не хватит. Он так давно не вращался среди обычных людей, что не имел никакого представления о том, сколько это стоит — прожить несколько недель.

Медленно двигаясь к Пятой авеню, он размышлял о том, насколько не готов к жизни вне своего дома. С тех пор, как он в шестнадцать лет поступил в колледж в Стенфорде, Ориент жил в своеобразной изоляции от всех прочих людей. У него были девушки, но из-за занятий на общение с ними практически не оставалось времени. Он занимался математикой, языками. Затем медицинская школа, специализация по психиатрии. Именно в тот период он стал экспериментировать над сверхъестественными явлениями, начал изучение потусторонних сил. Позже последовали занятия йогой, поездка в Тибет и совершенствование телепатических способностей.

И вместе с тем, овладев всеми этими знаниями, Ориент не приобрел малейшего представления о простой человеческой жизни.

Он пересек Пятую авеню и оказался у входа в Центральный парк. Войдя в парк и немного побродив по аллеям, Ориент сел на скамейку и огляделся.

На некотором расстоянии от него сидел человек с длинными рыжими волосами. На коленях у рыжеволосого лежал какой-то журнал, а одет он был в черную коббойку с блестящими орлими на плечах и потертые джинсы. «Наверное, в городе родео», — отрешенно подумал Ориент и опять погрузился в свои мысли.

Несмотря на все усилия, ему так и не удалось достичь одной простой вещи: понимания своих собеседников. Тут же помогли и видеозаписи, и он вспомнил о кассете, которую передал на хранение Энди.

Он намеревался сделать зримым все, что касалось возмож-

ностей человеческой телепатии. У него были и далеко идущие планы: он собирался совместить науку и телепатию так искусно, чтобы зритель не только мог уловить тонкости телепатии, но и его собственные, дремлющие силы подключились бы к этой работе. Это, по мысли Ориента, являлось высшей степенью коммуникации.

Но продвинуться столь далеко по избранному им пути он не успел. Наверное, когда-нибудь он вернется к своим видеозаписям, но... но запах горелых листьев прервал ход его мысли.

Ориент непроизвольно повернулся в сторону, откуда доносился запах дыма.

Рыжеволосый покуривал сигарету. Почувствовав на себе взгляд Ориента, он медленно встал со скамейки, наклонился, расправил джинсы поверх ботинок. Доктору показалось, что он где-то уже видел этого рыжеволосого, он попытался вспомнить — где именно, — как тот резко повернулся и пошел по боковой тропинке, унося за собой неприятный запах.

И тут Ориент понял в чем дело: он просто встретил потенциального телепата.

Ориент, пока рыжеволосый не скрылся из виду, проводил того взглядом и подумал, что привлечший его запах не был запахом табака.

Еще несколько месяцев назад он сделал бы все возможное, чтобы разбудить в этом человеке талант телепата. Ориент догнал бы его, заговорил с ним, помог бы ему понять и правильно развить свои способности, но сегодня этот человек был для него всего лишь случайным встречным, а Ориенту, к тому же, надо было заниматься самим собой.

Ориент поднялся, взял свои вещи и пошел через парк.

Ему необходимо найти работу, ту, на которую он способен. Медицина исключается. Ему нужно то, что поможет наладить общение с другими людьми.

Правда, вскоре его сознание вновь переключилось на рыжеволосого: в конце концов, потенциальные телепаты не валяются на дороге. За последние годы ему попадалось всего несколько таких людей. Пятеро из них оказались неспособными завершить обучение. Может быть, ему следовало заговорить с тем человеком?

Он свернул с тропинки и направился по траве к куче камней. Подойдя, Ориент забрался на камни, устроился поудобнее и стал смотреть на небо над Пятьдесят девятой улицей.

У него не было даже места для ночлега! Разве что в гостинице, да и то — только с недельной оплатой вперед.

Но даже это было бы временным выходом из положения. Через несколько дней он окажется без денег и в том же самом положении, что и теперь. Тут ничего не поделаешь. Ориент

поднялся и медленно побрел к выходу из парка. Оказавшись на улице, он почувствовал голод.

Ориент вошел в кафетерий, взял поднос и начал выбирать подходявшие по диете блюда. Он поставил на поднос кружку йогурта, мед, морковь, изюм, шоколад, смешанный с сырым яйцом, и ему понравилось, что все это стоило меньше, чем три стакана сока, за которые он утром отдал столько денег.

Нести одновременно и свои вещи и полностью заставленный поднос оказалось делом нелегким, и поэтому Ориент сел за ближайший столик. Устроившись, он оглянулся по сторонам. За соседним столиком сидел рыжеволосый незнакомец, который улыбался в ответ на то, что ему говорила хорошенькая блондинка.

Когда рыжеволосый заметил Ориента, его голубые глаза сильно округлились. Через секунду он наклонился к своей собеседнице, что-то ей сказал и они быстро направились к выходу. Уходя, рыжеволосый искоса посмотрел на Ориента.

Ориент шел не спеша. Обычно в его присутствии потенциальные телепаты испытывали чувство страха или тревоги. Из своих опытов он сделал вывод, что такое происходит из-за возрастания электромагнитной энергии, которая вырабатывается мозгом.

Ориент снова подумал о целесообразности встречи с рыжеволосым, но затем отбросил эти мысли: он должен усовершенствовать свои способности, а уже затем развивать чужие.

После еды он стал разглядывать бывших в кафетерии людей с каким-то смешанным чувством восхищения и подозрительности, и ему вдруг пришло в голову, что все они чем-то в жизни недовольны.

Собрав свои вещи, он вернулся в парк.

Ориент постарался освободить свое сознание от посторонних мыслей и дать инстинкту возможность вести его дальше. Дойдя до метро, Ориент спустился вниз и сел на первый же поезд, давая своей судьбе свободу выбора.

В вагоне было многолюдно, и не привыкший к общественному транспорту Ориент оказался сдавленным со всех сторон так, что через несколько остановок ему захотелось выйти на свежий воздух.

Поднявшись наверх, он осмотрелся. Это была станция возле «Вашингтон Сквер».

Он миновал Шестую авеню, перешел на Восьмую улицу и повернул на восток. Улица заканчивалась маленьким парком, а вывеска оповестила о том, что он на «Томпкин-Сквер». Ориент пересек улицу и вошел в парк. Он обратил внимание, что все скамейки заняты пожилыми людьми, но на некотором расстоянии от главной аллеи он увидел отделенные решетчатой изгородью площадки, на которых толпилось множество пуэрториканцев и негров. Одни занимались гимнастикой,

другие играли в баскетбол, третьи же просто, собравшись в кучки, курили.

Напротив спортплощадок на траве сидело множество молодых людей. Они разговаривали, ели, спали, играли на музыкальных инструментах или просто разглядывали прохожих. Одеты все были в пестрые, разноцветные одежды. Ориент присел на траву возле них.

Как только он устроился и расслабился, возле него появилась группа молодежи, которая расположилась кружком, и до Ориента донеслась наигрываемая на нехитрых инструментах мелодия.

Какой-то мальчик четырех — пяти лет сел возле Ориента и уткнул свой подбородок ему в колени. Ориенту стало неловко, он посмотрел по сторонам, надеясь узнать, чей это ребенок.

— Не волнуйтесь, все хорошо, — услышал он приятный женский голос.

Ориент поднял глаза и увидел подходившую к нему молодую девушку.

Она была босиком, в очень короткой юбке, а ее распущенные волосы доходили почти до пояса. На расшитом пояском ремне Ориент заметил большой серебряный Анк, увенчанный петлей — египетский крест жизни. Девушка опустила на траву возле Ориента и посмотрела на него большими карими глазами.

— У тебя, наверное, прекрасная душа, — сказала она серьезно. — Иначе Юлиан ни за что бы к тебе не подошел.

Ориент в ответ улыбнулся. Ее свободные манеры развеяли неловкость, которую он было ощутил.

— Я не очень-то привык к детям.

— Дети более восприимчивы, чем взрослые, — серьезно сказала девушка. — Они чувствуют доброту.

Ориент согласно кивнул головой.

— Возможно, я действительно добрый.

Девушку нельзя было назвать красивой, но когда она улыбалась, ее лицо преображалось и становилось просто прелестным. Она внимательно рассматривала Ориента, а затем сказала:

— Я — Санни.

— Санни, — повторил Ориент.

— У меня такое имя, — рассмеялась девушка.

— А я — Оуэн, — назвал себя Ориент. — Оуэн Ориент.

— Это судьба, — сказала Санни.

— Привет, Оуэн, — произнес Юлиан, и, поднявшись, начал танцевать, а Санни хлопать в такт музыке.

Ориент заметил, что молодые люди со спортплощадок присоединились к сидящим на траве, а пожилые люди со скамеек куда-то исчезли.

Кто-то швырнул на колени Ориенту целлофановый пакет

с сэндвичем и яблоками. Он поднял глаза: среди молодых людей на площадке ходили девушки и раздавали продукты.

— Это побирушки, — сказала, заметив недоумение Ориента, Санни. — Появляются, когда должно произойти что-то плохое. Как по волшебству. Ешь, не бойся. — Ориент пожевал сэндвич: вдруг он почувствовал себя гостем странной новой страны.

Воздух наполнился уже знакомым запахом горелых листьев, и Ориент опять заметил своего старого знакомого. Рыжеволосый широко улыбался, поглаживая шевелюру. Ориент поднялся на ноги, чтобы получше рассмотреть этого человека, но тут парни, стоявшие на спортплощадке, бросились врассыпную, а музыка и шум на площадке потонули в звуках сирен и скрежете тормозов: полицейские машины окружили площадку со всех сторон.

Музыка смолкла. Никто не двинулся, и только проблесковые огни полицейских машин вспыхивали и гасли, подобно бьющемуся сердцу.

Один из полицейских забрался на крышу машины, и Ориент услышал его усиленный мегафоном голос:

— Вы собрались здесь незаконно. Пожалуйста, немедленно освободите территорию парка.

Ориент огляделся по сторонам: никто не двинулся с места.

— Всем сейчас же покинуть территорию парка! — В голосе полицейского звучала угроза.

Своим обостренным восприятием Ориент почувствовал нарастающее в толпе напряжение, и покрылся испариной.

Вдруг толпа вздрогнула и подалась. На мгновение ему показалось, что она движется прямо на него. Затем напряжение исчезло, уступив захлестнувшей всех ярости.

Послышалась брань, возмущенные крики, но на все это накладывались настойчивые команды: «Покинуть парк!»

Общая суматоха подхватила Ориента.

— Вон отсюда, свиньи! — слышал он голос полицейского. — Хватайте этого ублюдка, хватайте его!

Девушки и юноши начали выковыривать бетонные плитки с дорожек и швырять их в полицейских. В воздухе засверкали бутылки. Одна угодила полицейскому в голову, и тот упал. Его тут же прикрыли трое других и оттащили в сторону. Остальные, разбившись на группы по пять человек, начали разгонять толпу.

Ориент почувствовал удар по лицу и упал на что-то мягкое. Он повернулся на бок, увидел лежащего рядом с ним Юлиана. Лицо мальчика было грязным от пыли и слез, он с трудом прошептал:

— Давай убежим отсюда.

Ориент сел, подтянул мальчика к себе. Вокруг происхо-

дило настоящее побоище. Двое полицейских охотились за человеком, обернувшимся в звездно-полосатый флаг. Человек ловко уворачивался, но один из полицейских успел его зацепить, схватил за волосы и потащил. На полицейского набросились две девушки. Сзади подскочил еще один полицейский и стал бить их дубинкой по ногам.

Постепенно площадка опустела, и Ориент увидел в двадцати метрах впереди небольшое строение. Он поднялся и побежал к нему, поддерживая Юлиана.

— Мама! Подождем маму! — кричал Юлиан.

Ориент оглянулся: Санни, протягивая вперед руки, в истерике звала Юлиана.

Оставив Юлиана, Ориент вернулся на площадку, схватил ее за руку. Санни со словами: «Мне нужен мой мальчик, не трогай меня!», начала вырываться.

— Он там, — выкрикнул Ориент и потащил ее за собой.

— Мама! Я в порядке, — увидев Санни, кричал Юлиан.

Все трое бежали к укрытию. Двигавшаяся навстречу толпа грозила перерезать им путь, к тому же Санни споткнулась и упала, Ориенту пришлось оставшиеся метры пробежать вдвоем с Юлианом. Поставив мальчика возле стены, он бросился назад, поднял Санни и потянул ее за собой.

Ориент отыскал дверь, открыл ее ударом ноги, вернулся за Санни и Юлианом, завел их внутрь и захлопнул за собой дверь.

И их сразу же обступила тишина: они оказались в общественном туалете. Санни с тяжелым вздохом села на пол, прислонилась к стене, Юлиан расположился рядом, положил голову матери на колени.

— Это ты, тот у которого смешное имя? — спросила Санни.

— Да, — ответил Ориент. — Да.

Он отыскал умывальник, вымыл руки, подставил голову под кран и сильнее включил воду.

— Иди сюда, — сказал он Санни, — и веди Юлиана.

Ориент хотел заговорить с Санни, но знакомое напряжение в основании мозга заставило его напрячься: это был сигнал попытки телепатического контакта.

Перед ним возник мысленный образ: размахивающий дубинкой полицейский, клубы едкого, голубоватого дыма.

Ориент в тревоге посмотрел на дверь: кто-то явно пытался войти с ним в контакт. Машинально он настроился на прием и вновь ощутил тревогу. Кто-то, находившийся поблизости, настойчиво звал на помощь.

— Полицейский, полицейский... — как в забытьи твердил Юлиан, помоги, помоги.

Ориент открыл дверь и словно потонул в криках и стелющемся дыме. Концентрируя всю свою волю, он очистил сознание и настроился на прием, стараясь идти навстречу странному чувству тревоги и стремясь выйти на источник сигнала.

Едва он отошел от туалета, как на него набросился полицейский, в своем противогазе и с дубинкой в руке походивший на неземное гигантское насекомое. Ориент сумел увернуться, побежал, но полицейский погнался за ним, и если бы не упавшая под ноги полицейскому девушка, Ориент был бы неминуемо схвачен.

Ориент в спешке огляделся. От слезоточивого газа из носа потекло, глаза заслезились, но он, закрыв рот и нос ладонью, заставил себя двигаться дальше. Уловив стойкий сигнал, он прищурился. Источник сигнала был где-то поблизости. И тут Ориент увидел рыжеволосого. Того самого, потенциального телепата.

Рыжеволосый лежал возле дерева вниз лицом. Рядом двое полицейских пытались справиться с выкрикивающей проклятия девушкой.

Ориент подкрался с другой стороны дерева, лег на землю и, невидимый в темноте, подтянул рыжеволосого к себе. Рыжеволосый, очевидно, передавал сигналы непроизвольно, находясь в состоянии шока.

Ориент подхватил его под мышки и потащил. На полдороге полицейские набросились на Ориента. Он упал, прикрывая собой беззащитное тело рыжеволосого.

Дубинкой его ударили по запястью, ногой саданули по пояснице. К горлу подступила тошнота, а ноги сами подтянулись к животу, защищая его от побоев, но ударов больше не последовало. Ориент открыл глаза и увидел, что рядом никого нет. Он медленно приподнялся, но боль в спине не позволила выпрямиться. Посмотрел на рыжеволосого. У того задергались веки: он был в сознании.

— Вставай, — закричал Ориент, усаживая рыжеволосого на землю. Тот покачал головой и взглянул на Ориента сквозь упавшие на глаза волосы. Узнав Ориента, он ухмыльнулся:

— Это опять ты?

— Пойдем. — Ориент, хотя сам еле двигался от боли, помог рыжеволосому подняться.

Когда они добрались до укрытия, Ориент без сил упал на пол.

— Это некоторое время поболит, приятель, — услышал он голос рыжеволосого. — Подставь руки под струю воды.

Санни помогла Ориенту подняться на ноги, подвела его к умывальнику.

— Ты встретил проклятых людей в этом сортире, — хи-

хикнул рыжеволосый. — Санни, что ты тут делаешь вместе с такими отбросами?

— Заткнись! — огрызнулась Санни, но увидев на лбу рыжеволосого кровоточащие раны, всплеснула руками.

— Скоты! — выкрикнула она. — Эти полицейские просто скоты!

Крики за дверью вдруг начали усиливаться и рыжеволосый с решительным видом направился к ней.

— Стой! — крикнула Санни. — Здесь же ребенок!

Рыжеволосый оглянулся на спавшего прямо на голом полу Юлиана, в бессильной ярости плюнул себе под ноги.

— Успокойся! Я должен взглянуть на твою рану, — отходя от умывальника, сказал Ориент.

Осмотрев своего нового пациента, он тщательно промыл рану, проверил, нет ли трещин.

— У тебя это неплохо получается, приятель, — заметил рыжеволосый. — Тебе следовало бы стать хирургом.

— Я и так врач, — пробурчал в ответ Ориент. — А тебе придется сделать рентген лобных костей.

— Неужели дубинкой можно проломить череп? — засмеялся рыжеволосый и протянул Ориенту руку.

— Я Джокки. А эта женщина...

— Мы уже знакомы, — тут же ответила Санни.

— Прости, я не знал, — сказал Джокки и подмигнул Ориенту.

— Надеюсь, ты не легавый? А, док? — спросил он с издевкой. Ты почему-то весь день гоняешься за мной.

И тут Ориент вспомнил, что потерял свою сумку.

— Ладно, — сказал рыжеволосый, дотрагиваясь до раны на лбу. Что еще за сумка? Что-нибудь ценное?

— Ничего, кроме паспорта и других документов.

— Так, так. — Джокки подошел к стене и уселся возле Юлиана. — Раз ты не легавый, то почему бы тебе не помочь мне избавиться от этой улики? — Он достал из кармана рубашки три сигареты.

— В этом что-то есть, — сказала Санни, присаживаясь рядом.

Ориент колебался, затем уселся напротив них, скрестив под собой ноги. Джокки протянул ему одну из сигарет, другую отдал Санни, третью оставил себе, и чиркнул спичкой.

— Из-за этой травки у меня была бы масса неприятностей. Да, кстати, спасибо, что вытащил меня оттуда. Было бы хуже, если бы полицейские подобрали меня с этими штуками. Я очень признателен тебе, док, — поднося спичку Ориенту и закуривая сам, закончил он.

Ориент глубоко затянулся. Задержал дым в легких, затем сделал выдох. С тех пор, как началось лечение Джуди, он так

ни разу и не закурил. Ему стало тепло и приятно, словно он после того как попал под дождь принял горячий душ. Ориент посмотрел на Джокки и увидел, что тот не спускает с него глаз.

— Ты, я вижу, и раньше это курил.

Ориент утвердительно кивнул в ответ. Его сознание нараивалось на прием, и он почувствовал в словах Джокки что-то скрытое.

— Я тебя раньше никогда не видел. Где ты доставал травку?

— Отстань от него, — сказала Санни. — Не забывай, что он вытащил нас оттуда.

Джокки громко рассмеялся, оборвал смех и с опаской посмотрел на дверь.

— Прости меня, док, это — профессиональная подозрительность.

Ориент улыбнулся.

— Один мой друг каждый месяц снабжал меня этим.

— Сколько он с тебя брал? — Джокки повернулся к Санни и добавил: — У нас небольшой деловой разговор. Бизнес.

— Он снабжал меня бесплатно, приносил для культового обряда.

Джокки криво усмехнулся.

— Это самое интересное, о чем я когда-нибудь слышал.

Ориент положил окуроч на пол, а, подняв глаза, заметил, что Санни смотрит на него с обожанием.

— Ты замечательный человек, — сказала ему Санни.

— Тут что-то не так! — заметил на это Джокки. — Я целый год пытался сделать так, чтобы эта необычная девушка восхищалась только мной, у меня ничего не выходит, а получается какой-то тип и...

Ориент улыбнулся.

Волнение еще не покинуло его, но он уже не чувствовал неловкости. Его тело стало податливым, и он инстинктивно начал подключать к работе свое сознание. Мозг напряженно заработал, а сознание начало поглощать энергию.

— Может быть, вы и собираетесь провести здесь всю ночь, а у меня есть дела, — сказал Джокки, поднимаясь с пола, подошел к двери и слегка ее приоткрыл.

— Никого нет, — объявил он, открыл дверь шире и вышел. Ориент и Санни с Юлианом на руках последовали за ним.

Снаружи было темно и тихо. В воздухе еще пахло газом.

— Все нормально? — тихо прошептала Санни.

— Все нормально, — направляясь к площадке, ответил Джокки. Давайте поищем сумку дока.

Они провели в поисках почти полчаса, но так ничего и не нашли.

— Думаю, что она пропала, — сказал Ориент, прикиды-

вая, сколько понадобится времени и сил на получение новых документов.

Юлиан приподнял голову с плеча своей матери и произнес:

— Сумку Оуэна забрал Ральф. Я сам видел.

— Это облегчает дело. — И Джокки повел Ориента и Санни к выходу из парка.

— Вы пойдете со мной, и я все улажу, — сказал Джокки, забирая Юлиана у Санни.

Пройдя два квартала, они вошли в подъезд большого мрачного дома, поднялись на третий этаж и подошли к синей двери, на которой был изображен золотой орел. Джокки открыл дверь и включил свет.

Они последовали за ним в большую и просто обставленную комнату. Пол был покрыт голубым ковром, а одна из стен оказалась полностью оклеенной всевозможными афишами. Остальные стены были покрыты темно-коричневой плиткой из пробки. На полу лежали три матраца. В углу, над массивным дубовым столом, висел разноцветный абажур. Проигрыватель и усилитель стояли на полу, над ними висели две колонки, а Ориент обратил внимание на еще одну дверь с изображением орла.

Джокки указал рукой на матрацы:

— Почему бы вам немного не отдохнуть, пока я займусь поисками сумки? — И он вышел на лестницу. Ориент тяжело уселся на один из матрацев. Санни уложила Юлиана, а, закончив, подошла к Ориенту.

— Я тебя еще не поблагодарила за помощь мне и Юлиану, — сказала она. — Спасибо, Оуэн.

— Не стоит меня благодарить, — ответил Ориент, чувствуя, как от ее тела исходит тепло и покой.

— Я слышала, что в парке состоится бесплатный концерт. Если бы я знала, что будет такое побоище!

Хлопнула дверь, и в комнату вернулся Джокки.

— Все это походило на драку между бандами, — сказал он.

— Мы только что об этом говорили, — ответил Ориент. — Ты знаешь, почему это произошло?

— Это всегда происходит одинаково, док. Этим уродам из соседних с парком домов запретили собираться на площадке, и, вполне естественно, им это не понравилось. Когда их нельзя убедить в чем-то, то они начинают думать, что власти их притесняют.

— Я догадывался об этом, — сказал Ориент.

— Только что я спускался вниз и встретил кое-каких знакомых. Мы поговорили и о драке.

— А о Ральфе ты спросил? — поинтересовалась Санни.

— Успокойся, сумка у него, все будет в порядке, — ответил Джокки.

— Хорошо. — Санни положила свою голову на плечо к Ориенту.

— Смотрите у меня, чтобы тут был порядок, — сказал Джокки.

— Ладно, — ответила Санни.

Джокки ухмыльнулся и вышел в соседнюю комнату.

— Если появится Ральф, позовите меня.

Санни продолжала сидеть, прижавшись к Ориенту. Они уже начали засыпать, когда в двери постучали.

— Джокки, — не поднимая головы с плеча Ориента, позвала Санни.

— О'кей, иду, — прокричал Джокки из-за двери. Он появился без рубашки и босой. На плече у него висело полотенце, волосы были мокрыми.

— Принимал душ, ясно? — сказал он, подходя к двери.

На лестничной клетке стоял худой парень в темных очках, одетый в застегнутый на все пуговицы широкий темный плащ. В руках у него была сумка Ориента.

— Эта? — обернувшись спросил Джокки. Ориент утвердительно кивнул головой.

Джокки вытащил из кармана джинсов маленький зеленый конверт и вручил его парню. Без единого слова тот отдал Джокки сумку, повернулся и ушел.

— Это — Гасси, — прокомментировал происходящее Джокки, протягивая сумку Ориенту.

— Неплохой парень.

Ориент открыл сумку, проверяя содержимое. Все было на месте. Он был доволен тем, что сумка нашлась, но одна мысль беспокоила его: податься некуда. Ориент поднялся.

— Скажи-ка, — медленно начал Джокки, — ты что, на поезд опаздываешь?

— Нет. Просто мне надо идти в отель.

— Ты что, в бе'ах?

Ориент улыбнулся.

— Что-то вроде того. — Он поднял сумку и протянул на прощанье руку.

— Спасибо, Джокки, я ценю твою помощь. — Он опустил глаза вниз и увидел удивленное выражение на лице Санни.

— Я так понял, что тебе негде остановиться, док, — произнес Джокки.

— Да.

— Замечательно, док, — улыбнулся Джокки. — Я терпеть не могу прощаний, мне больше по душе приветствия. Ты неплохой парень, и мне хочется узнать, что у тебя в башке. Почему бы тебе не пожить здесь некоторое время?

Санни с облегчением вздохнула и забрала сумку из рук Ориента.

— Я уже думала, что ты никогда не предложишь ему этого, — проговорила она.

Ориент начал бормотать что-то невнятное, но она остановила его.

— Не спорь с этим болваном, Оуэн, а то он просто взбесится.

— Тогда все решено. — Джокки направился в свою комнату. — У меня сегодня ночью кое-какие дела, так что увидимся утром.

Санни прошла за ним к двери.

— Дай мне простыни и пару подушек, слышишь, Джокки? — И обернулась к Ориенту: — Ты же хочешь остаться, не так ли? — спросила она, внимательно изучая его лицо.

— Для меня это большая честь, — попытался пошутить Ориент.

В этот момент из соседней комнаты вышел Джокки с простынями и подушками.

— Ты в надежных руках, док, — сказал Джокки, — поэтому ни о чем не переживай. Завтра мы обо всем поговорим. У меня такое ощущение, что у нас много общего.

Он вернулся в свою комнату и вынес небольшой конверт, похожий на тот, который он отдал за сумку Ориента.

— Это тебе, — сказал он и вышел из квартиры.

Некоторое время Ориент стоял в неподвижности и собирался с мыслями.

Очевидно, судьба привела его туда, куда надо. И все же он не был в этом уверен. Он наблюдал за тем, как Санни заправляет края простыни под матрацы.

— Не заправляй мою постель, — наконец произнес Ориент. Санни выпрямилась.

— Ты хотел сказать, нашу постель? Не так ли?

Произнося эти слова, она походила на нежную лань, готовую умчаться прочь от малейшего незнакомого звука. Улыбкой он выразил свое согласие и она улыбнулась в ответ.

Закончив с постелями, Санни пошла в душ. Ориент сел на край матраца и стал снимать одежду: брюки были разорваны, свитер весь в пятнах от грязи. Он почувствовал страшную усталость. Лег и усталился в потолок.

Раздался звук открываемой двери. Санни прошлепала по ковру. На ней было только полотенце. Она проверила, укрыт ли Юлиан, поцеловала его и выключила свет.

Ориент слышал, как она подошла к постели, как полотенце упало на пол. Она нырнула под простыню, и он ощутил запах ее кожи. Его руки потянулись к ее телу, он стал гладить ее руки, грудь, бедра, волосы. Очень давно он не был с женщиной. Ориент нашел в том ее губы и Санни превратилась в извивающееся неутомимое тепло под ним. Она ойкнула, ког-

да почувствовала его в себе, а голос ее из тихого шепота, как только они слились в едином ритме, превратился в громкий прерывистый стон. И не было больше вокруг ничего, кроме ее тепла, криков восторга и изгибающегося навстречу Ориенту гибкого тела.

4.

Проснувшись и открыв глаза, Ориент увидел сидящего в изголовье постели Юлиана.

— Эй, — закричал Юлиан, — он проснулся.

Ориент попытался сесть, но, почувствовав сильную боль в запястье, посмотрел на свою кисть. Она слегка распухла, а глубокая боль в боку заставила его поменять позу.

— Болит, Оуэн? — спросил Юлиан.

Ориент кивнул и медленно поднялся.

— Доброе утро, — сказал он сквозь зевок.

— Уже почти день. — Юлиан вскочил и выбежал в другую комнату, а когда вернулся, за ним со стаканом сока шла Санни.

— Привет! — Она уселась на край матраса и передала стакан Оуэну. Он выпил сок, а Санни нежно убрала его волосы со лба.

— Как ты себя чувствуешь?

— Думаю, что выживу, — потирая поясницу, пробурчал Ориент.

Санни осмотрела его запястье.

— Могло бы быть и хуже, — заключила она и показала свою руку: вся ладонь была испещрена короткими глубокими складками.

— Ты знаешь, что это? — спросила она. — Ручная граната!

Ориент покачал головой. Санни взяла пустой стакан и встала.

— Ты был в пекле.

Вдруг Юлиан вскрикнул:

— Мама, у Оуэна седые волосы.

— Не смейся над несчастными людьми, — прыснула Санни.

— Не беспокойся, Юлиан, — сказал Ориент. — Называй все своими именами. — Он посмотрел на Санни. — Помнишь голого короля и его невидимую одежду? И, кстати, об одежде: откуда у тебя этот наряд?

Санни улыбнулась. На ней были черные босоножки с длинными шнурками, завязанными выше колен, жилет изумрудного цвета с блестящими нитями, розовый шарф, повязанный вокруг головы в виде тюрбана, юбка в красных и желтых цветах.

— Мама — цыганка, — радостно объявил Юлиан.

— Сегодня утром, пока ты спал, я занималась делом. — Санни махнула рукой в сторону противоположной стены.

Ориент с трудом повернулся, так как сильная боль в пояснице затрудняла его движения. У стены стоял открытый обшарпанный деревянный сундук, а в нем — множество блузок, бус, платьев, шарфов, свитеров, жилетов и шляп. Рядом стояло много обуви.

— Это все мои вещи.

— Очень нарядные, — любезно заметил Ориент.

Какое-то время они смотрели друг на друга, потом Санни подошла к матрасу и села рядом.

— Если мы тебе мешаем, ты только скажи, Оуэн.

— Не в этом дело, — Ориент опустил глаза.

— Юлиан, — резко сказала Санни, — мы уходим, одевайся. — С этими словами она поднялась.

— Одну минутку. — Ориент взял ее за руку и усадил на постель. — Прежде чем что-либо предпринимать, выслушай меня внимательно.

— Ты хочешь сказать, мы входим в твои планы, не так ли? — ответила Санни спокойно. — Я все понимаю, и подробности меня не интересуют.

— Не то. Ты говоришь не то. — Ориент погладил ее по щеке. — Ты должна понять: я не могу давать волю чувствам... Я сначала должен найти себя.

Санни промолчала, но Ориент почувствовал, что она натянулась, как струна.

— Если ты останешься, — продолжал он, — значит, ты меня понимаешь и мы будем пока только друзьями.

Санни расслабилась и прижалась к нему.

— Тебе надо многое узнать обо мне, — сказала она мягко. — Ты знаешь, почему я перевезла сюда свои вещи?

Ориент покачал головой.

— Потому что нужна тебе, — сказала она сердито. — И, — она подняла простыню, разглядывая его обнаженное тело с грустью, — потому, что такие как ты мне очень нравятся. — С этими словами она вскочила на ноги и потащила простыню за собой.

— Почему бы тебе не принять душ? — предложила она. — А уже потом будешь искать себя. Мы уходим. У нас дела.

— Вы не ругаетесь? — с тревогой спросил Юлиан, когда Санни подошла к нему и стала помогать зашнуровывать ботинки.

— Нет, — ответила Санни. — Мы уходим, но вернемся. — Поживет пока с этим Оуэном.

Ванная комната находилась в середине коридора, ведущего в комнату Джокки, напротив небольшой кухни. Ориент нашел мыло, шампунь и начал мыться под горячей водой,

чередую ее с холодной. Потом он взял полотенце, обтерся и, обмотав его вокруг пояса, вернулся в комнату.

В комнате Ориент сел на край матраца и поискал в сумке свежую рубашку. Он решил, что купит новый прибор для бритья и необходимые вещи сегодня же: Сорди теперь нет рядом, и обо всем придется заботиться самому.

Роясь в сумке, он наткнулся на конверт, который Джокки швырнул ему прошлой ночью, и открыл его. Внутри было немного желтых сухих травинок. Ориент улыбнулся: Джокки — предусмотрительный хозяин. Затем он отыскал в своей одежде серебряный портсигар, подаренный Сорди, открыл его и вытащил листок папиросной бумаги. Высыпав траву на листок, скрутил тонкую сигарету. Закурил и, затягиваясь, стал внимательно изучать узор на коробке. Этот узор был его мандалой — особым медитационным узором, полученным от наставника Ку в последний день пребывания на Тибете. Ориент сделал попытку освободить свое сознание от всего, кроме запутанных в клубок образов. Он чувствовал, как расслабились мышцы шеи, и попробовал согнуть пальцы поврежденной руки, продолжая концентрировать внимание на нужном образе. По мере того, как работа сознания набирала силу, боль в руке стала утихать.

Ориент поднялся. Положив наполовину выкуренную сигарету в пепельницу, снял с себя полотенце, расстелил его на полу, сел, скрестив ноги, на полотенце и начал с простых физических упражнений. Сперва упражнения Янь — медленное и томное расслабление мышц тела. Он продолжал их до тех пор, пока тело не стало полностью послушным. Боль в боку еще какое-то время беспокоила, но и она поддалась его воле. Затем приступил к упражнениям Инь — для дыхания. Его управляемое дыхание согласовывалось с физическими движениями, создавая новый ритм, который отделял сознание от тела до тех пор, пока сознание воспарило над его плотью.

Спокойствие обволокло сознание подобно кашемировому платку, теплему, легкому и мягкому, выталкивая его своим ничтожным весом вперед, к свету.

К свету. К неугасающему излучению.

Ориент сделал глубокий вдох, и тело как был с легкостью раскрылось, разорвало невидимую паутину, мешающую двигаться.

И вот он уже там, парит в центре раскаленного добела сгустка всей земной сути.

Вот его генетический код. Уникальная форма его существования, прошлого, настоящего, будущего.

Он ощутил в себе одновременно тысячи смертей, рождений и жизней. Он был здесь, но одновременно везде, и парил над гладкой поверхностью чистого, живущего, а не отражающего света.

Ориент окунулся в этот свет, ощущая скрытые приливы и отливы Вселенной. Он находился в нем целую вечность, пока неутомимые потоки не вынесли сознание назад, к берегам мысли.

Тогда Ориент открыл глаза, приподнявшись, сел и сделал глубокий вдох. Затем пошевелил руками и ногами. Он чувствовал себя заново родившимся.

Ориент оделся и начал сворачивать новую сигарету, а в тот момент, когда он укладывал ее в портсигар, вошел Джокки.

— Ты знаешь, — сразу начал он, — с тех пор, как я впервые увидел тебя вчера в Центральном парке, у меня возникли очень странные ощущения.

— Да? Какие именно? — Ориент прислонился спиной к стене. Он знал, что его близость к потенциальному телепату вызывает в последнем определенные изменения, но не представлял, как вести себя в такой ситуации. Ему хотелось узнать побольше о Джокки, прежде чем начать обучать его приемам контроля за мысленными перевоплощениями: ведь в недобрых руках это может стать опасным оружием.

— В точности я не знаю, — ответил Джокки. — Я постоянно вращаюсь среди людей, у меня очень хорошее чутье, и я привык полагаться на свои инстинкты. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Ориент утвердительно кивнул.

— Я имею в виду, док, что я никак не могу понять тебя. Сюда, ко мне, каждый день приходит всякий сброд, пытаюсь найти немного травы, или просто бесцельно потолкаться, или же чтобы спрятаться от полиции. Но ты совершенно не похож на всех прочих. Ты вроде до чего-то докапываешься.

— Я не уверен, что правильно понимаю тебя.

Джокки сел и провел рукой по своим длинным волосам.

— Ладно, я имею в виду, что ты, кажется, не понимаешь, что происходит. — Он нетерпеливо махнул рукой. — Даже не то. Черт возьми, ты выбиваешь меня из колеи, док.

Ориент улыбнулся.

— Но, может быть, я смогу чем-то помочь?

— Да? Чем же?

— Я был не практикующим медиком, а скорее исследователем, — начал Ориент. Он вовсе не собирался вдаваться в подробности. — Мне не доставало контактов с людьми. Из-за большой занятости в лаборатории я не имел возможности быть с теми людьми, которым хотел помочь. Я был чем-то вроде робота.

Джокки кивнул:

— Пока что я тебя понимаю, док.

— Поэтому я отказался от всего этого и начал искать пути для общения с обычным человеком. Вот почему я оказался вовлеченным в эту драку.

— Скажи, док, — с нарочитым безразличием спросил Джокки, — как тебе удалось меня оттуда вытащить?

Ориент заколебался: он чувствовал, что подходящий момент для ответа на этот вопрос еще не наступил.

— Я вышел поискать свою сумку, — сказал он, — и случайно увидел тебя. Мне не оставалось ничего другого, кроме того, что я сделал.

Джокки пристально посмотрел на него, и Ориент понял, что рыжеволосого не убедил.

— Ладно. — Джокки медленно встал. — Все это было неожиданностью для меня. — И, направляясь в свою комнату, он шутливо ткнул Ориента в бок кулаком.

Ориент последовал за ним со словами:

— Это правда. Я не имел ни малейшего понятия о том, что из этого выйдет.

Джокки включил проигрыватель, поставил на него пластинку. Раздался высокий и резкий звук гитар.

— Я хочу еще кое-что с тобой обсудить. — Джокки присел на край стола. — У тебя есть какие-нибудь планы, док?

— Никаких. Но если мое пребывание здесь вместе с Санни и Юлианом не совсем удобно, я могу...

— Перестань, док. Я не об этом. Я только хочу расставить все по своим местам.

Ориент выжидающе замолчал.

— Послушай, док, — наконец заговорил Джокки, — какие у тебя средства?

— Средства?

— Деньги, док. Я думаю, что мы с тобой можем очень хорошо подработать.

— У меня около девяноста долларов.

Джокки нахмурился.

— Да, ты путешествуешь налегке. А как насчет того, док, чтобы поработать на меня?

— В каком качестве?

— У меня сейчас разные дела. Мне, например, необходим человек, чтобы навести порядок в моих контактах.

— А чем ты занимаешься? — заинтригованно спросил Ориент.

— Езжу, заключаю сделки. Что-то вроде устройства чужих дел. Но, в основном, я игрок. Карты, кости, спортивные пари. Я на этом делаю деньги, понятно? Но это еще не все. — Джокки придвинулся ближе. — Док, ты можешь считать меня сумасшедшим, но мне кажется, что у меня есть призвание. Я верю в энергичные действия. Это помогает мне крутиться и заниматься всегда чем-то новым. Я встречаю много интересных людей и думаю, что все это чего-нибудь да стоит. И

у меня есть принципы, док. Я не занимаюсь тем, что может кому-то навредить. Скажем, не вмешиваюсь в наркотики. Только честная игра.

Ориент отрицательно покачал головой.

— Думаю, что мне это не подойдет, Джокки.

— Послушай, док, послушай внимательно. — Джокки на миг остановился, и Ориенту показалось, что говорит он вполне искренне. — Подумай над моим предложением. Ты встретишь разных людей, завяжешь с ними контакты.

Ориент молчал.

— Ну, док, не держи меня в неопределенности. Если ты согласишься, я поучу тебя тому, что пригодится тебе в жизни большого города.

Ориент посмотрел на Джокки. Лицо рыжеволосого было искренним, и в его словах был смысл. Возможно, это шанс. По крайней мере, теперь.

— Хорошо, — согласился Ориент, — но при одном условии. Мне не надо никаких денег. Пусть это будет только поучительным экспериментом.

Джокки протянул руку.

— Док, вот тебе мое слово, что все будет именно так.

5.

В последовавшие за соглашением недели Ориент был полностью поглощен новыми делами и начал вести совершенно иной образ жизни.

По утрам он занимался физическими и дыхательными упражнениями и медитацией, а днем сидел у телефона и отвечал на звонки. По телефону же приходилось записывать ставки, а для этого ему было необходимо понимать условный код. В его обязанности также входило получать и доставлять конверты с деньгами или ставочными карточками.

Легализация подпольных ставок была частью того, чем занимался Джокки, и он часто об этом говорил. Ориент также заметил, что Джокки очень расточителен и непрерывно тратит деньги на женщин. Ориент был в курсе денежных поступлений, знал также, что они имели нелегальный источник. Рыжеволосый делал ставки на все спортивные соревнования, был завсегдатаем игр в покер. Он занимался еще какими-то делами, но не очень-то распространялся на эту тему, называя их «частными предложениями».

Санни и Юлиан вечером, после того как Ориент заканчивал работу, проводили долгие часы вместе с ним. Их разго-

воры в основном были ни о чем, но всегда доставляли ему радость. Ориенту нравилась независимость и убежденность в речах Санни: она была честной и рассудительной женщиной, которая никогда не теряла над собой контроль.

Именно по этой причине заподозрил Ориент что-то неладное, когда однажды Санни возвратилась очень рано и в подавленном настроении.

— Что-то случилось? — спросил Ориент, отрываясь от работы.

— Я не понимаю жизни, Оуэн, — со вздохом ответила Санни и тяжело опустилась на матрац.

— Что ты имеешь ввиду?

Санни опять вздохнула.

— О, я встретила свою старую подругу. Она выглядит ужасно. Когда я попыталась заговорить с ней, то она начала нести какой-то бред. У меня от этого очень странный осадок. Ты не мог бы поговорить с нею? Я рассказывала ей о тебе.

— Она больна? — спросил Ориент.

— Бетси — плохая леди, — пропел Юлиан, пуская по полу игрушечный грузовичок.

— Может, она действительно больна? — предположила Санни. — Но я думаю, за этим что-то кроется. Уж очень быстро она сдала. Бедняжка просто тает на глазах. Она похудела уже на восемь килограммов.

— Она плохая, — повторил Юлиан.

— Не говори так о людях, Юлиан, — наставительно проговорила Санни. — Я давно знаю Бетси, она всегда была славным человеком. — С этими словами она посмотрела на Ориента. — Примерно два месяца назад она начала жить в какой-то коммуне. Может быть, это результат их влияния? Она выглядит отрешенной. Словно полусумасшедшая.

Ориент отложил в сторону свои таблицы и взглянул на Санни. Ее обычно веселое личико выглядело озабоченным.

— Я пойду и поговорю с ней, если ты считаешь, что это необходимо.

— Спасибо, Оуэн, — мягко сказала она. — Эта коммуна здесь недалеко. Почему бы нам не пройти туда, чтобы ты сам все увидел? Возможно, я преувеличиваю.

Когда Ориент, Санни и Юлиан прибыли в штаб-квартиру коммуны, то стало очевидным, что Санни беспокоилась не напрасно. Входная дверь и окна были закрашены так, чтобы нельзя было заглянуть внутрь. Когда Санни постучала в дверь, ей открыл худой светлородый парень.

— В чем дело? — спросил он, злобно оглядев Санни.

— Нам нужна Бетси, — ответила та.

Парень закрыл дверь.

— Странно, — заметил Ориент.

— Вот это-то меня и беспокоит, — ответила Санни. — Обычно члены коммуны очень дружелюбны и гостеприимны.

В этот момент дверь вновь открылась. Появилась тощая девушка в грязном белом платье. Ее длинные волосы были собраны в хвостик, а под глазами темнели большие синие круги. Но, несмотря на то, что выглядела она будто уморенной голодом, от нее исходила какая-то особая энергия.

— Привет, Бетси, — улыбнулась Санни. — Я привела Ориента. Ничего, если мы войдем?

Бетси посмотрела на Ориента так, будто он был неодушевленным предметом.

— Думаю, что ничего. Почему бы и нет? Входите.

Санни протянула руку, чтобы взять Юлиана, но тот вдруг резко подался назад.

— Нет, — закричал он, — я не хочу заходить. Мне там не нравится.

Ориент был удивлен его поведением: в глазах Юлиана было упрямство, маленькие кулачки сжаты, ноги напряжены — сделай шаг к нему, и он умчится прочь быстрее ветра.

— Я хочу домой, — кричал он. — Я не люблю Бетси.

— Ты — маленький негодник, — произнесла Бетси. Казалось, и она была поражена поведением Юлиана.

— Извини, Бетси, — сказала Санни. — Юлиан, наверное, переутомился.

— Может быть, ты прогуляешься с ним? — предложил Ориент. — Увидимся позже.

— Думаю, это самое лучшее, — согласилась Санни и посмотрела на Бетси. — Я найду к тебе позже, когда Юлиан успокоится.

— В любое время, — равнодушно ответила Бетси.

— Ну, заходи, — сказала она Ориенту, беря его за руку.

Внутри было темно и сыро. Они вошли в грязную, плохо освещенную комнату. Матрацы, расстеленные вдоль стены, были рваные, в пятнах. На полу пыль, а в углу — груды немытой посуды. В конце комнаты была дверь, прикрытая бархатом. Парень, который открывал им дверь, сидел возле этой двери и о чем-то говорил с двумя совсем молодыми девушками. На Ориента никто не обратил никакого внимания.

— Это Тор, — прошептала Бетси.

Ориент огляделся.

— Вы что, Бетси, все здесь живете? — спросил он.

— Послушай, Оуэн, Санни тебя обманула. Я больше не Бетси.

Ориент понимающе кивнул. Он уже знал, что в подобных коммунах все получают новые имена.

— Как мне тебя называть?

Она с гордостью произнесла:

— Кали.

— Хорошее имя, — одобрил Ориент, но в глубине души насторожился: такое имя имело для него особое значение.

— А что касается твоего вопроса, — произнесла Кали, — нет, я не живу здесь. И никто не живет. Раньше жили, а теперь здесь стало слишком тесно. Очень многие хотят присоединиться к нам. — Тут она посмотрела на Ориента и улыбнулась. — Я живу через улицу.

— Ты хочешь сказать, что работаешь здесь? — С этими словами он осторожно высвободил руку.

Она отрицательно покачала головой.

— Мы начинали как коммуна, но теперь стали чем-то другим. Я покажу тебе другое помещение. — Она повела его в соседнюю комнату.

Удивительная чистота ее резко контрастировала с прихожей. Пол был покрыт кафелем, а стены черным блестящим лаком. По всему полу валялись бархатные подушки невероятных расцветок.

— Ну, что скажешь? — спросила Кали. — Великолепно, не так ли?

— Что это за комната? — спросил Ориент.

— Она для особых людей. Та, — Кали кивнула на прихожую, — для рабов. Вроде тех двух подростков, разговаривающих с Тором.

— Рабов? — переспросил Ориент.

— Я имею в виду, что девочки выполняют всякую работу для Сообщества. В него входят всего несколько человек. Я уже почти член этого Сообщества. Рабам здесь находиться нельзя. Только убирать или получать задание. Иногда они, правда, присутствуют на обрядах.

— А почему позволено мне? — спросил Ориент. Все происходящее начинало приобретать какой-то непонятный смысл.

— Потому что ты — особый, — сказала Кали. — Я сразу это почувствовала. Ты понравишься Грегори.

Ориент хотел узнать, кто такой Грегори, но раздался какой-то звук. Повернувшись, он увидел вошедшую в комнату обнаженную девушку, следом за которой шел невысокий, одетый во все черное, бритоголовый худой парень.

— Останови ее, — приказал худой Кали, кивком указывая на обнаженную.

Кали преградила девушке дорогу, схватила ее за руку. Девушка не сопротивлялась: она закрыла глаза и, вся дрожа, остановилась.

— Все хорошо, — произнес парень низким приятным голосом. — Все закончилось.

С лица девушки спало напряжение, и тогда Кали отпустила ее руки и отступила в сторону. Девушка открыла глаза.

— Все закончилось, — повторил парень. — Расслабься и выйди в другую комнату.

Девушка помедлила, посмотрела на Кали и Ориента, повернулась и направилась к выходу. Когда она выходила, Ориент заметил в другой комнате белый стол, над которым висела семиконечная звезда.

— Извини, но я не знаю твоего друга, Кали, — сказал, улыбаясь, парень.

— Это Оуэн, — с почтением в голосе произнесла Кали. — Я желаю представить его Сообществу.

— Зачем? — спросил парень.

Кали опустила глаза.

— Я чувствую у него сильную вибрацию.

Бритоголовый внимательно посмотрел на Ориента.

— Да, — сказал он наконец, — очень хорошо, Кали. Ты становишься более восприимчивой. Думаю, что ты не ошиблась в нем.

— Привет, Оуэн, — обратился он к Ориенту. — Меня зовут Грегори. Извини, если моя жена тебя напугала. Она очень возбуждена. Ты понимаешь меня?

— Думаю, что не совсем, — ответил Ориент.

На какой-то миг лицо бритоголового помрачнело, но затем стало задумчивым.

— Айзис очень много работала с теми, кому нужна ее помощь. Но я не знаю, что Кали уже успела тебе рассказать.

— Почти ничего. Мне просто стало интересно, и я попросил Кали показать мне вашу коммуну.

Грегори понимающе кивнул и начал:

— Наше Сообщество предназначено для высших сил. Если тебе хочется увидеть все своими глазами, приходи сегодня вечером. В одиннадцать. Мы обычно не посвящаем в свои дела новичков, но Кали права — твоя вибрация очень сильна. И мы можем научить тебя, как ею пользоваться.

— На улице какая-то девушка спрашивает Оуэна, — произнес стоящий у двери Тор, но Грегори не отвел глаз от Ориента:

— Думаю, мы еще увидимся, — сказал он и вышел из комнаты.

— Надеюсь, Айзис не испугала тебя? Она такая нервная последнее время. Правда, Грегори держит ее в руках, — сказала Кали, когда они выходили из комнаты.

— Уверен, что это у него получается. Он, несмотря на свой возраст, очень способный.

— У Грегори нет возраста. Он — проявление сил Вселенной, — ответила на это Кали.

— Постарайся прийти, — продолжала она. — Грегори видел, что я сделала, и ты даже не подозреваешь, что теперь у тебя внутри.

Ориент хотел было отказаться от приглашения, но, решив все-таки побольше узнать про Грегори и Сообщество, спросил:

— Ты не знаешь, где я могу достать немного «бодрости»?

Кали улыбнулась и ответила, что в их Сообществе никто наркотики не принимает. Грегори показал им, как можно обходиться без этого зелья.

— Спасибо и на этом, — сказал Ориент, — увидимся вечером.

— Ты не пожалеешь, — прошептала Кали в ответ.

На улице Ориента ждала Санни.

— Ну и что ты узнал? — спросила она, как только он подошел.

— А где Юлиан? — вопросом на вопрос ответил Ориент.

— Я отвела его домой. С ним Джокки. Я не знаю, что с ним приключилось, — обычно он такой хороший.

— У него тоже есть свои «нравятся» и «не нравятся», — предположил Ориент, — как и у всех. — Он обнял Санни за плечи.

— Ну, что Бетси? — вновь спросила Санни. — С ней все в порядке?

— Думаю, тебе не стоит беспокоиться о Бетси, — сказал Ориент. — Она не принимает наркотиков и, за исключением некоторой худобы, вполне здорова. — Говоря это, он вспомнил дергающееся лицо жены Грегори и решил, что ему просто необходимо посетить вечером Сообщество.

— Ну, наконец ты хоть что-то сказал. — Санни взглянула на Ориента и улыбнулась. — Мне кажется, что у Бетси проявился к тебе интерес.

— Она просто помешана на рискованных людях, — пожал плечами, ответил Ориент, но в глубине души ему было приятно.

Они уже пришли к дому, а Ориент все еще продолжал думать о том, что увидел. Тор, Кали, Айзис, рабы. Все вместе это имело определенный смысл. Он был уверен в том, что Сообщество действительно обходится без наркотиков, но если причиной странного поведения Айзис были не наркотики, то это были или шизоидно-параноидальные видения, или...

— Посмотри-ка на это, — вдруг вскрикнула Санни. — Джокки, чем это вы занимаетесь? — С этими словами она влетела в комнату, а Ориент увидел, что Джокки и Юлиан стоял на полу на коленях: Джокки показывал мальчику, как вбрасывать игральные кости.

Санни подхватила Юлиана на руки.

— Мне совсем не нравятся такие уроки, — с упреком произнесла она.

— Я просто показывал новую игру и вовсе не собирался делать из него игрока, — оправдываясь, ответил Джокки.

— Я сделал три хода, и Джокки дважды проиграл, — с гордостью объявил Юлиан.

Джокки поднялся с пола и спросил:

— Итак, док, как наши дела?

— На сегодня наш банк — плюс шесть тысяч семьдесят четыре доллара. — Ориент вытащил из кармана листок и передал его Джокки. — В ставках на воскресенье у нас одиннадцать тысяч девятьсот долларов. Если все пройдет нормально, то на этой неделе у тебя будет много денег.

Джокки уставился на листок.

— Одиннадцать тысяч? — прошептал он. — Откуда так много?

— Один из твоих друзей, Фрэнк, поставил семь тысяч на баскетбольную встречу.

— Фрэнк? — в голосе Джокки послышалось волнение. — Тебе не следовало брать эти деньги, док.

— Почему?

Джокки покачал головой.

— Не могу сказать тебе всего, но когда Фрэнк ставит большие тысячи, он берет банк. Он, наверное, что-то знает. — С этими словами Джокки начал быстро ходить по комнате.

Ориент подождал, пока тот не собрался с мыслями.

— Ничего не поделаешь, придется переиграть. У нас есть еще три часа.

Ориент пытался вникнуть в суть системы Джокки, с помощью которой тот собирался сохранить банк, но его отвлекло воспоминание об обнаженной девушке Айзис. Он терпеливо слушал Джокки, но его сознание постоянно возвращалось к недавно увиденному. И при этом в голову приходили одни и те же мысли.

— Так, все в порядке, — произнес Джокки, после того как битый час просидел на телефоне.

Ориент почувствовал облегчение: он не хотел опаздывать на встречу с Грегори.

Вдруг зазвонил телефон, и, пока Джокки вел разговор, Ориент вышел в другую комнату. Юлиан спал, а Санни сидела возле его кровати и читала. Оторвавшись от книги и улыбнувшись, она сказала:

— У тебя много работы?

Ориент кивнул:

— Это цена неопытности. Мне необходимо уяснить кое-какие вещи. Не жди меня.

— Хорошо. Не забудь только взять с собой что-нибудь поесть. В этот момент в комнату с победным видом влетел Джокки:

— Я все уладил. Той игрой мы уже не занимаемся.

— Чисто сделано, — с наигранной заинтересованностью ответил Ориент.

Направляясь в коммуны, Ориент подумал, что, возможно, он слишком преувеличивает значение «Сообщества» Грегори. Хотя, с другой стороны, вряд ли. Тор — жрец грома, Айзис — жрица света, Кали — жрица разрушения. Весь набор ритуальных имен. И семиконечная звезда Вавилона. Все это вместе говорит только об одном: о манипуляциях с потусторонними силами.

Подобные размышления несколько его озаботили. Раньше все свои усилия он сосредотачивал на телепатии, которую понимал, как формальную науку. Но, находясь на Тибете, он, помимо всего прочего, усвоил систему действий для подключения потусторонних сил. Причем — достаточно полно для того, чтобы понять, что физической энергией следует пользоваться очень осторожно. Возможно, сегодня, он увидит жертвоприношение, хотя, вероятнее всего, Грегори и его окружение увлекаются какими-то безвредными ритуалами.

Тут он вспомнил, как дрожала жена Грегори, пытаясь произнести хоть слово, и им овладела тревога.

Перед зданием не было никого. Неподалеку стояли два лимузина с водителями, явно бывшие тут ни к месту. Ориент пересек улицу, подошел к дому и попытался открыть дверь. Она была заперта. Постучал. Никакого ответа. Он постучал сильнее. Дверь открыл Тор.

— Ну? — произнес он с явным неудовольствием.

— Меня позвонил прийти Грегори.

Тор, пропуская Ориента, отошел в сторону. Прихожая была битком набита девочками-подростками, которые оживленно с чем-то болтали. Все они были очень похожи: одинаковые длинные волосы, джинсы, одинаковые выражения лиц.

— В следующую комнату, — произнес Тор.

Здесь было многолюдно, а собравшиеся выглядели значительно солиднее. Их было около десяти, всем — за тридцать. Любой из них мог быть владельцем одного из лимузинов на улице. Кто стоял, кто сидел на подушках, и все были слегка возбуждены.

— Я познакомилась с Грегори и Айзис в прошлом месяце и теперь ничего без их совета не делаю, — услышал Ориент голос какой-то женщины.

Он посмотрел на говорящую. Она была худой, стареющей леди в бриллиантах. Ориент прикинул, чем Грегори мог привлечь такую женщину, но заметил, что к нему приближается девушка в белом платье. Он узнал ее только тогда, когда она оказалась совсем рядом. Кали совершенно преобразилась: она как бы светилась изнутри, а от ее кожи исходил тонкий запах духов.

— Я так рада, что ты пришел, — сказала она и взяла его под руку. — Сегодня у меня великий вечер.

— Ты великолепно выглядишь, — заметил Ориент.

В ответ Кали улыбнулась:

— Я целых три месяца очищала себя, и сегодня я готова.

— К чему?

— Сегодня меня вводят в Сообщество.

— Объясни получше, — произнес Ориент. — Я все еще не совсем понимаю.

— Да ты и не можешь, — засмеялась Кали. — Но я сказала тебе все, что было можно. Последняя неделя каждого месяца — время встреч. В это время мы помогаем людям. Если Грегори разрешит, то тебе будет позволено посетить три периода — это девять встреч. После этого ты будешь представлен Сообществу.

— А как же рабы?

— Они, конечно же, хотят вступить в Сообщество, но еще не готовы даже посещать встречи. Поэтому прислуживают до тех пор, пока не созреют для очищения. Но если Грегори увидит, что кто-то обладает столь огромной вибрацией, как, например, ты, то такого человека приглашают. Если Грегори согласится, то сразу после первой встречи ты сможешь начать свое очищение.

Ориент улыбнулся.

— А что происходит, когда вступаешь в Сообщество? — Ему еще не верилось в происходящее, все вокруг напоминало какой-то тайный студенческий клуб.

— Сегодня ты все увидишь сам, — ответила Кали.

— А собравшиеся здесь, они тоже будут вступать?

— Некоторые. Большинство же надеются получить благословение от Грегори и Айзис.

Ориент помолчал. Он знал, что в каждом городе, в каждой стране есть люди, посвятившие себя изучению потусторонних сил, общению с ними. И большинство из них — обманщики. Здесь же — что-то совсем иное. Эти мужчины и женщины не походили на тех простачков, которые станут тратить свое время на детское увлечение.

— Три месяца не могла ни мыться, ни чистить зубы, ни причесываться, не могла ничего, — продолжала Кали. — Так проходило мое очищение. Грегори отметил, что я была очень усердна.

Звук гонга прервал ход мыслей Ориента. В комнате заволоновались.

— Увидимся позже, — прошептала Кали и направилась к стоявшему в конце комнаты Тору.

Тор поднял руку и потянул за шнур: шторы раздвинулись и все увидели Грегори.

Грегори стоял у белого столика, черная семиконечная

звезда висела прямо над его головой. На его шее был перевернутый крест.

— Приветствую вас, — произнес он глухим голосом.

В этот момент Ориент подумал о том, что Кали была права насчет возраста Грегори. Его возраст определить было не просто. У него была чистая, гладкая кожа, а такое хрупкое тело могло быть только или у шестнадцатилетнего юноши или у шестидесятилетнего старца. Его голос звучал мелодично, круглые, светлые глаза излучали вечную мудрость.

— Сегодня мы встречаемся для того, чтобы почтить великие и таинственные силы Вселенной, — произнес Грегори и оглядел комнату. — Пожалуйста, устраивайтесь поудобнее!

Все уселись на разбросанные по полу подушки, а Ориент, скрестив ноги, опустил прямо на пол.

— Те, у кого есть особые просьбы, выходите вперед, — изрек Грегори.

Две женщины и мужчина поднялись, подошли к столу и положили на пол возле него конверты. Ориент заметил, что конверты были положены с внешней стороны черного круга, в котором стоял столик. Он также обратил внимание на то, что Грегори находился в самом центре этого круга, и ему стало все ясно. Сомнений не осталось: Грегори пытался совершить тайный обряд.

Грегори поднял руку над головой и прокричал:

— Айзис, выходи!

В комнату медленно вошла жена Грегори. Она была во всем белом. В этот момент она совсем не походила на ту испуганную женщину, какой видел ее Ориент днем. Подойдя к границе круга, она сбросила с себя покрывало, обнаженная, села на столик.

— Айзис готова служить тебе, — слышали все ее голос.

Кали подошла к столу с белым голубем в руках, передала птицу Грегори, а затем отступила к стене.

Держа голубя на уровне груди и успокаивая его легким поглаживанием, Грегори начал:

— Силой и словами Повелителя, Повелителя Силы, я вызываю тебя...

Его слова заставили Ориента насторожиться.

— Астарос, Астарос, я вызываю тебя священными словами Элоим, Сабаот и Иа. — Голос Грегори четко звучал в тишине комнаты. Он поднял голубя над головой Айзис.

— Астарос, пояись же и выполни наши желания! — И тут он почти незаметным движением пальцев свернул голубую шею.

— Астарос, выйди же, — шепотом повторил Грегори.

Неожиданно Айзис напряглась. Ее руки резко вытянулись вперед, кулаки сжались. Грубый, почти мужской рев заро-

дился где-то у нее внутри и вырвался сквозь ее губы. Затем послышались слова:

— Я пришел.

Кали и Тор при известии о прибытии Астароса начали стонать и делать ритмические движения из стороны в сторону.

— Ты примешь наши просьбы? — спросил Грегори.

На какой-то миг стало тихо, а затем от Айзис начало исходить неясное бормотание, которое закончилось словами:

— Миссис Берри.

Одна из положивших конверт женщин подняла руку со словами: «Здесь».

— Вы должны подписать контракт, о котором спрашивали. Это вам поможет.

— Спасибо, Айзис, — ответила женщина. — Спасибо, Астарос.

У Айзис начали дергаться плечи. Положив руку ей на шею, Грегори прекратил эти судорожные движения.

— Мистер Крамер, — продолжала Айзис.

Мужчина, услышав свое имя, вздрогнул от неожиданности. Айзис замолчала, потом задрожала, а руки начали двигаться назад, к ее телу, причем кулаки не разжимались. Когда из нее опять стали исторгаться звуки, то они напоминали переходящий в крик шепот.

— Артур, это я, Агнесса.

Мужчина с трудом поднялся на ноги.

— Агнесса, ты жива? — едва выдавил он из себя.

— Смерти нет, есть — движение. — Как бы через препятствие слова прорывались через губы Айзис. — Должна быть вера.

— Но завещание, Агнесса? — сделав шаг вперед, быстро проговорил мужчина.

— Ты найдешь его на чердаке. Оно — в моем сундуке. Должна быть вера, Арт... — Тут наступила тишина, а руки Айзис снова вытянулись вперед, а сама она начала нагибаться взад-вперед.

Мужчина растерялся, затем начал что-то говорить, но в этот момент изо рта Айзис вырвался страшный рев. При этих звуках Кали начала трястись, потом рыча и двигая ртом, как животное, которое отрывает мясо от костей, повалилась на пол. Тор в таком же исступлении катался по полу рядом с ней.

По комнате словно прошел заряд электричества, и Ориент почувствовал, как волосы его поднялись. Все в комнате замерли от нечеловеческого страха, но Ориент сумел увидеть, что Грегори запрокинул назад голову, произнося какие-то магические слова, а Айзис, начав истерически плакать, упала на пол без сознания.

Яркая вспышка осветила звезду над столом, и все замерло.

В наступившей тишине Тор, как ни в чем не бывало, встав на ноги, потянул за шнур: Грегори и Айзис скрылись за полотном.

Ориент направился к Кали, но та уже пришла в себя.

— Ты в порядке? — спросил ее Ориент, замечая, что Кали вся мокрая от пота.

— Все великолепно! — Кали утвердительно кивнула. — Я прихожу в восторг, когда Грегори вызывает Астароса. Это поглощает меня полностью.

Ориент ничего не ответил. По возбужденным репликам присутствующих он понял, что все они пришли в экстаз от виденного. Он же ощущал только страх и подавленность.

Полотно опять раздвинулось, и в комнату вышел Грегори.

— Одно из трех желаний осталось без ответа, — произнес он. — Прошу прощения, но Айзис очень переутомлена. Если вы пожелаете, мы окажем вам личную консультацию. Через два дня состоится еще одна встреча. Благодаря всех за посещение.

Основная масса присутствующих направилась к двери, хотя некоторые задержались в надежде переговорить с Грегори.

— Увидимся позже, — прошептала Кали Ориенту и пошла дежурить у двери.

Ориент приблизился к группе, окружившей Грегори. Он явно недооценил его — этот парень мог управлять значительным количеством энергии.

— Это самое потрясающее из того, что я когда-либо видел, — говорил мужчина, только что общавшийся со своей умершей женой. — Я совершенно забыл о сундуке. Никто больше и не мог знать о нем. Просто фантастика!

— Я рад, что мы оказали вам услугу, — ответил Грегори.

— А что с Айзис? — спросила одна из стоявших рядом с Грегори женщина.

— Моя жена переутомилась, но через несколько минут она будет в порядке, — уверил ее Грегори.

Ориент, набравшись терпения, дождался, пока Грегори управится с гостями. Он хотел еще многое узнать, но было бы глупо торопить события.

— Привет, Оуэн, — наконец мягко произнес Грегори. — Рад, что вы пришли.

Ориент заставил себя улыбнуться.

— Спасибо за все. Это было просто потрясающе.

Грегори, изучая Ориента, медленно кивнул в ответ.

— Теперь вы видите, что сила Сообщества может вам пригодиться?

— Думаю, что да. У меня никогда ничего подобного не получалось. Это очень тонкое управление силой энергии.

— Да, — с гордостью произнес Грегори. — Я не сомневался — вы очень чувствительны.

— Вы провели ритуал согласно Гонориусу? — внешне спокойно спросил Ориент.

И тут же глаза Грегори стали жесткими, а на его гладко-выбритом черепе запульсировала жилка.

— Я не совсем в этом уверен, — пробормотал он. — Я и моя жена развивали свои способности в Калифорнии. Там же мы открыли для себя, что Астарос — это доброта и жизнь. — За тонкой улыбкой Грегори чувствовался холод. — Мне пора навестить жену. Спокойной ночи, Оуэн. — С этими словами Грегори повернулся и исчез за полотном.

Ориент понял, что Грегори сказал неправду. Астарос не был добром. Грегори же знал, как вызвать физическую энергию, но это была негативная энергия: его энергия и энергия его жены имели явно сатанинское происхождение. Ориент направился к выходу. Он был уверен, что подобный вызов Астароса описан в Книге Гонориуса Ш — оккультиста, ставшего затем Римским Папой. Возможно, Грегори понял намек Ориента и, если это так, все может принять нежелательный оборот.

— Это было превосходно, не так ли?

Ориент повернулся и увидел Кали. В руках у нее была деревянная чаша, наполненная деньгами. Среди зеленых купюр Ориент увидел и бриллиантовое кольцо.

— Неплохая прибыль, — заметил он.

— А что? — Кали поставила чашу на пол. — Пока они нам нужны, но очень скоро мы сможем обходиться без денег. — Она повела Ориента к выходу. — Есть более важные дела, например — я и ты.

— По-моему, я под слишком большим впечатлением от увиденного, — сказал он, остановившись у двери.

Кали протянула руки и дотронулась до его щек.

— Я понимаю, — нежно ответила она. — Со мной было то же самое на первой встрече.

— Но мне бы хотелось, — продолжал Ориент, — еще раз увидеться с Грегори. У тебя есть его телефон?

Кали протянула ему голубую визитную карточку.

— Не давай никому этот номер. Увидимся через два дня.

— Я буду ждать с нетерпением, — ответил Ориент.

Когда он вышел из дома, улица уже была пуста. Ориент не торопился, давая мозгу немного расслабиться. Кали и ее друзья используют очень могучие силы. Грегори и Айзис вызывают энергию Астароса при помощи жертвоприношения. Сегодня это был голубь, но Ориент знал, что еще несколько стадий — и в жертву принесут человека: Астарос потребует большей платы за услуги, а Грегори, похоже, ему не откажет. Грегори и Айзис ошибаются, полагая, что контролируют вызываемого духа. Как раз все наоборот: Астарос контролирует их, они полностью находятся в его власти. Ориент также знал, что если такие встречи продлятся еще некоторое время, это

затронет многих ни в чем не повинных людей. Он глубоко вздохнул и попытался отвлечься от своих подозрений.

Первым его желанием было помочь Грегори и Айзис, освободить их, но он осознал, что недостаточно к этому готов. Ведь контроль должен быть совершенным, а он не был еще уверен, что сможет его осуществить.

И, кроме того, есть еще что-то, что делает его желание помочь им бесплодным: Грегори и Айзис сами не хотели освободиться от объятий Астароса.

6.

Управляться с делами Джокки было нетрудно. Правда, на это уходило много времени. А Ориента постоянно волновало то, что он увидел у Грегори. Он попытался сосредоточиться на работе, но ничего не получалось. Тогда он снял трубку телефона, лег на постель и уставился в потолок.

Санни и не подозревала, насколько тонко она все почувствовала. Друзья Кали выражали восторг, который переходил в какое-то сумасшествие. Они были настолько увлечены способностью «управлять» Астаросом, что не думали о собственной безопасности. Одержимость Грегори и Айзис могла привести к трудно предсказуемым последствиям: они могли или не полностью произнести заклинание, или упустить какую-нибудь деталь в создании защитного круга. Многие совершают подобные ошибки. Каждый, кто обращается к потусторонним силам, должен предпринять все меры предосторожности. Последствия небрежности могут быть самыми разными: повреждения, сумасшествие, даже смерть. Астарос теперь жил в Грегори и его жене, а, если чествования будут продолжаться, то и каждый участник встреч рискует оказаться в его власти.

Но возможна и другая трактовка, которая не давала Ориенту покоя: Грегори и Айзис не предприняли никаких мер предосторожности потому, что просто не хотели этого. Они несомненно желали, чтобы Астарос ими завладел, и, видимо, что-то глубоко личное заставило их поклоняться Злу.

По спине Ориента пробежал холодок, когда он вспомнил жертвенного голубя. А эти рабы...

Он достал голубую визитку и набрал номер Грегори.

— Алло.

Голос на другом конце провода показался знакомым.

— Кали?

— Да, кто это? — В голосе Кали слышалось нетерпение.

— Оуэн.

— А, привет. Что случилось?

— Мне бы хотелось договориться о встрече с Грегори. Личная консультация.

— По-моему, у него уже все расписано на ближайшее время, торопливо ответила Кали.

«Уж больно быстро», — подумал Ориент.

— На завтра ничего нет?

— Очень жаль, но до конца недели он уже занят. А затем его не будет несколько месяцев.

— Какая у него плата?

— Дорого, сто долларов.

— Я дам ему пятьсот. — У Ориента не было денег, но он не думал, что ему придется выкладывать эту сумму. Что-то в поведении Кали говорило о том, что он не попадет к Грегори ни за какие деньги. И он оказался прав.

— Извини, Оуэн. У Грегори уже все расписано.

— Хорошо, тогда увидимся через два дня, на следующей встрече.

— Не думаю, Оуэн. — Голос Кали стал каким-то отрешенным. — Грегори решил больше не проводить открытых встреч.

— Но мне действительно это важно. Могу я с ним поговорить? настаивал Ориент.

— Извини, но не сейчас. Почему бы тебе не позвонить через несколько недель? — И она повесила трубку.

Ориенту стало ясно, что Кали теперь будет избегать встречи с ним. И не трудно было понять почему: Грегори что-то заподозрил, когда Ориент упомянул Гонориуса, и приказал Кали его отвести. Да, теперь до Грегори добраться почти невозможно.

Но опасность того, что кто-нибудь еще в Сообществе станет жертвой Астароса, увеличивалась с каждым днем! Ориент поднялся и начал ходить по комнате. Ему надо любым путем встретиться с Грегори и Айзис. И тут он громко вздохнул, осознав, что это еще не все. Ведь придется их убеждать, что он хочет им помочь. А сделать это очень сложно. Их следует чем-то ошарашить. У него в голове начал вырисовываться план. Сперва он отбросил его как невыполнимый, но затем вернулся к нему снова. Он вспомнил о Сибелле: одному ему все равно не справиться, если она согласится, то у него будет шанс.

Ориент набрал номер Сибеллы и на этот раз на другом конце провода раздался живой и энергичный голос.

— Говорите, — слышалось из трубки.

— Дорогая моя Сибелла, ты все такая же, — начал Ориент и услышал радостный возглас.

— Оуэн! Ты вернулся? С тобой все в порядке? Где ты?

— Я здесь, в городе. Извини, что не позвонил раньше — был занят. Я могу тебя увидеть?

— Попозже.

— Сейчас.

— К чему такая спешка?

— Это безотлагательное дело, и все это трудно объяснить по телефону.

— Хорошо. Я жду. Приходи.

Ориент почувствовал некоторое облегчение после этого звонка. С помощью Сибеллы его план имеет определенный шанс на успех, но, перед тем как отправиться к ней, необходимо было сделать кое-какие покупки. Он написал записку Санни и Джокки, затем составил для себя список необходимого. Все должно быть проверено до мелочей. Другой возможности у него уже не будет.

Закончив приготовления, он вышел из дома, поймал такси и начал действовать. Сначала он поехал в фармацевтический магазин, затем отправился в универмаг на Боуверистрит. Когда все покупки были сделаны, он назвал водителю адрес Сибеллы.

Пока они ехали, Ориент обдумывал детали своего плана. Его не назовешь невыполнимым, но он может расстроиться в любой момент. Если Грегори и Айзис не захотят принять Сибеллу частным образом, то все сразу же и закончится. А выбрал он именно Сибеллу по двум причинам: она была профессиональным медиком и очень хорошо вникала в суть происходящего.

Ориенту было трудно соглашаться с умными женщинами, но о Сибелле он знал, что в трудный момент на нее можно положиться. К тому же у нее в квартире была комната, которая очень подходила для подготовки его планов.

Сибелла жила на первом этаже трехэтажного дома. Когда Ориент позвонил, она заговорила с ним еще до того, как полностью открыла дверь.

— Оуэн! Как долго тебя не было. Я знала, что ты свяжешься со мной. Я чувствовала это. Никто не знал, где ты. Одни только догадки. Заходи же, заходи, — тараторила она. — Заходи же, ради Бога, — повторила она, пропуская Ориента в дом. — Где это ты был? — Она привстала на носки и подставила губы.

— Я рад видеть тебя все такой же, — поцеловав Сибеллу, произнес он.

— Ты имеешь в виду, что я такая же толстая, как и всегда? Что-нибудь выпьешь? Или у тебя режим? Садись же, садись. И — рассказывай.

С этими словами она начала наполнять стаканы.

— Почему ты продал свой прекрасный дом? И где ты был?

— Занимался исследованиями и был очень занят, — проговорил Ориент извиняющимся тоном. — Но я очень рад видеть тебя такой красивой. Как твои дела?

— Не очень. Я бы разбогатела, если бы выступала по те-

левидению и печатала свои прогнозы в журналах. Но я предпочитаю камерную обстановку. — Она подошла к Ориенту и подала стакан. — Выпей, тебе это не повредит.

Когда Ориент выпил, она спросила:

— Ну как, по-моему, это лучше, чем в баре?

Ориент согласился. Он хорошо знал, что с Сибеллой лучше не спорить.

— Ну, а теперь, что все это означает? — спросила Сибелла, усаживаясь в кресло. — Почему ты хотел видеть меня прямо сейчас?

— Сначала я спрошу у тебя кое о чем, — сказал Ориент. — Ты слышала что-нибудь о двух медиумах, о Грегори и Айзис?

— Конечно, о них все говорят. Но я думаю, что ты разочаруешься в их профессионализме. Просто они очень дерзкие.

Ориент рассказал ей о том, что видел прошлой ночью, описал странные конвульсии Айзис и обряд вызывания Астароса.

— Мне это не нравится, — с серьезным видом заметила Сибелла и сделала глоток. — Это смахивает на вещи, с которыми мне не хотелось бы связываться.

— Почему?

Сибелла внимательно посмотрела на него.

— Ты знаешь не хуже меня, что вызов физической силы через жертвенный обряд может привести к осложнениям.

— Вот почему мне бы хотелось, чтобы ты попала к ним для частной консультации. А насчет осложнений... Я думаю, что они уже имеют место.

— Ты думаешь, что они во власти Астароса? — Ее глаза расширились от ужаса. — Действительно?

Ориент кивнул.

— Именно так мне и показалось. Я хотел выяснить подробности, но они отказались от встречи. Они очень подозрительны. Вот поэтому мне нужна твоя помощь.

— Для чего?

— Хочу попробовать изгнать Астароса, — медленно произнес Ориент.

Сибелла молчала, а Ориент не торопил ее с ответом.

— Если они очень подозрительны, то не позволят тебе ничего с собой сделать, — произнесла она.

— Да, это так, — ответил Ориент. Он наклонился, достал из своей сумки маленький пузырек и передал его Сибелле. — Одной таблетки на стакан воды достаточно на пятнадцать минут.

— А если они не захотят воды? — возразила Сибелла.

Ориент достал длинный металлический баллончик.

— Газ в этом баллончике называется веселящим, но на самом деле от него не смеются. — Он указал на дверь в конце

комнаты. — Там, как я помню, у тебя небольшой кабинетик, в котором есть еще одна дверь?

— Да, она ведет на кухню, — ответила Сибелла.

— Я поставлю этот баллончик так, что его не будет видно, объяснил Ориент. — Если они откажутся от напитков, я открою баллончик и газ наполнит кухню. Они останутся сидеть, а ты на минуту выйдешь.

— И газ их просто отключит, — предположила Сибелла.

— Не совсем, — возразил Ориент. — У них будет только головокружение и жажда. Когда ты вернешься, то принесешь им напитки. Я думаю, что они выпьют. И вот это-то их и отключит.

Сибелла сделала глоток и сказала:

— Очаровательно.

— Я могу рассчитывать на тебя?

— А если они не захотят иметь со мной дело?

Ориент улыбнулся.

— Когда они услышат твое имя, то придут.

— Возможно, что ты права. В конце концов, я ведущий медиум Нью-Йорка. И если они намерены расширить поле своей деятельности, то им нужна моя поддержка.

— Не говоря уже о посетителях.

— Не будь таким самонадеянным, — предупредила его Сибелла, а то я их не позову.

— Так ты согласна?

Сибелла поднялась и подошла к телефону.

— Конечно. Я же могу не участвовать в изгнании злой силы. И у меня есть новое платье, которое очень для этого подойдет.

— Тебе нужен их телефон? — спросил Ориент.

— Не говори глупостей, — огрызнулась Сибелла, — у меня есть все телефоны.

Она полистала справочник и набрала номер.

— Алло, это Сибелла Лин. Мне бы хотелось поговорить с Грегори. Алло, Грегори? Это Сибелла Лин. Да, медиум. Я хотела узнать, не могли бы вы с женой навестить меня сегодня вечером? Для частного сеанса... Вот и замечательно. — Она улыбнулась и поправила прическу. — Я слышала о вас потрясающие вещи. — Сибелла посмотрела на Ориента. — Хорошо. В шесть тридцать. Мой адрес: Ист Сикстис, 362. С нетерпением жду вас. — Она повесила трубку.

— Отлично, — поздравил Ориент и сразу же почувствовал облегчение: интуиция не подвела, Грегори его избегал, а все это было из-за вопроса о Гонориусе.

— У тебя есть все необходимое? — спросила Сибелла и стала рассматривать содержимое сумки. — Я вижу, ты блестяще экипирован.

— Думаю, что да, — ответил Ориент. — Как я тебе уже

говорил, Грегори вызывает Астароса, пользуясь заклинанием Гонориуса. И поэтому я воспользуюсь заклинанием изгнания из того же обряда.

— Тогда тебе еще понадобятся беладонна, мандрагора, немного мела, веревка и твердый ладан.

— Очень хорошо, — кивнул Ориент. — Я знал, что обращаться следует именно к тебе. Ты не учла только одного. — Он передал ей два красных сосуда. — Литургические свечи, освященные святой водой. Я взял их в церкви. Именно для этого.

Сибелла опустила в кресло и посмотрела на Ориента.

— А теперь расскажи, что именно я должна буду делать. Шаг за шагом.

Чтобы все уяснить, Сибелле не понадобилось много времени. Ее знания медиума позволили Ориенту быстро объяснить суть Обряда изгнания злой силы.

— Ты будешь произносить необходимые слова, а я использую свою концентрацию для направления энергии. Помни, что ты должна повторять слова очень тщательно. Если ты какое-то слово произнесешь неправильно или оговоришься, то должна начать все сначала. Если же что-нибудь произойдет, ты будешь защищена. Между тобой и Астаром буду я.

— А если он завладеет тобой или ранит тебя? Что тогда?

— Если со мной что-либо произойдет, тут же выбирайся из дома, — сказал Ориент, и в его голосе послышались нотки сомнения. — Сейчас ничего другого сделать нельзя.

Сибелла пошла в спальню переодеться, а Ориент подготовил баллон к работе. Он примерился к нескольким местам и наконец спрятал его за книгами на полке как раз посередине книжного стеллажа: неважно, где будут находиться Грегори и Айзис, газ все равно достигнет их. Он уже заканчивал приготовления, когда появилась Сибелла в длинном декольтированном платье.

— Вот это платье, — объявила она. — Божественно, не правда ли?

— Восхитительно, — согласился Ориент. — Если вдруг таблетки не помогут, то от твоего вида они, наверняка, лишатся чувств.

— Это платье — чистый хлопок, — заметила Сибелла.

Ориент понимающе кивнул. Он знал, что при осуществлении особых обрядов рекомендуется одеваться в одежду из хлопка или льна. И подумал, а подойдет ли его одежда? Но тут же передернул плечами: слишком поздно уделять внимание таким деталям, однако сомнения не покинули его.

Когда Грегори и Айзис пришли, Ориент находился в кабинете. Сибелла открыла им дверь, и он услышал ее слова:

— Как хорошо, что вы пришли. Вы такие юные и красивые.

— Спасибо, Сибелла, — послышался мелодичный голос

Грегори. — Для нас большая честь, что вы заинтересовались нашей работой.

— О да, я много слышала о вас и вашей жене, — проговорила Сибелла.

— Кто же рекомендовал обратиться к нам? — спросила Айзис. Даже сквозь закрытую дверь Ориент распознал озабоченность в ее голосе.

— Несколько моих знакомых, — неторопливо ответила Сибелла. — Пит Эргоу — один из них. Вы его знаете. Такой приятный человек. Не хотите ли чего-нибудь выпить?

— Не сейчас, — ответил Грегори, — сначала дело. Вы понимаете нас?

— Да, конечно, — проговорила Сибелла. — Когда тебе дана такая сила, это требует большого самопожертвования. Устраивайтесь в этом кабинете, пока я подготавлиюсь. Я оставлю вас буквально на минутку.

Ориент открыл баллончик, поспешил на кухню, тихо прикрыв за собой дверь, и надеясь, что звук от выходящего газа и его запах будут неощутимы.

Через несколько секунд на кухне была и Сибелла.

— Ты абсолютно прав, — прошептала она. — Их аура темно-коричневого цвета.

Ориент кивнул в ответ. Он знал, что чувствительные медиумы, такие как Сибелла, имели способность видеть цвет ауры — коронообразного излучения, исходящего от каждого человека, а ее темно-зеленый или темно-коричневый цвет обычно свидетельствовали о духовном расстройстве.

Ориент указал на два подготовленных им стакана и поднял четыре пальца. Сибелла посмотрела на свои часы. Когда прошло четыре минуты, Сибелла взяла стаканы и вошла в кабинет.

— Все готово, — объявила она. — Я принесла немного воды со льдом, на случай, если вы все-таки захотите пить.

— Спасибо, Сибелла, — произнесла Айзис низким сдавленным голосом. — Здесь как-то душно.

А в это время Ориент начал дыхательные упражнения. Он сосредоточил внимание на малейших деталях предстоящего дела и повторил заклинания.

— Еще одну минуточку, — проговорила Сибелла, — мне нужны мои карты.

Войдя на кухню, она прошептала: «Сколько еще ждать?» Ориент показал три пальца.

Сибелла нетерпеливо подождала и опять зашла в кабинет.

— Все в порядке, Оуэн, — услышал он ее голос, — они уже спят.

Ориент вошел вслед за ней и увидел, что Грегори и Айзис распластались на кушетке. Оба стакана были пусты.

— Открой двери и проветри кабинет, — сказал он и начал свои приготовления.

Сперва, используя для точного замера шнур, он нарисовал мелом треугольник на полу. Под треугольником буквами одинакового размера он вывел «*Spiritus Locus*»*. Затем на небольшом расстоянии от треугольника очертил круг.

В центре круга нарисовал правильную шестиконечную звезду. Внутри звезды он написал слова АГЛА, АДОНаЙ и букву ИХС.

— Очень хорошо, — торжественно произнесла Сибелла, когда он закончил. Тебе надо что-нибудь еще?

— Спокойствие, — пробурчал Ориент.

Когда Сибелла вышла, он взял ладан и положил его в чашку. Зажег спичку и начал свое заклинание: «Я предлагаю тебе этот ладан, как самый чистый из всего того, что мне удалось достать, — мягко сказал он. — АдоНай, ЭлоНай, Аркель и Еговам! Снизойдите принять это как достойную цену очищения. И помогайте мне своей силой».

Как только запах ладана начал заполнять комнату, он поставил свечи на пол и, повторяя заклинание, зажег их. При этом он использовал всю концентрацию воли, чтобы освободить себя от всего, кроме слов заклинания.

— Готов? — спросила Сибелла, выходя из соседней комнаты.

— Почти. Нам придется удержать их здесь. Будь готова к этому.

— Я готова ко всему, лишь бы помочь этим бедным детям, — тихо произнесла Сибелла.

Ориент взял Грегори под руки. Грегори был полностью расслаблен и очень тяжел.

— Возьми его за ноги, — сказал Ориент.

Когда Сибелла наклонилась, Грегори неожиданно напрягся, издал дикий крик, и Ориент почувствовал, как тело Грегори начало вырываться из его рук.

Ориент быстро понял, в чем дело.

— Распятие! — прокричал он. — Убери его!

Как только Сибелла сняла с шеи распятие, Грегори тут же успокоился.

— Извини, Оуэн, — проговорила Сибелла с трудом, — я забыла, что оно на мне.

— Все хорошо. Пошевеливайся. Действие таблеток скоро закончится.

Наконец они дотащили Грегори до нарисованного треугольника и положили на пол рядом с изображением. Ориент принес Айзис, в отличие от мужа — легкую, как пушинка.

* «Место Духа Святого» (лат.)

Положил ее рядом с Грегори. Она была похожа на спящую красавицу.

— Теперь принеси крест, — сказал он Сибелле.

Еще раз убедившись в том, что свечи и ладан горят хорошо, он вступил в защитный круг. Сибелла возвратилась, передала ему крест и прошептала свое заклинание к силам света. Она стояла очень близко к нему, стараясь, чтобы ее грузное тело не выходило за линию круга. Приготовившись, она посмотрела на Ориента. Тот кивнул в ответ.

— Именем Альфы, — начала она громким, четким голосом, — именем Эли, Омеги, Элота, Элоима, Сабаюша, Элоина и Сади.

Пока она говорила, Ориент держал большой деревянный крест, направляя его в сторону лежавших Грегори и Айзис. Он усилил дыхание и раскрыл себя для энергии, исходящей от заклинания Сибеллы. Ориент почувствовал, как энергия разливается по его рукам и переходит в крест.

— Святой крест, отведи от Истины то, что ей мешает! И верни на свое место то, что истинно! Сделай же так! — чекала слова Сибелла.

Как только голос Сибеллы стих, тело Грегори начало дергаться.

— Именем Альфы... — Сибелла повторила первые слова заклинания, а Ориент почувствовал, как усилилась вибрация энергии, но его сознание зацепилось за набирающую скорость энергию благодаря предельной концентрации воли.

Айзис тоже начала вздрагивать, грудь Грегори стала вздыматься, а сквозь его губы прорывался крик боли...

— На свое место то, что истинно!

Айзис завизжала и обхватила голову руками.

Айзис и Грегори продолжали хрипло кричать, когда Сибелла произнесла заклинание второй раз. Перед тем как произносить заклинание в третий раз, Сибелла сделала паузу, и вдруг внимание Ориента переключилось на бутылку, которая сама собой поднялась с бара, упала на пол и разбилась вдребезги. В тот же момент один из стульев завалился набок.

— Именем Альфы, — продолжала заклинание Сибелла, — Эли, Омеги, Элота...

Ориент закрыл глаза и усилил концентрацию воли, но вдруг голос Сибеллы сорвался, и ей пришлось начать все сначала. Ориент почувствовал, что поток энергии ослаб, а затем и вовсе пропал.

— Именем Альфы, Эли, Омеги, — с трудом произнося слова, но значительно громче произнесла Сибелла.

Ориент открыл глаза и увидел, что Айзис уже встала на четвереньки. Ее тело было напряжено, и она невообразимо выворачивая шею, дергала головой. Краем глаза Ориент за-

метил еще какое-то движение, а повернувшись увидел, что к защитному кругу по воздуху движется стул. Ориент выставил вперед крест, и тут же стул завис в воздухе, потом начал двигаться в обратном направлении, пока наконец с грохотом не упал на пол.

Сибелла просто-таки съежилась от страха, но не потеряла ритма заклинания:

— ... и то, что мешает, отведи, — продолжала она более уверенным голосом, — то, что истинно...

Айзис поднялась на ноги. Глаза ее были закрыты, руки вытянуты, и она сделала шаг вперед.

Тело Грегори свернулось в клубок, затем перекатилось ближе к защитному кругу. Стаканы в баре стали биться друг о друга, лопаться, разрываться и осколками разлетаться по комнате. У Грегори начались конвульсии. Айзис сделала еще один шаг и разомкнула веки: глазные яблоки закатились вверх и вместо зрачков виднелось что-то распухшее, красно-белое, взгляд ее был ужасен. Она приподняла ногу над чашей с горящим ладаном, как бы желая ее раздавить. Пальцы Ориента, казалось, вот-вот раскрошат крест, ему пришлось пустить в дело всю свою концентрацию воли, направляя ее против властной силы, которая настойчиво пыталась отвлечь его мысли.

— Вернись к себе! Сейчас же! Астарос! — выкрикнула Сибелла заключительные слова заклинания.

Айзис покачнулась, затем, неистово всхлипывая, повалилась на пол. Вдруг все сопротивление, которое с такой отчетливостью чувствовал Ориент, исчезло, необычная легкость пронизала его члены, и он увидел, как нижняя челюсть у Айзис отвалилась, как из открывшегося рта вывалился язык и по языку, поблескивая в свете горячей свечи, сползала длинная коричневая сороконожка. Как только она спустилась на пол и вползла в треугольник, скрыв насекомое, вспыхнуло яркое пламя.

Сибелла в изнеможении облокотилась на Ориента и он помог ей дойти до постели.

— Это пройдет, — проговорила она. — Дай мне чего-нибудь выпить.

Ориент с трудом нашел целый стакан, затем поискал целую бутылку. Почти все вокруг бара и в нем самом было побито или перевернуто. Наконец он нашел неповрежденную бутылку виски, наполнил стакан и передал его Сибелле, но не успела она еще и пригубить, как Грегори и Айзис начали приходить в себя.

Ориент проверил, нет ли у них каких-нибудь телесных повреждений и, убедившись, что с ними все в этом плане в порядке, стал ждать, пока они окончательно придут в себя и смогут говорить.

— Мы решили взять на себя смелость избавить вас от Аста-

роса, — сказал наконец Ориент, — но если вы хотите продолжать свои обряды, то больше я ничем не смогу вам помочь.

Он говорил все это, внимательно изучая их лица. Ему хотелось знать, стали они жертвой Астароса преднамеренно или случайно.

Грегори моргнул и резко покачал головой:

— Только не это. Это было безумием. В моей голове все смешалось.

Айзис согласно закивала:

— Я вообще не могла спать. Иногда мне казалось, что я сплю и мне что-то снится, но затем становилось ясно, что все это происходит наяву.

— Когда мы начинали, все было прекрасно. Мне попала в руки книга Гонориуса, и я увлекся ею. Какое-то время все шло просто замечательно. Затем все это приняло уродливые, извращенные формы, и мы ничего не могли с этим поделать.

— Это превратилось в какое-то сумасшествие, — вставила Айзис.

— Все это было наяву, — проговорил Ориент. — Астарос даже оставил сувенир. — С этими словами он показал на пятно на платье Айзис, а Сибелла потерла пятно пальцем и сказала:

— Это отпечаток пальца, въевшийся в ткань.

Она с удивлением посмотрела на Ориента.

— В Риме есть музей подобных вещей, — сказал ей Ориент. — Все следы, подобные этому, оставлены изгнанными демонами.

— Вы знаете, — сказала Сибелла, обращаясь к Айзис и Грегори, — у вас обоих способности медиумов, иначе бы вы не зашли так далеко. Я могла бы показать вам, как избежать влияния потусторонних сил.

Грегори улыбнулся.

— Только не сейчас. Нам нужен хороший отдых.

Когда Грегори и Айзис полностью оправились от происшедшего, они решили уйти, отказавшись остаться у Сибеллы на ночь. После их ухода Сибелла отыскала начатую бутылку, плеснула немного виски на дно стакана и легла на кушетку.

— Думаю, что с ними теперь все в порядке, — сказала она, — а вот с тобой, наверное, нет, Оуэн.

В ответ на ее слова Ориент только улыбнулся.

— Я в норме. Спасибо за помощь. Жаль, что здесь все так исковеркано.

— Это поправимо, — ответила Сибелла. — Но ты не пытайся увильнуть от ответа. Ты очень многое скрываешь.

Ориент пожал плечами.

— Я еще ничего не решил, и сейчас мне трудно что-либо объяснить.

— Я понимаю. — Сибелла сделала глоток и поставила стакан на пол.

— Ладно, не буду настаивать, но помню — было время, когда ты мне рассказывал о своей работе. — Сибелла наклонилась вперед. — Я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня. Дай я тебе погадаю. Я чувствую, что тебя что-то тревожит.

Ориент согласился, понимая, однако, что в его неопределенном положении гадание вряд ли окажется полезным.

Сибелла передала ему колоду и попросила перемешать. Он тщательно перемешал карты, зная, что у Сибеллы свой особый способ гадать: вместо того, чтобы предсказать судьбу, Сибелла описывала картины, вызванные вибрацией, оставшейся на картах от того, кто их перемешивал.

Ориент перемешал карты, отдал колоду Сибелле. Она взяла ее в обе руки и закрыла глаза. Потом очень долго молчала. Когда Сибелла вновь взглянула на Ориента, в ее глазах стояли слезы. Не говоря ни слова, она положила перед Ориентом три карты, перевернула первую.

— Дурак, — произнесла она. — Это первая карта в колоде, Джокер. Это спиритуальная карта, карта гостей. Перед тобой длинный путь, и ты дойдешь до распутья. Один из твоих друзей предстает тебя.

Сибелла перевернула вторую карту.

— Королева странствий. Это карта Венеры. Постучав пальцем по первой карте, она сказала: — Когда Королева встречает Дурака, то становится злобной. Но в то же время это обозначает сильную любовь. — С этими словами она перевернула третью карту и надолго замолчала.

— Это очень странно: Рыцарь Меча — карта героизма и чести, но в сочетании с Дураком она имеет обратные свойства. — Она опять посмотрела в глаза Ориенту.

— Мне очень трудно гадать. Думаю, что не стану больше тебя утомлять. — И начала собирать карты.

— Ты начинаешь увиливать от ответа, — сказал Ориент. — Давай продолжим.

— Это означает смерть, Оуэн, — отрешенно произнесла Сибелла.

— Все мы умрем, — ответил Ориент с печальной улыбкой, — а когда — карты сказать не могут.

— Не вешай нос, — сказал Ориент Сибелле, когда полчаса спустя выходил из дома. — Если обо мне долго ничего не будет слышно, не проводи спиритических сеансов, вызывая мой дух.

— Будь осторожен, Оуэн, — пытаясь улыбнуться, сказала Сибелла. — Не спеши ни в каких случаях. Когда я держала твои карты, то почувствовала, что ты ищешь свой путь в жизни, что ты мечешься в поисках этого пути. Меня это очень огорчает.

— Все будет так, как предначертанно, — сказал Ориент, — и не надо ни о чем беспокоиться.

Сомнения словно льдом сковало его душу и тело, и даже тепла Санни было недостаточно, чтобы их растопить.

7.

К Ориенту постепенно возвратилась прежняя уверенность в самом в себе, и этому в немалой степени способствовала ежедневная работа на Джокки: таким образом Оуэну пришлось признать еще и выгоду игорного бизнеса. Деятельность на этом поприще давала возможность общаться с самыми разными людьми, и очень многое начало проявляться. Теперь он по-другому воспринимал и самоуверенность доктора Феррари: ведь этот человек был из беднейших районов города и построил свою карьеру только своими силами.

Но Ориенту почему-то совершенно расхотелось развивать телепатический талант Джокки. А то, что произошло с Грегори и его женой, заставило его быть во всем чрезвычайно осторожным. Ориент не был уверен, что рыжеволосый не станет использовать свои способности кому-либо во вред. К тому же в последнее время у него появилось чувство, что Джокки что-то скрывает, и Ориент часто вспоминал первую карту, которую перевернула Сибелла: Дурак, джокер.

И вот, спустя ровно неделю после посещения им Сибеллы и обряда изгнания, привычный распорядок жизни нарушился. Он только закончил свою медитацию и уже собирался приступить к делам, как раздался телефонный звонок. Ориент переждал четыре звонка, полагая, что это очередной ставочный вызов, но телефон звонил, не переставая, и ему пришлось поднять трубку.

— Оуэн? — Ориент узнал голос Санни. — Оуэн, не могли бы мы сейчас встретиться?

— Нет, Джокки вышел, и мне надо отвечать на звонки.

— Забудь про них! Это чрезвычайно важно!

— А в чем дело?

— Это сюрприз, — ответила Санни. — Пожалуйста, приходи. — Назвала адрес и повесила трубку.

Выйдя на улицу, он вдруг ощутил удовольствие от созерцания уличных витрин. В лицо дул свежий ветерок, и Ориент наконец почувствовал контакт с человеческим бытием.

Неподалеку от установленного места мысли Ориента прервались знакомым сигналом в глубине сознания. Поначалу он растерялся, но когда возник образ — успокоился: он увидел колдуна, который танцевал в пыли.

Образ исчез, и Ориент понял, что за сюрприз хотела преподнести ему Санни, и ускорил шаг.

Через несколько минут Оуэн оказался у небольшого кирпичного здания, по виду напоминающего заброшенный гараж.

— Аргиль? — выкрикнул он в темноту открытой двери.

— Я здесь, док, — раздался знакомый голос, и Ориент увидел, что навстречу ему, протягивая руки, идет его старинный приятель, Аргиль Симпсон.

— Посмотрите на него! — засмеялся Симпсон. Перед вами щедрый профессор. — С этими словами он повел Ориента в центр комнаты. — Ты ужасно выглядишь, док. Наверное, становишься пижоном.

— Теперь я знаю все твои тайны. — Откуда-то из-за спины Ориент услышал голос Санни.

— Да, да, да! — запрыгал вокруг Ориента Юлиан, — Я тоже колдун. — Похоже, что меня все разыгрывают, — произнес он.

— Посмотрите-ка на него. Его разыгрывают, — затараторил Аргиль. — Док, да ведь король розыгрыша — ты. Именно, когда я знал тебя, как уважаемого человека, ты вдруг исчез, чтобы затем, перевоплотившись появиться вновь.

— Вот именно! — сказала Санни с упреком. — Я только недавно узнала, что ты вовсе не бездомный бродяга, а доктор Черной Магии.

— Телепат, — поправил ее Ориент. — Но кто-нибудь объяснит мне, что здесь все-таки происходит? — Он махнул рукой в сторону сцены, располагавшейся в глубине помещения. — Что все это такое?

Аргиль усадил Ориента на стул и устроился напротив него, придвинул стул для Санни и начал:

— Это, дорогой, мой офис. Я здесь и директор, и менеджер, и исполнитель.

— А что все это значит?

— Это театральная программа для детей, — стала объяснять Санни. — Я попала сюда на прошлой неделе и, помогая Аргилю, увлеклась.

— А сегодня, с твоим появлением, тайна «исчезнувшего доктора» разгадана, — произнес Аргиль.

— Аргиль рассказал мне все о твоей работе, Оуэн, — продолжала Санни, и о том, как ты помогал ему развивать его способности.

Ориент откинулся на спинку стула и перевел взгляд с Санни на Аргиля. Аргиль был вторым потенциальным телепатом, которого Ориент встретил, возвратившись с Тибета. У Аргиля была способность применять знания, полученные у Ориента, в других областях жизни, в частности, в актерском мастерстве, а для Оуэна результатом работы с Аргилем стало

осознание значимости телепатии не только для непосредственного общения.

— Послушай, док, — заговорил Аргиль, — я надеюсь, что не помешал тебе? У тебя, наверное, были причины для такого уединения?

— Причины?! — В мыслях Ориент вернулся к Феррари и проекту с Джуди: все произошло каких-нибудь два месяца назад, а, казалось, что было это давным-давно и уже не имело никакого значения.

— Не знаю. Не могу сказать ничего определенного. Просто что-то надо было делать, — ответил Ориент.

— Думаю, что иногда полезно спускаться с заоблачных высот и слушать, что там внизу говорят люди, — глубоко-мысленно изрек Аргиль.

— Да, думаю, я это понял, — сказал Ориент.

Неожиданно Аргиль разразился заразительным смехом: Ориент не смог удержаться, присоединился к нему. Смеясь, Аргиль хлопнул Ориента по колену.

— Просто я очень рад тебя видеть, док, — сказал он.

— Я тоже, — ответил Ориент и, успокоившись, огляделся: действительно, гараж очень походил на театральную студию.

— Я учу детей, как правильно пользоваться сценическим оборудованием, заговорил Аргиль.

— Хорошая работа, — похвалил Ориент.

— И это открывает мне еще кое-какие возможности. — С этими словами Аргиль встал. — Я немного поиграл в твою игру.

— В мою игру? — произнес Ориент.

— Да, я нашел телепата и начал с ним работать. Мне бы хотелось, чтобы у меня это получилось так же хорошо, как и у тебя, док.

— Вот он, док, — сказал Аргиль, указывая на Юлиана.

Ориент с удивлением уставился на сиявшего от счастья ребенка.

— Я тоже телепат, — с гордостью объявил Юлиан.

Конечно, теперь все стало ясно. Ориент вспомнил, что когда ему поступали сигналы, на них реагировал и мальчик. Первый раз — там, в парке, когда Юлиан проговорил уходящему Ориенту: «Полицейский. Помог», да и сегодня, когда Ориент не обратил внимания на слова Юлиана, что он тоже колдун.

— Я же говорила тебе, что тогда, в парке, Юлиан ощутил вибрацию твоей энергии, — напомнила Санни.

Ориент покачал головой: из-за своих собственных проблем он проглядел Юлиана, и хорошо, что на мальчика обратил внимание Аргиль.

— Мы отрабатываем концентрацию воли и дыхательные упражнения. Думаю, что через год он овладеет искусством телекинеза, — проговорил Аргиль. — Ну, что скажешь, док?

— Думаю, это просто замечательно.

— Спасибо, док. Более высокой похвалы мне не от кого услышать.

И тут Ориент заметил, что Санни вопросительно посмотрела на Симпсона. Аргиль, явно чувствуя себя неловко, отвернулся, а Ориент ощутил, как изменилась вибрация.

— Послушай, — нарушил молчание Аргиль, — тебе необходимо знать еще кое-что.

— Может быть, обойдемся без слов? — предложил Ориент. Аргиль помрачнел.

— Прямо сейчас. Ведь все это очень трудно объяснить.

Ориент закрыл глаза и настроился на прием. Он почувствовал напряжение в основании мозга, и в его сознании появился образ, сразу ставший четче, а сознание уловило, что послание не совсем приятное: в нем смешались радость и печаль.

Он видел водоем, окруженный лесом.

Солнечные лучи пробивались сквозь верхушки деревьев, освещали воду.

Санни и Аргиль наслаждались купанием, а Юлиан играл на песке. Они были совершенно одни и — счастливы. Видение стало тускнеть и исчезло совсем, оставив после себя чувство печали. Еще какое-то время Ориент пробыл с закрытыми глазами: он понял, почему так волновался Аргиль.

Ориент открыл глаза и увидел озабоченное лицо Санни.

— Вот такие дела, док, — тихо проговорил Аргиль. — Если бы я знал, что это хоть как-то затронет тебя, возможно...

Ориент прервал его:

— Не надо ни в чем винить себя. Вся Вселенная состоит из любви. — Вы оба занимаете особое место в моей жизни. А ваша любовь друг к другу только придает мне силы...

— Мы были в лесу, — перебил его Юлиан.

Санни, кивнув на Юлиана, сказала Аргилью:

— Не пойти ли тебе вместе с этой суперзвездой немного прогуляться? Мне надо поговорить наедине с Оуэном.

— Да, конечно, — ответил Аргиль.

— Откладывать разговор не имеет смысла, Оуэн, — сказала Санни, когда Юлиан и Аргиль вышли. — Можно было бы собраться и уйти, не сказав тебе ни слова. Но ты не заслуживаешь подобного обращения.

— Ничего не надо объяснять. Между нами не было взаимности с самого начала. Я сам тебе об этом говорил.

Санни, покусывая от волнения губы, кивнула в ответ.

— В тот день ты сказала, что нужна мне. И это была правда. Я ответил, что если ты останешься, то позже поймешь, что я из тех, кто принесет себя в жертву. И это тоже была правда. А о ваших отношениях с Аргилем — я знаю это без всяких слов.

Санни глубоко вздохнула.

— Мы кое-что значили друг для друга, — продолжал Ориент, — но наши отношения не идут ни в какое сравнение с тем, что сложилось между вами.

Санни быстро наклонилась и поцеловала его.

— Оуэн, ты окажешь мне большую услугу, если побудешь где-нибудь, пока я заберу свои вещи. — Ее голос был ровным, но улыбка не получалась.

— Будь счастлива, Санни, — поднявшись, сказал Ориент, повернулся и вышел.

На улице он подошел к Симпсону и Юлиану.

— Все в порядке. — Он поднял Юлиана и поцеловал в лоб. — Заботься о своей матери.

— Мы уезжаем в Европу, — объявил Юлиан.

— Получил приглашение из Италии, — объяснил Аргиль. — Думаю взять туда и Санни с Юлианом...

Ориент протянул ему на прощание руку, и какое-то время они стояли и смотрели друг на друга. На протяжении всего времени, что они работали вместе, между ними всегда был какой-то барьер, несмотря на способность соединяться в сознании, но теперь Ориент знал, что этот барьер исчез. Сегодня это поняли оба.

Когда Ориент вернулся домой, в квартире никого не было: Джокки все еще не вернулся, а Санни чемодан уже унесла. Он бесцельно прошелся по комнате, и на глаза ему попался листок бумаги, на котором мелком было нарисовано сердце с солнцем внутри, а внизу была надпись: «С любовью для Юлиана».

И Ориент, впервые за долгие годы, ощутил свое одиночество.

8.

Он все так же занимался вызовами, расписывал выплаты, встречался с клиентами Джокки, но прежнего энтузиазма уже не было. Науку Джокки он постиг, все, что необходимо, он усвоил, и ему требовалось другое занятие. Собственных денег у него не было, и хотя некоторые из его новых друзей предлагали, например, поработать месяц в Колорадо или попутешествовать по стране на мотоциклах, все это его не интересовало.

Джокки последнее время был очень занят и если он даже что-то и заметил, то никак на это не прореагировал. О Санни они не обмолвились ни словом.

Но, несмотря на свою занятость, Ориент не мог не обратить внимания на излишнюю суетливость в поведении Джокки: ему стало ясно, что тот что-то задумал.

— Ты знаешь, что женщины любят больше всего? — спро-

сил Джокки как-то вечером, когда они с Ориентом слушали музыку. И сам же ответил на свой вопрос:

— Они хотят, чтобы ничего в их жизни не менялось. — Он повернулся, чтобы убедиться, что Ориент его слушает. — Но при этом они, как норовистые лошади — никогда не бывают спокойными.

Ориент промолчал.

— Да, приятель, они никогда не воспринимают того, что постоянно меняется, и изменения для них всегда неожиданность. А сами как игральные кости: каждый раз выпадает число.

Ориент не мог понять, на что намекает Джокки — на Санни или на кого-то еще, но рассуждения Джокки полностью совпали с Дзен-буддизмом: ведь одним из основных учений Бодхидармы было то, что каждая частичка Вселенной находится в постоянном перемещении и при этом возникают непредвиденные комбинации. Вся разница была лишь в том, что Бодхидармы это была система всеобщей гармонии, а у Джокки — система для получения выгоды.

Несколькими днями позже, когда Ориент был занят проверкой результатов сделок, в комнату вошел Джокки.

— Что у нас на сегодня? — начал он как обычно, они быстро разбежались по ставкам и наконец Джокки произнес:

— Хорошая работа.

Однако Ориента поразило то, что Джокки явно нервничал. Как правило, ставки его так не волновали.

— Выйдем в другую комнату, — сказал Джокки, и они прошли в его кабинет. — Я хочу, чтобы ты с этим, — Джокки указал на черную сумку, похожую на ту, с которыми ходят врачи, — сходил к одному моему другу. А через три часа встретимся у «Илен».

Ориент внимательно посмотрел на Джокки: ему и раньше приходилось бывать в этом баре, но сейчас что-то было не так — Ориент почувствовал это по вибрации Джокки.

— О'кей, — тем не менее ответил он, — что-нибудь еще?

Отрицательный ответ удивил Ориента. Но тут Джокки щелкнул пальцами и произнес:

— А, да. Ту, к кому ты это отнесешь, зовут Пола. Если тебя при входе о чем-то спросят, скажи, что ты по вызову, и покажи свое удостоверение.

— К чему такая секретность?

Джокки усмехнулся:

— Будь поосторожнее.

— Ты чем-то озабочен? — спросил Ориент.

Джокки утвердительно кивнул.

— Во-первых, у меня сегодня серьезная игра с людьми, которым я много должен, и, во-вторых, нам следует поменять

телефон. А пока мы этого не сделаем, будем вести дела путем личного общения.

— Ты думаешь, телефон прослушивается?

В ответ Джокки кивнул.

Ориенту это не понравилось: ему совсем не хотелось скомпрометировать себя как врача, а к тому же он, естественно, не хотел, чтобы его арестовали.

— Я вложил деньги Пола в белье в сумке. А после этого обговорим наши дальнейшие дела, — сказал Джокки. — Вот адрес. Не забудь: ее зовут Пола Глизон.

Ориент немного поколебался, затем взял листок с адресом. Он решил, что сразу после того, как выполнит это поручение, откровенно поговорит обо всем с Джокки. Сумка была почти пустой.

— Что-нибудь еще? — спросил Ориент.

— Не падай духом и не волнуйся, если я задержусь. Я буду очень занят.

— Возьми свои игральные кости, — посоветовал Ориент и вышел.

Когда Ориент ехал в такси, он попробовал расслабиться. Казалось, что Джокки никогда не боялся ареста. Он был независимым игроком, не любил никаких организаций и вел дела с такими же, как он. И он всегда был возбужден перед игрой в кости.

Но это поручение было очень странным. Ориент внимательно осмотрел сумку. Обычная сумка врача, только немного протерлась в одном месте. Он открыл сумку: стетоскоп, тонометр, Несколько упаковок с лекарствами, на дне сумки немного белья, больше ничего.

Наконец он подъехал к большому современному зданию, вошел внутрь и возле лифта его остановил огромный охранник.

— Я слушаю вас, — услышал Ориент, — кто вам нужен?

— Мисс Глизон. Номер 17.

Охранник позвонил по телефону, но не получил ответа. Он набрал номер еще раз, наконец произнес:

— Похоже, что телефон не работает. У вас назначено?

Что-то в поведении охранника насторожило Ориента.

— Мисс Глизон вызывала меня час назад. Я — врач, — сказав это, Ориент вытащил свой бумажник.

Охранник буквально впился глазами в документы. Затем, возвращая их Ориенту, сказал:

— Для доктора вы молодо выглядите.

Ожидая лифт, Ориент все время чувствовал на себе его настороженный взгляд.

И пока он поднимался на десятый этаж, его беспокойство все возрастало. Все в этом поручении было не так. Кабина остановилась, открылись двери. Тишине в коридоре способствовал толстый ковер, поглощавший звук шагов. Ориент

нашел нужную комнату и позвонил. С другой стороны слышался шум шагов, а дверной глазок потемнел: кто-то внимательно его рассматривал. Дверь слегка приоткрылась, и женский голос сказал:

— Да?

— Мисс Глизон? Я друг Джокки, — произнес Ориент негромко.

Дверь открылась шире. Ориент вошел и увидел перед собой высокую, худую девушку. Заметив сумку в его руке, она улыбнулась и сказала:

— Я — Пола.

Одета она была в длинное кожаное пальто с меховым воротником. Ориент улыбнулся в ответ, протянул девушке сумку и сказал:

— Вот, пожалуйста.

Она взяла сумку, попросила подождать и вышла в соседнюю комнату. Ориент остался стоять в маленькой прихожей, но вскоре Пола вернулась с огромной сумкой.

— Куда-то собираетесь? — спросил Ориент.

— На выход. С тобой, — ответила девушка.

Ориент направился к лифту, но Пола тихим голосом вернула его назад: она стояла возле двери с надписью: «Выход». Ориент проследовал за ней через эту дверь, и они по лестнице поднялись на девятнадцатый этаж.

— С этого этажа можно выйти в соседнее крыло, — объяснила она, пока они шли по длинному коридору. В конце его остановились возле лифта. Когда кабина поднялась, Ориент тоже хотел войти, но Пола его задержала.

— Поедешь на следующем. Может быть, мы как-нибудь выпьем вместе. Передай Джокки, что я его люблю. — Затем нажала кнопку и скрылась за закрывшейся дверью.

Ориент, раздраженный атмосферой сверхсекретности, неторопливо топтался на месте в ожидании следующей кабины: Джокки придется многое объяснить.

Внизу на улице он пошел не спеша, стараясь сбросить с себя нервозность, но, миновав несколько кварталов, вдруг поймал себя на мысли, что за ним, наверняка, кто-то следит, и прибавил шагу. Пойдя еще один квартал, он повернул за угол, спустился в метро и встал на платформе в ожидании поезда.

Он подождал, пока из подошедшего поезда выйдут люди, заскочил в вагон последним, когда двери уже начали закрываться и взглянул на платформу: там никого не было, за ним, вроде бы, никто не следил. Немного успокоившись, Ориент вышел на следующей остановке, поднявшись на улицу, направился через Центральный парк в направлении Уэст-Сайда.

Воздух был теплым и влажным, пахло весной. Он уже

немного успокоился, но все еще хотел выяснить отношения с Джокки. И, конечно же, переменить род деятельности.

Какое-то время он брел, не выбирая дороги, прошел Бродвей, направился к Гудзону, пока не очутился перед своим бывшим домом.

Ориент долго разглядывал его. Год назад здесь у него была лаборатория, были ученики, с его помощью постигающие искусство управлять своими способностями. А теперь он живет в новом доме — на улице.

Нет, не совсем так, поправил он себя. Год назад он и представления не имел об окружающих его людях. Тут он заметил машину. Но так и остался стоять, пока такси медленно отъезжало прочь.

Ориент прождал Джокки в «Илен» почти три часа. Ему не очень-то нравилось это место: здесь было обычно очень шумно. Он за своим столиком в углу бара выпил уже четыре порции сока и шампанское. В баре было душно. Ориент посидел еще полчаса и вышел на улицу. Он немного подышал свежим воздухом и направился к Третьей Авеню, где взял такси.

Приехав домой, Ориент обнаружил, что Джокки еще нет. Он опустился на кушетку и стал ждать. Возбуждение, шум и немного алкоголя очень утомили его. Он поднялся, решив выпить стакан воды, и заметил, что в квартире что-то не так, и тут же понял, в чем дело: исчезли проигрыватель и пластинки. Ориент зашел в комнату Джокки и включил свет.

Кровать и прочая мебель были на месте, но вещей Джокки не было. Он вышел в соседнюю комнату и увидел, что его сумка стоит возле стены, а возле нее он заметил толстый конверт.

Внутри конверта лежали двадцать тысяч долларов и какие-то бумаги, похожие на контракт. Ориент внимательно прочитал их. В контракте говорилось о соглашении между Оуэном Ориентом и Югославской морской компанией на поездку в каюте первого класса на борту судна «Трабик» в Танжер. «Трабик» отплывал в понедельник, через 42 часа.

Он почувствовал себя обманутым и первым желанием Ориента было оставить конверт там, где он его нашел, и уйти, но, поразмыслив, он решил не делать этого. Здесь, в Нью-Йорке, его больше ничто не задерживало. Он понял это еще раньше, а поездка в другую страну, наверное, принесет ему новые впечатления и даст возможность обдумать дальнейшую жизнь.

Билет словно бы явился практическим советом, и Ориента так и не посетила мысль: зачем он нужен в Марокко? Он положил билет и деньги в бумажник.

И тут ему попала на глаза игральная карта, которая лежала на полу. Он нагнулся и перевернул ее.

Это был джокер.

Прохожим Пола Глизон казалась уверенной в себе деловой женщиной, но сердце ее бешено колотилось. На улице она бросила якобы небрежный взгляд вокруг, и чтобы убедиться в отсутствии слежки, выбрала замысловатый маршрут, которым вышла на почти безлюдную улицу, и только там села в такси. Назвав водителю адрес, она попыталась сесть поудобнее и расслабиться. Бесполезно. Пола понимала, что пока сделка не будет закончена, напряжение не покинет ее.

Она бросила взгляд на черную кожаную сумку в ногах. Там было достаточно кокаина, чтобы упрятать ее на двадцать лет, такой возможный поворот ей вовсе не нравился. Пола прикинула, не мог ли кто наблюдать за ее квартирой: ведь Джокки был слишком заметной фигурой, чтобы не привлекать внимания. И тут она подумала о человеке, который привез эту сумку: у рыжеволосого какие-то странные друзья, а этот был больно представительным для сбытчика наркотиков.

Всего несколько месяцев назад она была близка к лучшей фотомодели, но затем у нее стала нарастать усталость. Один врач. Затем другой. Она побывала, наконец, у двенадцати. Все говорили одно и то же: у нее что-то с кровью, а усталость сменилась сонливостью, перемежающейся запоями. Когда такси остановилось на красный свет, она нетерпеливо притопнула ногой. Все врачи говорили, что есть только один и очень дорогой способ вылечить ее.

— Не беспокойся, детка, — утешала она себя, — через несколько минут врач получит свои деньги, а ты — свое лечение.

Если бы врачу не требовалось много кокаина для экспериментов, она никогда бы не нашла способа оплатить лечение. Но теперь врач обо всем позаботится: он хотел лечить ее и ему была необходима только эта единственная услуга.

Приехав на место, Пола расплатилась с водителем и, подождав, пока тот отъехал, направилась к нужному дому. Она специально не дала водителю конечный адрес. Если ее арестуют, то ей уже никогда не быть здоровой.

Несколько мужчин обернулось, провожая взглядом ее стройную фигурку, но сегодня Поле было не до них.

Дверь открыла высокая блондинка.

— Врач у себя? — спросила Пола.

— Это вас ждут? — улыбнулась в ответ блондинка и в ее улыбке Пола уловила что-то враждебное.

— Я — Пола Глизон.

Блондинка отступила в сторону.

— Входите, сюда пожалуйста.

Они вошли в комнату, и Пола обратила внимание, что гостиная была декорирована обоями зеленого цвета. Мебель тоже была зеленая, и даже одежда у блондинки была того же цвета.

— Это оно? — тихо спросила блондинка. — Для доктора? — Она, указывая на сумку, нежно улыбнулась.

— Я не понимаю, — с бесстрастным лицом сказала Пола. Улыбка блондинки стала еще шире.

— Все в порядке, Пола. Врач велел мне взять сумку, когда вы придете. — Она отошла к столу и достала из ящика конверт. — Он также сказал, чтобы я передала вам деньги и билет.

Пола внимательно посмотрела на блондинку: та была просто великолепна. Ее темно-зеленые глаза удачно гармонировали с обстановкой комнаты. И она выглядела достаточно умной при своей импозантной внешности. Как образцовый агент ФБР.

Блондинка подошла ближе.

— Вам не о чем беспокоиться. Врач полностью проинструктировал меня. Я возьму у вас кровь на анализ, и, как только результаты будут готовы, он придет к вам домой. Это займет два или три часа. Сейчас он готовится к вашему лечению.

— Вы что, сестра? — с сомнением спросила Пола.

— Я — его ассистентка.

Пола отдала сумку: ей хотелось поскорее избавиться от нее и даже если блондинка была агентом ФБР, Полу интересовало только лечение.

Блондинка взяла сумку и направилась к двери.

— Я возьму вашу кровь здесь. Снимите блузку и ложитесь на кушетку. Я сейчас вернусь.

Пола медленно разделась. Чувство тревоги не покидало ее. Естественно, она могла бы потребовать встречи с врачом, но поведение блондинки было безупречным.

Ассистентка вернулась, неся необходимые для процедуры инструменты.

— У вас красивое тело, — проговорила она, смачивая ватный тампон спиртом. Затем подошла к Поле и начала растирать этим тампоном ее руку. Свежая прохлада, вызывая приятное ощущение, разлилась по телу Пола. Пола взглянула на блондинку. Глаза у той округлились и заблестели, а Пола почувствовала, как тонет в этом зеленом блеске.

— Не беспокойтесь, — услышала Пола возле своего уха, — Это не больно. Расслабьтесь. Все, что нам надо — это взять немножко крови.

Когда игла вошла в вену, Пола вздрогнула и застонала, причем не столько от боли, сколько от странного, неожиданного ощущения удовольствия, и вдруг потеряла сознание.

Она не помнила, как долго пролежала без сознания, но когда услышала голос блондинки, то почувствовала, что ее поднимают.

— Пола, вам пора домой.

— Домой? — едва выдавила из себя Пола, ощущая себя в состоянии ступора. — Уже все?

— Да. Вам сейчас надо попасть домой и ждать врача.

Наконец Пола вспомнила все: лечение!

— Он обещал исцелить меня, — проговорила она.

— Совершенно верно. Он займется вами, как только будут готовы результаты анализа.

Пола понимающе кивнула, еще не в состоянии собраться с мыслями. Она застегнула блузку, с трудом встала, слегка покачиваясь, пошла, поддерживаемая блондинкой.

— Ни о чем не беспокойтесь. Я вызвала такси. Через пару часов врач будет у вас.

— Спасибо, — слабо произнесла Пола.

— Поезжайте домой и отдохните. Врач скоро прибудет.

Даже с помощью блондинки было очень трудно спускаться вниз и садиться в такси. Пола не помнила, как она ехала и как вошла в лифт. Когда лифт остановился, она едва добралась до своей квартиры и начала рыться в сумочке. На то, чтобы найти ключ и открыть дверь, ушло очень много времени, и наконец, оказавшись дома, Пола сразу же направилась в спальню и без сил повалилась на постель.

«Когда придет врач, — в полузабытьи подумала она, — я не смогу открыть дверь», попыталась дотянуться до телефона, но руки не слушались ее, с каждой минутой ей становилось все труднее дышать.

Вдруг она почувствовала какое-то неестественное, близкое к боли наслаждение. Ее тело начало подергиваться от удовольствия, она открыла рот, но не смогла издать ни звука. Дышать становилось все труднее. Ее сознание начало погружаться в какую-то темноту, затем ощущение наслаждения перешло в продолжительный всепоглощающий оргазм, который становился все сильнее и сильнее, заставляя ее обессиленное тело корчиться в предсмертных судорогах.

И она умерла.

10.

Уже в такси Оуэн все не мог перестать думать о сумке. Да и все воскресенье он пытался понять, зачем Джокки понадобилось отправлять его с ней, а затем еще и заставлять торчать в баре. Ориент не нашел этому иного объяснения, кроме своих целей.

А эти странный звонки! Рано утром и два раза днем. Когда

он поднимал трубку, на другом конце провода ничего не было слышно — даже гудков. Полная тишина. Только однажды раздался легкий щелчок, и Ориент сразу понял что это такое: телефон прослушивался.

Наконец машина остановилась, Ориент вышел, вытащил свои вещи, расплатился с водителем и направился к широкой двери на морской причал.

Он внимательно посмотрел на судно: «Трабик» был небольшим по размеру и на вид довольно привлекательным.

Поднимаясь по трапу на палубу, Ориент подумал, что эта поездка, несомненно, является частью игры Джэки.

На палубе у Ориента взяли багаж и проводили в его каюту. Оказавшись внутри, Ориент заметил, что номер прекрасно освещен и хорошо обставлен. Он повеселел и спросил у стюарта, где можно перекусить.

— Еще рано, извините. — Молодой человек покраснел и посмотрел на свои часы. — Обед в час.

Ориент поблагодарил его, дал доллар на чай, забрал ключи, но только он устроился в номере, как в дверь постучали.

Вошел стюард, принесший ветчину, сыр, хлеб и пиво.

— Подкрепитесь до обеда, — предложил он — завтрак с 6-30 до 8-30. Мы отплываем завтра поздно вечером.

Ориент поел, затем полистал книгу и заснул крепким сном.

Утром его разбудил звонок на завтрак. Он тут же поднялся, привел себя в порядок и вышел из каюты.

Столовая была неширокой, но очень длинной. Ориенту не понравилось, что столики были только на шестерых и ни одного индивидуального: он не хотел уж расширять свой круг общения, но в это утро в столовой находился только еще один человек. Это был крупный, седой мужчина, евский и одновременно читающий газету.

Ориент сел за столик возле двери, и был приятно удивлен, когда все, что он заказал — мандариновый сок, грейпфруты, йогурт и мед — было тут же поставлено перед ним.

После завтрака он решил пройтись по палубе. «Трабик» стоял под погрузкой. Ориент отметил, что работа идет очень медленно, и поднялся на верхнюю палубу.

Судно было нешироким, но гораздо длиннее, чем это показалось Ориенту раньше. Он побродил по палубе, затем вернулся к себе в каюту.

Сразу было заметно, что здесь проводилась уборка. Ориент облачился в хлопчатобумажную, свободного покроя одежду и приступил к физическим упражнениям, которые вводили в ритм для концентрации воли.

Звонок на ленч нарушил его медитацию.

После ленча в каюте Ориент был уже не один. Его попут-

чиком оказался худощавый молодой человек с длинными светлыми волосами, который как раз распаковывал вещи.

— Мы — соседи по номеру? — спросил Ориент.

Парень оторвался от своего занятия и улыбнулся.

— Я Престо Уоллас. Думаю, что не потесню вас.

Престо доставал из чемодана объективы и Фотоаппараты, бережно брал каждый предмет, осматривал его, сдувал пыль. Понаблюдав за ним немного, Ориент лег и увлекся чтением.

Днем они разговорились. Престо предположил, что судно будет стоять по крайней мере еще день, так как его мотоцикл не погружен и все еще находится на пирсе. Ориент узнал из разговора, что его попутчик едет в Маракеш, затем с Испанию, Амстердам и Лондон.

— Вы фотограф? — спросил Ориент.

— Да, хочу попробовать свой Ролекс и пару других камер.

Престо ушел побродить по кораблю, и Ориент возвратился к чтению: находясь в пути, он решил немного позаниматься. Ведь пока он работал у Джокки, то не мог интересоваться ничем, кроме ставок.

Придя в столовую пообедать, Ориент увидел, что Престо о чем-то оживленно беседует с седовласым мужчиной, и присоединился к ним. Ориент знал, что, когда судно будет в море, избежать знакомства будет невозможно. Седовласого звали Лью Уаллас, и с Престо они обсуждали характеристики фотоаппаратов и объективов. Вечером они решили продолжить свою беседу в каюте, а Ориент вышел побродить по палубе.

На следующее утро, когда Ориент проснулся, Престо еще спал. Ориент привел себя в порядок и отправился в столовую. Вернувшись в каюту после завтрака, он увидел, что Престо собирается спуститься на берег.

— Я съезжу в город за кое-какими вещами, — пояснил он. — Вам ничего не надо?

Ориент покачал головой и погрузился в чтение.

Престо не было целый день. Когда Ориент поднялся в столовую, то увидел, что на корабле появились новые пассажиры.

Лью сидел за дальним столиком с какой-то дамой средних лет и девочкой лет двенадцати-тринадцати, возле двери сидели две девушки. Ориент выбрал незанятый стол.

Он попытался поскорее покончить с едой, но девушки чем-то привлекали его внимание. Одна — невысокая — была брюнеткой, другая высокая — блондинкой. Блондинка повернула голову, и Ориент смог рассмотреть ее броскую внешность: длинная шея, большие, зеленого цвета глаза, высокие скулы, длинные волосы.

Продолжая говорить со своей подругой, она заметила, что Ориент не спускает с нее глаз, и улыбнулась. Ориент ответил ей улыбкой и начал есть медленнее.

Он не слышал слов, не чувствовал животную вибрацию, исходившую от блондинки. Вибрация была очень сильной и приятной.

Ориент снова взглянул на нее: блондинка не спускала с него глаз. На ее лице было выражение стеснительности, но когда она отвернулась, Ориент почувствовал и что-то еще: новое, но все же знакомое ощущение в основании мозга, сигнал беспокойства, и теперь Ориент знал его источник.

Блондинка была телепатом.

Закончив с едой, Ориент спустился вниз и вошел в комнату для отдыха. Он уселся в кресло и вытянул ноги. Ему было хорошо. Путешествие в обществе такого прекрасного телепата имело свои положительные стороны.

Ему ни разу не встречались женщины-телепаты, и он подумал: так ли будет легко обучить всему необходимому женщине, как это было возможно с мужчинами. Размышляя над этим вопросом, он возвратился к себе в каюту.

Престо был уже там, лежал на кровати, на груди у него стояла коробка с пончиками.

— Привет, — сказал он, когда Ориент вошел. — Угощайтесь.

— Спасибо. Ну что в городе? — спросил Ориент, усаживаясь на кровать и беря в руки книгу.

— Нашел все, что хотел, но очень трудно было вернуться. Таксисты не хотели сюда везти. Хотите почитать газету?

— Охотно, — согласился Ориент: он давно не читал газет и начал просматривать ту, которую протянул ему Престо.

Ничего интересного, но, переворачивая очередную страницу, он увидел на фотографии знакомое лицо. Вгляделся получше, и у него перехватило дыхание.

Это была Пола Глизон. Девушка, к которой его посылал Джокки, была найдена мертвой в своей квартире. Причину смерти установить не удалось. Не было следов борьбы или ограбления. Полиция ведет расследование.

Ориент вновь перечитал заметку.

Возможно, это и было причиной для его отплытия.

11.

Погрузка возобновилась утром следующего дня и к вечеру была закончена.

Ориент провел большую часть времени на верхней палубе. Ему следовало принять решение. Возникло смутное желание связаться с Энди Джекобсом. Но о чем он рассказал бы ему или полиции? О том, как он доставил сумку с деньгами какой-то

незаконке в день ее смерти? Джокки был кем угодно, только не расчетливым убийцей. А была ли смерть Полы убийством?

Он увидел, что за территорией порта проехала полицейская машина. Интересно, заедет она в ворота или нет?

Вероятнее всего, Джокки получил хорошие деньги на сомнительной сделке и постарался побыстрее унести ноги. Если бы здесь был большой риск, он не стал бы пользоваться услугами непрофессионала. Однако же Джокки посчитал, что непрофессионалу лучше тоже покинуть город.

В конце концов Ориент решил связаться с Энди по телефону прямо с корабля.

Слушившись с верхней палубы и проходя через комнату отдыха, он опять наткнулся на оставленную кем-то в кресле газету, поднял ее и стал внимательно просматривать. То, что он искал, было помещено на третьей странице.

Пола Глизон умерла от лейкемии. Ее родители приехали за телом в Чикаго. Они же сообщили, что Пола находилась под наблюдением врача более года. Ориент положил газету и сел в кресло.

Возможно, он преувеличивал и между Джокки и смертью Полы не было никакой связи. У рыжеволосого, по крайней мере, сотни клиентов, и один из них вполне мог умереть. Он решил пока не звонить Энди. Прозвучал звонок на обед, а Ориент все еще размышлял над странным поведением Полы в тот день, когда он привез ей сумку.

В столовой на столиках появились карточки с именами. Ориент теперь сидел с Лью, пожилой дамой и девочкой. Лью тут же представил Ориента жене и дочери. Приметная блондинка со своей подругой сидели в обществе другой пожилой пары.

Престо и Лью обсуждали погрузку своих вещей, а Ориент поприветствовал всех, не особенно вникая, слушал болтовню за столом, но во время обеда он не спускал глаз с сидевшей за соседним столиком блондинки.

— Разве ты не ешь мяса? — спросил Престо, увидев перед Ориентом только овощные блюда.

— Нет.

— И поэтому вы такой стройный? — спросила Грета, жена Лью.

— Это очень полезно для здоровья, — объяснил Ориент, заметив, что дочь Греты Гейл уставилась на него, обратился к ней:

— Это придает силы.

За соседним столиком засмеялись.

— Чем вы занимаетесь, Оуэн? — спросил Лью.

— Научными исследованиями, — ответил Ориент. — А вы?

— Я проявляю пленки, которые снимает Престо. И делаю отпечатки.

— Лью очень способный, — вставила Грета. — Как раз перед нашим отъездом была выставка его фоторабот.

— Ерунда, — возразил Лью. — Это была затея одного моего друга. Я разработал технологию проявления пленок, чувствительных только к инфракрасным лучам. На некоторых фотографиях мы увидели предметы, которых в момент съемки там не было. Скажем, такие вещи, как старые полотна на голых стенах, даже человеческие лица, парящие в воздухе.

— Что же это за технология, Лью? — заинтересовался Престо.

— Пока сказать не могу. Сейчас я работаю над патентом.

— Альфонсо сказал, что это призраки, — вставила Гейл.

— Альфонсо — мой друг, — продолжал Лью, — он астролог. И делает на этом кучу денег. Именно он убедил меня устроить эту фотовыставку. Это, конечно, хорошая реклама для моей технологии. А вот в духов я не верю.

Ориент сидел молча. Он же, напротив, верил в то, что энергия еще долгое время остается после того, как ее источник исчез. Проведенные исследования убедили его в том, что материя не возникает и не исчезает, а только трансформируется. Здравый смысл говорил ему, что те явления, которые кажутся неестественными, на самом деле — естественный отголосок того, чему нет приемлемого объяснения.

— Альфонсо почувствовал, что Лью зацепил другое измерение, — с улыбкой глядя на своего мужа, произнесла Грета. — Они называли выставку «Мост».

— Он назвал «Мост», а я назвал ее вздором. Я хотел найти финансовую поддержку своей работе, но получил свой гороскоп. Мне составляли его восемь раз, и ни разу не была предсказана поездка по морю.

Ориент поддержал разговор о психопиктографии, но его больше занимало развитие восприимчивости сознания. Он подумал, что все это пригодится ему в его занятиях с видеозаписями, и случайно увидел, что блондинка пристально смотрит на него.

После обеда он немного почитал. Но когда услышал нарастающий шум двигателя и объявление по радио, что «Трабик» отплывает, то решил выйти на палубу. Немного постояв на палубе, Ориент спустился в зал для отдыха. Престо, Лью и Грета были уже там.

— Что ты будешь пить? — спросил Лью.

Ориент попросил бренди. Его представили новой паре — Джеку и Алисе Кроу. Когда принесли заказ, Ориент поднял бокал.

— За море, — сказал он.

— Это ваша первая поездка? — спросил Ориента Кроу.

— За последнее время — первая. И я очень рад, что мне представилась такая возможность.

— Нам нравится путешествовать на грузовых судах, — сказала Алиса.

Вдруг Ориент ощутил покалывание в основании черепа: в зал вошла блондинка со своей подружкой.

Кроу позвал их, а Лью и Престо придвинули им стулья.

Блондинку звали Пия. Ее подругу — Джанис. Они, как и Ориент, заказали бренди.

— Престо, — засмеялась Пия, — где вы взяли такое имя?

Престо приосанился:

— Мое полное имя Престон Уильямсон, но обычно меня зовут Престо. Вполне естественно.

— Вас фотографировали когда-нибудь, Пия? — спросил Лью.

— Я несколько лет была фотомodelью. Теперь я этим не занимаюсь и терпеть не могу фотографироваться.

— Да, — ответил Лью, — вы, наверное, были просто восхитительны!

— А фильмы вас интересуют? — спросил Престо.

— Только как зрителя.

— Престо здесь вроде директора, — продолжил Лью. — Мы хотим немного поснимать.

Пия отрицательно покачала головой.

— Считайте меня потерявшей квалификацию. Я собираюсь здесь немного побездельничать. Я весь вечер люблюсь замечательным узором вашей шали, — обратилась она к Грете. — Вы сами все это сделали?

— Разумеется. — Грета покраснела.

— Это просто прелестно! — воскликнула Алиса. — Не так ли, Джек?

Грета вступила в беседу и начала рассказывать о своих планах, а Пия повернулась к Ориенту.

— Где вы будете выходить, Оуэн? — спросила она тихо.

— В Танжере.

— Туристом?

Ориент кивнул.

— Я люблю немного попутешествовать.

— А какими исследованиями вы занимаетесь, Оуэн? — спросил Лью

— О, ничего особенного, — ответил Ориент, почувствовав некоторую неловкость от перемены беседы.

— А что за фильм собираетесь вы сделать, Престо? — спросила Пия. При этом она улыбнулась Ориенту, как бы давая понять, что специально переключает внимание присутствующих на другой предмет.

— Сначала снимаю в Марокко, затем в Испании, а закончу съемки в Риме.

— Впечатляет, — заметила Пия.

Ориент взглянул на Джанис: та полностью была поглощена тем, что говорила Пия. Грета, Джек и Алиса оживленно беседовали о ручной вышивке, Джанис же не слышала, казалось, ничего, кроме слов, произносимых Пией.

— О, привет, доктор, — сказала Пия.

Ориент непроизвольно взглянул на нее, но Пия обращалась к другому человеку: к ним подсаживался незнакомый мужчина.

— Надеюсь, что не помешал вам, — сказал он.

— Нисколько, доктор, — ответил Лью. — Давайте выпьем за прекрасное плавание.

— Боюсь, что это будет плохой пример для девушек, — сказал мужчина.

— Не отказывайтесь, доктор, — сказала Пия и подала знак стюарду. Это самый подходящий случай. Ведь мы плывем по океану. — Затем повернулась к Ориенту. — Оуэн, я думаю, вы единственный, кто не знаком с доктором Сиксом.

Ориент и мужчина пожали друг другу руки.

— Оуэн Ориент, — задумчиво произнес Сикс. — По-моему, я что-то слышал о ваших работах.

— Вряд ли, — ответил Ориент, подумав, где именно Сикс мог встретить его имя, тем более, что доктор производил впечатление человека, который не ошибается.

— Вероятнее всего, я читал медицинские отчеты, в которых упоминалось ваше имя...

Ориент опять почувствовал неловкость. Если Ферарри опубликовал результаты работы с Джуди, то это будет лишним поводом для сплетен. Если бы он попытался объяснить, что такое телеспихология, то все могло закончиться советами о том, как гадать на кофейной гуще.

— А вы знаете, Престо, — начала Пия, — У доктора Сикса тоже необычное имя.

Сикс улыбнулся так, словно его удивила игривость Пии.

— Да, — ответил он, — мои родители называли меня Алистером, и я никогда не задумывался над ним, до тех пор, пока не встретил эту девушку, — он указал на Пию, — которая очень тактично намекнула мне на его особенности.

Престо в ответ неопределенно кивнул.

— Но я должен настоять на том, чтобы обе девушки пошли отдыхать. И Сикс посмотрел на Джанис. Та кивнула, улыбнулась и без всяких возражений поднялась. Ориенту не понравилось, что точно так же поступила Пия.

Извинившись, Сикс ушел следом за подругами.

Утром, когда Престо вышел из каюты, Ориент приступил к медитации. Но всякий раз, когда он подходил к состоянию свободного полета сознания, концентрация его воли наруша-

лась образом Пии. Он никак не мог от этого избавиться и, прервав занятия, пошел прогуляться.

Когда он поднялся на верхнюю палубу, то увидел доктора Сикса, который тут же обратился к нему:

— Добрый день, доктор. — И такое профессиональное обращение насторожило Ориента.

— Я не нарушаю вашей уединенности, доктор Ориент? — спросил Сикс, глядя в море. — Я вспомнил, где мог видеть ваше имя. Совсем недавно я просматривал результаты вашей работы с Феррари. Блестящая удача для Феррари.

— Он заслуживает этого, — ответил Ориент.

— Вы оба заслуживаете поздравлений, — настаивал на своем Сикс. Ваша работа с ребенком сенатора Мэлью просто блестяща. И она стимулирует дальнейшие исследования.

— Моим вкладом была сопутствующая терапия. Оперировал же Феррари...

— Глупости. Девочку, которая никогда до этого не могла ходить, вылечили ваши методы гипнопсихотерапии, — продолжал Сикс.

Ориент хотел было что-то возразить, но тут появилась Пия вместе с какой-то женщиной.

— Доктор Ориент, позвольте мне представить вам свою жену, — пробурчал Сикс. — Рага, это — доктор Ориент, который работал с Феррари и вылечил ребенка Мэлью.

Лицо Раги Сикс было гладким, кожа словно прозрачной, ее светлые брови почти сливались с высоким бледным лбом и были едва заметны над желтовато-кариими глазами. Длинные серебристые волосы спадали на плечи, контрастируя с темным мехом ее пальто. Она протянула Ориенту длинную, худую руку.

— Мы читали о вас, — сказала она.

— Я всего-навсего ассистент, — проговорил Ориент.

Пия наклонила голову и, смеясь, произнесла:

— Оуэн, вы просто чудо! Вы помогли вылечить дочь вице-президента. Даже ассистент в этом случае заслуживает похвалы. — Ее голос придал Ориенту чувство уверенности.

— Операцию проводил Феррари, я же занимался послеоперационной терапией, — продолжал Ориент.

— И предоперационным периодом тоже, — сказала Пия, — вы слишком скромничаете.

— Возможно, — согласился Ориент. — Но если бы это не была дочь вице-президента, все выглядело бы совершенно обыденно.

— Извините, доктор, но становится холодно, и я, с вашего разрешения, провожу жену вниз.

— Спасибо, Алистер, — сказала Рага спокойно, а посмотрев на Ориента, предложила:

— Думаю, что вечером вы расскажете нам больше.

— С удовольствием, — ответил Ориент.

— Вы не идете, Пия? — спросил Сикс.

— Чуть позже. Здесь так свежо!

Сикс и Рага ушли.

— Мне нравится ветер, — сказала Пия и подошла ближе. — Задать вам вопрос? — она посмотрела Ориенту в глаза. — Пару раз я почувствовала, что вы в затруднении. Это не странно?

— Ничего странного, просто необычно, — ответил Ориент.

— Да, — подтвердила Пия, — это что-то очень личное, не так ли? — Ориент почувствовал, как в основании его мозга разливается спокойствие.

— Я думаю, это замечательно, — сказал Ориент. Он ослабился, и его сознание ощутило знакомую вибрацию.

— Редкое удовольствие, — сказала Пия и ее зеленые глаза заблестели.

— Пия! — послышался крик доктора Сикса, она вздрогнула и оглянулась.

— Поговорим после обеда, Оуэн. — Пия прикоснулась к его руке и направилась к лестнице.

Возвращаясь в каюту, Ориент подумал о том, от чего ее может лечить Сикс, а после обеда направился в комнату для отдыха в надежде встретиться с Пией.

У нее, несомненно, были врожденные способности передавать и принимать мысли. Причем, Пия знала об этом. Первый барьер уже преодолен. Конечно, на то, чтобы обучить ее передавать и принимать образы, уйдет определенное время, но она уже и так многое умеет, умеет контролировать свои способности. Он вспомнил ее поведение за столом. Быстрая, сообразительная, красивая — все это притягивает к ней людей.

— Ты когда-нибудь пользовался «Пентаксом» в своей работе? — услышал он вдруг голос Лью.

— В микрофотографии, — ответил Ориент без видимого интереса.

— Объектив Такумар, — подключился Престо.

— Да, очень подходящий.

Они начали долгий профессиональный разговор, а Ориент начал обдумывать свои планы с видеозаписями: ему вдруг захотелось поработать над ними. В раздумьях Ориент вышел из комнаты и побродил по коридору, когда же он опять вернулся, то увидел Джека, который в одиночестве сидел возле бара. Его жена Алиса находилась в другом конце комнаты в окружении Греты, ее дочери Гейл, Джанис, Раги, Сикса и Пии. Все они с интересом слушали то, что рассказывает Пия.

Ориент подошел к Кроу.

— Привет, док, — сказал Кроу: такое обращение говорило о том, что о работе Ориента над болезнью Джуди он уже знает.

Кроу был осторожным человеком, и его разговор вращался вокруг отвлеченных тем: они обсудили цены на выпивку и ручное шитье, поговорили о скорости корабля и о капитане.

Ориент слушал рассуждения Кроу, но внимание его было сосредоточено на женщинах, в частности, на Пии: она была центром энергии в комнате, и, независимо от того, говорила она или молчала, ее лицо излучало огромный энтузиазм.

Дочь Греты, Гейл, сидела возле Пии и не могла оторвать от нее глаз. Было заметно, что и другие женщины восхищены умом и красотой Пии.

Вскоре Алиса подошла к Джеку, а Грета увела свою дочь Гейл спать.

Ориент приблизился к Пии.

— У нас здесь небольшое пари, — сказала Пия. — Рага говорит, что успех спинномозговой трансплантации зависит от применения лекарств.

— А что вы на это скажете? — спросил Ориент.

— Я думаю, — начала Пия, — что все это работа ума.

Ориент с улыбкой произнес:

— Думаю, что Пия выиграла.

— Это нечестно. Оуэн, — возразила Рага. — Вы намеренно поддакиваете Пие.

— Возможно, — ответил Ориент. — Но в случае с Канн не использовались какие-то необычные лекарства. Да и нет лекарств, которые могли бы помешать отторжению тканей.

— Как тогда удалось привить столь нежную ткань? — не сдавалась Рага. — Вы не одолеете меня так легко, Оуэн.

— Сознание Канн было соответствующим образом подготовлено к операции, — сказал Ориент. — Мы работали над концентрацией воли, и ее сознание помогло телу выработать соответствующие вещества. Феррари провел блестящую трансплантацию нервной ткани, а сознание само позаботилось об излечении.

— Превосходно, — заметила Рага, поглядывая на Пию.

Джанис, как всегда, молча и с восхищением внимавшая всему, что делала или говорила Пия, сегодня казалась чересчур подавленной и утомленной, и Ориенту это сразу бросилось в глаза.

В этот момент к ним подошел Сикс и присоединился к беседе. Немного послушав, он спросил:

— Вы применили одну из форм гипноза, доктор? Гипнопсихотерапию?

— Никакого гипноза. Это специально разработанная методика, с помощью которой сознание само вылечивает тело, — возразил Ориент. — Доктор Ориент уверяет нас, что не применялось никаких лекарств, — сказала Рага.

— Вздор, — возразил на это Сикс. — Как же тогда можно

было обеспечить принятие организмом нервной ткани, которую трансплантировал Феррари?

— Только умением сознания концентрировать свои усилия, направлять их на физиологическую работу организма и гармонично ее использовать, — сказал Ориент уверенно. Он почувствовал себя неуютно и взглянул на Пию, которая, сжавшись, из своего кресла молча наблюдала за ним.

— Тогда это самовнушение, — выпалил Сикс.

— Да, самовнушение, — подтвердил Ориент, — оно направлено на то, чтобы сознание само определило слабые участки и запрограммировало клетки на выработку соответствующих веществ. Конечно же, использовалась и специальная сыворотка.

— Как бы то ни было, это большой успех, и вы — основной его виновник, — заявил Сикс. — И должны получить за это награду.

— Мне ничего не надо, — ответил Ориент.

— Вы будете с Феррари в белом доме при вручении награды? — спросила Рага.

Ориент посмотрел на нее и отрицательно покачал головой.

И тут Сикс сказал, что Пия и Джанис должны идти отдыхать.

— Я немного задержусь и поговорю с Оуэном, — с просьбой в голосе сказала Пия. — Мне хочется побольше узнать обо всем этом.

— Вы видите, все мы тут находимся под влиянием доктора Сикса, — сказала Рага и протянула Ориенту свою холодную руку.

Когда все ушли, Пия взяла Оуэна за руку, посмотрела на его ладонь, а стоило Пие начать говорить, как Ориент ощутил в основании черепа знакомое покалывание: между ними установился контакт, и Ориент послал ей вибрацию энергии своего сознания. По тому, как Пия сжала его руку, он понял, что сигнал принят.

— Твоя рука вызывает у меня образы, но я не могу их разобрать. Концентрация моей воли на что-то переключается.

— Это телепатия, — заметил Ориент.

— Неужели это возможно, Оуэн? — удивленно спросила Пия. — Это то, чем ты занимаешься?

— Да.

— А ты не мог бы и меня кое-чему обучить?

— Именно это я и собираюсь сделать, — ответил Ориент. — Ты не только восприимчива, но также обладаешь способностью передавать. Где ты этому научилась.

— Я всегда могла делать это. С детства. А сейчас — почти постоянно, — улыбнулась Пия.

— Когда мы начнем?

— Нам нужно время и уединенный уголок. Думаю, я знаю такое место.

— Где?

— Каюта рядом с нашей свободна. И, к тому же, она не закрыта. Думаю, что завтра днем мы сможем начать.

— Хорошо. Тогда до завтра, — ответил Ориент.

На следующее утро она в спортивном облегающем трико ждала его на палубе.

— Я готова, — приветствовала Ориента Пия.

— Отлично, — сказал Ориент. Он все время настраивал себя на мысль, что его цель сейчас — передача знаний, а не возможность заняться любовью с такой женщиной, как Пия.

— Начнём прямо сейчас и продолжим до обеда.

Пия повела его в каюту, находящуюся напротив той, где жил Сикс. Когда они проходили мимо каюты Сикса, Ориент почувствовал, что Пия насторожилась. Как только они вошли в каюту, она расслабилась.

— Подойдет? — спросила Пия и включила свет. Каюта оказалась меньше, чем та, в которой жил Ориент.

— Великолепно, — сказал Ориент и освободил середину каюты от мебели. — Садись на пол и начнем учиться дышать.

Они прошли через начальную стадию физических упражнений и перешли к контролю дыхания. Приступили к управлению концентрацией воли. У Пии все шло хорошо, кроме управления своим «я». От природы она умела управлять энергией таких основных эмоций, как гнев, страсть, страх, сексуальное влечение и могла ощущать это в других. Она все быстро усвоила, но ей было трудно посылать чистые мысленные образы. Достигая момента отделения от своего «я», она не могла перейти этой черты, но, несмотря на это, Пия с легкостью воспринимала мысленные образы, посланные Ориентом.

Полностью усвоив начальную технику, она пожелала продолжить занятия дальше.

— Не спеши. У нас еще неделя, — сказал Ориент.

И они направились в комнату отдыха, продолжая обсуждать технику овладения телепатией. Незаметно перешли к работе с Феррари.

— Феррари потребовал всех прав на мою работу, — объяснил Ориент. — Я не согласен с этим, и он, нарушив наш контракт, опубликовал результаты работы с Джуди.

— А ты уехал? — удивилась Пия.

— Да.

— Но ты продолжаешь свою работу? Ведь этим можно заниматься где угодно.

— Да, — ответил Ориент. — Но не всегда можно описать действие и результат. Целью исследований является приобретение знаний для дальнейших открытий.

К ним приблизилась Рага.

— Алистер везде тебя ищет, — обратилась она к Пие. — Джанис стало хуже, и Сикс хочет перевести ее в свободную каюту.

Пия тут же ушла к себе.

— А что с Джанис? — спросил Ориент Рагу.

— У нее анемия. Алистер предполагает, что это серьезно, — ответила Рага, и заметила: — Пия просто восхитительна, не правда ли?

— Да, — ответил Ориент, улавливая в речи Раги такой же акцент, как и у ее мужа.

— Рага, вы не с Карибских островов? — спросил он.

Рага улыбнулась.

— Да, с Мартиники. А как вы догадались?

— Немного жил на Гаити.

В этот момент Престо, оказавшийся поблизости, поднял свой фотоаппарат и снял их.

— Скажите, — начал Престо, — вы та самая Рага Сикс, которая владеет агентством фотомоделей в Нью-Йорке?

— Именно, — ответила Рага.

— Пия — одна из ваших моделей?

— Была, — поправила его Рага. — Я собираюсь открыть еще одно агентство в Риме, а Пия хочет мне в этом помочь. Доктор Сикс будет работать в Италии, и я не буду сидеть там без дела.

— Тогда, наверное, с ней нельзя будет заключить сделку? — спросил Престо.

— Думаю, что нет, — ответила Рага. — Она не согласится ни на какие съемки. — Затем, посмотрев на Ориента, задумчиво произнесла. — Сейчас ее больше занимает йога. — И ушла, прежде чем Ориент нашелся, что на это ответить.

До вечера следующего дня Пия и Ориент не смогли увидеться. Утром и днем Пия была с Джанис, которой становилось все хуже и хуже: ей, очевидно, требовалось переливание крови.

В баре Кроу хитро спросил Ориента:

— Вы же доктор? Что вы обо всем этом думаете?

— Я не знаю историю ее болезни, — резко ответил Ориент и пошел побродить по палубе, но начался дождь, и ему пришлось спуститься в каюту.

И вдруг он почувствовал Пию. За мягким прикосновением ее мыслей последовало изображение. Корабль, пробивающийся сквозь волны. Изображение ослабло, и после него осталось ощущение печали.

Ориент оделся и вышел на палубу.

Наверху бушевал настоящий шторм. Ориент, вглядываясь в темноту, почувствовал приближение Пии.

Он осторожно пошел ей навстречу, а когда приблизился вплотную, она резко повернулась, и он случайно наступил ей на ногу.

Под плащом она была совершенно обнаженной. Дождь и ветер трепали ее волосы и струйками стекали по телу.

— Ты слышал меня? — победоносно выкрикнула она. — Услышал? — Обняла Ориента за шею и, целуя, прижалась к нему.

— Каюта, — прошептала она, — пойдем.

Он послушно последовал за ней. Подойдя к своей каюте, она открыла дверь. Ориент вошел следом. Пия включила лампочку над одной из кроватей, достала из ящика два больших полотенца и передала одно из них Ориенту.

— Вытрись и ложись в постель, — прошептала она, осязая Ориента блеском зеленых глаз. — Я приму душ. — Она крепко поцеловала его. — И выключи свет, я смущаюсь.

Сердце Ориента бешено колотилось: его мысли были полны Пией, он был в восхищении от ее кожи, глаз, губ, ее энергии.

Открылась дверь ванной, и Ориент увидел неясный силуэт. Дверь закрылась, и в темноте Ориент слышал только мягкие шаги. Он ощутил прохладную гладкую кожу рук, которые сразу вызвали в нем желание. Ориент чувствовал трепет ее тела, слышал дыхание, превратившееся в прерывистое всхлипывание и усилившееся, когда он с силой сдвигал податливое тело в своих объятиях: оно начало извиваться под ним, слышались возгласы восторга, их тела начали неистово биться друг о друга, и только их частое дыхание нарушало тишину комнаты.

И тут вновь открылась дверь ванной.

— Я здесь, Оуэн, — раздался над ними женский голос.

Отпрыгнув, Ориент зажег свет над постелью. Возле стояла Пия. В изумлении он взглянул на ту, что только что была в его объятиях: это была женщина с серебристыми волосами, Рага. И тогда Пия прильнула к нему всем своим телом.

Она целовала Ориента, Рага щекотала его холодными пальцами внизу живота. Пия начала лизать грудь Ориента, заряжая его своей энергией, но поцелуи Раги его расслабляли. Пия медленно, торжественно накрыла его своим телом, и, когда он почувствовал, что упруго проникает в нее, его сознание распалось на тысячу частичек, которые, стораая, приносили ощущение блаженства.

Утром Рага ушла до того как звонок на завтрак мог бы разбудить ее мужа.

— Я была просто на седьмом небе, — прошептала Пия. — Это что-то просто невообразимое.

Начав одеваться, Ориент спросил:

— Как дела у Джанис?

— Она умерла, — равнодушно ответила Пия.

— Когда умерла? — растерялся Ориент.

— Поздно вечером, — сказала Пия, натягивая на себя простыню. — До того, как я позвала тебя. У нее была редкая

форма анемии. — Пия смотрела куда-то мимо него. — Джанис знала, что умрет. Доктор Сикс сказал нам обоим об этом.

— Обоим?

— Да. — Пия закрыла глаза. — У меня такая же болезнь.

12.

Днем доктор Сикс попросил Ориента осмотреть тело, а той же ночью, незадолго до рассвета Джанис была похоронена в море.

На небе не было ни облачка, среди звезд сияла луна, огни корабля сиротливо отражались в ровной глади воды. Ориент стоял чуть поодаль, наблюдая за ритуалом. Он очень тщательно осмотрел тело: все говорило о том, что Джанис умерла естественной смертью. Перед отплытием она известила судового врача о своем состоянии. После осмотра тела эконома корабля представил многочисленные бумаги, переданные капитану и подлежащие оглашению в случае смерти Джанис: все свои вещи она завещала доктору Сиксу и просила предать ее тело воде, а Ориент обратил внимание на тот факт, что в руках у эконома был еще один конверт — с именем Пии.

Ориент вспомнил первое впечатление от осмотра тела. На какое-то мгновение ему показалось, что под ее спокойными, на первый взгляд, чертами лица сокрыто на самом деле выражение неописуемого ужаса.

А его сознание ощущало присутствие враждебной энергии в каюте, наличие чего-то гниющего, горечи и отчаяния, и вибрация совпадала с той, которую последний раз почувствовал он в зове Пии.

Мешок с телом шлепнулся в воду. В этот момент Ориент достал из своего кармана листок бумаги. На нем был изображен квадрат внутри круга. Этот квадрат был разбит еще на 25 квадратиков, и каждый имел какой-то номер или знак. Все это было Тибетским Пентаклом, сопровождением умершего. Ориент свернул листок и бросил его в воду.

Весь следующий день Пия, Рага и доктор Сикс провели в своей каюте. Ориенту же пришлось отвечать на вопросы других пассажиров:

— Она была такая хорошая, — сокрушалась Грета.

— Судовой врач сказал, что та же болезнь у Пии, — добавил Лью.

Пия не выходила из своей каюты до следующего дня. Когда она поднялась на палубу, Ориент сидел на стуле, греясь на солнце.

— Привет, Оуэн, — сказала она, чуть улыбнувшись.

Ориент встал.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. — Улыбка Пии была естественной, но в глазах застыла отрешенность.

— Пия, — вдруг раздался голос Сикса.

Ориент, поздоровавшись с Сиксом, спросил:

— Как ее состояние?

— Состояние критическое, — мрачно ответил Сикс. — Я везу ее в свою клинику в Италии, где, надеюсь, смогу сделать для нее то, чего не успел сделать для бедной Джанис.

— Вы не покажете мне снимки и анализы Пии? Я имею определенные навыки в гемопатологии, — спросил Ориент.

— В этом нет необходимости, Оуэн, — с твердостью вмешалась Пия. — Доктор Сикс сделает все возможное.

— Конечно, конечно, — ответил Ориент. — Я лишь хотел помочь.

Теперь Пия появлялась только в сопровождении доктора Сикса. Рага же, казалось, не обращала на это никакого внимания.

Постепенно Пия оправилась и опять стала центром всеобщего внимания. Престо начал проводить много времени в общении с ней и Сиксом, прохаживаясь по палубе. Ориент занимался своими делами, Пия не проявляла никакого интереса к занятиям телепатией, но Ориент ждал случая, чтобы опять попросить у Сикса историю болезни девушки, хотя Сикс, судя по всему, намеренно избегал Ориента.

Установилась очень хорошая погода, и Пия начала принимать солнечные ванны в обществе Гейл, Престо и Ориента. Доктор Сикс всегда был поблизости. Пия очень редко общалась с Ориентом и даже когда разговаривала с ним, смотрела куда-то в сторону.

— Ты спишь? — донеслось до Ориента, когда он находился в состоянии медитации. Он приподнялся на локти: на стуле возле него сидела Рага.

— Ты спал? — с улыбкой повторила она.

Ориент кивнул головой.

— Меня так все это потрясло, — сказала Рага.

— Теперь тебе лучше? — спросил Ориент.

— Да, — ответила Рага. Она поднялась и подошла к перилам легкой, почти невесомой походкой. На ее лице была улыбка, но невозможно было определить, радуется она или грустит.

— Все было так неожиданно для меня, — сказал Ориент, имея в виду бурную ночь.

Рага улыбнулась.

— Приятно, я надеюсь?

— Очень.

— Я рада этому, Оуэн. Пия любит такие сексуальные иг-

ры. Думаю, тебе это тоже пришлось по вкусу. Мой муж влюблен в Пию.

— Да, она притягивает к себе, — подтвердил Ориент.

— О, она настоящая женщина, — согласилась Рага. — Фотографы просто жаждали ее. Даже после того, как она уволилась.

— У вас очень тесные взаимоотношения, — заметил Ориент.

— Раньше они были совершенно другими. А теперь Алистер любит Пию. И я понимаю, почему она хочет все попробовать. Ведь она может, как и Джанис, в любой момент умереть. Но все мы смертны. Я очень хорошо понимаю Пию. Я хочу познать границы жизни, Оуэн, — продолжала Рага, глядя прямо в глаза Ориенту.

После обеда Ориент остался у себя в каюте и занялся чтением книг. Он не хотел видеть Пию, так как все, что между ними произошло — было ее игрой. Ему также ни к чему было сталкиваться с Сиксом. Ведь Рага — его жена.

Вошел Престо и тяжело уселся в кресло.

— Доктор Сикс — пресмыкающееся, — заявил он.

— В чем дело? — спросил Ориент.

— Он сказал мне, что я вывожу его пациентку из равновесия и запретил общаться с ней. Но она ведь не его собственность! Он всего-навсего врач. Разве я не прав, Оуэн? Я думаю, что Пие надо просто избавиться от Сикса!

Ориенту вдруг пришло в голову, что Престо просто все называл своими именами.

На следующий день к завтраку вышел только Ориент: «Трабик» прибывал к месту назначения, и все остальные упаковывали свой багаж. После завтрака, на палубе, он занялся медитацией. Сначала дыхательные упражнения, улучшающие движение его сознания, и вдруг, по мере продвижения вперед, он уловил чужеродную инертность, вставшую на пути к концентрации его воли, ощутил чью-то неясную вибрацию, вгрызающуюся в его сознание.

Ориент открыл глаза и почувствовал сильную головную боль: его сознание говорило, что на корабле присутствует кто-то чужой и враждебный его естеству, кто-то очень умный и очень хищный. Он ощутил это и сейчас, во время медитации, ощущал это и раньше, когда осматривал тело Джанис и когда Пия звала его в ту дождливую ночь.

Сикс направляется в Неаполь. Наверное, стоит попросить Сорди последовать за ним. У Ориента не было никаких доказательств, но если все так, как он понял, то Пия находится в смертельной опасности.

И Ориент решил не спускать с Сикса глаз.

Он не хотел вторгаться в жизнь Пии, но убедиться в том,

что она в безопасности, было его долгом. Правда, не исключено, что он все преувеличивает...

Он посмотрел на линию горизонта. И вдруг вспомнил Джокки. Интересно, что рыжеволосый знал о докторе Сиксе?

Этой же ночью «Трабик» бросил якорь в Танжере.

На следующий день после обеда Лью пригласил всех в каюту для отдыха на шампанское. Все были в возбужденном состоянии и только и делали, что обменивались адресами. Ориент не разделял всеобщего возбуждения, но не отказался ни от одной визитки. Пия тоже вышла попрощаться, но была чем-то озабочена и чрезвычайно рассеяна.

Через какое-то время Ориент заметил отсутствие Пии и Престо, оглядевшись, он увидел Рагу. Она сидела в другом конце каюты совершенно одна.

— Надеюсь, вам понравится в Неаполе, Рага, — подходя к ней, сказал Ориент.

— Спасибо, Оуэн, — улыбнулась в ответ Рага. — Но если мой муж будет так же привязан к Пие, то эта поездка будет утомительной.

— Как доктор, я могу понять озабоченность Алистера, — продолжал Ориент.

— Вы, врачи, называете это персональным лечением, — ответила Рага.

— Что-то вроде этого.

— Как бы то ни было, но я, надеюсь, еще встречусь с тобой, — сказала Рага.

Утром следующего дня, когда Ориент собирал свои вещи, то неожиданно обратил внимание на то, что Престо не ночевал в их каюте. И все его вещи исчезли. По пути в каюту отдыха Ориент столкнулся с доктором Сиксом: Сикс был вне себя от ярости, даже не остановился и не ответил на приветствие.

Ориент было рассердился, но сбросил раздражение и пошел к столику, где оформляли паспорта.

Рага уже стояла здесь. Ее кожа имела какой-то голубоватый оттенок, и она едва держалась на ногах.

— Что-то случилось? — спросил Ориент.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка застыла на ее лице.

— Боюсь, что все безнадежно, Оуэн, — произнесла она. — Похоже, что Престо и Пия сбежали. Они покинули корабль, как только выгрузили его мотоцикл. Эконом сказал, что они просидели всю ночь, чтобы провернуть это первыми. А Алистер отправился за ними в погоню.

Ориент взял ее за руку.

— Что я могу сделать для тебя? — спросил он.

— Помоги мне уладить с билетом. Я не вынесу всего этого.

— Тебе плохо?

Рага прислонилась к нему со словами:

— Просто очень устала.

— Я сделаю все, что необходимо.

Рага вздохнула, и Ориент подумал: был это вздох облегчения или страха?

13.

Покинув корабль, Рага и Ориент устроились в соседних гостиницах.

Болезненное взвинченное состояние Раги беспокоило Ориента, кроме того, он был озадачен бегством Пии от своего врача.

На следующий день Ориент позвонил Раге и заметил, что голос ее звучал бодрее. По дороге к ней он купил букет желтых роз.

Увидев цветы, Рага воскликнула:

— Они просто великолепны! Это мой любимый цвет. — И поцеловала Ориента в щеку.

— Тебе лучше? — поинтересовался Ориент, когда они спустились в ресторан.

— Гораздо.

Ориент придвинул ей стул, и сам сел напротив.

— Есть известия от Алистера?

— Пока никаких.

Некоторое время они помолчали.

— Ты знаешь, — начала Рага. — здесь так тихо и спокойно. Все кажется таким далеким.

— Да, первое впечатление именно такое. — согласился Ориент. — Но у Танжера специфическое прошлое. Невольничьи рынки, контрабанда и свои собственные законы.

Рага улыбнулась.

— Звучит довольно интригующе. Может быть, как-нибудь всерьез поищем экзотических приключений?

— Боюсь, что они уже запланированы фирмой Америкен Экспресс, — ответил Ориент.

Рага засмеялась. И в ее смехе было что-то вызывающее.

После ланча Рага поднялась к себе переодеться. Ориент ждал ее в холле, раздумывая о своих планах.

— Я готова, Оуэн, — прервал его размышления голос Раги, он поднял голову и отметил, что она была просто великолепна в своем наряде.

— Думаю, сегодня же весь Танжер будет у твоих ног! — в восхищении произнес он.

— А ты? — услышал он в ответ.

— А я буду самым первым, — признался Ориент.

Они начали осмотр города с европейского квартала, затем вышли к рынку. От рынка в разные стороны, как лучи, расходились двенадцать улиц, уходящие в глубь города к районам, где жило местное население. Все для западного человека казалось здесь экзотическим. Особенно, лавки, в которых можно было купить все, что угодно.

Наконец они выбрали дорогу, ведущую к легендарному Казбаху, но по пути остановились в кафе и выпили горячего чая с мятой.

— Оуэн, это просто изумительно! — воскликнула Рага. — Это как тысяча и одна ночь.

— С современным уклоном, — ответил Оуэн. И вдруг услышал рядом:

— Эй, хочешь марихуану?

Обернувшись, он увидел мальчика лет десяти.

— Первоклассная травка, — продолжал тот.

Ориент отрицательно покачал головой.

— Нет, спасибо, — ответил он по-арабски.

— Вы что, марокканец? — требовательно спросил удивленный мальчик.

— Нет, — возразил Ориент, — но я изучал твой язык.

Мальчик поднял вверх руку и произнес:

— Я знаю пять языков: арабский, французский, итальянский, английский, и немецкий.

— Очень хорошо, — ответил Ориент. — Твоя семья должна гордиться тобой. Ну, всего хорошего.

Однако мальчик не уходил.

— Что еще? — спросил Ориент.

— Мне нужны деньги на кино.

— Ах, да, конечно, — произнес Ориент и дал мальчику монету. Тот положил ее в карман и, глядя на Рагу, спросил:

— Это ваша жена?

Рага улыбнулась и ответила первая:

— Да, он мой мужчина.

— Ваша жена очень красивая, — сказал мальчик, переводя взгляд на Ориента.

Пока Ориент глядел вслед убегающему мальчику, его сознание было переполнено словами Раги.

Вечером они обедали у нее в номере.

— Мне давно не было так хорошо, как сегодня, — сказала Рага.

— Ты прекрасна, — ответил Ориент.

— Было бы просто замечательно, если бы можно было остаться здесь, — мечтательно произнесла Рага.

Ориент кивнул в ответ.

— Мы как будто летим на волшебном ковре.

— Интересно, когда Алистер даст о себе знать? — произ-

иес Ориент. Мысль о том, что Рага все-таки жена Сикса, начала тяготить его.

— Пожалуйста, Оуэн, давай не будем об этом говорить. Я хочу, чтобы эти дни были только нашими.

— Хорошо, Рага. Если ты так хочешь...

— Это единственное, чего я хочу, — подтвердила она.

После обеда они стояли возле двери на террасу, любовались видом бухта, а когда откуда-то издалека донеслась ритмичная музыка, начали танцевать.

В танце Ориент поцеловал Рагу. Она с жаром ответила на поцелуй, ее теплый язык мягко заерзал у него во рту, ее руки скользнули к нему под рубашку, и он почувствовал нежное прикосновение ее пальцев. Рага повела плечами, и платье оказалось у ее ног. В истоме опускаясь на коврик, она потянула Ориента на себя, и они слились в единое целое. Он был ненасытен, словно утомленный жаждой путник, который после долгих скитаний наконец нашел источник свежей воды.

Следующие десять дней Рага и Ориент не разлучались. Они бродили по улицам города, и каждое новое впечатление давало импульсы их чувствам.

— Как я хочу, чтобы мы не расставались, — сказал Ориент, когда однажды они лежали рядом на пляже.

— Ты, наверное, читаешь мои мысли, — ответила Рага. — Я думала об этом все последнее время. Наверное, это возможно, но не сейчас.

— Почему нет? — воскликнул Ориент.

— Алистеру, конечно, все равно, чем я занимаюсь, но он очень упрям. И единственное, чего я хочу — чтобы он нашел Пию.

Ориент нахмурился.

— Нам-то что от этого?

— Если Алистер будет занят Пией, то ему захочется отделаться от меня. Нам хорошо сейчас, и давай не думать о будущем. Я знаю только, что очень привязалась к тебе и мне не хотелось бы с тобой расставаться.

В этот момент они обратили внимание на приближавшегося к ним посыльного.

— Вам телеграмма, мадам, — выпалил посыльный.

— Это от Алистера, — прошептала Рага. — Спасибо, ответа не будет, — сказала она.

Ориент машинально сунул посыльному монету, и тот убежал.

— Алистер нашел Пию в Маракеше, — прочитав телеграмму, сказала Рага. — Завтра днем они будут здесь, и мы отправляемся в Италию. Я должна поехать с ним, Оуэн. Постараюсь убедить его отпустить меня.

— Что ты можешь ему сказать?

— Ты не знаешь Алистера. Я поговорю с ним в открытую. Не хочу прятаться и убегать.

С этими словами она крепко его поцеловала.

— Я люблю тебя, Оуэн, — прошептала она. — И если попрошу подождать, то только ради нашей любви.

Весь вечер они обсуждали, как себя вести. Ориент не любил интриг и хотел начистоту поговорить с Сиксом. В конце концов Рага согласилась на это. Но было видно, что она испытывает какой-то неестественный страх, и в эту ночь Ориент не остался у Раги.

Он долго не мог заснуть, а потом зазвонил телефон.

— Оуэн? — Это была Рага.

— Да.

— Приехали Алистер и Пия. Он хочет, чтобы мы отправились в путь завтра же.

— К чему такая спешка?

— Не знаю. Пия очень утомлена и ни о чем не хочет говорить.

— Я сейчас приду.

— Нет. Лучше я сама все улажу. Почему бы тебе не подождать до вечера?

— Хорошо.

— Не беспокойся, мой милый. Мы должны быть терпеливыми. Нам нужно время. Пожалуйста, Оуэн. Ради меня. — В трубке послышались гудки.

Ориент попытался заснуть, но затем поднялся, сел на полу и начал упражнения Янь, стараясь очистить свои мысли от потоков сомнений.

Освободив энергию мышц, собрал ее в единый контролируемый поток. И, каждый раз, повторяя упражнение, он переводил концентрацию воли с работы органов тела на источник энергии — свое дыхание.

Он регулировал поток воздуха, вдыхая ноздрями и выдыхая ртом, и одновременно делая движения телом, и добиваясь того, чтобы дыхание и движение слились в едином ритме. Затем лег на пол и замер.

Он почувствовал естественную гравитацию земли, концентрируясь, усилил дыхание, переходя от четырехтактного к более сложному ритму, стараясь подключить к упражнениям все резервы своего идеально настроенного тела.

Прислушиваясь к вариациям, он вернулся назад, к источнику далекой музыки, и наконец услышал ее — мягкую и безмятежную, а, кроме того, уловил и высокий диссонирующий звук, который нарушал гармонию его энергии. В его сознании этот звук вызвал чувство горькой печали, давал то же ощущение, что и в ночь смерти Джанис.

Это было чем-то беспорядочным, хищным, и его медитация прервалась внезапным приливом чувства к Раге: она была беззащитна против доктора Сикса.

Начав одеваться, Ориент вдруг подумал, что его порыв не может быть основанием для конфронтации с Сиксом, и решил, что все это будет выглядеть глупо. Он остался в своем номере до полудня, а перед обедом решил прогуляться.

Побродив по уже знакомым улицам, он зашел в поллюбившееся кафе, выбрал столик под деревом, откуда можно было смотреть на улицу.

В кафе почти никого не было. Ориент достал сигарету, закурил.

Ему подали его любимый черный чай с мятой. Покуривая и попивая чай, Ориент обдумывал ситуацию, в которой оказался. Он любил Рагу. Она любила его. Но нужно было время, чтобы все уладить. Рага была права.

Посидев еще немного, он, выбрав самую короткую дорогу, отправился к отелю.

Рага открыла дверь, быстро поцеловала его и прошептала:

— Я еще ни о чем с ним не говорила. Придется немного подождать! — Вновь поцеловала и громко произнесла:

— Привет, Оуэн. Входи. Мы ждем тебя.

Ориент прошел за Рагой в комнату: Алистер Сикс стоял у окна, Пия сидела в кресле и совершенно равнодушно кивнула Оуэну.

Сикс поприветствовал Ориента и указал на стул.

— Я должен поблагодарить вас за внимание к моей жене.

— Ей было очень одиноко, — заметил Ориент.

— Думаю, в Италии ей будет гораздо лучше, — продолжил Сикс.

— У вас в Италии клиника? — спросил Ориент.

— У меня на острове Ичия лаборатория. Думаю, вы знаете, где это.

— Слышал.

Ориент никогда там не бывал, но Сорди часто рассказывал ему о местности, в которой родился.

— Это возле Капри, не так ли?

— Именно там, — кивнул Сикс. — Это остров на вершине потухшего вулкана с лечебным климатом. Я провожу там свои эксперименты. Это поможет спасти жизнь таким, как Джанис и Пия. — Сикс повернулся к Пие со словами: — Только мои пациенты не всегда знают, чего хотят.

— Расскажи мне о Танжере, Оуэн, — внезапно произнесла Пия. — После Маракеша я хочу побольше узнать об этой стране.

— Престо все еще в Маракеше? — спросил Ориент.

— Думаю, что да.

— Ох, уж эти бедные страны, — начал Сикс. — Антисанитария, болезни и дурные привычки. Я рад, что завтра мы уедем отсюда.

За обедом они говорили о «Трабике», о магазинах и ресторанах в Танжере. Рага с увлечением рассказывала о городе, постоянно поглядывая на Ориента. Пия была в подавленном настроении. Говорила мало, ничего не ела, а Ориента очень беспокоило, что же произошло с Престо.

— Вы видели Престо в Маракеше? — наконец спросил Ориент.

— Да, я видел этого парня, — ответил Сикс.

— Извините меня, — вмешалась Ния. — Я все еще плохо себя чувствую. Была рада увидеть тебя, Оуэн. — Она поднялась и ушла в свою комнату.

— Вы говорили о Престо, — продолжил опять Ориент, несмотря на умоляющий взгляд Раги.

— Доктор Ориент, — не спеша начал Сикс, — моя работа находится в завершающей стадии. И сыворотка, которую я разработал, поможет очень многим. Это чрезвычайно важно. А ваш Престо довел Пию до приступа и подверг ее жизнь и мою работу опасности.

— Так вы видели его в Маракеше? — настаивал Ориент.

— Он там в госпитале, — прошипел в ответ Сикс.

— Что с ним? — Мысли Ориента начали свое движение.

— У него кома от большой дозы наркотиков.

— И вы его там оставили?

— Поведение вашего друга, — продолжал Сикс, — серьезно угрожало моей пациентке. Он нарушил все мои планы. — Голос его был спокоен, но в каждом слове чувствовалась дикая ярость. Теперь Ориент понял, почему Рага нервничала, а Пия молчала: они просто боялись Сикса.

— В каком же Престо госпитале?

— Во Французском, — ответил Сикс и вышел.

— Он не всегда был таким, — прошептала Рага. — Он изменился. Этот эксперимент как-то повлиял на него.

— Почему ты так считаешь? — спросил Ориент.

— Он всегда был высокомерным, но добрым и человечным. А теперь он как одержимый.

— И поэтому ты боишься?

Рага, помолчав, взяла его руку в свою.

— Я хотела сказать об этом весь вечер, — прошептала она.

— Ты не ответила на мой вопрос.

— Да, я стала бояться его. Вот почему нам надо подождать. Я люблю тебя, Оуэн. Ничего не изменилось, — сказала Рага.

— Но я очень беспокоюсь о тебе!

— Давай подождем несколько недель, месяц. Поживи

здесь, в Танжере. А потом приезжай на Ичию. Обещаю, тогда я уеду с тобой.

— А если что-нибудь произойдет?

— Ничего не произойдет, если мы будем терпеливы.

— Хорошо, сделаем так, как ты говоришь. Подождем месяц, но не больше.

— Да, дорогой, и тогда мы будем вместе.

Ориент помолчал.

— Ориент, прошу тебя, приезжай на Ичию.

— Непременно. Если произойдет что-либо необычное — дай знать, — говоря это, Ориент обратил внимание на выставленные возле двери чемоданы. Среди них была и черная докторская сумка. Что-то в ней показалось Ориенту знакомым: это была именно та сумка, которую он доставил Поле Глизон от Джокки.

— Жду тебя, дорогой, — сказала Рага.

Придя к себе в номер, он отдал необходимые распоряжения относительно корреспонденции и просмотрел расписание поездов. Он поедет к Раге через месяц, но за это время успеет кое-что выяснить. Ему придется поехать в Маракеш и разузнать, что же на самом деле произошло с Престо: надо понять, правду ли говорил Сикс.

О Престо у Ориента сложилось мнение, как о серьезном молодом человеке, а не как о законченном наркомане. Его любимым занятием были фотоаппараты и мотоцикл. И он опять вспомнил о сумке. Ориент доставил сумку, которая сейчас была у Сикса, и после этого Пола умерла. Связь, конечно, слабая, но Ориент почувствовал, что все это очень важно, и, в определенной степени, имеет зловещий смысл: Пола, Джанис и теперь Престо.

Собирая свои вещи, Ориент подумал, что Престо известна причина побега Пии от Сикса, но, поняв необходимость того, что он решил предпринять, Ориент также ощутил присутствие чего-то чужеродного и зловещего, пытающегося проникнуть в его сознание.

14.

К неудовольствию Ориента в Маракеш можно было попасть только на следующее утро к шести часам. Всю дорогу он пытался избавиться от напряжения, но так и не смог. Поначалу ему думалось, что расставание с Рагой — это окончательная потеря, но потом он понял, что сможет помочь ей, только выручив из беды Престо.

Существовало две версии: либо Престо действительно на-

ркоман, либо он — жертва, и доктор Сикс лжет. Если Престо принял сверхдозу наркотиков, то Ориент мог бы ему помочь. И это значит — Рага в безопасности. Но если Престо стал жертвой насилия, то Сикс скрывает какие-то факты. И тогда надо немедленно ехать к Раге.

Перед рассветом он заснул, и ему приснился необычный сон. Ориент увидел себя маленьким мальчиком. На нем — голубая одежда, а на голове — тюрбан, он стоит среди зрителей на рыночной площади и следит за выступлением одетого в старую военную форму жонглера.

Жонглер жонглировал четырьмя серебряными шарами, которые сверкали и блестели на солнце.

Поезд остановился, от толчка Ориент проснулся и выглянул в окно. Прошедший по вагону кондуктор предупредил, что через 20 минут они прибывают в Маракеш.

Маракеш показался Ориенту неинтересным и безжизненным. Комната в отеле была маленькой. Он прилег отдохнуть, а через полчаса поднялся, принял душ, побрился. Спустился вниз и узнал, что Французский госпиталь находится недалеко от отеля, на противоположной стороне площади.

На площади царил шум от пестро разодетой толпы. Подойдя поближе, Ориент увидел, что зрители группируются вокруг рассказчиков, танцоров, укротителей змей, ручных обезьян, акробатов, фокусников, врачей-лечителей, оракулов.

Пробираясь через это скопище людей, Ориент вдруг увидел взлетающие в воздух сверкающие серебряные шары. Он остановился, затем, припоминая свой недавний сон, приблизился к этому месту, но жонглер оказался высоким, костлявым человеком в широкой белой одежде. Отойдя в сторону, Ориент заинтересовался, где же находится Французский госпиталь. Один из зрителей указал ему на трехэтажное бетонное здание. Ориент направился к госпиталю и не заметил, как следом за ним тут же пошел какой-то мальчик.

Внутри было тихо. Он спросил у сестры о Престо. Ему предложили немного подождать. Через некоторое время она вернулась в сопровождении невысокого, полного мужчины в белом халате.

— Я доктор Хамид, — представился тот.

Затем внимательно посмотрел на Ориента и спросил:

— Вы хотите навестить мистера Уолласа?

— Да, я его друг. Я — доктор Ориент.

Мужчина кивнул в ответ, направился к лестнице. Ориент пошел за ним, и Хайд на ходу сказал:

— Возможно, вы кое-что проясните нам относительно мистера Уолласа, доктор Ориент. По правде говоря, мы в затруднительном положении.

— Какие у него симптомы?

— Он был найден в состоянии комы в своем номере в отеле. Первоначальный диагноз — частичная асфиксия в результате отравления наркотиком. Здесь от этого многие страдают. Очень многие молодые люди из Европы и Америки, — Хамид начал подниматься по ступенькам. — Но после критической точки кома слишком затянулась. Ему следовало бы уже прийти в себя. Все наши анализы — отрицательные. Возможно, мы чего-то не знаем о нем? — И он взглянул на Ориента.

— Всего несколько недель назад мистер Уоллас был в прекрасном состоянии, — покачал головой Ориент. — Кто его сюда привез?

— Девушка, его подруга. Но, боюсь, что она уже уехала из Маракеша. Вы поймете, что я имею в виду, когда сами осмотрите его, — сказал Хамид, направляясь вдоль длинного коридора, останавливаясь возле одной из дверей и открывая ее.

— Я сейчас принесу его карточку, — произнес это, он оставил Ориента одного.

Ориент вошел в палату. Она была небольшой, но светлой. Престо лежал с закрытыми глазами, его лицо было необычайно белым и спокойным.

Ориент приступил к осмотру. Пульс слабый, дыхание неглубокое. Он очень внимательно осмотрел голову Престо. Повреждений нет. Ориент осторожно поднял веко. Зрачок не помутнел, совершенно прозрачный, но глаза Престо излучали какой-то необыкновенный блеск.

И это было единственным, что говорило о теплящейся еще жизни. Само же тело казалось совершенно лишенным силы.

Когда Ориент лучше всмотрелся в глаза Престо, то по его коже пробежал холодок, а сознание восприняло присутствие поблизости чужеродной энергии, той самой энергии, наличие которой он ощутил с призывом Пии там, на корабле, и той же самой вибрации, которую он почувствовал возле тела Джанис.

Кровать с лежащим на ней Престо находилась внутри сгустка этой энергии. Ориент отступил назад, подавляя в себе желание уйти из палаты.

Он никогда раньше не чувствовал ничего подобного, и сейчас понял, что вокруг мертвого тела Джанис были остатки этой зловещей энергии. Здесь же эта энергия была активной, источающей мерзкое, отвратительное зловоние, душившее его сознание.

— Как видите, доктор, симптомы сбивают с толку, — раздался голос Хамида, который отключил внешнее внимание Ориента, но внутренне Ориент продолжал ощущать невидимое присутствие этой зловещей энергии.

Хамид передал Ориенту большой пакет. И пока Ориент внимательно изучал его содержимое, доктор Хамид подошел к окну и открыл его.

— Такое впечатление, что тут постоянно нечем дышать, — произнес он. — Давление крови очень низкое. И наркотики в ней не обнаружены, хотя следы от уколов на теле есть. Как видите, он находится в критическом состоянии. Его подкармливают внутривенно, но, несмотря на это, он каждый день теряет силы...

Ориент передал назад карточку и сказал:

— Я хотел бы взглянуть на следы от игл.

Хамид показал ему отметины на левом плече Престо и две на внешней стороне локтя. Они казались более старыми, чем те, что делались внутривенно. Это могли быть следы вакцинации, витаминной инъекции или наркотиков. Ориент опять приподнял веко Престо и сказал:

— Возможно, прозрачность зрачка обусловлена усиленной деятельностью щитовидной железы или слизистой оболочкой гланд.

Хамид посмотрел на Престо.

— Возможно, — медленно произнес он. — Но чем это вызвано?

— Резким уменьшением или увеличением жидкости в организме, — ответил Ориент, опуская веко.

Хамид рассеянно кивнул в ответ, сказав:

— Разумеется, дополнительные анализы не повредят.

— Ни к чему все это, — сказал Ориент. — Я понятия не имею, что с мистером Уолласом. Вы сказали, что анализ крови в норме?

— Вполне. Но, может быть, он не в состоянии вырабатывать ее в достаточном количестве?

— Это подтверждается активностью гланд.

Хамид что-то записал в свой блокнот.

— Спасибо, доктор Ориент. Я постараюсь установить причину дисфункции гланд. Вы еще что-то желаете узнать?

— Нет, не сейчас. Я буду завтра.

— Очень хорошо. — Доктор Хамид широко улыбнулся и пожал Ориенту руку. — Я был очень рад возможности поучить ваш совет.

Ориент слегка наклонил голову и сказал:

— Значение моего совета исходит из ваших заключений, доктор Хамид. Спасибо за хороший прием.

Провожая Ориента, Хамид сказал:

— Чтобы закончить все анализы, нам потребуется несколько дней.

Сознание Ориента все еще ощущало эту мерзкую энергию. Он пожал Хамиду руку и стал спускаться по ступенькам.

Солнце было уже высоко в небе. Когда Ориент вышел на тротуар, его слух опять уловил барабанный бой на площади. Неожиданно он почувствовал себя очень уставшим.

Оглядываясь в поисках экипажа, Ориент заметил, что к нему приближается какой-то мальчик.

— Вы доктор? — произнес мальчик по-английски, обнажая улыбкой беззубый рот: ему было, наверное, лет девять.

— Илиши, — ответил Ориент по-арабски. — Уходи.

Его неприятно удивило, что мальчик знает его, как доктора.

— Пойдемте, сэр, — опять улыбнулся мальчик. — Меня послали найти вас и привести, — на ходу выговаривал он, не поспевая за Ориентом.

— Уважай старших, — сказал Ориент на арабском, — и не мешай людям.

Мальчик забежал вперед и загородил Ориенту дорогу, расставив в стороны руки.

— Пожалуйста, сэр, выслушайте меня.

Ориент остановился и полез в карман.

— Мне не нужны деньги, сэр, — быстро произнес мальчик.

Ориент внимательно посмотрел на него.

— Я — Юсеф. Свои деньги приберегите для базара.

— В чем же тогда дело? — спросил Ориент, наклоняясь к мальчику.

— Я — Юсеф, — повторил мальчик. — Меня послал Ахмехмет.

— А кто такой Ахмехмет? — с улыбкой спросил Ориент.

Лицо мальчика подобрело, и он с горечью произнес:

— Он мой учитель.

— А что он хочет от меня?

— Мне он этого не сказал, — пробормотал Юсеф. — Он велел найти английского доктора, который приедет сегодня.

Ориент выпрямился.

— О'кей. Я пойду с тобой, но если это детская игра, то я очень рассержусь на тебя.

На это мальчик ничего не ответил.

Они миновали торговую площадь и дальше пошли по каким-то улицам-лабиринтам, поворачивая то налево, то направо.

Наконец Юсеф остановился возле ювелирной лавки, раздвинул шторы на дверях и впустил Ориента внутрь. Комната была большой и богато обставленной.

— Добро пожаловать, — раздалось на английском языке. — Вы достаточно долго путешествовали, прежде чем добрались до нас!

Ориент увидел невысокого мужчину, и ему подумалось, что он знает этого человека, и еще он определенно вспомнил, где слышал эту фразу: это были слова традиционного приветствия между неопитом и учителем. Он уже слышал их. На Тибете.

— Путешествие — как поток воды, — произнес Ориент, пользуясь традиционным ответом.

Мужчина с улыбкой направился к нему.

— И вода находит того, кто испытывает жажду, — закончил он ритуал и вплотную подошел к Ориенту.

— Мой дом — ваш, а вы — мой почтенный гость, — сказал он.

— Боюсь, что здесь какая-то ошибка, — усомнился Ориент.

— Думаю, что нет, — возразил мужчина. — Но если вы думаете, что здесь ошибка, то мы должны это проверить. Вы долго путешествовали? — продолжал он.

Ориент в ответ только махнул рукой.

— Идемте, — наконец произнес мужчина, — вы должны выпить со мной чай.

Ориент заколебался, но все же принял приглашение. В голове у него вертелись вопросы о том, кто этот человек, зачем он посылал за ним, почему приветствовал его традиционными словами Чистого Знания?

Войдя в соседнюю комнату, Ориент увидел низенький стол, вокруг него лежали подушки. Он уселся на одну из них.

Мужчина наполнил пиалы чаем и сел рядом.

— Я Ахмехмет, — проговорил он, улыбаясь.

— Зачем вы послали за мной?

— Возможно, я ошибся.

— Путешествие полно иллюзий, — вспомнил Ориент почти забытые слова.

— Это правда. Для того, чтобы закончить путешествие, нужно много времени, — ответил Ахмехмет.

Ориент осмотрелся. Символы, украшавшие стены этой комнаты, были священными знаками, взятыми из кабалы — книги семитской магии.

— Путешествие само закончится вовремя, — произнес Ориент тихо.

Вдруг глаза Ахмехмета расширились.

— Скажи мне, — произнес он, наблюдая за реакцией гостя, — ты знаешь название карты, которая привела тебя сюда?

Этот вопрос смутил Ориента. Видимо, чтобы расположить Ахмехмета, кроме традиционного приветствия он должен знать еще что-то. И тут он вспомнил карту, которую Джокки оставил вместе с билетом.

— Эта карта — Дурак, — ответил Ориент.

— Вот именно, — ответил повеселевший Ахмехмет.

— Тот человек, который дал мне эту карту, послан вами? — спросил Ориент.

— Нет! Этот человек действовал согласно своей судьбе. Он ничего не знает о Девяти Неизвестных.

— А вы знаете этих Девятерых?

Ахмехмет утвердительно кивнул в ответ.

— Тебя послал мне Ку. Услышав имя учителя, Ориент

почувствовал облегчение. Никто из последователей Чистого Знания не знал, что Ку является его инициатором, и никто, кроме Ку не мог направить его к другому мастеру.

— Я отношусь к пятому уровню, самый младший из Девяти. Ты видел меня раньше, — ответил на немой вопрос Ориента Ахмехмет. — Этим утром. Когда подъезжал к Маракешу.

И тут Ориент вспомнил свой сон, и все сомнения и тревоги растворились в потоке спокойствия, втекающем в его сознание.

15.

Первое, что осознал Ориент, проснувшись следующим утром, был отдаленный барабанный бой. Вглядываясь в полумрак, стал привыкать к новому окружению. Он в доме Ахмехмета. В маленькой спальне, расположенной в глубине лавки, кроме него никого не было. Кроватью служила огромная подушка возле стены. Рядом стоял его чемодан. Это Юсеф принес его.

Ориент понял, что попал к Ахмехмету для постижения следующей фазы своего развития. Несколько лет тому назад Ориент побывал у Ку на Тибете в качестве неофита, до этого и не подозревая о существовании такого человека, как Ку.

Там Ориент овладел искусством раскрывать свое тело и разум энергии Вселенной; научился пользоваться возможностями своего сознания: переделывать мысли, получать образные сигналы; познал суть и предназначение своей судьбы через свои жизни. И постиг устрашающую мощь Девяти Неизвестных.

Об их силе никогда не говорили в открытую, но Ориент знал, что каждый из этой девятки владел всеобъемлющей наукой, которая охватывала строение и предназначение Вселенной, включая и существование человека.

Ориент знал, что его умение концентрировать свою волю, — ничто по сравнению с величию Ку и остальных восьми. Ведь объединенная воля всех Девяти может даже изменить положение самой Земли. То, что он узнал у Ку, не шло ни в какое сравнение с тем, что он знал раньше.

И теперь он здесь для того, чтобы постичь еще одно измерение истины. И научит его этому человек, у которого он сейчас гостит.

Ориента беспокоило состояние Престо и незащищенность Раги, но присутствие рядом Ахмехмета, одного из Девяти, придавало ему ощущение силы и безопасности.

Он встал и начал медитацию упражнениями Янь. Сознание проследило все этапы развития, достигнув начала всех начал.

И даже после того как Юсеф прервал его медитацию, сознание Ориента оставалось еще там.

— Доброе утро, — произнес Юсеф, чувствуя себя скованным в присутствии гостя учителя.

— Доброе утро, Юсеф, — весело ответил Ориент и добавил на арабском: — Я могу говорить на твоём языке.

— Ахмехмет велел мне говорить с вами по-английски. Чтобы усовершенствовать свою речь. Вам пора идти. Ахмехмет ждёт.

Ахмехмет сидел на подушке возле столика, заставленного яствами. Увидев Ориента, он сказал:

— Садитесь доктор. Ешьте. Вы голодны после сна.

— Спасибо, — ответил Ориент, усаживаясь: он действительно был голоден.

— Ваш друг в госпитале все еще без сознания.

Ориент посмотрел на Ахмехмета и спросил:

— Вы знаете его?

— Нет. Я знаю о нем не больше любого лавочника. Просто его состояние — предмет местных сплетен. Я знаю одно: ты послан ко мне для постижения второго уровня. Твоя и моя судьбы соединились. Но у каждого из нас много судеб и много путей. Твой друг — это один из твоих путей. Меня же здесь заботит только твой выбор.

Ориент закончил есть и налил себе чаю.

— Мой выбор — это остаться здесь, пока не станет ясно, что мне пора уходить.

Ахмехмет одобрительно кивнул, взял трубку и затянулся. Затем предложил ее Ориенту, но тот вежливо отказался. Ориент достал свой серебряный портсигар и положил его на стол перед Ахмехметом.

Ахмехмет взял портсигар и стал рассматривать узор.

Ориент почувствовал легкий толчок в основании мозга и понял, что Ахмехмет при помощи узора входит в состояние сопереживания его сознанию.

— Ты уже долго находишься на распутье, — сказал тихо Ахмехмет. — Твоя карма и твоя работа переплелись. Ты должен быть очень осторожен в выборе своей судьбы. Этот выбор только за тобой. Я даю тебе лишь способы. Но выбор — за тобой. Сегодня у меня в лавке дела, а Юсеф отведет тебя на площадь. — Он вернул Ориенту его портсигар. — Ты знаешь, что на берберском означает Дьема эль Фна?

Ориент улыбнулся.

— Это означает Мечеть Возрождения.

— Вот именно, — произнес Ахмехмет. — Хамндуллах.

— Хамндуллах, — ответил Ориент на арабском. — Спасибо Господу.

Оставшуюся часть дня Ориент бродил по лабиринтам улиц. Возле него постоянно находился Юсеф.

— Сколько тебе лет? — спросил он мальчика.

— Скоро десять, — ответил тот.

— Можешь показать дорогу на площадь, к акробатам?

— Конечно, — ответил Юсеф и пошел впереди.

Наконец они оказались на площади, и Ориент остановился возле акробатов. Их движения напомнили ему о его собственном балансе.

Ему надо помочь Престо и уберечь Рагу. Он — у основания пирамиды и не знает, какая сила управляет всем сверху.

Юсеф направился к другому кружку, где выступал фокусник. Полубоившись его номерами, они двинулись дальше.

— Это очень хороший фокусник, — сказал Ориент.

— Все так говорят, — ответил Юсеф. — А ведь это мой отец.

Побродив еще по площади, они направились в лавку Ахмехмета.

Добравшись наконец до места и войдя в лавку, Ориент усталое уселся за стол.

— Ну, что скажешь о Дъема Эль Фна? — спросил Ахмехмет Ориента, располагаясь рядом.

— Очень понравилась. Юсеф показал мне все кварталы.

— Да, Юсеф — сообразительный ученик.

В этот момент в лавку вошли двое мужчин. Ахмехмет отошел к ним, а когда мужчины ушли, Ахмехмет снова подсел к Ориенту.

Немного помолчав, он спросил:

— Ты знаешь значение узора на твоём портсигаре?

— Это знак моей судьбы.

— Это знак особой судьбы, — поправил его Ахмехмет. — Этой судьбе предначертано соединить человеческий мир с Чистым Знанием.

Ориент вытащил портсигар и внимательно всмотрелся в узор.

— Такой же знак был у Пифагора, — продолжал Ахмехмет.

— Вы имеете в виду математика?

— Да. Но он был больше, чем отец геометрии и больше, чем предсказатель закона всемирного тяготения. Он стремился к великой цели — перевести все знания древних египтян и иудеев в систему чисел и сопоставить между собой.

В лавку вошла женщина, и пока Ахмехмет был занят, Ориент сидел и размышлял о том, что Пифагор, согласно преданию, провел двадцать один год в качестве неофита у египетских жрецов. Только после этого они позволили ему начать изучение своих тщательно охраняемых секретов.

Когда женщина ушла, Ахмехмет снова вернулся к Ориенту.

— Мы говорили о Пифагоре, — начал Ориент. — Так чего же он хотел?

— Пифагор полагал, что его труд защитит его. Но он замкнулся, и его связь с Чистым Знанием оборвалась, — сказал Ахмехмет.

После разговора они с Ориентом вошли во внутреннюю комнату, где их ждал накрытый стол. Во время еды Ахмехмет продемонстрировал Ориенту способности Юсефа. Мальчик отвечал на вопросы Ахмехмета и тем самым не только показывал свои знания, но и освежал эти знания в голове Ориента.

После обеда Ахмехмет сказал:

— Юсеф — способный ученик. У него есть дар предвидения. Но он не может соединяться с мыслями других. Это — особый дар.

Ориент ничего не ответил. Он ощутил знакомое покалывание в основании мозга и приготовился: закрыл глаза и начал принимать мысленные образы, посылаемые Ахмехметом.

Способность Ориента к телепатии значительно облегчала дело. Ахмехмет передал ему множество новых элементов и отношений между ними. Сознание Ориента восприняло информацию о том, как применяются магические символы в напряженных участках Вселенной, о направлениях к нервным центрам Вселенной, где сосредоточена энергия. Он овладел механизмами управления источником естественной энергии, регулирующей все сущее. Он понял и смысл сложных упражнений, которые дают возможность его сознанию соединиться с этой же энергией.

Ориент открыл глаза, взял свою чашку. Его чай был все таким же горячим. Это означало, что прием информации длился какие-то секунды, хотя охватывал огромные области знаний.

Ахмехмет ввел сознание Ориента в глубины специальных областей знаний арабской оккультной науки. Однако он еще не дал Ориенту средства для спасения Престо, не научил, как защитить Рагу, Ориент все еще не знал и природы отвратительной энергии, окутавшей Престо.

Да, в присутствии Ахмехмета Ориент чувствовал себя спокойным и защищенным, но где-то в глубине сознания зародилось разочарование, а на следующий день он понял, в чем дело.

По утрам Ахмехмет всегда занят в лавке. И Ориент решил пойти в госпиталь провести Престо. Как только он оказался на площади, его внезапно охватило чувство тревоги. На площади было многолюдно. Его тревога переросла в раздражение, а когда он добрался до госпиталя, то был крайне раздосадован. Конечно, лестно, что его избрали для посвящения во второй уровень Чистого Знания, но это ничем не может помочь Раге.

Сестра узнала его и провела в палату Престо. Как только

Ориент вошел туда, то тут же его неясные чувства превратились в единый поток страха: вибрация зловещей энергии была сегодня очень сильной и целенаправленной.

Он проверил пульс Престо, сердцебиение и дыхание. Престо казался еще слабее. Ориент приподнял ему веки, и его поразил блеск глаз: как будто Престо находился в состоянии экстаза, поглощающего его жизненную энергию.

Наличие сильной вибрации отвлекло мысли Ориента: он стоял, стараясь избавиться от нахлынувшего страха. Зашла сестра и передала ему историю болезни, но, сказав, что не может долго находиться в этой комнате, быстро вышла.

Ориент посмотрел записи. Большинство анализов были в норме, но все показатели работы органов были ниже требуемых, особенно — кровяное давление.

Ориент вышел из палаты и увидел доктора Хамида.

— Привет, доктор, — произнес Хамид, и, указывая на бумаги, спросил: — Вы уже ознакомились?

Ориент кивнул головой.

— Физически он совершенно здоров, и я не знаю, что еще можно посоветовать. И в то же время он находится в критическом состоянии. — Я знаю, — ответил Хамид. — Я помещу его сегодня в кислородную камеру.

Ориент покачал головой: он ничем не мог помочь Престо.

— Мы никогда не готовы бросить вызов смерти, — сказал Хамид.

Ориент и на это ничего не ответил: если он бессилен помочь Престо, то тем более не в состоянии защитить Рагу.

Добравшись до лавки, он вошел и сел на подушку возле стены. Постепенно тревога уступила место спокойствию.

Подошел Ахмехмет и обратился к нему:

— Ты выглядишь удрученным. Твой друг в очень плохом состоянии.

— Я должен помочь ему, Ахмехмет, — произнес Ориент. — Возможно, мне придется уехать.

Ахмехмет внимательно посмотрел на него. Ориент знал, что этим может обидеть своего учителя, но ему не оставалось ничего другого.

— Юсеф, — сказал Ахмехмет, — сядь и побудь вместе с нами. Расскажи, о чем говорят сегодня на площади.

— О том, что друг доктора очень болен и что доктор не знает причин этой болезни.

— Я должен найти причину болезни, — произнес Ориент.

— А как ты это сделаешь, доктор? — спросил Ахмехмет.

— Мне необходимо попасть туда, откуда все видно.

— Хорошо. Тогда я помогу тебе, — предложил Ахмехмет. — Иди и приготовь мою комнату, — приказал он Юсефу

и снова обратился к Ориенту: — Ты точно решил так поступить?

— Да. Мне нужно попасть в астральное пространство и увидеть причину болезни своего друга.

— Это очень опасно, — предостерег Ахмехмет.

— Но я должен, — ответил Ориент.

— Как хочешь, но я настаиваю на том, чтобы в случае опасности ты связался с моим сознанием, — сказал Ахмехмет.

— Я не могу подвергать вас такому риску, — возразил Ориент.

— Ты должен это сделать, — мягко настоял Ахмехмет. — Это входит в твоё посвящение во второй уровень. Я лишь укажу тебе путь. Ты сам будешь пробивать себе дорогу. Не само знание, а применение знаний поможет тебе. Я могу тебе помочь, только если ты сам этого захочешь. И мой долг — помогать тебе, — объяснил Ахмехмет.

— Выбор знаний, — продолжал он, — определяет человека. Такой путь — это путь во всем совершенного человека. И твой выбор привел тебя на эту дорогу. Я смогу сопровождать тебя очень недолго, а ты должен сам найти свой путь для расширения своих знаний.

— Вот именно, — улыбнулся в ответ Ориент.

Когда они зашли в рабочую комнату, Юсеф уже ждал их.

Ахмехмет распорядился, чтобы Юсеф принес его угольный карандаш и шнур и оставил их вдвоем.

Он выводил пентаграмму защиты, освещая каждую линию и вымеряя ее шнуром. Затем написал возле пентаграммы слово «Вавилон», произнес его громко, согласно ритуалу Пифагора — древнему ритуалу, находящемуся в астральном пространстве.

Ориент подумал о том, что если во время астрального перемещения на пути окажется гиперъестественная сила, то его собственная энергия станет уязвимой, и единственным путем назад, к телу, будет пентаграмма. Если же он потеряет равновесие в пространстве, то его тело так и останется между жизнью и смертью, а его разум затеряется в просторах бесконечности.

Закончив с одним пентаграммом, Ахмехмет приступил к другому, рядом с первым, и выводил его так же медленно и терпеливо.

Ориент начал настраивать свое дыхание.

Астральное пространство было местом соединения всего существующего во Вселенной, и там он определенно узнал бы причину недуга Престо и источник угрозы Раге.

Ахмехмет закончил второй пентаграмм. Ориент вступил в первый и сел, скрестив под собой ноги, стараясь не выйти за линии фигуры. Ахмехмет сел лицом к нему, вычерчивая границы второго пентаграммы.

Ориент закрыл глаза и начал дыхательные упражнения, которые должны были ввести его сознание в необходимое для пребывания в пространстве состояние. Вдыхая и выдыхая, он сосредотачивался на энергии, которая безболезненно отделялась от тела, заряжая своей силой освобождающееся сознание.

Сначала он воспринял астральное пространство как стусок неясных образов. Они были размытыми, но постепенно обрели четкость, несмотря на бесконечную множественность. Ориент воспринял дюжину направлений, затем одновременно — сотню. Он увидел какого-то червя, ползущего по илу в джунглях Южной Америки, письмо, которое писал мальчик в Париже, склон горы на Луне, какие-то растения на отдаленной планете, маленькую большую девочку, которая лежала в своей комнате, остров в море, дымящийся, клокочущий кратер вулкана, насекомое, летевшее к цветку, увидел книгу и понял в ней каждое слово...

Когда Ориент привык к этому зрелищу, то осознал, что его энергия спроецировалась на юношу, облаченного в свободную одежду: он выбрал необходимый образ. Это был Престо.

Ориент приблизился к образу, мысленно вошел в него, но оказался здесь не один: вокруг Престо было какое-то облако, насквозь пропитавшее своей энергией его тело.

Ощущение расстояния в пространстве поддерживалось только равновесием Ориента. Приближаясь, он уловил источник этого облака, находившийся далеко от палаты.

Он переместился назад, в сторону от Престо, высматривая, откуда же пополняется энергия, а затем начал продвигаться в пространстве, как путеводной нитью пользуясь слабой струйкой энергии, которая тянулась к облаку.

И вот Ориент увидел остров посреди моря. Приближаясь, он заметил, что часть этого острова покрыта таким же облаком, как и у Престо в палате. Это облако выбрасывало энергию толчками, подобно насосу. Ориент увидел своего приятеля Сорди, который безмятежно спал у себя дома. А вот девочка, играющая у воды. Разглядел он даже рыбку на дне моря. Но сквозь облако не смог ничего увидеть. Эта пульсирующая субстанция скрыла под собой все.

Он начал кружить над этим облаком. Попытался подключить свою волю. Наконец его воля открылась ему, и он увидел, что она частично блокируется этим облаком, и потому не может быстро отреагировать на его призыв. И Ориент продолжил свое движение.

Вдруг у него закружилась голова, и он потерял ориентацию. Образы так и завертелись вокруг него. Он ощутил, что смещается под тяжестью какой-то мягкой, липкой энергии, которая выбила его из равновесия.

Ориент отчаянно пытался остановить падение, но что-то

липкое пристало к его проекции, не давая памяти выбрать направление. Именно в этот момент он подал сигнал о помощи Ахмехмету.

Падение прекратилось, и он увидел, что находится у самого края облака, а само облако сжимается и отодвигается.

В поле зрения появилась какая-то фигура. Лицо было до глаз закрыто черной материей, а в руках у фигуры был огромный меч Амира, Меч света. Он увидел, что фигура направляется к облаку, а облако удаляется от Меча.

Ориент последовал за этой фигурой, но чувство опасности вернуло его назад, к спасительному щиту его тела.

Переместившись назад, он почувствовал отдаленную битву Меча с облаком. Перед ним возник образ Престо, пытающегося встать с постели.

Поток энергии облака опять вывел его из равновесия, но ему удалось восстановить баланс и помчаться назад к земному бытию. И именно в этот момент он увидел, как фигура с мечом медленно опускается на колени. Повязка слетела, и Ориент разглядел сухое, напряженное лицо. Облако стало обволакивать фигуру, пока не поглотило ее полностью.

Когда Ориент открыл глаза, то увидел, что Ахметмет сидит напротив, глаза его еще закрыты, а лицо покрыто испариной.

Ориент понял, что его учитель еще не вернулся из астрального пространства. Он начал тут же подключаться к вибрации Ахметмета, обеспечивая безопасный отход.

Лицо Ахметмета расслабилось, и он открыл глаза.

Ориент почувствовал облегчение, но в сознании осталась пустота.

Глаза Ахметмета выражали ту же удрученность. Они рисовали собой, но им даже не удалось взглянуть на источник этой враждебной энергии.

Долго еще сидели они внутри защитных пентаграммов. Тишину комнаты нарушало только их дыхание.

И тут Ориент почувствовал, что в комнате чего-то не хватает. И он понял: не слышно боя барабанов.

16.

Когда на следующий день Ориент пришел в госпиталь, он уже подготовил себя к мысли, что Престо мертв. Лицо Хамида было таким же беспомощным, как и раньше.

— Прошлой ночью я попробовал кислород, — объяснил он тихо. — На какое-то мгновение Престо вышел из комы и даже присел. Он попытался заговорить, но затем упал замертво.

Замертво. — Повторил Хамид. — Все, что мы можем сделать — это провести вскрытие. Обязательное в таких случаях.

Ориент вошел в палату. Окно было закрыто. Его сознание все еще чувствовало присутствие зловещего облака, хотя активность его значительно уменьшилась.

Сердцебиение у Престо отсутствовало, а глаза помутнели.

— Вы подпишите акт?

— Конечно, — ответил Ориент.

— Вы знаете адрес его родственников?

— Нет. А что такое?

— Остались мотоцикл и рюкзак.

Ориент заглянул в рюкзак. Там лежали две камеры.

— Это все? — спросил он, припоминая, что у Престо было множество объективов и роликов с фильмами.

— Да, нам передали только это, — ответил Хамид и тут же спросил: — Вы можете взять это с собой и разыскать его родственников?

Ориент утвердительно кивнул. Ему не терпелось вернуться к Раге. Он хотел позвонить в Танжер и узнать, есть ли для него письма, но если даже писем и нет, все равно надо ехать в Нсаюль.

— Еще есть одно обстоятельство, — продолжал Хамид. — Этот парень на несколько минут вышел из комы.

— Он что-нибудь сказал? — спросил Ориент.

— Нет. Но написал вот это. — Хамид показал Ориенту листок бумаги. На бумаге были выведены три буквы X и больше ничего.

— Я думаю, они имеют какое-то значение, — предположил Хамид.

— Вряд ли, — ответил Ориент и возвратил листок. — Я вернусь подписать акт вскрытия.

— Хорошо. — Хамид проводил Ориента до двери.

— Думаю, что мы установим причину смерти вашего друга.

— Будем надеяться, — ответил Ориент.

Зайдя в ближайший отель, Ориент позвонил в Танжер и справился о письмах. Писем не было. Затем он заказал билет на рейс в Италию. Через день он увидит Рагу. Он должен увидеть ее. Должен выяснить, знает ли Сикс о смерти Престо.

Возвращаясь в лавку, Ориент подумал, что теперь он уже не кандидат для второго уровня. Он провалился, подвергнув к тому же напрасной опасности своего учителя.

Едва переступив порог, Ориент объявил, что должен уехать.

— Я знаю, — кивнул в ответ Ахмехмет. — Ты должен идти один. Наши дороги расходятся. — И достал из кармана голубое кольцо и передал его Ориенту.

— Это тебе, — сказал Ахмехмет. — Мой подарок кандидату второго уровня.

Ориент внимательно посмотрел на кольцо.

— Я думал, что наш эксперимент не удался, — сказал Ориент.

— Еще вчера я знал, что твоего друга не спасти. Такая у него судьба. У каждого из нас много судеб. И у каждого свой путь. У каждого пути свой выбор. Вот так-то. Когда человек находит свой путь через множество жизней, тогда он достигает гармонии. Или так и остается в хаосе своей жизни. Выбор определяет все. Сила Девяти Неизвестных велика. Она существует в виде баланса. Твой выбор — это сила нашего баланса. Твоя неудача — это порыв, который угрожает нашей гармонии.

Вошел Юсеф. Ахмехмет распорядился, чтобы он принес черное зеркало. Ориент начал дыхательные упражнения, затем закрыл глаза.

— Перед тем, как стать кандидатом во второй уровень, человек должен пройти через много жизней или он может пройти через много уровней за одну жизнь, — начал Ахмехмет, а затем продолжил: — Вот слова силы. Их можно использовать только в крайнем случае и открыть их можно только ключом. Их сила остается закрытой, пока объект твоей цели не назван правильно в нужном ключе. Вот они.

И в сознании Ориента одно за другим стали всплывать слова: Нахма, Самта, Вайрана, Чанда, Махрошана, Сфата хум трака хам ма. Я посвящаю себя Алмазу Вселенной, чтобы он своим огнем уничтожил...

Ориент открыл глаза.

— Надень кольцо, — произнес Ахмехмет.

Ориент надел его на средний палец.

— Скажи, Юсеф, что ты видишь в этом черном зеркале?

В зеркале появилось изображение зловещего облака. К нему вели четыре дороги. Юсеф вздрогнул от страха. Ахмехмет остановил его, сказав:

— Я думал, что Юсеф скажет слово — ключ. Но теперь это сделаю я сам. Это два-семь-семь.

17.

Было сыро, и Ориент ежился от холода, ожидая вертолет, который должен был доставить его на остров Ичию.

Вчера он подписал второй за четыре недели акт о смерти. Затем поехал в Касабланку. Оттуда добрался до Неаполя.

Теперь, уехав из Маракеша, он беспокоился только о Раге. Он не знал, захочет ли она его сейчас видеть. Ориент попытался вспомнить, что доктор Сикс рассказывал ему о своей

работе. Почти ничего. Затем он мысленно вернулся к результатам вскрытия Престо.

Ничего неожиданного, кроме того, что тело казалось обескровленным.

Ориент решил открыто поговорить обо всем с Сиксом. Он вспомнил последнюю записку Престо. Три буквы «Х». Может, это какой-то яд? Но в теле яд не был обнаружен. Записка была такой же непонятной, как и ключ к словам силы, который ему дал Ахмехмет. Два-семь-семь.

Ориент повторил про себя это число. Возможно, это закодированное слово. Но здесь очень много комбинаций. Ахмехмет дал ему оружие, которым Ориент не может воспользоваться.

Но вот наконец появился вертолет. Интересно, получил ли Сорди его телеграмму из Касабланки?

А Сорди ожидал Ориента с четырех утра — со времени прибытия первого вертолета из Неаполя.

Но не сразу узнал его в толпе прилетевших. Ориент выглядел уставшим, но все же лучше, чем тогда, когда они расстались в Нью-Йорке.

— Как поживаешь? — спросил Ориент и услышал в ответ:

— Великолепно.

Они прошли к машине Сорди и отправились к нему домой.

— Ты выглядишь устало, — заметил Сорди после того, как они поели и немного передохнули. — Может быть, примешь душ с дороги и поспишь?

— Душ — это хорошо, но я не уверен, что смогу заснуть. Мне надо кое-кого повидать здесь.

— А где именно?

— Не знаю точно.

— Тогда на поиски нужно какое-то время. На острове восемь районов. Давай сделаем так. Я сейчас съезжу к своей больной племяннице Франческе, а когда вернусь, мы поедем поищем того, кто тебе нужен. А пока меня не будет, прими душ.

— А чем больна твоя племянница?

— Что-то вроде болезненной сонливости. Лечащий врач хочет перевезти ее в Неаполь. По крайней мере, в госпиталь в порту. Но ее отец — Нино, не разрешает.

— Что значит болезненная сонливость? — спросил Ориент, и Сорди при этом поразило выражение его лица.

— Она все время спит, очень слабая. Не может даже есть.

— И давно у нее эта болезнь?

— Три или четыре дня.

— Это меняет дело. Я сейчас приму душ, и мы вместе отправимся к твоей племяннице.

Когда они подъехали к дому, их встретила мать Франчески.

— Как Франческа? — спросил Сорди. — Что сказал доктор?

— Он был сегодня утром и сделал кое-какие анализы. Говорит, что ничего понять еще не может.

— Это мой друг. Доктор Ориент. Он хочет осмотреть Франческу, — сказал Сорди.

— Доктор, — начала Ангелина, — Франческа так слаба, что даже не просыпается поесть. А эта Мафалда — старуха из соседней деревни — говорит, что ребенок совершенно здоров.

— Я посмотрю, — сказал Ориент.

Они вошли в дом и проследовали в комнату. Увидев их, Мафалда поднялась и отошла от постели.

Ориент приступил к осмотру. Пощупал пульс, послушал сердце, дыхание, поднял веко. Сорди заметил неестественный блеск глаз и спросил:

— У нее что, лихорадка?

— Нет, не лихорадка, — ответил Ориент.

Сорди вздохнул с облегчением, но, посмотрев на лицо доктора, понял, что радоваться вовсе нечему. Ангелина тоже заметила страх в глазах Ориента.

— Она очень слаба и нуждается в отдыхе, — сказал наконец Ориент.

Мафалда направилась к постели со словами:

— Над ребенком какое-то облако. Ее надо защитить от этого облака.

Сорди думал, что Ориент скажет, что все это глупости. Но тот ничего не ответил.

— Я попрошу тебя о помощи, — сказал Ориент Сорди. — Мне очень важно найти моего друга. Его зовут доктор Сикс. Ты не знаешь, как это можно сделать?

— Попробуем по телефонному справочнику. Если не получится, то просто спрашиваем, — ответил Сорди.

— Хорошо, тогда давай сразу же и приступим.

Телефонный справочник ничем им не помог. Они отправились к другу Сорди Массино — владельцу одного из баров. Вполне вероятно, он что-либо слышал о докторе Сиксе.

Массино тоже ничего не знал, но направил их к своему брату.

— Мы должны найти его во что бы то ни стало, — сказал Ориент.

— Ты действительно считаешь, что доктор Сикс поможет Франческе? — спросил Сорди.

— Может быть, — ответил Ориент.

Наконец в одном из отелей они узнали, что английский доктор и его жена снимают домик недалеко от местечка Лассо на северном склоне горы. Они поехали по указанному адресу, но Ориент велел Сорди не останавливаться возле домика, а возвращаться назад.

— В чем дело? — спросил Сорди.

— Тебе следует остаться с Франческой, а к Сиксу я пойду один. Если ты не возражаешь, я воспользуюсь твоей машиной.

— О'кей, — ответил Сорди неохотно.

Когда они заехали, чтобы опять посмотреть на Франческу, то застали Мафалду за странным занятием. Она засыпала песком щели в рамах и в полу дома.

— Что здесь происходит? — вспыхнул Сорди.

— Все в порядке, — вдруг ответил Ориент. — Она не хочет, чтобы духи проникали в дом.

Закончив это занятие, Мафалда расставила в комнате свечи и начала зажигать их, что-то нашептывая.

— Что она говорит? — спросил Сорди.

— Это заклинание против злых демонов, — ответил Ориент.

После этого Мафалда стала раскладывать вокруг кровати рисовые зернышки.

— Что все это значит? — воскликнул Сорди.

— Предназначение зернышек таково: перед тем, как войти во Франческу, злой дух должен все их съесть. Древние египтяне использовали для этой цели папирусные листья.

— И ты веришь во все это?

Ориент пожал плечами.

— Оставайся здесь, с Франческой. Я вернусь сегодня ночью. Если нет, то ты знаешь, где меня искать.

Вскоре из комнаты вышла и Ангелина.

Мафалда подошла к двери и плотно закрыла ее. Затем, засыпала щель под дверью песком.

— Это для того, чтобы уберечь твою племянницу от злого духа. Он будет здесь сегодня вечером, — заявила Мафалда.

Сорди посмотрел на часы. Был девятый час. Через полчаса выключили электричество, и комната освещалась теперь только свечами.

Он уселся на стул и задумался. Вдруг ему показалось, что он что-то услышал.

— Тс-с-с, — прошептал он. — Что это было?

Старуха не ответила.

Сорди прислушался. Снаружи послышался какой-то резкий звук. Он поднялся и подошел к окну. Там никого не было. Опять раздался этот звук. Сорди подошел к двери.

— Будь осторожен, — сказала ему Мафалда.

— Глупости, — возразил Сорди.

Но вдруг он почувствовал, что в комнате стало душно. Первый порыв был — открыть окно, но он не сделал этого. Его грудь сдавило, захотелось на свежий воздух. Но и выйти он не мог. У него возникло ощущение, что за спиной кто-то стоит. Он обернулся. Мафалда стала громче читать заклинания.

Каждый вдох давался Сорди с большим трудом.

Электричество зажглось опять. Сорди взял газету, раскрыл ее и просмотрел заголовки, но ощущение, что в комнате есть еще кто-то, не исчезло. И этот кто-то был совсем рядом с ним. Он посмотрел на Франческу. Она лежала тихо. Сорди потрогал ее лоб и резко обернулся. Сзади никого не было.

Отойдя к столу, он ощутил, что здесь воздух не такой тяжелый, как возле постели Франчески. Сорди стало жарко, и ему пришлось снять свитер.

И вдруг мороз пробежал у него по коже, когда, кроме заклинаний Мафалды, он услышал мерный звук шагов, приближающихся к дому.

18.

Подъезжая к дому Сикса, Ориент вспомнил слова Ах-мехмета о том, что не надо колебаться, если знаешь объект своей цели. И что слова силы используются только когда можешь четко определить этот объект.

Ориент вглядывался в темноту. Дорога ночью выглядела совершенно по-другому.

Его сознание все еще находилось под впечатлением той вибрации, которая окутала племянницу Сорди. Разлагающееся облако.

Ориент выстроил цепочку: Пола — Джанис — Престо. А теперь — Франческа. Возможно, и другие. В опасности Рага и Пия. Но что это за опасность? Что именно вызывают эксперименты доктора Сикса.

Вдруг он вспомнил, что Пия была телепатом и чрезвычайно чувствительной к вибрирующей энергии, а постоянное пребывание в чужеродной энергии могло просто помутить ее сознание: она страдает, возможно, даже больше, чем Рага.

Подъезжая к оживленной площади, мозг Ориента уловил наличие отвратительной энергии.

К тому времени, когда он выехал за город, его мысли были прикованы к ощущению в легких. Ориент повернул на нужную дорогу. Фонари здесь стояли реже и домов было меньше. Он остановил машину, достал фонарик и направился к домику, подойдя, нажал кнопку звонка. Звонок молчал, и тогда Ориент начал стучать в дверь.

— Кто там? — послышалось из-за двери.

— Мне нужен доктор Сикс, — прокричал Ориент по-итальянски.

— Кто? — послышалось опять.

— Доктор Сикс.

Дверь открылась, и мужчина опять спросил:

— Кто?

Ориент повторил свой вопрос. Мужчина отрицательно покачал головой, но затем его лицо просветлело.

— Ах, да, доктор Сикс!

— Да, — продолжал Ориент. — Он здесь?

Человек показал на дорогу.

— Живет через два дома отсюда. По левой стороне.

Ориент поблагодарил его и пошел к машине.

И вдруг от того, что он увидел, кровь застучала у него в висках: по дороге, ему навстречу, бежала Рага с искаженным от ужаса лицом.

— Пожалуйста, вы должны мне помочь! — сквозь рыдания закричала она. — Увезите меня отсюда.

— Рага, в чем дело? — прокричал Ориент.

— Оуэн, это ты?

— Да! Садись. Что произошло?

Рага заскочила в машину, и, глубоко вздохнув, прижалась к Ориенту.

— Что случилось? Почему ты убегаешь? — нежно спросил Ориент.

Глаза ее расширились от ужаса.

— Пия. Мне кажется, Алистер хочет ее убить. Он бросился за мной, но я выбежала из дома. Пия там, с ним. Он сошел с ума.

— Покажи мне дорогу.

— Оуэн, не надо. Он помешался. Ты не знаешь, что он делал с собой все эти годы. — Рага сжала кулаки.

— А что он делал? — спросил Ориент.

— Он экспериментировал с омолаживающими препаратами. Вводил их себе. Он стал почти сумасшедшим. Не признает никаких доводов. Он просто убьет тебя, если ты туда пойдешь. Давай вызовем полицию.

— Я пойду туда. Жди меня здесь.

— Нет. Я пойду с тобой. Там темно и ничего не видно. Будь осторожен, Оуэн. Мне так не хватало тебя все это время. Наконец-то ты здесь.

Ориент ощутил приступ страха: в его сознание ворвались беспорядочные образы, размытые и неясные, и он распознал в них призыв Пии.

— Мы должны попасть в дом, — заявил Ориент.

Когда они вышли из машины, электричество подключили опять. Дорожные фонари освещали дом. Ориент быстро побежал вперед.

Дверь была открыта, и он буквально влетел внутрь.

В зале никого не было. Он услышал шум и обернулся. В

соседней комнате упало что-то тяжелое. Затем он услышал крик Пии. Ориент направился в ту сторону. Комната была пуста. Но здесь была еще одна дверь. Ориент с ходу вышиб ее плечом и очутился в небольшой лаборатории. В углу комнаты Пия отчаянно боролась с Алистером Сиксом.

Одной рукой он прижал правую руку Пии к стене, другую завел ей за голову, пытаясь приставить к горлу толстую иглу.

Когда Ориент влетел в комнату, Пия упала на пол, а Сикс обернулся в его сторону.

— Убирайся отсюда, — закричал Сикс. Его лицо блестело от пота, а глаза светились от ярости. — Это ты, Ориент? Что ты тут делаешь? Где моя жена? Забери ее и будь проклят! Убирайся вон!

Ориент остановился, потом сделал шаг вперед.

— Это и есть ваши эксперименты, доктор? Расскажите мне о них.

Сикс подался назад и прошепел:

— Не подходи. Я могу победить смерть. Вон отсюда. Ты здесь никто.

— Как, доктор? Как вы можете победить смерть?

— Оуэн, — вскрикнула вбежавшая в комнату Рага.

Он слегка обернулся на крик, и в этот момент Сикс бросился на него.

Ориент попытался отскочить, но не вышло: Алистер ударил его в пах.

Оуэн, опрокинув стол с пробирками, упал, и, навалившись сверху, Сикс вцепился в него. Ему удалось схватить Ориента за горло, он начал его душить, глаза Ориента покрылись тонкой кровавой пленкой. Перед ним поплыли разноцветные круги и, теряя сознание, он услышал какой-то резкий стук.

Когда к Ориенту стало возвращаться сознание, то он увидел, как в мягкой белой дымке двигалось какое-то желтое пятно. Затем это пятно стал четким и обрело черты Раги. На лице ее была тревога и озабоченность. Когда она увидела, что Ориент смотрит на нее, ее глаза наполнились слезами.

— С тобой все в порядке? — прошептала она.

— Я — о'кей, — ответил он чуть погодя. Потом приподнялся и спросил: — Где Алистер?

— Лежи, милый, лежи спокойно, — проговорила Рага.

— Где он?!

— Он возле тебя, — раздался голос Пии.

Ориент посмотрел на нее. Пия стояла возле стены и рассматривала что-то лежащее на полу. Ориент посмотрел в ту же сторону.

Алистер Сикс лежал на полу лицом вверх, его глаза смотрели в потолок, висок был окровавлен. Ориент повернулся к Раге.

— Он лежит так уже несколько минут, — сказала она очень тихим голосом, и Ориент понял, что она на грани истерики.

Он подполз к Сиксу, проверил пульс, послушал сердце. Никаких признаков жизни.

— Он мертв, — произнес Ориент.

— Я рада, что ты убил его, Оуэн, — раздался голос Пии.

Ориент посмотрел на свои руки. Они мелко дрожали. Он поднялся и направился к двери.

— Куда ты идешь? — закричала Рага.

— Телефон, — выдавил из себя Ориент. — Полиция...

— Нет. Подожди, — остановила его Пия. — Подожди. — Она подошла к нему. — Подумай, Оуэн. Подумай, что все это значит для тебя. А Рага? Тебе ни за что не поверят.

Ориент задумался. В том, что говорила Пия, был смысл.

Постепенно он вспомнил, как в последний момент ему удалось ударить Сикса об что-то головой.

— Пойдемте в другую комнату, — предложила Пия.

Ориент согласился. Ему нужно было какое-то время, чтобы все обдумать. Постепенно он пришел в себя. Он увидел, что Пия спокойно смотрит на него.

— Нам придется подождать, — ровно произнесла она. — Возможно, кто-то из соседей слышал шум.

— По-моему, я не выключил фары, — сказал Ориент медленно.

— Я пойду и проверю. Постарайся успокоить Рагу. — Пия быстро вышла.

Наблюдая за ней, Ориент поразился ее присутствию духа. Все, что она говорила, было правдой: полиция обвинит его в убийстве. И нет никаких доказательств тому, что делал доктор Сикс. Они никогда не поверят Ориенту, примут его за ненормального, разлучат с Рагой.

И тут он почувствовал, что гнетущее, невидимое облако исчезло. Остался только слабый след. Ориент начал просчитывать ситуации. Им придется спрятать тело Сикса, но все зависит от Раги. В этот момент вернулась Пия.

— Я выключила фары и захлопнула дверцу. На улице все тихо. Думаю, что никто ничего не слышал, ведь особого шума не было. — Она посмотрела на Рагу.

— С ней все в порядке?

— Небольшой шок. Это пройдет.

— Принесу бренди.

После того как они немного выпили, напряжение спало.

— Что ты хочешь сделать с телом Алистера? — спросила Рага безразличным тоном.

— Еще не знаю, — ответил Ориент.

— Его придется спрятать, разве не так, Оуэн? — заметила

Пия и, немного поразмыслив, добавила. — Я знаю, где его можно спрятать.

— Где?

— В подвале.

— Почему Алистер хотел убить тебя? — спросил Ориент Пию.

— Потому что он был невменяемым. Он хотел убить Рагу и жениться на мне. А когда я сказала, что хочу уйти, то попытался убить меня.

— А чем он тут занимался?

— Сначала я подумала, что он лечит меня от анемии. Но потом выяснила, что он вводил мне омолаживающую сыворотку. Он говорил, что хочет, чтобы я жила вечно.

— Это он убил Джанис и Престо?

— Престо? — встрепелась Пия. И, погрузившись, заметила: — А ведь он хотел помочь мне.

— Алистер убил его? — повторил свой вопрос Ориент.

— Я не знаю наверняка. Думаю, что да, но не уверена в этом. Когда Алистер нашел нас в Маракеше, Престо сразу заболел. Он был очень слаб. Алистер сказал, что это из-за употребления наркотиков. Он хотел оставить Престо в отеле, но я настояла на госпитале и хотела подождать. Однако Алистер увез меня в Танжер. Он ненавидел Престо.

— Ты знаешь что-нибудь о сыворотке, которую он разработал?

Пия отрицательно покачала головой.

— Это было что-то странное. Какая-то смесь ароматических трав. Я хотела прекратить их прием, потому что почти перестала спать.

Ориент знал, что ароматические травы применялись еще египтянами и составляли основу их медицины. Но как и почему Сикс убил Джанис и Престо?

— А Джанис тоже все это принимала?

— Я не знаю. Алистер говорил, что у нее такая же болезнь и что ее вряд ли можно будет спасти. Он хотел помочь мне.

— Я бы хотел посмотреть на сыворотку, — сказал Ориент.

Пия поднялась.

— Я покажу тебе ее.

Ориент вернулся в лабораторию. Пия дала ему пузырек с густой, черной жидкостью.

Он взял его и оглянулся. Тело Сикса лежало под столом в дальнем углу комнаты. Ориент вытащил пробку. Запах, исходивший от жидкости, был тяжелым и прелым, как от гниющих цветов, и вызвал у Ориента приступ тошноты. Он закрыл пузырек и передал его Пии. Чтобы узнать, чем же занимался Сикс, был один путь: провести биохимический анализ препаратов.

— Покажи мне, где ты хочешь спрятать тело, — сказал Ориент.

Пия прошла к маленькой двери. Открыв ее, они спустились вниз, в глубокий подвал. Здесь было холодно и сыро.

— Мы можем похоронить его здесь, — сказала Пия.

Ориент утвердительно кивнул.

Они быстро выкопали яму, и, уложив в нее тело Сикса, засыпали землей.

Поднявшись наверх, в лабораторию, Пия стала наводить порядок на столе.

Когда все было закончено, Ориент предложил всем уехать, но Пия не захотела. Ей и Раге нужно было собрать вещи, чтобы назавтра покинуть остров.

— А куда ты собираешься ехать? — спросил Ориент Пию.

— В Швейцарии есть госпиталь, где успешно лечат такие болезни, как у меня, — ответила она.

— Хорошо. Скажи мне одну вещь, Пия, — вдруг кое-что вспомнив, спросил Ориент. — Ты когда-нибудь знала девушку по имени Пола Глизон?

— Да. Она была одной из пациенток Алистера. Она умерла. Ты знал ее?

— Очень недолго, — ответил Ориент.

— А рыжеволосого парня по имени Джокки ты не знала?

— Нет, — ответила Пия.

Ориент задумался. Но голос Пии прервал ход его мыслей.

— Тебе лучше уйти сейчас, пока на твою машину не обратили внимание.

— Иди, милый, — сказала Рага, — увидимся завтра.

По дороге назад Ориента не покидала мысль о том, что он убил человека. И как бы он себя ни убеждал в своей невиновности, на душе были пустота и горечь.

Но вот Ориент добрался до дома Сорди и вошел. Вокруг кровати Франчески стояли Сорди, Ангелина и Нино. Мафалда спала в кресле возле кровати. Все обернулись в его сторону, и он увидел, что Франческа сидит в постели и ест ложкой суп.

— Доктор, — закричал Сорди. — Франческа выздоровела.

— Час назад она проснулась и попросила чего-нибудь поесть.

— То, что она хочет есть, — это хороший знак, — заметил Ориент, повернувшись к Нино. Нино посмотрел на Мафалду и сказал:

— Мы должны поблагодарить Святую Мать за все, что она для нас сделала. Доктор, которого я вызывал, не смог помочь нам. А благодаря Мафалде дитя поправилось. — Нино вытащил из кармана деньги и вложил их в руки Мафалды.

Старуха поднялась со стула и направилась к двери. Поравнявшись с Ориентом, она сказала:

— Над девочкой было облако.

Ориент кивнул в ответ.

— Это Ламмия, — продолжала старуха. — Она была здесь. Посмотри. — И указала на пол. Из выложенных ею двадцати одного зерна осталось только три.

— Это Ламмия, — повторила старуха.

19.

Сорди прижался к рулю и посмотрел вниз, на сверкающий на солнце песок. Он хорошо поел и теперь с улыбкой наблюдал, как доктор плещется в спокойной воде. Ориент, конечно же, изменился за прошедшее время. И, безусловно, в лучшую сторону. Затем Сорди перевел взгляд на лежавшую в тени зонтика Рагу.

«Все здесь идет на пользу Ориенту, — подумал Сорди. Особенно, его любовь к Раге.»

Эта хрупкая серебристоволосая женщина поднялась и помахала Ориенту. «Да, у него хороший вкус. Гораздо лучше, чем в еде. Когда они поженятся, — размышлял Сорди, и доктор откроет клинику, я опять пригожусь. Сорди прикинул, где это Ориент познакомился с Рагой. Затем глубоко вздохнул. Теперь, когда доктор здесь, все хорошо.

Ориент вышел из воды и приблизился к Раге.

— Ты не хочешь искупаться?

— Нет, — ответила Рага.

Ориент посмотрел на нее. Кожа у нее была бледной, и к ней почему-то не приставал загар.

— Еще месяц, и я начну собираться в Нью-Йорк, — сказал Ориент.

— А чем тебе плохо здесь? — спросила Рага. — Я подыщу тебе хорошую лабораторию в Риме. Давай останемся здесь. Разве это не устраивает тебя?

— Еще не знаю, — сказал Ориент.

— Что это у тебя за кольцо? В Танжере ты его не носил.

— Я нашел его в Маракеше.

— Оно очень красивое, — заметила Рага.

Мысленно Ориент возвратился к их последнему разговору с Ахмехметом. Этот ключ: два-семь-семь. Он вспомнил, что сказала старая Мафалда. Ламмия. Это греческое слово. Оно обозначало бесполого демона, который высасывал кровь у детей. Ориент сделал кое-какие расчеты в уме. Сумма слова

давала два-семь-семь, но умноженные на два. Ориент вспомнил, что деление — это последняя ступень кода. Но возможно, он ошибается. Придется все проверить.

Вечером, за обедом, Рага спросила Ориента:

— Ты что-то уже решил со своими планами относительно Нью-Йорка?

— Еще нет, — ответил Ориент. — Я даже не хочу пока об этом думать, — добавил он.

— Рим просто прекрасен, Оуэн, — улыбнулась Рага. — И там ты сможешь заниматься своими исследованиями.

Ориент кивнул в ответ, разглядывая кольцо. Покидая Ахмехмета, он был поражен и подавлен. И даже разочарован. Его пребывание с Ахмехметом было коротким, а обучение состояло, в основном, из повторения того, что он уже знал. Но позже Ориент понял, чему же все-таки его научил Ахмехмет. Он научил его совмещать повседневную жизнь с познанием сил Вселенной.

— Думаю, что исследования я смогу начать где угодно, наконец произнес Ориент. — Поначалу не потребуется много оборудования.

— А какой у тебя знак Зодиака? — вдруг спросила Рага. Ориент улыбнулся.

— Скорпион. А у тебя?

— Я — стрелец, — ответила Рага. — Я — стрелец с Мартиники. Мне казалось, что пребывание в Париже избавило меня от акцента. Ты же сразу его заметил.

— Это элементарно, — начал было Ориент, но вдруг почувствовал резкое покалывание в основании мозга. В его голове начали тут же возникать образы. Какой-то обнаженный мужчина разгребал кучу булыжника перед огромным монастырем.

Затем образ исчез — прекратился контакт.

Ориент вздохнул и закурил сигарету. Он понял, что послание было от Аргилия.

Глубоко затаившись, он произнес:

— Думаю, что Рим меня устроит. — Затем добавил: — Я только что получил телепатическое послание от своего друга в Риме.

— Ты хочешь сказать — вот прямо сейчас получил? — спросила Рага.

— Да, именно так.

— Фантастика!

— Это и является объектом моих исследований. Этому человеку нужна моя помощь, — продолжал Ориент.

— Когда ты собираешься уехать? — спросила Рага.

— Завтра.

— Так быстро?

— Ты присоединишься ко мне позже, — успокоил ее Ориент.

— Я поеду с тобой. И что это за работа у тебя такая?

Ориент посмотрел на дымящуюся сигарету.

— Сейчас я разыскиваю людей, которые наделены способностью посылать и принимать мысленные образы. Работая с ними, я собираю данные, которые в будущем позволят мне разработать методику развития у человека его физических способностей. Аргиль Симпсон — человек, который только что был со мной в контакте, — один из таких людей. Пия — тоже телепат. Я ее уже кое-чему обучил.

— Пия? — удивленно переспросила Рага. — Она мне ничего об этом не говорила.

— Она и сама об этом не знала, пока мы не познакомились на «Трабике», — ответил Ориент и тут же добавил: — Странно, что ты ничего об этом не знаешь.

— Я знакома с ней три года и считаю, что этого достаточно.

— А как ты думаешь, почему она ничего тебе не сказала?

Рага посмотрела на него.

— Она какая-то дикарка. У нее нездоровая страсть к грубым удовольствиям. Больше ей ничего не надо. Какое-то время мне нравились ее выходки, но теперь мне нужен только ты. Только ты.

Ориент поцеловал ее со словами:

— У меня такие же чувства к тебе.

Позже, когда Рага заснула, Ориент еще раз прокрутил в сознании увиденный образ. Монастырь — это Римский Пантеон, Аргиль что-то там искал и не мог найти. Эта картина кружилась у него в мозгу, пока он не заснул.

20.

На следующее утро Сорди отвез Ориента и Рагу на паром. Поцеловал их на прощание и уехал.

В Неаполе, куда прибыл паром, Ориент и Рага пересели на поезд, идущий в Рим.

Всю дорогу она болтала о своей будущей жизни в Риме. Ориент же постоянно думал о послании Аргия.

В Риме они остановились в одном из отелей в центре города. И Ориент тут же начал собираться на поиски Аргия. Рага захотела отправиться с ним.

Они сели в такси и направились к Пантеону. Возле Пантеона никого не было. Ориент стал озабоченно оглядываться.

— Сейчас два часа, все сидят за ленчем, — заметила Рага. — Давай зайдем в этот ресторанчик, может быть, он там.

Ориент согласился. Когда они вошли, Рага обратила внимание на какого-то мужчину, махавшего рукой : это был Аргиль, а рядом с ним стояла Санни.

— Как ты догадался найти меня здесь? — спросил Аргиль. — Я только что собирался пойти к Пантеону. Вы, наверное, были где-то поблизости, а я ожидал твоего приезда через несколько дней.

— Мы были недалеко от Неаполя, — подтвердил Ориент предположение Аргилья.

— Мне нужна твоя помощь, доктор, — произнес Аргиль.

— Что произошло? — спросил Ориент.

— Юлиан пропал, — ответила Санни. — Два дня назад мы брали его с собой в Колизей, и там он исчез. Он никогда ничего такого себе не позволял. Его никто не видел с тех пор.

Ориент взглянул на Аргилья.

— Есть простой способ найти Юлиана, — произнес Ориент.

— Да, я знаю. Я вызывал его три раза, но безрезультатно, ответил Аргиль. — И вот подумал, что наша объединенная энергия позволит выйти на него.

Ориент согласно кивнул головой:

— Думаю, это оптимальный вариант.

Затем они вчетвером вышли из ресторанчика и направились к стоянке такси.

Приехав в номер, Ориент и Аргиль тут же приступили к делу.

Они вошли в спальню и уселись, скрестив под собой ноги, лицом друг к другу. Они начали все по порядку: сперва дыхание, затем подключили сознание, а после этого начали посылать друг другу образы, вырабатывая общий ритм. Наконец, когда передача образов пошла в ритме, вся их энергия тут же заблокировалась какой-то густой, липкой массой, подмывавшей движение их общей мысли.

Они начали снова — и опять неудачно. Концентрация воли и единый ритм движения мысли нарушились. Ориент открыл глаза. По его лицу бежал пот, а руки тряслись.

— Вот именно это я имел в виду, — сказал Аргиль. — Каждый раз эта преграда становится сильнее и сильнее. Что ты об этом думаешь?

— Не знаю, — ответил Ориент. — Думаю, что это очень серьезно.

Он содрогнулся при мысли, что это то же ощущение чего-то разлагающего и зловещего, как и в случаях с Джанис, Престо и Франческой. Что-то страшное и неестественное. В его сознании всплыло слово Ламмия.

— Попробуем еще? — предложил Аргиль.

— Попозже, — ответил Ориент. К его горлу подступила тошнота: облако осталось, и активность его иссякла.

Ориента охватила депрессия. Он не смог победить энергию этого облака. Если оно продолжает охотиться, значит, он ошибся в выборе объекта своей цели. И напрасно убил человека.

21.

На следующее утро Ориент поднялся очень рано. Мышцы были напряжены от бессонной ночи. Вина и страх царили в его мыслях.

Ему следовало бы побольше узнать о работе Сякса. Вместо того, чтобы воспользоваться случаем и внимательно все осмотреть, он последовал советам Пии, как несмышленный щенок. Даже то, что Франческа поправилась, еще ничего не значит. Очевидно, это все-таки Мафалда исцелила девочку. Он же не сделал для нее ровным счетом ничего и ничего не может сделать для Юлиана.

— Ты чем-то озабочен? — услышал он за спиной голос Раги.

Ориент согласно кивнул:

— Здесь то же самое, что и в случаях с Джанис и Престо.

— Но ведь Алистер мертв! — заметила Рага.

— Вспомни, что Алистер рассказывал тебе о своей работе, попросил Ориент.

— Почти ничего. Особенно, с того времени, когда я познакомилась с Пией.

— Ты познакомилась их?

— Да. Пия была моей фотомodelью. Когда она заболела, я показала ее Алистеру, и он просто влюбился в нее. С этого момента он начал меняться. Он стал безжалостным и жестоким.

— Он специализировался на болезнях крови? — поинтересовался Ориент.

— Сначала нет. Но с появлением Пии он очень активно начал заниматься исследованиями. По-моему, Алистер хотел доказать Пии, что он великий доктор. Затем он заявил, что разработал сыворотку, которая позволит возобновить жизнь. Но что это за сыворотка, не сказал даже Пии.

— А как насчет Джанис?

— Он лечил ее от той же болезни, что и Пию. Алистер часто использовал случайных пациентов для своих исследований.

— Ты имешь в виду, как морских свинок?

— Да, — ответила Рага.

— Он говорил тебе что-нибудь об ароматических травах?

— Нет.

Ориент вздохнул и произнес:

— Может быть, Пия что-нибудь прояснит нам?

— Но она в Швейцарии.

— Ты знаешь, где именно?

— Она ничего мне не сказала. Всю ту ночь она убирала в доме, замывая наши следы... Ты хочешь поесть? — спросила Рага.

Ориент отрицательно покачал головой.

— Аргиль и Санни придут через несколько часов. Давай отдохнем.

Ориент повернулся и нашел своими губами ее рот. Ее губы разомкнулись. Ориента охватило сильное желание. Он поднял Рагу и понес к постели. Она начала легонько постанывать, когда он, положив ее на кровать, начал ее раздевать. Ориент овладел ею страстно, и Рага подчинилась его силе и желанию. В иступлении она впиалась ногтями ему в спину, а ее постанывание превратилось в громкое рыдание от наслаждения.

Ориент был так неистов на этот раз, что не отпускал Рагу из своих объятий, пока его не одолел сон.

Разбудил их зазвонивший телефон. Рага взяла трубку.

— Это Аргиль. Они уже здесь, — сказала Рага.

Ориент вскочил с постели.

— Скажи им пусть заходят.

Аргиль и Санни выглядели очень усталыми.

Они поприветствовали Рагу и Ориента и умолкли.

— Ну что, попробуем еще раз? — предложил Ориент.

— Давай, — отозвался Аргиль.

Они вошли в соседнюю комнату и приступили к делу.

И опять на пути полета их общей массы встало что-то густое и липкое.

Ориент открыл глаза. Его сознание было подавлено густой, разлагающей энергией.

— Что скажешь? — спросил Аргиль.

— Мы знаем, по крайней мере, одно, — ответил Ориент. — Что Юлиан жив.

— Мне никогда не приходило в голову, что Юлиан может быть мертв. Что заставляет тебя думать так?

Ориент отвел глаза в сторону.

— Кое-какие обстоятельства. Утром получается лучше, заметил Ориент. — Попробуем завтра сразу же после рассвета.

— Ну, как дела? — спросила Рага, когда Ориент и Аргиль вышли из спальни.

— Попробуем завтра утром, — ответил он.

Женщины предложили прочесать вчетвером весь город, но Ориент настоял на том, чтобы отложить все до завтрашнего утра.

Аргиль и Санни отправились к себе, а Ориент вышел побродить по городу и собраться с мыслями. Рага осталась в гостинице.

Прогуливаясь, Ориент вышел на небольшую площадь, находящуюся в тени деревьев. Вдруг он обратил внимание на двух людей на противоположной стороне аллеи: мальчик шел за руку с высокой блондинкой. Ориент ускорил шаг.

Мальчик обернулся: это был Юлиан. Ориент попытался побежать следом, но с ним стало происходить что-то странное. Ноги и руки вдруг стали тяжелыми и непослушными. Каждый шаг теперь давался с большим трудом. Теперь обернулась и женщина. Увидев Ориента, она ускорила шаг.

Мозг Ориента заболел от напряжения, когда он узнал в блондинке Пию. Двигаться стало труднее. И тут Ориента озарила догадка. Пия! Это ее он пытался найти! Ведь, вернее всего, это она держала в руке иглу, а Сикс только защищался от нее!

Ориент поднял руку и попытался крикнуть. Голос не слушался его.

Его блуждающий взгляд упал на кольцо на руке. Ориент опустил руку на колени и выдал из себя слово — Ламмия. Имя Вампира. Он собрался с силами и начал выговаривать слова замкнутой силы: сначала два-семь-семь, Ламмия. Вампир.

— Ламмия, — с огромным усилием выдал он из себя, закашлял и в глазах у него затуманилось. Потом с трудом поднялся на ноги. Пия и Юлиан были уже далеко впереди. Ему удалось сделать еще несколько шагов и он упал лицом вниз.

Ориент сжал кулаки и прижался щекой к земле.

— Ламмия, — прошептал он.

Его стала обволакивать сонливость, и он заскрежетал зубами, стараясь не потерять сознание. Он с трудом приподнял голову и спазматическими звуками повторил заклинание.

Его голова опять бессильно опустилась на землю, и он понял, что никто не услышал его слов. Закрывая глаза, Ориент увидел, что Пия и Юлиан исчезли среди деревьев — два ярких пятна, растворившихся в тени.

22.

Прошло достаточно много времени, прежде чем Ориент собрался с силами и смог встать.

Его всего ломило, а позвоночник ныл под тяжестью его собственного тела. Каждый шаг требовал огромных усилий и внимания. Ориент попытался восстановить нормальное дыхание, но из этого ничего не получилось. Он только вынужден был остановиться, чтобы перестать задыхаться.

Достигнув оживленной улицы, он почувствовал, что ее шум навалился на него невероятным грузом. Ориент продвигался с большим трудом. Он направился в ресторанчик, где работал Аргиль. Со стороны он производил впечатление слегка подвыпившего человека.

Увидев Аргилья, Ориент направился к нему.

— Что с тобой, док? — спросил Аргиль, помогая Ориенту сесть на стул.

Ориент залпом выпил стакан сока и разразился диким кашлем.

— Что с тобой, док? — повторил свой вопрос Аргиль. — Ты ранен?

Ориент медленно покачал головой.

— Я видел Юлиана.

— Где?

— В парке, за площадью. Он был с девушкой. Я знаю ее.

— Пошли туда.

— Я погнался за ними, — объяснил Ориент. — Но вдруг что-то произошло со мной. Я не смог догнать их.

— Что именно произошло?

— Мои руки и ноги перестали слушаться меня.

— То есть, как это перестали слушаться?

— Это было что-то невообразимое. Какая-то сверхъестественная сила. Вероятно, та же, что блокирует наш контакт с Юлианом.

— А что это за девушка?

— Она врожденная телепатка. Возможно, именно она вырабатывает эту энергию.

— Ты ее обучил чему-нибудь, док?

— Почти ничему.

— Как она выглядит?

— Высокая блондинка. Ее зовут Пия.

— Попробую догнать их. Ничего не говори Санни. Она в этом ничего не понимает. Увидимся позже.

Ориент понял, что Пия может управлять страшной силой. И ради нее он убил человека! В этот момент к столику подошла Рага. Очевидно, Аргиль вызвал ее.

— Что с тобой, милый? — нежно произнесла она.

— Я только что видел Юлиана вместе с Пией.

— Не совсем понимаю, о чем ты говоришь?

— Юлиан у Пии. Я пытался догнать их, но не смог.

— Но ведь она в Швейцарии! Ты уверен, что это была она?

Ориент утвердительно кивнул в ответ.

— И что, по-твоему, она может делать с этим маленьким мальчиком?

Ориент посмотрел на Рагу и спросил:

— Ты не знаешь, Пия когда-нибудь занималась оккультными науками?

— Ты имелась в виду колдовство и всякое такое?

— Да.

— Не помню. Что тебя интересует?

— Мне надо полистать бумаги Алистера, — ответил Ориент. — Ничего не говори об этом Санни, пока Аргиль не вернется, — предупредил он Рагу.

— Хорошо.

Подойшла Санни, и они втроем отправились в номер Ориента и Раги. Вскоре возвратился Аргиль. Приближаясь к Санни, он вопросительно посмотрел на Ориента и понял, что Санни пока ничего не знает. Немного поговорив с Санни и насколько можно успокоив ее, Аргиль предложил Ориенту возобновить их совместные усилия и войти в контакт с Юлианом.

— Хорошо, — ответил Ориент.

Когда они зашли в спальню, Аргиль схватил Ориента за руку и проговорил:

— Расскажи мне все, что ты знаешь про эту девушку Пию.

— Я познакомился с ней, когда плыл в Танжер. Она теплатка. Я занимался с ней два дня, а затем кое-что произошло.

— Что именно? — потребовал Аргиль.

— Умерла подруга Пии. Затем Пия убежала с моим другом. Он позже тоже умер. И мне кажется, они умерли от воздействия смертоносной энергии, которую создает вокруг себя Пия. Теперь я в этом уверен, медленно проговорил Ориент.

— С тобой все в порядке, док?

— Просто немного утомлен от погони за Пией.

— Я все осмотрел, но не нашел никаких следов, — сказал Аргиль. — Ты считаешь, что это сверхъестественная сила, док?

— Да, но думаю: неужели ее нельзя ничем сдержать?

— Ты опасаться, что она убьет Юлиана?

— Не знаю.

— Что можно предпринять?

— Я попытаюсь поглотить часть этой силы и определить ее характер.

— Ты хотел сказать «мы», — поправил его Аргиль.

Ориент начал упражнения Янь, но почувствовал, с каким трудом сгибаются и разгибаются его конечности. Он сосредоточился, и постепенно тело стало слушаться его, а мышцы расслабились. Тогда он приступил к упорядочению своего дыхания. На это ушло больше времени, чем обычно. Но на-

конец все нормализовалось. Подошла очередь подключить сознание. Все прошло успешно. Теперь надо было слить свою энергию в едином ритме с энергией Аргиль. Наконец этот общий ритм позволил их сознанию оторваться и поплыть над орбитой их объединенной энергии.

И тут же на пути возникла какая-то непробиваемая плотная субстанция. Она попыталась отсечь их друг от друга, но их синхронизированная энергия и сознание выстояли. Тогда враждебная энергия обволокла их и нарушила единство. Ориент понял, что его сознание осталось наедине с этой враждебной силой. Он скорее поспешил назад, к твердой гравитации своей исходной точки...

Когда он открыл глаза, то увидел, что Аргиль склонился над ним.

— С тобой все в порядке? — тревожно спросил Аргиль.

— Да. — Ориент глубоко вздохнул и почувствовал, что воздух какой-то тяжелый.

— Ога поджидала нас, — сказал Аргиль.

Ориенту страшно захотелось спать.

— Док, я чувствую, как генерируется какая-то сильная энергия.

— Да, — ответил Ориент. — Но что же это такое?

— Я знаю только то, что эта сила пожирает чужую энергию. Если эта девка вырабатывает ее, то эта энергия начинает убивать, как только соприкасается с кем-то.

— Но Юлиан жив. И, наверное, на это есть особые причины, — ответил Ориент.

Он посмотрел в окно. На небе был полумесяц. Ориент прикинул: Джанис, спустя месяц Престо и Сикс. С той ночи на Ичие тоже прошел месяц.

— Вот так-то, — произнес Ориент.

— Что такое? — спросил Аргиль.

Ориент, глядя на него, сказал:

— У Пини определенный цикл. И если Юлиан жив, то это значит, что она ждет подходящего момента. Возможно, это лунный цикл. Какой-то ритуальный период.

— Этим утром попробуем, как и запланировали? — спросил Аргиль.

— Вряд ли. Мне надо поспать. Часика два.

Но проспал Ориент до следующего утра. Проснулся он от телефонного звонка. Все тело ломило, было трудно дышать. Было такое впечатление, что на груди у него кто-то сидел.

Ориент закрыл глаза и начал было засыпать, но вдруг осознал, что именно с ним происходит. Он снова открыл глаза и с большим трудом встал, преодолевая тяжесть своего тела.

Добраться до окна и открыть его потребовало огромных

усилий. Но это не помогло. Воздух был по-прежнему тяжелым и неподвижным. Он понял, что Пия целенаправленно воздействует на него. Воздействует всей мощью своего мерзкого облака. И ему необходимо защитить себя от этого.

Держась за стены и мебель, Ориент вышел в другую комнату.

Единственной защитой против воздействия Пии было древнее заклинание, передаваемое из поколения в поколение и берущее свое начало от египетской цивилизации. И для него были нужны соль и вода.

С трудом ему удалось налить воду в стакан и высыпать туда соль.

Ориент накрыл стакан рукой и произнес:

— Я заклинаю тебя, земную тварь, всемогущим добром, чтобы ты очистилась от всего своего зла именем Адоная.

Затем вытянул руку и очертил в воздухе пятиконечную звезду — пентаграмм. Каждый угол звезды он освятил именами Ра, Анубиса, Озириса, Айзис и Рамы. Это была вторая фаза заклинания.

И тут же тяжесть, сковывающая его, исчезла.

Комната наполнилась свежим воздухом. Он почувствовал себя в норме. Ориент знал, что злое облако рядом, но уже не внутри него самого. По крайней мере, можно спокойно все обдумать. Надо во что бы то ни стало определить происхождение сверхъестественной силы, которую вырабатывала Пия.

Ориент подошел к шкафу и стал искать чистую рубашку. Его взгляд случайно упал на фотоаппараты на нижней полке. Он вспомнил, что Престо хотел что-то сказать. Его записка с тремя Х. Ориент внимательно рассмотрел фотоаппараты. Один был Никон, другой Пентакс. Наверное, Престо понял, что произошло. Он открыл Пентакс. Внутри была кассета с пленкой. И тут он увидел то, что заставило его похолодеть от ужаса. На кассете стояла надпись: Кодак — ХХХ, черно-белая. Так вот что имелось в виду под тремя Х. Все, что хотел сказать Престо, было здесь на пленке.

23.

Был уже полдень, почти все магазины Рима были закрыты на обед, но Ориенту удалось найти открытый фотосалон. За срочную обработку пленки пришлось выложить тройную цену и ждать час.

Ориент решил немного пройтись, наслаждаясь свободой своего тела. Он понимал, что заклинание будет действовать недолго, и спасет его только знание природы той силы, кото-

рую вырабатывает Пия. А ключом к этой разгадке была пленка.

Когда Ориент возвратился в ателье, то все уже было готово: пленка проявлена, сделаны контрольные фотографии. Ориент внимательно просмотрел их. Его внимание привлек только один снимок. Это была фотография его самого. Он попросил увеличительное стекло. На снимке он смотрел на пустое кресло возле себя. Ориент не знал, что его фотографируют.

Он вышел и направился к себе в отель. Он был немного раздосадован тем, что ничего не нашел на снимках. Ничего интересного. На всех отпечатках — только виды корабля, а на одном — он, возле пустого кресла.

Вдруг по его телу прошел холодок. Мысли застыли. Он почувствовал присутствие зловещего облака. Оно начало обволакивать его. Его оружие — соль и вода остались в номере. У него был только один выход, и действовать надо был быстро и осторожно. Он ускорил шаг. Облако становилось плотнее, сковывая его руки и ноги.

Ориент направился к небольшому фонтанчику в конце улицы. Он ощутил, что зловещая энергия уже внутри него. Не пройдя и половины пути до фонтана, Ориент почувствовал страшную усталость. Но усилием воли он продолжал двигаться, сфокусировав свои мысли на Треугольнике Имхотепа. Дойдя до фонтана, он почувствовал, как облако отпрянуло от него. Воздух вокруг фонтана был чист и свеж. Ориент окунул в воду руку и произнес заклинание Имхотепа — великого египетского врача.

Сейчас он опять отбилсЯ от Пии, но она не оставит своего намерения уничтожить его, и с каждым разом ее сила все больше и больше привыкает к его защите. Самого действенного средства, которое смогло бы помочь, у него не оказалось: он не знал ключевого слова к числу 2-7-7. Он чувствовал, что облако где-то рядом. И мысли его напряженно работали. Ориент сел на край фонтана и приступил к медитации, концентрируя свои усилия на заклинании Треугольника Имхотепа — этого таинственного врача и архитектора Пирамид. Имхотеп понял силы Вселенной еще за три тысячи лет до появления Христа. Эти же силы поняли Моисей, Пифагор и Рама, а сознание Ориента металось между зловещим облаком и этими древними силами, которые он вызвал себе на помощь.

Ориент еще раз просмотрел фотографии и попытался вспомнить что-нибудь примечательное.

Мысленно он восстановил все детали путешествия, выискивая связь с фотографиями Престо. Затем он вспомнил человека, который увлекался фотографией. Это был Лью Холлест. Он говорил, что едет в Рим. Ориент вспомнил о выставке

необычных фотографий и технологии получения этих снимков. Он также вспомнил, что это были фотографии сверхъестественных сил.

Возможно, Лью найдет на фотографиях то, что не может найти Ориент.

Очень неохотно оставил Ориент свое защитное укрытие и побегал в ближайшее кафе. Позвонил в справочную, узнал телефон Лью, но того еще не было дома. Ориент направился по его рабочему адресу. Это была площадь Навона. На этой площади тоже находились три скульптурных фонтана.

Ориент вошел в офис и тут же узнал Лью: тот разговаривал с какой-то девушкой.

— Так, посмотрите, кто это к нам пришел, — улыбнулся Лью. — А я и не знал, что вы тоже в Риме, док.

— У меня тут кое-какие проблемы и я решил воспользоваться твоим советом, — ответил Ориент.

— Советом! У меня их много, — засмеялся Лью.

— Меня интересует твой инфракрасный способ обработки снимков, начал Ориент. — Престо сейчас в Марокко и прислал мне свою пленку. Он пишет, что такая обработка поможет ему в работе над фильмом, солгал Ориент.

— Престо? — удивился Лью. — Что же ты сразу не сказал от этого?

— Я пойду и выпью чашку кофе, пока ты обработаешь снимки, — сказал Ориент.

— Тебе придется заменить чашку на бочку, потому что все это займет несколько часов, — ответил, уходя, Лью.

Ориент почувствовал удушье и быстро направился к двери. Когда он достиг фонтана и повторил свое заклинание, то тяжесть в его теле осталась. Он понял, что облако научилось сопротивляться. Ориент вымыл водой лицо и сосредоточил свою волю на противодействии вибрации зловещей энергии.

Солнце начало садиться, и Ориент ощутил, как усилилась вибрация облака. Он набрал в руки воды и выпил ее. Затем начал дыхательные упражнения. Тело стало послушным и сознание открылось к приему чистой энергии. Он сосредоточил свою волю на слове АKN и начал заклинание, повергающее всех врагов. Постепенно зловещее облако оставило его.

Ориента охватил страх, несмотря на то, что он опять одержал верх. Ведь неизвестно, как долго это заклинание будет сдерживать облако, а он уже очень устал от этого поединка.

Еще немного подождав, он направился в офис к Лью.

Тот уже ждал его.

— Ну, какие результаты? — спросил Ориент.

— Ты уверен, что именно эту пленку нужно было обработать? — спросил Лью.

— Да, — подтвердил Ориент.
— Даже не знаю, что и делать с ней, — продолжал Лью.
— Может быть, ты лучше покажешь мне, что ты там увидел? — настаивал Ориент.
— Вот, посмотри. — И Лью отдал ему фотографии.
— Ты видишь, здесь определенно чья-то фигура. Все остальные снимки совершенно чистые, — сказал Лью.

Ориент всмотрелся в фотографии: он был не один, сидел и разглядывал зеленоватую, расплывчатую фигуру на кресле возле себя. Эта фигура напоминала своими очертаниями старую-старую женщину. Все ее лицо было в морщинах, а тонкий рот искажен двумя выступающими, как клыки, зубами. Но, даже несмотря на нечеткость снимка, Ориент узнал линию этого рта: это была утонченная линия губ Раги.

24.

Ориент весь напрягся, пытаясь двигаться против окутывающей его плотности облака, и не мог сделать и шага: возрастающая тяжесть не давала дышать, мысли застыли...

— Послушай, Ориент, — закричал Лью. — Что все это значит? Ведь Престо не присылал тебя сюда. И что это с тобой такое? Ты что болен?

Ориент, спотыкаясь, направился к выходу, будучи не в состоянии ни говорить, ни думать о чем-либо, кроме как о том, чтобы поскорее добраться до фонтана.

Он вышел на улицу, собрал всю свою волю и заставил себя двигаться вперед.

Люди останавливались и смотрели ему в след.

Наконец он добрался до спасительной воды, но понял: этого уже недостаточно для противостояния огромной силе.

Сознание Ориента застыло, вместо того, чтобы активно сопротивляться.

Собрав остатки воли, он отошел от фонтана, кое-как добрался до улицы, поймал такси и добрался до номера в отеле.

Оказавшись в номере, он нашел ручку и начал выцарапывать на полу большими буквами АІК, РРМС, НТР, ММРМ, образуя из этих слов квадрат. Взял воду, соль и сел внутри защитного квадрата. Налил воду в стакан, насыпал соль, попытался сосредоточиться на написанных словах заклинания. Когда ему это удалось, он почувствовал, как тяжесть понемногу отступает и стало легче дышать.

Ориент сел, скрестив под собой ноги, восстановил дыхание. Однако его сознание не покидало ощущение депрессии. На

какое-то мгновение ему показалось, что лучше умереть, но Ориенту удалось отогнать от себя эти мысли и сосредоточиться на Юлиане: он должен одолеть это зловещее облако ради Юлиана. Ориент знал, что стоит только ему раскрыть свое сознание, и эта мерзкая энергия уничтожит его. Он вышел из квадрата и подошел к телефону, отметив, что движется легко.

Набрал номер Аргилья. Никто не отвечал. Клерк внизу на звонок Ориента ответил, что Аргиль у себя в номере. Наконец ему удалось дозвониться.

— Да, кто это? — услышал он сонный голос.

— Это я, Оуэн. Не мог бы ты подъехать ко мне?

— Я жду Санни, — ответил Аргиль.

— А где она? — спросил Ориент.

— Она с Рагой.

— Тогда приезжай ко мне немедленно!

— Я подожду Санни и немного вздремну.

— Санни не придет, а если ты не взбодрись, то никогда уже не проснешься, — сказал Ориент.

— Черт возьми, что ты имеешь в виду? — всполошился Аргиль.

— Скажу все, когда приедешь. — Ориент положил трубку. Воздух в комнате опять стал тяжелым.

Ориент понял, что защитный квадрат — его последнее убежище.

Он возвратился к квадрату и сел в самую середину. И тут он вспомнил про свое кольцо. Его сила. Оно совершенно бесполезно. И уже нет времени выяснить, как оно действует. Он попытался сосредоточиться на этом голубом кольце. Прозвонел звонок, но Ориенту было трудно подняться: зловещая энергия опять начала заполнять пространство вокруг него.

Аргиль вошел сам и тут же спросил:

— Что значит, что Санни уже не придет?

— Если она с Рагой, то больше ее не жди. Тебе все еще хочется спать?

— Хочется и почему-то трудно дышать, — ответил Аргиль.

— Ты в состоянии войти в контакт? — спросил Ориент Аргилья.

— Думаю, что да.

— Тогда приступим.

Они начали с разминки, затем — дыхательные упражнения, единый ритм и слияние их воли и мыслей. Это помогло им противостоять присутствию зловещей энергии. Наконец они открыли глаза.

— Скажи мне, что с Санни и Рагой? — начал Аргиль.

Ориент начал рассказывать. Утаивать что-либо уже не имело смысла. Он рассказал Аргилью про Полу, про смерть Джанис,

про Пию, Престо, Рагу, Франческу, про ночь, когда он убил Алистера — про все. Про фотографию Раги. Единственное, о чем он не рассказал — это о днях, проведенных с Ахмехметом.

— А фотография у тебя? — спросил Аргиль.

— Кажется, потерял где-то. Но это была Рага. Она заполучила Санни, Юлиана, а теперь ей нужны и мы, — сказал Ориент.

— Что мы можем предпринять?

— Ничего, — ответил Ориент. — Нам неизвестно происхождение этой силы.

— Док, — начал Аргиль, — становится трудно дышать. Должен же быть какой-то выход.

Ответ Ориента был прерван слабым сигналом в основании мозга. Тут же возникло изображение спящей девушки. Затем изображение исчезло, но образ остался.

— Это Юлиан выходит на связь, — произнес Аргиль.

— Ты держишь его? — спросил Ориент.

— Да, — ответил Аргиль.

Они тут же раскрыли свое сознание на прием этого слабого сигнала. Уловив его, Ориент поднялся. Аргиль открыл глаза и спросил:

— Куда ты направляешься?

— Хочу по сигналу выйти на него, — ответил Ориент.

— Я с тобой. Если Юлиан вошел в контакт, то, может быть, Санни выручила его, — предположил Аргиль.

— Возможно, — согласился Ориент, но когда они направились к двери, он почувствовал тяжесть в легких и понял, что сигнал от Юлиана был просто приманкой.

На улице уже было темно. Аргиль и Ориент шли медленно, продолжая концентрировать свою волю на создании общей энергии, которая как мостик вела их к Юлиану. Тяжесть все сильнее наваливалась на них. Они направились было в сторону аллеи, но сигнал пульсирующей энергии вернул их к оживленным улицам. Постепенно сила сигнала, посылаемого Юлианом, стала возрастать. Они поднялись вверх по безлюдной улице. Неподалеку впереди за высокой железной оградой виднелся дом.

— Сюда, — сказал Ориент, и они подошли к воротам.

— Закрыто, — произнес Аргиль.

Вдруг раздалось какое-то жужжание, и ворота открылись.

— Замечательно, что вы наконец-то здесь, — раздался голос Пии, и Ориент увидел, что Пия стоит в дверях дома.

Когда они подошли ближе, Пия ступила в сторону и впустила их.

— Приятно опять встретиться с тобой, Оуэн, — сказала Пия еле стоявшему на ногах Ориенту. — Ты и друга с собой привел. А он ничего. Думаю, что сегодня я уделю ему свою ночь, — продолжала она, оценивающе рассматривая Аргия.

— Где Юлиан? — прохрипел Аргиль.
— Всею свое время, — ответила Пия.
— Нет, сейчас, — настаивал Аргиль.
— Не трать напрасно свои силы. В твоём положении ничего нельзя требовать, — произнесла Пия. И, обратившись к Ориенту, добавила:

— Ты выглядишь усталым, Ориент. Зайди и отдохни.

Воля Ориента готова была рассыпаться на кусочки от мощи проникающей в мозг энергии. Он медленно пошел по коридору, задевая плечами стены. Все его ощущения были притуплены убаюкивающим действием враждебной энергии.

Наконец он кое-как добрался до комнаты в конце коридора и вошел внутрь. Окон здесь не было. Освещалась комната двумя свечами, стоявшими на полу. Рага сидела между ними на длинной зеленой шелковой подушке. Санни лежала на другой, покрытая зеленой тканью.

Даже при таком слабом освещении была заметна неестественная бледность кожи Раги.

— Привет, дорогой, — произнесла она.

Ориент почувствовал толчок от усилий, которые делал Аргиль, чтобы приблизиться к Санни, но он так и не смог подойти к ней.

— Это бесполезно, Аргиль, — сказала Рага. — Я позволил вам прийти сюда только для того, чтобы вы воочию убедились в моей силе. — Затем посмотрела на Ориента и добавила: — Мне понравились наши игры, Оуэн. Ты оказался на удивление способным. Но все же, никто не сможет предотвратить то, что произойдет сегодня ночью.

— Отпусти мальчика, — выдал из себя Ориент.

— Так в этом-то все и дело. Все мы здесь из-за Юлиана и находимся, — ответила Рага.

— Мерзкая тварь, — простонал Аргиль.

Рага тут же ответила:

— Ты ошибаешься, Аргиль. Юлиан будет жить вечно. Он будет со мной.

25.

В этот момент перед глазами Ориента медленно прошла Пия. Казалось, что она парила над полом. За ней тянулся длинный зеленый шлейф.

— Пора? — спросила она у Раги.

— Уже скоро, — ответила Рага, поглаживая Санни по голове. — Я чувствую его приближение.

Ориент начал постепенно терять сознание. Комната за-вертелась перед глазами, и он упал на ковер лицом вниз. Немного погодя, он приподнял голову и открыл глаза. Облако обволакивало его сознание, затрудняло дыхание. Потом немного отступило, позволило ему сделать вздох — и опять поглотило его, впитываясь в энергию его воли.

— Юлиан, — еле выдавил из себя Ориент.

Рага медленно покачала головой:

— Мальчик нужен мне.

В этот момент Аргиль стал опускаться на пол.

— Ты же видишь, Оуэн, что я и Пия сильнее вас. И я хочу сделать то же, что и ты: развить способности мальчика. Но я предлагаю ему не только телепатию. Я предлагаю ему вечность.

— Вечность для того, чтобы убивать, — произнес Ориент.

— Не убивать, а позволять низшим существам быть средством его существования. Это естественное жертвоприношение, царящее во всей Вселенной. А ты немного напоминаешь мне Алистера. Но я вынуждена была пожертвовать им. И тобой пожертвую тоже, когда придет время.

Ориент почувствовал, как возрастает сила облака вокруг него.

— Я могла принести в жертву вместо Алистера тебя, но он хотел, чтобы я прекратила эти ритуалы. Когда в ту ночь подошло время, я уже не успела бы к Франческе. Мне надо было срочно выбирать. Ты показался мне очень привлекательным. Я думала, что ты поймешь меня. Но теперь вижу, что нет. Ты хочешь остановить меня, как и Алистер.

— Ты принесла в жертву Алистера? — проговорил Ориент.

— Да, это происходит у меня каждый месяц. И каждый раз я должна проглотить чью-то жизнь. Сегодня же начнется мое правление жизнью на земле. Раньше я не могла быть такой всемогущей. Все это заслуга Алистера. Сто шестьдесят лет я вынуждена была жить только ночью, постоянно опасаясь быть обнаруженной. Всегда в движении. Пока наука не доказала, что меня нет. — Рага начала смеяться. — Даже Алистер не поверил мне. Он думал, что сможет выделить из моих клеток особое вещество, которое продлит жизнь. Но вместо этого у него получилась сыворотка, благодаря которой я смогла существовать как обычный человек. До тридцати лет я была императрицей. И теперь я буду править снова. Теперь уже вечно.

Ориент почувствовал, что угнетающая его сила ослабла, и он вдохнул немного воздуха. Помутневшим взглядом Ори-

ент проследил, как Рага сказала что-то Пие на ухо, та улыбнулась и вышла из комнаты.

Потом увидел, что Аргиль пытается подняться на ноги со словами: «Санни, проснись», — и снова валится на пол.

— Санни сделала свой выбор, Аргиль, — улыбнулась Рага. — Она предоставила себя в мое распоряжение ради Юлиана. При помощи крови своей матери Юлиан приобщится к моему бытию. Это будет прекрасная пара: Юлиан и Пия — принц и принцесса. И им вечно будут прислуживать другие.

— Нет, — прошептал Ориент.

Рага с удивлением посмотрела на него.

— Ты просто глупец, Оуэн. Если бы ты не был так упрям, то правил бы вместе со мной. Но моим утешителем станет Юлиан. Хотя я не думала приносить тебя в жертву. Так же, как Пия не хотела, чтобы умер Престо. Но он стал что-то подозревать, когда обнаружил, что на пленке нет изображения Пии, — Рага засмеялась. — Наука всегда подтверждает, что мы не существуем.

Рага протянула руку и подняла большой сосуд с иглой, наполненный коричневатой жидкостью. Она поднесла сосуд к свече.

— Это наследство Алистера, эликсир моей красоты. Смесь очень проста: травы, кокаин и витамин В-12. Потребуется совсем немного твоей крови, чтобы продлить мою жизнь и мою молодость. Я не хотела приносить тебя в жертву, Оуэн. Но ты такой же упрямый, как и Алистер. Не сопротивляйся. Тебе будет очень приятно. Поверь мне. Очень приятно. Я не возьму у тебя много крови. Лишь столько, сколько надо для того, чтобы сыворотка ожила. И как только твоя кровь соединится с моей, с ней перейдет ко мне и твоя жизнь. Это высшая форма любви, мой дорогой, — заключила Рага.

— Юлиан! — Голос Аргия заставил Ориента открыть глаза. Взгляд его прояснился, когда он увидел вошедшую с Юлианом на руках Пию. Она нежно опустила мальчика возле Раги. Он спал. Пия сорвала с Санни покрывало, а Рага взяла в руки сосуд с иглой. Сознание Ориента опять затуманилось. Рага начала произносить заклинание. Слова вбивались в мозг Ориента, подобно стрелам, а их ритм заставил Ориента что-то вспомнить. С каждым новым повторением заклинания в его сознании проносилась какая-то неуловимая мысль. Он напряг свою волю, сконцентрировав ее, и ему все стало ясно. Ритм слов и голоса создавал высокие и низкие колебания. Вот где был источник силы Раги.

— Агови, — хлестнула Рага этим словом по памяти Ориента. Он вспомнил: это демон зла.

Ориент сжал кулаки и открыл глаза. На пальце его вы-

тянутой руки поблескивало лазуритовое кольцо. Он поднес его к лицу. Память подсказала нужное направление для движения мысли. Рага произнесла заклинания демона Аго-ви. И тут он вспомнил нужное слово: Лунгару. Ключ к замкнутой в кольцо силе. Лунгару — это колдовское имя Аго-ви.

— Лун-га-ру. — Каждый слог давался Ориенту с большим трудом.

Вдруг Рага прекратила шептать заклинание. Открыла глаза, встала. На ее лице было крайнее удивление. Она с интересом уставилась на Ориента. Посмотрев на кольцо, Ориент начал произносить слова заклинания. Каждое слово четко слышалось в наступившей тишине. Рага замерла без движения, Пия начала медленно подниматься, Аргиль беспомощно лежал на полу. Все застыло.

— ... марошана сфита,... — звучали в тишине слова заклинания.

— ... хаи, — прозвучало последнее слово.

Сквозь затуманивающийся взгляд Ориент увидел, как Рага выронила сосуд и беспомощно потянулась к Пие, но та рухнула на пол. Аргиль поднялся на колени, а Юлиан открыл глаза и громко закричал.

Ориент тоже попытался встать, но тут сознание покинуло его.

26.

Услыхав громкий плач и всхлипывание, Ориент открыл глаза. Рядом были Аргиль и Юлиан. В глазах опять помутнело, он закрыл их. Немного погодя снова открыл и увидел, что Рага и Пия лежат на полу. Ориент с трудом поднялся на колени. Услышал стон Санни, затем с усилием встал на ноги.

— Все хорошо, малыш, — шептал Аргиль Юлиану, когда Санни медленно открыла глаза.

Ориент сделал несколько неуверенных шагов. Какое-то движение привлекло его внимание: Рага судорожно пыталась схватить сосуд с иглой. Ориент наклонился и поднял его.

— Вы идите, а я останусь, — распорядился он.

Аргиль, Санни и Юлиан направились к двери.

— Если через полчаса тебя не будет, я вернусь, — сказал Аргиль.

— Я вернусь только утром, — ответил Ориент, провожая их до двери.

Когда они ушли, Ориент быстро вернулся в комнату. Пия лежала без движения, а Рага, увидев Ориента, произнесла:

— Пожалуйста, Оуэн, — отдай сосуд. Не дай мне умереть, дорогой.

Ориент, не говоря ни слова, разбил сосуд об стену. Комнату наполнил запах гниющих цветов.

— Оуэн!

Он обернулся на крик Раги. На ее лице были ярость и ужас. Ориент отошел в ту часть комнаты, которая была в тени. Сел на пол. Глядя на кольцо, сконцентрировал всю энергию воли на объекте своей цели. Лунгару. Посмотрел на лазурит и просчитал сумму букв в слове. 554. Деленная на два, она составляла 227. Он нашел это слово! Ключ к замкнутой в кольце силе!

Прошел час. Ориент поднялся и подошел к горящим свечам. Наклонился над Пией: черты лица семидесятилетней старухи. Она была мертва.

Подошел к Раге. Ее некогда гладкое белое лицо стало коричневым. Кожа на теле покрылась морщинами. Ориент дотронулся до ее груди и почувствовал, как его рука прошла насквозь. словно это было не тело, а пыль. Он рывком вытянул руку. Поднялся, задул свечи и вышел.

27.

Юлиан позабыл обо всем первом. Он жил только настоящим: купался в море, играл в песке или катался на лодке с Санни и Аргилем. Иногда Сорди брал его с собой пройтись по прибрежным деревушкам, и мальчик постепенно запоминал все больше и больше итальянских слов.

Еще месяц Ориент прожил в их обществе, но пустота внутри влекла к новому делу.

И он наконец отправился на пароходе в Нью-Йорк. На судне было полно туристов, возвращающихся из отпуска. Когда же стало известно, что он доктор, к нему начали приходить за советами. Одной из пассажирок было девушка, собиравшаяся поступить в медицинский колледж, и она проводила в разговорах с ним целые дни. Отвечая на вопросы, Ориент осознавал, что отвечает тем самым на свои.

К тому времени, когда судно подошло к нью-йоркской гавани, Ориент уже планировал возобновить свои видеоэксперименты, но прежде всего надо было срочно найти работу и жилье.

Стоя в очереди за своим паспортом, Ориент вдруг услышал:

— Доктор Оуэн Ориент? — произнес какой-то таможенный офицер. — Пройдите сюда, пожалуйста.

Ориент поднял свой чемодан, прошел мимо удивленной очереди в комнату. Здесь его ожидали четверо мужчин. Никто из них не улыбнулся ему.

— Доктор Оуэн Ориент? — услышал он опять свое имя.

— Да, это я.

Ориент услышал, как за его спиной закрылась дверь.

— По нашим данным вы покинули Нью-Йорк в масе, — начал мужчина, сидящий за столом.

— Да, так.

Мужчина удовлетворенно кивнул головой.

— Отдайте ему паспорт, — тут же распорядился он и затем добавил:

— Вам придется пройти с этими двумя людьми.

Ориент вышел за ними в соседнюю комнату. Здесь ничего, кроме стола и двух стульев, не было.

— Это ваш багаж? — спросил один из мужчин.

— Да.

Ориент начал понимать, что это не обычный досмотр.

— Ключи у вас, доктор?

Ориент стал доставать ключи и заметил, как мужчины насторожились. Он нашел ключи и отдал их.

— Вы не будете возражать, если мы вас обыщем? — услышал Ориент.

Он согласно кивнул.

— Снимите свою обувь. Теперь остальную одежду.

Осмотрев одежду, они вернули ему ее.

Укладывая вещи в чемодан, он спросил:

— Могу я забрать свой паспорт?

— Пока нет, — последовал ответ.

— Почему нет?

— Вы арестованы.

— Я не совсем понимаю.

— Вы подозреваетесь в провозе наркотиков. Мы из ФБР.

Ориент подозрительно посмотрел на них и спросил:

— Вы что, серьезно?

— У нас ордер на наш арест со дня вашего отплытия из страны, — услышал Ориент в ответ.

— Вы уверены, что здесь нет никакой ошибки?

— Собирайте свои вещи. Здесь нет никакой ошибки. Вам ведь знаком человек по имени Джокки?

— Да, конечно.

— Ну вот он нам все и рассказал.

Ориента отвезли в полицейский участок, поместили в небольшую камеру. Он поудобнее устроился на своем чемодане. Он знал, что обвинение ложное, но он также знал, что если эти люди внимательно проследят весь ход его жизни за последние несколько месяцев, то неприятностей у него будет много.

— Сюда, пожалуйста, доктор, — услышал он. Дверь открылась, и Ориента ввели в небольшой кабинет. Здесь его уже ждали.

— Это все выглядит довольно запутано, доктор, — начал человек за столом, внимательно вглядываясь в лицо Ориента.

— У нас есть доказательства того, что вы и Джокки договорились с Полой Глизон доставить ей килограмм кокаина. Нам известно все — имена, время. Нам также известно о ваших выдающихся достижениях в науке, доктор. Особенно, результаты вашей работы с дочерью вице-президента. И вы избежите неприятной огласки, если будете сотрудничать с нами.

— Я действительно знаю человека по имени Джокки, но насколько мне известно, наркотиками он никогда не занимался, — ответил Ориент.

— У нас есть доказательства, — повторил мужчина.

— Здесь не может быть никаких доказательств. Мне необходимо связаться со своим адвокатом.

— Кто ваш адвокат?

— Эндрю Джекобс.

— Хорошо. Вы свяжетесь с ним. А теперь скажите, зачем вы продали свой дом и выехали из страны?

Ориент улыбнулся.

— Здесь нет ничего предосудительного.

— Вы знаете Полу Глизон?

— Один раз я встречался с ней.

— В ее квартире?

— Да.

— Для чего?

— На все ваши вопросы я буду отвечать только в присутствии своего адвоката.

— Если вы будете добровольно сотрудничать с нами, то не лишитесь права заниматься частной практикой.

— Вряд ли наше сотрудничество возможно.

Ориент попросил разрешения позвонить по телефону. После звонка его опять отвели в камеру.

Через час прибыл Эндрю.

— Выходи, Оуэн, ты покидаешь это учреждение, — сказал Эндрю. И тут же добавил: — Рад видеть тебя, Оуэн. Как я и предполагал, стоило мне упустить тебя из виду на шесть

месяцев, и ты оказался под стражей. И все же я рад тебя видеть.

— Обвинения какие-то туманные, — сказал Ориент.

— Туманные? — переспросил Эндрю. — Да нет просто никаких обвинений!

— Это значит, что я свободен?

— Да, конечно.

И тут же перешел на шепот:

— Ордер, которым они воспользовались, стал недействительным месяц назад.

Когда они вышли из участка, на улице их ждала машина.

— Вот видишь, — начал Эндрю, — всегда надо быть очень осторожным в выборе друзей. Все, чем располагает следствие, заключается в том, что у них есть запись разговора, в котором упоминается твое имя. Они предположили, что смогут надавить на тебя. Как только мы все уладим, ты снова сможешь приступить к работе. Ведь ты собираешься это сделать?

— Думаю, что да.

Машина ехала вдоль Гудзона, и Ориент спросил:

— Куда это мы сейчас направляемся?

— Конечно же, к тебе домой, — был ответ.

Ориент улыбнулся:

— Ты должен помнить, что я продал свой дом полгода назад.

— Да, ты продал. Но покупатель не внес первый взнос. И поэтому ты все еще владелец этого дома.

На это Ориент ничего не ответил.

Вскоре он нашел себе место в одной из частных клиник. Немного погодя у него появилось время и для собственных исследований. Постепенно он стал ощущать удовольствие от своей вновь обретенной жизни.

Однажды, когда он был занят работой дома, раздался звонок. Открыв дверь, Ориент увидел какого-то бородатого мужчину в широкополой шляпе, длинном пальто и темных очках.

— Привет, док. Не возражаешь, если я навещу тебя?

Что-то в этом человеке было очень знакомым, а когда он снял очки, Ориент узнал его. Это был Джокки.

Пройдя в дом, Джокки заметил, что здесь можно было бы устроить неплохой игорный дом. Затем разделся и сел в кресло.

— Ну, как твои небольшие каникулы? — бросил он небрежно.

— Тебе следовало бы предупредить меня о том, что в сумке был кокаин, — ответил Ориент.

— Поначалу я так и хотел сделать. Но затем решил, что

лучше тебя в это дело не впутывать. И теперь уже все это позади. А я решил перебраться в Неваду.

— Если хочешь, можешь у меня остаться на несколько дней.

— Нет, я здесь не один. А к тебе зашел, чтобы убедиться, что ты не сердишься на меня, и сказать, чтобы ты всегда был очень осторожным в выборе друзей.

Джон Меткалф

ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ МЕРТВЕЦ

Наш сын, Дэни, никогда не отличался крепким здоровьем. Когда же внезапно скончалась его мать — я очень ее любил, — пришлось забрать мальчика из школы и разрешить ему хотя бы некоторое время побыть дома.

Бедный малыш... Наверное, прежде я был с ним слишком строг. Но сейчас мы очень нуждались друг в друге. Поэтому мне хотелось сделать все, чтобы оградить его от жестокости и позволить расслабиться. Мое желание нетрудно понять. Ведь сын на все реагировал очень эмоционально. А если что-то причиняло ему боль, то вместе с ним страдал и я.

Думаю, я стал очень добрым отцом. И, конечно, не сожалел бы об этом, если бы не произошло то, о чем я хочу рассказать.

... Жили мы в то время в просторном и очень приятном старом имении Эштофт, вблизи Винчестера. Я приобрел его после ухода в отставку из армии. Когда же Дэни попросил пропустить еще один семестр учебы в школе, чтобы «составить мне компанию», в душе я был польщен. В самом деле, мягкий южный климат и ежедневные верховые прогулки по холмам пошли бы ему только на пользу. Во всяком случае, отказ в течение нескольких месяцев от зубрежки греческого и алгебры не принес бы большого вреда.

В мае-июне рядом с нами поселилась французская семья, точнее, отец с сыном и дочкой. Они проводили здесь часть лета. Дэни заинтересовался ими, а они, в свою очередь, тоже обратили внимание на моего сына.

Моя супруга, Сесиль, была полуфранцуженкой. А когда мы узнали, что наши соседи из ее родной провинции, и более того, ее дальние родственники, мы вместе изучали документы и убедились в этом, — восприняли как счастливый случай.

Сесиль не уставала рассказывать Дэни о месте своего рождения, вернее, его истории, природе, и прежде всего, о легендах этого края. Правда, как она сама признавала, некоторые из этих легенд могли просто шокировать. Но мы нередко сожалели, что Дэни пока еще не посетил эти места.

Однако Дэни довольно сносно читал и говорил по-французски, в чем я ему завидовал, и из уважения к памяти своей матери весьма пристрастно относился ко всему, имевшему галльское происхождение.

Теперь о Вэньонах. Глава семьи, который старался поддерживать с нами добрые отношения, был, полагаю, потомственным землевладельцем. Его замок находился вблизи Иссуара. Сам же он, худощавый, со впалыми щеками, произво-

дил впечатление несколько нервного и малоразговорчивого человека. Его замкнутость я связывал с недавней тяжелой утратой. То, что он, как и я, в минувшем году потерял жену, сближало нас еще больше. Откровенно говоря, я был рад, что у Дэни появились такие же, как он, осиротевшие друзья — Августина и Марсель, хотя они выглядели не слишком привлекательно — тощие, почерневшие, узкоглазые и задиристые. Однако их общество, очевидно, нравилось Дэни.

— Господин полковник, давайте скажем друг другу до свидания, а не прощайте, — сказал перед отъездом Вэньон. — А если вы позволите, мы ждем Дэни во время каникул в Оверне. Марсель и Августина тоже в свою очередь посетят вас.

Это была новая идея! Я спросил об этом Дэни, но оказалось, что он уже обо всем знает.

— Ты бы хотел поехать? — спросил я.

— Пожалуй... Я мог бы. Или нельзя?

— Посмотрим. Думаю, можно. Подождем, потом решим.

Эта мысль не покидала меня. Каникулярные обмены широко рекламировались в прессе. А уж в данном случае наши семьи были знакомы и хоть отдаленно связаны родственными узами. Что же касается каникул, то у Дэни их было навалом. В учебе он, конечно, отстал, а теперь, как я полагал, ему представится возможность подтянуть французский, ведь вскоре он будет вынужден вернуться в школу.

В августе вместе с Дэни я отправился в Фоан. Хотелось посмотреть, как он устроился в замке Вэньона. Там я провел одну ночь и на следующий день вместе с Марселем и Августинкой вернулся в Хемпшир.

Так продолжалось более года, пока Дэни не исполнилось тринадцать. Но как только он вернулся в школу, обмен визитами во время каникул возобновился.

Меня, признаться, все же продолжала смущать слишком большая тяга сына к этим поездкам. Что там так привлекало его? Когда Марсель и Августина приезжали к нам, они развлекались сами, а вот у Дэни не было ровесников для игр.

У Сесиль был племянник Вилли — сын ее брата. Полагаю, Дэни часто проводил время в компании с ним. Но пару лет назад он умер. А его родители, жившие поблизости с замком Вэньона, уехали в Дижон. Короче, Дэни лишился единственного приятеля, и, как мне представляется, в поисках развлечений его потянуло к Вэньону. Меня это, бесспорно, смущало и вызывало определенную ревность.

До сих пор я лишь однажды побывал в замке в Фоане. В

остальных случаях детей привозили и увозили Вэньон или его мажордом Флебар. Теперь же я пытался более четко восстановить в памяти эти места.

Замок был старым и носил следы небрежного ремонта, хотя его интерьер был великолепен. Когда мы приехали, внешний вид замка и окружавших его строений показался мне мрачным. Чтобы добраться от станции до места мне пришлось взять такси. Стояло это весьма дорого, зато по пути я познакомился с окрестностями. Они производили отталкивающее, жутковатое впечатление. Все вокруг казалось выжженным, вымершим, действовало удручающе. Однако это впечатление не оставило глубокого следа и сразу же было забыто благодаря исключительно сердечному приему, оказанному Вэньоном. Он буквально рассыпался в извинениях за то, что сломался автомобиль, который должен был встретить нас.

Дэни отправился спать, а мы с хозяином до полуночи беседовали за рюмкой превосходного бренди. В разговоре Вэньон шутливо упомянул какую-то «комнату-убежище» в башне замка, но связанный с этим рассказ был настолько сумбурным, что я его не запомнил.

— Ты по-прежнему хотел бы посещать Фоан каждые каникулы? спросил я однажды у Дэни. — Почему бы тебе вместо этого не побывать у дяди Майкла и тети Бетти? Им было бы очень приятно видеть тебя в Дижоне.

— О, нет... Мне так нравится в Фоане, я хотел бы быть там 1...

Внезапно меня поразило чувство тревоги в его голосе.

Прежде я как-то охотней и без каких-либо опасений шел на обмен визитами детей. Да и теперь было бы преувеличением сказать, что я чего-то боялся. Просто меня смущало то, что, казалось бы, незначительное и случайное начало этой истории превратилось в традицию.

— Уверен, тебе бывает там страшно скучно. Чем ты занимаешься целый день?

— Дел очень много. Мы... — он замолчал.

Я почувствовал явную растерянность. Чрезмерная скромность Дэни всегда смущала мать и меня. Когда она умерла, я опасался, что ее смерть серьезно отразится на его здоровье. Но он стойко перенес горе и через некоторое время обрел забвение в учебе. Теперь же, однако, у Дэни возникла какая-то нервозность. Казалось, он боялся, что я запрещаю дальнейшие визиты. В его глазах появилась настороженность, словно он скрывал что-то серьезное.

На эту тему мы больше не говорили. А через неделю приехал Флеббар, скромный и сдержанный малый, казавшийся самой добродетелью. Это развеяло все мои сомнения.

И все же, как только Дэни уехал, сомнения возникли опять. Я не мог не думать: что же, там в замке, продолжает так звать к себе моего мальчика? Не подозревая чего-либо плохого конкретно, я чувствовал, что существует какая-то причина, которую я просто не заметил, но которая требует более внимательного изучения.

Так родилась мысль, что во время очередной поездки Дэни, если она состоится, я буду его сопровождать или сам поеду за ним и перед возвращением домой обязательно проведу денек в Фоане.

Этот визит я помню очень хорошо. Когда он завершился, ничто не вызывало беспокойства, но затем меня захлестнула волна необъяснимой депрессии.

Вэньон упрасивал погостить у него подольше, проявлял исключительное внимание, почти не оставляя меня одного. Со своими детьми он вел себя строже, чем в Гемпшире. И я вынужден был признать, что Вэньон извлекал больше пользы из нашей системы взаимных визитов детей, так как трудно было сравнить моего привлекательного и хорошо воспитанного Дэни с его двумя скрытными и эксцентричными обезьянками.

Для визита в замок, где Дэни провел четыре недели, я предпочел выбрать не первые, а последние дни. Время проходило спокойно и до самой последней ночи совершенно непримечательно: беседы, еда, игра в карты, свободное времяпровождение и хорошо организованные походы по имению. Во время этих походов нас сопровождал Дэни. Он помогал Вэньону, как экскурсовод, и его светлая головка все время мелькала на солнце впереди нас. И все же, мне казалось, он был слегка рассеян и подавлен.

Стояла знойная пора середины августа. Вокруг нас в горячей дымке простиралась обожженная солнцем земля. По дороге в Фоан взору открывался странный ландшафт: хаотическое нагромождение ребристых скал, будто здесь произошел мощный взрыв. На ум пришло более выразительное сравнение: казалось, что эти расколотые каменные глыбы, шпили и башни, почерневшие бруски магмы были людьми. Во время одной из своих забав расшалившиеся дьяволы швырнули их на игорный стол плоских равнин, да так в беспорядке и оставили. Было жутковато. И я подумал, как будет хорошо вновь вернуться домой.

Но больше всего за три дня пребывания в замке меня

поразила перемена в поведении Вэньона. Однажды, когда я упомянул об очередном приезде Дэни, его взгляд выразил какое-то смущение и сомнение.

— Да, — неуверенным тоном сказал он, — мы все взрослеем, и даже самое хорошее заканчивается...

Ночь накануне возвращения в Англию я провел без сна. В постели было жарко, и я вспомнил, что рядом с моей комнатой, примыкавшей к комнате Дэни, находится винтовая лестница, ведущая в небольшой сад. Я решил подышать свежим воздухом и начал спускаться по лестнице вниз, но, услышав голоса, остановился.

Мне показалось, что это Вэньон говорил с Флебаром.

— Нет, нет, — донесся до меня испуганный полупшепот. — Мы не можем... Говорю вам, это I пришло опять...

Я потихоньку удалился. Последние слова Вэньон произнес с каким-то страхом или отвращением, и на минуту я пожалел, что не дождался еще одной-двух фраз. Вернувшись к лестнице, я вдруг заметил полоску света из-под двери Дэни и вошел в комнату.

— Эй, да ты тоже не можешь уснуть, — сказал я.

— Да... Так душно...

Дэни сидел на кровати, рядом в висевшем на стене подсвечнике горела свеча. Он выглядел явно встревоженным и возбужденным.

— Здесь не так тихо, как казалось бы, — заметил я не для того, чтобы отметить этот факт, а чтобы развеять свою угасающую тревогу. — Только что я, кажется, слышал... Может быть, это коровы или лошади...

— Или привидение из комнаты в башне, — добавил Дэни.

Я усмехнулся, думая, что он пошутил.

— А разве привидения могут шуметь? — спросил я, а мои мысли вертелись вокруг Вэньона.

— Да... — Дэни задумался, улыбнулся и четко добавил: — Они издают *роликовые* шумы. Я... я заставляю их издавать такие звуки.

— *Роликовые* шумы? — я был обескуражен таким определением и интонацией его голоса.

— Да, похожие звуки издают роликовые коньки. Хотя это так смешно. Мы... — он оборвал фразу, на губах промелькнула улыбка. Эта улыбка выражала то, что мне *не дано было понять*: улыбка постижения истины, глубокого проникновения — реального или мнимого. Я считал лучшим не углубляться в эту тему.

— Доброй ночи, — пожелал я Дэни и отправился в свою комнату.

После всего этого мне опять пришлось мужественно бороться с бессонницей. Наконец, я заснул, а утром проснулся

бодрый духом и телом. Если это лишь глупый предрассудок, который мучает Вэньона, то, пожалуй, страхи мои беспочвенны. Просто я устал. Может, еще одна поездка, и наша практика взаимных визитов детей начнет себя изживать.

Однако при отъезде опять вернулись мои прежние опасения. Вид у Вэньона был нездоровым; когда он прощался, его рука дрожала. Внезапно мой мозг пронзило слово, которое объясняло изменение в поведении Вэньона и которое я безуспешно искал три дня. *Виновный*. Но это же нелепо! В чем он может считать себя *виновным*? И все же... Казалось, сумрак сгустился вокруг меня и Дэни, когда мы сели в машину и на прощанье помахали рукой.

В поездке и на борту судна вновь удалось прогнать мучающие меня сомнения. Возможно, Вэньон решил, что уже достаточно пообщался с нами и пора постепенно избавиться от нас, но откровенно сказать об этом стеснялся. В свою очередь, я считал, что в последнее время семейство Вэньонов слишком настырно посещало нас и если инициатива прекращения визитов будет происходить с их стороны, тем лучше и легче будет для меня. В Эштофт мы вернулись в отличном настроении.

А через пару дней почтальон вручил мне заказное письмо со штемпелем Фоана. Вот письмо Вэньона:

«Дорогой полковник Хэпгуд, с большим сожалением вынужден информировать Вас, что столь приятные взаимные связи наших семей в дальнейшем желательно не продолжать. Боюсь, мне трудно дать убедительное объяснение этого вызывающего сожаления решения. Я оказался жертвой фантастического преследования или наваждения, невольно связывать Вас с которым было бы бесчестно. Это все, что я могу сообщить Вам в оправдание столь жестокого шага. Но я двигаю санитарный кордон вокруг себя не для собственной защиты. Яделаю это ради других. Приношу самые глубокие сожаления и надеюсь, что вы, которого я так уважаю, отнесетесь к этому факту с пониманием. Позвольте мне с этого момента связь с Вами прекратить.

Ваш,

В. де ля Ф. Вэньон.»

Я положил это удивительное послание в конверт. Оно вызвало у меня некоторые сомнения. Совсем недавно я думал о возможности подобного события, но не в такой же форме! Или этот человек сошел с ума? Как ни странно, у меня не возникло чувство обиды или злости. Скорее, полное недоумение и даже страх, ощущение того, что дело на этом не закончилось и настоящая беда только начинается...

Во всяком случае, вся эта история потрясла меня.

Я не сразу сказал Дэни о письме Вэньона. Более недели решал, как сделать это лучше. Наконец, я сообщил ему, что у семьи Вэньона возникли определенные затруднения, не позволяющие ему некоторое время находиться в замке.

Конечно, это сильно искажало реальное положение вещей. Но как я мог все объяснить? Догадываюсь, что Вэньон готовился к этому шагу уже несколько месяцев, и у него лишь не хватало мужества сообщить об этом. Но каким абсурдным и, по совести говоря, просто грубым было подобное письменное заявление. Да и что могли значить содержащиеся в письме извинения и слова «преследование» и «наваждение»? Такое послание ни к чему было показывать Дэни.

Саму новость он воспринял спокойно. Хотя я чувствовал, что спокойствие это обманчиво. Для Дэни все происходящее было очень важным, и он мысленно старался оценить серьезность сообщенной новости и решить, как нейтрализовать или хотя бы смягчить неудачу и совместить ее со своими желаниями. Я жалел Дэни, старался уменьшить его страдания и сделать его хоть немного счастливее.

Правда, вскоре он сам помог мне выйти из затруднения, однако в такой форме, которая не вызвала у меня восторга.

— Думаю, что это Рауль, которому я не уделил достаточно внимания, сказал он как бы между прочим, но с некоторой доброжелательностью, что не ускользнуло от моего внимания. — Я ведь, кажется, рассказывал тебе о нем.

— Рауль? Нет, о нем ты не говорил.

— Не говорил? О Рауле Приваче? Конечно, я...

— Ты никогда о нем не говорил. Кто он?

— Как же, там это был мой самый близкий друг. Я должен был сказать тебе... Мы вместе ловили кротов и летучих мышей, взбирались на вершину. Он, ну, он просто рабочий. Думаю, ты можешь его нанять. Он чувствует деревья, умеет ухаживать за лошадьми. Ой, я знаю! — Дэни замолчал, как будто у него внезапно родилась идея. — Он мог бы приехать сюда. Он мог бы служить у тебя. Тебе нужен такой человек! Если бы Рауль был здесь, я бы больше не ездил в замок...

— Глупости! — отрезал я. — Это нереально.

Резкость моих слов объяснялась вовсе не нелепостью предложения Дэни, а тем, что я почувствовал его двуличность. Ведь никогда раньше он не упоминал о Рауле и хорошо знал это.

Больше я ничего не желал слышать о Вэньоне, ничего!

Дэни насупил брови. Это был открытый вызов.

— Ну, ладно, — мрачно сказал он. — Думаю, однажды мы увидим его здесь... В один прекрасный день он здесь появится.

Черт побери, он действительно появился. Мы позавтракали, и я как раз прикуривал трубку, когда послышался негромкий стук в окно. На улице стоял скромно одетый мужчина низкого роста. Его лицо мне было трудно разглядеть. Вдруг сердце мое упало. Я понял, кто это. Пришелец сделал жест рукой. Я ответил ему, указав на входную дверь, которую открыл.

Он стоял на пороге. К сожалению, его лицо я опять не смог разглядеть так четко, как хотелось. В этот миг за моей спиной раздались шаги. Дэни тут же оказался в объятиях пришельца.

— Рауль, Рауль! — восторженно кричал Дэни. — Я знал, что ты придешь!

— Бонжур, месье, — гость протянул руку, которую я машинально пожал. При прикосновении к его пальцам мне стало неприятно. Они были холодные и безжизненные, как будто искусственные.

Вскоре выяснилось, что этот человек весьма словоохотлив. Дэни привел его в заднюю комнату, окна которой выходили на газон. Там пришелец принялся болтать на одном из французских наречий. Да так быстро, что я ничего не понимал. Дэни коротко переводил. Оказалось, что Рауль предлагал мне свои услуги в качестве разнорабочего. Он всегда хотел жить в Англии и был бы счастлив, если бы мой сын стал его молодым хозяином. Пока Дэни переводил, Рауль держался почтительно и несколько смущенно.

— Но, ей-богу, не могу я взять его на работу, — возразил я. У него нет разрешения.

Человек сидел невозмутимо, отвернувшись, лицо его было в тени. Дэни вновь обратился к нему. Очевидно, он говорил о моих возражениях.

— Он останется здесь, где-нибудь в деревне, — сообщил Дэни. Хотя было бы лучше, если бы на время поисков пристанища он поселился на чердаке старого каретного сарая...

— Нет, он не будет жить на нашем чердаке! — сказал я с явным раздражением.

Но, в конце концов, он там оказался.

Не знаю, может быть, от моей настойчивости зависело, останется он или покинет нас. Теперь думаю, что не зависело. Но то, что произошло, должно было произойти.

...После смерти Сесиль я ни в чем ребенку не отказывал, и если такое баловство было слабостью, то слабостью естественной и простительной. Что же касается снисходительного или терпимого отношения к этому существу, этому субъекту, темному типу, безрассудное влечение Дэни к которому совершенно необъяснимо, это было бы полной капитуляцией

перед настойчивыми домогательствами моего сына. Это и превысило бы все прежние поблажки.

Как бы то ни было, Рауль поселился на чердаке, поставив меня перед свершившимся фактом. Теперь я с горечью осознал, как неловко и сложно будет его вытурить. Итак, временно, только временно, он поселился у нас.

До окончания летних каникул Дэни оставалось еще около трех недель. К моей досаде, почти все время он проводил в обществе своего идола. Мне трудно было это понять. Почему, в самом деле, этот человек к нам приехал? Может быть, между ним и его почитателем существовала тайная договоренность? Был ли его паспорт в порядке? Как отнесутся к нему мои соседи и слуги?

Правда, некоторое время все казалось более спокойным, чем я ожидал. Малый, надо отдать ему должное, был исключительно скромным, до самоуничижения, и старался всем уступать. Он всегда стремился сделать что-то для меня. Порой он чистил обувь, сбрую для лошадей, приводил в порядок кустарник и пруд. Еду он получал на кухне и ел на чердаке. Сначала я не знал, как он ладил с поварихой Дженни и служанкой Кларой. Возможно, они решили, что поскольку этот любопытный чужестранец очередная причуда молодого хозяина, то пусть так и будет. Ну, а мой постоянный помощник и садовод Доббс в это время находился в больнице и ничего не знал.

Все же положение было не из легких. Вскоре Дэни нужно было возвращаться в школу, и исчезал последний повод оставаться у нас Рауля. Иногда у меня появлялось желание написать Вэньону. Но, как можно догадаться, мне мешало самолюбие. И, кроме того, не было оснований считать, что Вэньон замешан в деле с Раулем.

Я чувствовал себя в каком-то тупике, жил словно в тумане. Меня все больше беспокоило присутствие этого Рауля. Трудно передать, как оно меня раздражало. И еще бесила одна мысль. Этот тип находился здесь уже около двух недель, но до сих пор почему-то я не смог четко разглядеть его лицо. Может быть, я в разное время по-разному воспринимал его черты, или же они были такими расплывчатыми, но в любом случае общее представление о внешности этого человека у меня так и не сложилось. Лишь недавно я узнал, что отсутствие у него лица смущало и других.

Примерно за неделю до окончания каникул Дэни немного простыл. Ничего особенного в этом не было, и он по-прежнему все утро проводил на холме со своим неприятным товарищем.

Однако этого было достаточно, чтобы вызвать у меня тревогу из-за скорого возвращения сына в школу. Помнится, однажды я посоветовал ему вторую половину дня побыть дома, а сам пошел в кабинет, чтобы окончательно продумать план действий в этой истории. Однако мои мысли прервал визит господина Уолстрона, местного фермера, с которым я договаривался об аренде луга. Условия аренды были взаимно согласованы, и старик переключился совсем на другую тему.

— Вашему мальчику явно не хватает матери. Сегодня утром я встретил его здесь, на Винакре. Выглядел он плохо и все болтал сам с собой...

— Сам с собой? Почему же, он... — сконфуженный и встревоженный, я замолчал.

— Да, в самом деле... он говорил, а, может быть, пел. Вы понимаете... И еще одно. Это, право же, смешно... Мои две собаки. Да вы их, должно быть, видели. Они подняли такой лай... С вашим парнишкой они никогда раньше так себя не вели...

Уходя, Уолстон пожелал мне всего доброго и оставил в глубоком раздумье.

Очень странно. Я знал, что Дэни ушел не один, а с Раулем. Потом эти собаки... Почему они так злобно отреагировали на Дэни? Хотя собаки особенно не жаловались Рауля. Мой сеттер Трикси просто не выносил его. Страшно волновался и рычал, как только Рауль к нему приближался. Собака словно не знала, что делать, — убежать или наброситься на него.

Я все еще думал о том, что рассказал Уолстон, когда за окном замаячила фигура Рауля. У него была такая дурная привычка появляться у окна и тихонько стучать, чтобы привлечь внимание. Правда, делал он это аккуратно. На сей раз он понял, что я уже заметил его, и не постучал, а лишь поднял руку. О ужас! Запястье и предплечье были в крови...

Я немедленно осмотрел рану. Мякоть была сильно повреждена.

— Собаки, — услышал я тихое бормотание, — собаки...

Ну вот, новое осложнение! Собачьи укусы могут быть опасны, но я не решался сам обрабатывать рану. Правда, прежде я не хотел, чтобы пребывание этого человека стало официальным или даже полуофициальным. Теперь же с вызовом врача все решат, что я согласился, чтобы он жил здесь. Это, конечно же, вызовет большой шум и массу проблем в связи с законом о страховании здоровья...

Поэтому я пригласил старого друга и советника Годериха. В последнее время он лечил Сесиль. Он перевязал руку Рауля, а заодно посмотрел моего мальчика, так как простуда у него усилилась, а температура повысилась. Годерих обещал навестить нас на следующий день.

Последующие заключения о состоянии здоровья обоих пациентов были тревожными. Рауля пришлось переселить в небольшую спальню на втором этаже. Его рана была серьезной и, как мне показалось, волновала Годериха.

Дэни, очевидно, недостаточно окреп, чтобы вовремя вернуться в школу. Мне даже казалось, что он симулирует, чтобы оттянуть срок расставания с приятелем.

Моему сыну рассказали о случившемся с Раулем, и он тщательно просил, чтобы ему разрешили видаться с ним. Их комнаты были на разных этажах, в различных концах дома. Думаю, такое расселение было к лучшему.

Происшествие с Раулем, он не мог рассказать, покусала его одна собака или больше, случилось в четверг. Но в воскресенье его руке не стало лучше. На следующее утро меня удивило, что Годерих предложил мне самому посмотреть. Я наблюдал, как он снимает бинты. Когда рана открылась, лицо Годериха выражало крайнее удивление. Локоть сильно распух и имел отталкивающий сине-багровый цвет. Годерих подал мне сигнал выйти.

— Наконец, мы одни, — пробормотал он. — Ну ладно. Признаюсь, меня обманули. Новейшее чудо-лекарство оказалось ерундой. Но совершенно непостижимо то, что все предплечье, кажется...

— Что, кажется? — нетерпеливо перебил я.

— Омертвело. Но этого не может быть. До такой степени, без явных симптомов, а их нет... Фу! Эта чертова штука смердит...

Я уставился на него. А он продолжал:

— Я говорю непрофессионально, Хеспуд, но не преувеличиваю. Не спрашиваю, как вы связались с этим странным типом, но...

Наш разговор прервал странный шум в коридоре. Дверь распахнулась, и без стука влетела Клара.

— Простите... сэр, но господин Дэни...

В эту минуту у нее за спиной появился сам Дэни, весь в слезах, возбужденный.

— Что? — я оттолкнул Клару и кинулся к нему. — Что случилось?

Он молчал, пока я не довел его до кровати. Лишь от Клары мы потом узнали, что Рауль потихоньку покинул свою комнату, перешел смежные коридоры и появился у мадьяка. Клара услышала крик из спальни Дэни и, войдя, увидела Рауля...

Вневе я хотел бежать к Раулю, но меня остановил Годерих:

— Нет, позвольте мне пойти.

Его долго не было, а когда он появился, его слова еще больше поразили меня.

— Ну... Сдаюсь. Я не врач. С такими делами врачи не сталкиваются... Считайте меня глупым бельгийцем, вот и все... Сдаюсь...

— О чем вы?

— Да, когда я вошел, парень улыбался. А между прочим, есть ли у него лицо, чтобы улыбаться? Сильно сомневаюсь... улыбался, вытянув руку, и приговаривал: «Здоров, здоров!» Как чеширский кот... если они это могут... Я... я готов...

— Вы считаете?

— Я считаю, что он вылечился, он здоров. Небольшая опухоль и обычная невысокая температура. Теперь налейте мне рюмочку... Говорю вам, я сдаюсь.

Этот эпизод, странный сам по себе, положил начало еще более мрачному периоду в моих отношениях с Раулем. Он вызывал множество сомнений и ничем не объяснимый страх. Подобно тому, как зоркий взгляд может сразу разглядеть скрытые контуры ужаса в далеких спокойно плывущих облаках и летних листьях, или как кусочек настенных обоев может возродить в воображении картину ада, так цепь этих событий предвещала нечто ужасное. Непостижимая история с рукой Рауля поставила меня в тупик: во что верить или не верить и что может случиться в дальнейшем.

Обстоятельства заставили меня довериться Годериху. Но все же пока мы еще стеснялись откровенно обсуждать волновавший нас вопрос. То, что произошло, настолько выходило за рамки привычной действительности, что мы сами вынуждены были либо отрицать, либо несколько смягчать все то, что случилось.

Рауль полностью выздоровел, и ко мне вернулась решимость избавиться от него. Но Дэни все еще был слаб, поэтому мне не хотелось его огорчать. Как бы чувствуя, что я стою между ними, он еще громче, чем обычно, стал расхваливать своего приятеля.

— Почему ты его так не любишь? — смущенно улыбаясь, укоризненно спрашивал Дэни.

— Ну, ничего хорошего я в нем не вижу... Не может он навсегда оставаться здесь.

— Почему? Что плохого он делает? Я хочу, чтобы ты его любил...

Я не ответил, и мы заговорили о другом. Но в душе у меня по-прежнему царили смятение и еще больший страх. В самом деле, Рауль, как сказал Дэни, не причинял явного вреда. Но как раз это так необъяснимо притягивало моего мальчика.

Рауль в своей грубой одежде был совершенно несовместим с английской сельской средой, а самой яркой его особенностью было отсутствие каких-либо ни было особенностей.

Назначенный срок возвращения Дэни в школу прошел. Ему стало лучше, потом произошло ухудшение, которое привело к появлению лихорадки. Рентгеноскопия грудной клетки успокоила меня в отношении легких, но признаки болезни не ослабевали. Я был особенно огорчен этим сейчас, когда труднее стало предоставить Раулю отпуск. Не связывать мысленно эти две вещи я не мог. Рауль, бесспорно, был причиной плохого аппетита.

Дэни, его потухшего взгляда, быстрой перемены настроения — от нервного возбуждения до депрессии.

Спальня Дэни находилась рядом с моей. Раз или два оттуда донеслись звуки, напоминавшие глухое позвякивание металла. У меня возникло смутное подозрение: не там ли находится Рауль? Но открыв потихоньку дверь, я застал одного Дэни. По-видимому, он спал. Звуки же, если они действительно раздавались, полностью прекратились.

И все же, вспоминая сверхъестественно быстрое исцеление руки, я был по-прежнему убежден, что эти звуки связаны с Раулем.

Предположение или убеждение, что Рауль оказывает на мальчика вредное влияние, возрастало с каждым днем. Отношение Дэни ко мне изменилось. Он панически боялся, что я разлучу его со странным приятелем. В то же время звуки, которые я слышал, оставались звуками. В этом я мог бы полагаться. К полуночи они усиливались, но пропадали, как только я приближался.

Конечно, в это время Годерих делал все возможное, но я понимал, что тонизирующие средства и микстуры от кашля не могли устранить корни болезни Дэни. Наконец, я рассказал Годериху о странных звуках. На это он мягко заметил: — Хэпгуд, на вашем месте я бы *избавился* от этого Рауля... Я бы в самом деле от него *избавился*. Сдержанный характер его рекомендации был почти комичным, но я даже не улыбнулся. — А что вы знаете о нем? — спросил Годерих. — Не был ли он как-то связан с семьей вашей супруги? Может, служил у них и воспользовался этим, чтобы попасть к вам. Но это лишь мое предположение...

— Нет, — с уверенностью ответил я. — Дэни был просто очарован красотой поселка Вэньона в Оверне, вот и все.

— А эти звуки? Не находили ли вы сразу же после шумов что-нибудь разбитое или беспорядочно перемешанное?

— Нет. Хотя, подождите... — Я вспомнил, что однажды нашел разбитую вазу и несколько раз замечал выдвинутые ящики, общий беспорядок. Об этом я сказал Годериху.

— Дайте мне знать, если что-нибудь подобное произойдет опять.

И вот что. Я бы вытурил этого типа. Конечно, юноша огорчится, но все равно, я бы рискнул.

После ухода Годериха я с тяжелым сердцем размышлял над его бесспорно разумным советом. Мне нетрудно было понять, почему Годерих спрашивал меня о чем-то разбитом или передвижающемся, хотя до сих пор я не думал о полтергейсте. Могло быть и так, но даже это не было бы достаточным объяснением.

Наверное, сотни раз я убеждал себя, что Рауль *должен* покинуть нас. Но несмотря на мои решения, все оставалось без изменений. Звуки в комнате Дэни усиливались, их слышали даже слуги. Да и сам Дэни, наконец, признался, что слышал странный шум. Но эти звуки не беспокоили и не пугали его.

— Не будят ли они тебя, не мешают отдыху?

— Ну... Иногда. Но я не обращаю внимания и снова засыпаю.

Во время моих расспросов он выглядел обеспокоенным. Дэни одевался в эти дни и вел себя так, словно готов был выпорхнуть за дверь, как только появится солнышко. Почти все время он проводил в шезлонге, либо в своей комнате, либо вместе с Раулем на веранде с застекленной крышей. Обычно они сидели и тихо беседовали. Этот человек строгал деревянные игрушки, делая из них грубые куклы. А мой сын очень внимательно следил за ним, будто сейчас здесь решалась судьба мира.

Дэни просительно взглянул на меня:

— Обещай мне одну вещь.

— Какую? — спросил я, заранее зная ответ.

— Обещай, что не отошлешь Рауля.

— Но я уже говорил: он не может оставаться здесь всегда.

Почему ты думаешь, что я не должен его отсылать?

Его глаза были широко открыты и выражали грядущее несчастье.

— Это убьет меня, — сказал он.

Я начал успокаивать его, хотя и не совсем искренне. А что еще я мог сделать? Конечно, Дэни преувеличивал и был не в себе. Но такие слова, от ребенка!.. За последнее время он заметно похудел. Достаточно было сравнить эти восковые щеки и бескровные губы с его пышущим здоровьем лицом еще месяц назад, чтобы понять, как быстро он сдал. Тщетно старался я доказать, что причина этому — Рауль. Я был убежден, что именно из-за него все началось. А это ничтожество — марионетка, пустая кукла, служившая еретическим инстру-

ментом для распространения страшной инфекции, поразившей Дэни физически и морально!..

Наблюдая за этой парой, а я мог следить за верандой из окна, я напряженно думал, что же связывает их. Обычно я не видел лица сына с задумчивой или зачарованной улыбкой, которую я все больше не любил. Но иногда замечал в выражении его лица глубокую поглощенность или отрешенность, и мне становилось жутко. В присутствии своего обожателя существо по имени Рауль казалось вернувшимся к жизни. Оно становилось менее недоразвитым и отталкивающим. И если оно само увеличивалось, становилось сильнее, то это происходило за счет Дэни, за счет истощения его жизненных сил. Казалось, один чахнет, тает, а другой растет, набирается сил...

С трудом скрывая тревогу в связи с этими мыслями, другой пытался я нарушить их подозрительное уединение, но вскоре понял, что это бесполезно. Они сразу замолкали. Дэни смотрел на меня полувиновато, полусердито. В то же время я знал, что их загадочные беседы с глазу на глаз сразу же возобновлялись, как только я уходил.

Несмотря на постоянную нервозность и растущую тревогу, жизнь моя внешне была обычной и спокойной. Меня, как и прежде, навещали друзья. Думаю, они не замечали ничего особенного. Разумеется, они вспоминали о болезни Дэни и сочувствовали мне.

Однако они редко сталкивались с Раулем, и, как я полагаю, слухи о странном недуге моего сына распространяли главным образом слуги. Клара и старая Дженни не могли не знать, что происходит у них под носом. То, что они старались держать язык за зубами, свидетельствовало только об их преданности и долгом терпении.

Что касается официального статуса Рауля, то все образовалось раньше, чем я ожидал. Как я с удивлением узнал, по настоянию Дэни через неделю после прибытия он отправился в Винчестер и с помощью Дэни в роли переводчика зарегистрировался в полицейском участке, как иностранец.

— В качестве кого он представился? — забеспокоился я. — Надеюсь, не в качестве моего служащего.

— Да нет, — успокоил меня Дэни. — Просто, как гость.

Все это выглядело неплохо, и я вынужден был отдать Дэни должное за инициативу. Правда, чтобы убедиться, на следующий день я отправился в Винчестер. Мне сказали, что все в порядке. Конечно, мне хотелось познакомиться с паспортом Рауля, но я не стал этого добиваться. Я просто рассказал обо всем Годериху.

— Мм... — пробормотал он, выражая сомнение. — Независимо от того, является ли этот зануда законченным злодеем

или нет, — все равно ему надо указать на дверь. Как я уже говорил, я ничего не могу понять... Это случай подлежит психологическому расследованию, здесь нужен психиатр. Понимаю, что вы предубеждены против таких врачей, и с этим можно согласиться, но меня беспокоите вы и Дэни. Так что вместо одного у меня теперь два пациента...

И правда, эта история добивала меня. С каждым днем я все больше чувствовал, что не выдержу и решусь применить силу.

Когда, наконец, я пришел к этому выводу, то на какое-то короткое время почувствовал облегчение.

А обстановка продолжала ухудшаться. В результате общения со своим милым другом Дэни выглядел вконец измученным. Мысль, которая раньше лишь возникала, теперь полностью овладела мной, и самым чудовищным было то, что столь оберегаемый мною Дэни достался этой аморфной кукле, стал пищей этого жуткого шута.

Он что-то теряет, думал я, что-то отдает. Но не *хочет* делать это добровольно, просто так. Он должен получать что-то взамен, быть заинтересованным. Но что, что?

Я жил в страшном кошмаре. Детали и подробности этой дьявольской сделки были выше моего понимания. Но то, что тайный обмен производится и его жертвой является Дэни, я чувствовал.

Кем был этот Рауль? Как только он у нас появился, я попытался выяснить это, но его неразборчивый овернский диалект оказался мне недоступен. Когда я видел его через оконное стекло строгоющим свои деревяшки и похожим на раскормленное чучело, меня охватывала безмерная злость. Мошенник он или просто деревенщина? Многими часами самодовольно, с тупой настойчивостью восседал он здесь, подобно гигантской жирной мухе, почти неподвижно. От злости у меня сжимались кулаки. «Если бы я его сейчас схватил, — приходила шальная мысль, — если бы я только поймал его с поличным, я бы задавил его...»

Если бы я смог его схватить... Да... У меня было смутное представление о том, что произошло бы дальше. Но и только. А что касается доказательств... если этот омертвевший урод действительно кровопийца, способный выкачивать из моего мальчика жизненные силы, здоровье и духовную стойкость, то как он это делает? Вопрос, скорее всего, пустой, и все же я считал, что должно быть какое-то разумное объяснение.

В течение дня они были под моим наблюдением. И я с трудом верю, что Дэни принимал своего приятеля в спальне, или наоборот. В конце концов Рауль вернулся к себе на второй этаж,

а я, на всякий случай, предпринял меры против возможных ночных встреч. Однако с наступлением сумерек и до полуночи дом наполнялся шумом, и странные явления не прекращались. В некоторой степени это вписывалось в мою теорию. Я слышал, что полтергейст — это следствие избытка жизненных сил и энергии. Именно когда Дэни был на подъеме, а Рауль оказывался не готов «обескровить» его, вокруг моего мальчика чаще всего и происходили всякие чудеса. Так что полтергейст сам по себе был понятен и потому казался незначительным пустяком.

Неужели прошло всего пять недель с момента появления Рауля?

В эту пору я сильно страдал бессонницей. Когда же я под утро засыпал, меня преследовали жуткие сны.

Один из них мне особенно запомнился.

Я видел себя во Франции, и Сесиль была со мной. Она пересказывала одну из легенд своей родной провинции и упорно старалась привлечь мое внимание к отрывку в книге. Мы стояли у широкого окна. Перед нашим взором на много лье простирался сложный силурийский ландшафт Оверна. Станным было то, что Сесиль держала книгу перед собой и ожидала, что я буду читать ее сквозь обложку и плотную пачку страниц. Во сне я каким-то чудесным образом мог это делать. Из одной фразы, которую я прочитал по ее настоянию, могу привести лишь несколько слов: «... восторжествует над...» Я был почти готов расшифровать остальное, но книга внезапно выпала из рук моей жены, а передо мной открылось не ее лицо, а... пустота. С криком ужаса я проснулся.

Но это было только сном. Возможно, перед тем, как заснуть, я вспомнил вопрос Годериха о возможной связи Рауля с семьей Сесиль. Этот вопрос не давал мне покоя и порождал дурные предчувствия.

Какие? Пока мне с трудом удавалось сохранять видимость нормальной жизни. Развязка близилась. «Если бы я мог поймать его с поличным, — эту фразу я беспрестанно повторял. — Если бы я только смог...»

И однажды я сделал это.

Как-то в полдень в октябре Дэни вместе с неразлучным приятелем сидел на открытой веранде. Устав, очевидно, от его болтовни, Дэни взял книгу. Это была детская книжка, которая стояла раньше на полке в детской. Меня слегка уди-

вил его интерес к книжке для малышей. Мне казалось, что Дэни уже давно вырос.

Как я упоминал, крыша веранды была застеклена, а в одном из углов находилась форточка. Ветки глициний порой касались крыши. В передней части веранды стояли горшки с гортензией. Цветы уже пожухли, но на веранде чувствовался слабый, но приятный аромат. Все это создавало атмосферу еще большей настороженности.

Как я уже говорил, из окна просматривалось ограниченное пространство. Именно через это окно, высокое французское окно гостинного типа, я нередко с растущим беспокойством наблюдал за своим сыном и его компаньоном. Хорошего в этом было мало. Они могли узнать о моих растущих подозрениях и враждебности. Мои встревоженные взгляды означали бы, что я шпионю. Дэни отдался от меня — своего отца! И я ничего не мог поделать.

В этот день я отказался от бесполезной слежки. Нужно было чем-то занять свои мысли и руки, иначе можно было сойти с ума. Я вспомнил о сломанной ограде около яблоньского сада — она нуждалась в починке. Взяв молоток и гвозди, я приступил к работе. Но тут меня охватило предчувствие беды. Интуитивно осознал я приближение чего-то страшного, ужасного. Нужно было вернуться...

Предчувствие страшной беды было настолько сильным, что я бросил инструменты и поспешил к дому.

Из осторожности замедлив шаги, я стал тихонько приближаться. С веранды меня не было видно, но ради перестраховки я сделал крюк и прошел за изгородью. Вместе с тревогой росло чувство настоящего гнева. Каким же я был слепцом, что не видел происходящего у меня под носом. А теперь может случиться все, что угодно. Как же я раньше не понимал, что эта проклятая перекачка требовала встреч наедине или иной физической близости? «Я задушу его, — слышал я свои собственные слова. — Он заслуживает этого!» Мне казалось, что пальцы мои сжали шею этого существа, что время забежало вперед или как-то сжалось, отражая уже случившееся или то, что должно было случиться.

Октябрьский день подходил к концу, когда я осторожно вошел в гостиную.

С того места, где я находился, Рауля видно не было. Но я ясно видел Дэни. Как и прежде, он сидел на старом плетеном стуле и читал книгу. Хотя сидел он весьма своеобразно. У него была странная застывшая поза человека, пристроившегося на краю стула и наклонившегося вперед. Последний луч розоватого света освещал его белокурую головку, лицо закрывала книжка.

Ужас и необъяснимое отвращение переполнили меня. Сильно испугало и вызвало тошноту что-то странное в позе Дэни, во всем его виде.

Тяжело дыша, я начал приближаться. Я двигался очень осторожно, но Дэни все-таки заметил меня или почувствовал это и стремительно вскочил. Книга выпала из его рук.

Мне трудно описать выражение его лица в этот момент. Оно было, как ужасный цветок. Как мы знаем, дьявол-обольститель губительную дань взимает особенно с самых молодых грешников. А то, что он дает взамен, признается всеми менее охотно и всегда больше волнует. Вот и теперь то, что я узнал о плате за грехи моего сына, было ужасным.

Если бы мог, я бы забыл это. Лицо Дэни казалось пародией, издевкой над моей памятью о его детстве. Стянутое и резко очерченное, старое, но не такое, каким становится с годами. Глядя на него, я вдруг с мучительной ясностью почувствовал себя пленником вечности.

Внезапно мои раздумья прервал отчаянный крик Дэни. Я распахнул французское окно и бросился на веранду.

Где Рауль? Я успокаивал себя тем, что с Дэни ничего страшного не случилось. А моя главная задача — немедленно найти его мучителя. Неужели это существо исчезло? Нет. Я заметил его тяжело бегущим от веранды к кустарнику.

Я догнал его около каретного сарая. При моем приближении он обернулся и неуклюже вытянул руку, чтобы оттолкнуть меня.

Мои руки сжались вокруг его горла. Прошло несколько секунд, а мерзкий тип молчал. Вдруг до меня донесся легкий шум. Говорят, что у некоторых обычно бессловесных существ в экстремальной обстановке появляется слабая способность издавать звуки. Так, в кипящей воде в состоянии агонии несчастные омары издают свой последний слабый писк. Вот и сейчас раздался такой сдавленный крик. Это вызвало у меня глубокое отвращение.

Мои пальцы сжимались все крепче. Во время схватки я оттеснил Рауля к дереву, стремясь припереть его к стволу.

Однако ему удалось перехитрить меня, а может, я просто поскользнулся. Во всяком случае, мы оба рухнули на землю. Я оказался на нем. Он извивался и старался выбраться, все время ускользая от моих рук. А через миг он и вовсе пропал.

В изумлении я поднялся и оглянулся вокруг себя. Рауль исчез. И никаких следов...

Наступили черные дни. Трудно даже передать, насколько черные. Хотя с исчезновением зловещего приятеля Дэни казалось худшее, что осталось позади. Но сердцем я чувствовал, что это всего лишь передышка. История далеко еще не завершилась.

Передышка... Нет, даже не передышка. Рауль изгнан, но его ужасное дело осталось. Дэни все еще болен. Его взгляд выражал испуг и неприязнь, как будто я был виновником его страданий. Он реагировал очень болезненно, если я приближался к его кровати или заговаривал с ним. Как ни обидно это признать, но потеря этого страшного паразита ввергла Дэни в самую настоящую прострацию. Теперь он уже не был похож на мальчика, которого Сесиль и я так любили.

Ну, а жуткому увальню, принесшему нам столько бед, удалось вырваться из моих рук и бежать. Я полагал, что он вернется во Францию и не будет больше беспокоить нас. Возможно это или нет я не знаю. Во всяком случае, именно эту мысль я пытался внушить себе. Правда не обязательно и не всегда оказывается «печальнее» того, что ты воображаешь. А в данном случае присутствовало что-то такое, что не позволяло не принимать во внимание все обычные разумные объяснения.

Когда после бегства Рауля я вернулся в дом, Дэни находился в полубоморочном состоянии. Услышав шум убегающего по веранде человека, слуги бросились туда, нашли Дэни лежащим около стула. Они отнесли его в комнату. Придя в себя, он долго тихо стонал, пока не принял успокоительное, которое дал ему вызванный мной Годерих. Ночь прошла спокойно, наступил новый день. Как я уже упоминал, Дэни болезненно реагировал на мое приближение. Однажды он даже забаррикадировался от меня в своей комнате. Я просто с ума сходил, опасаясь, как бы он не натворил с собой что-нибудь дурное. Годерих разделял мою тревогу.

— Вы узнали что-нибудь новое об этом жутком существе? Оно исчезло? — спрашивал он.

— Что—нибудь новое? Но как?

— Теперь, когда его нет, говорить о нем будут более открыто, ваши слуги, например...

— Конечно, — согласился я. — Да... разговоров много.

Действительно, если раньше Дженни и Клара сдерживали себя, то теперь они высказывали мне все, что чувствовали или знали о Рауле. Правда, это не добавляло мне новых сведений о нем. Я так и сказал Годериху.

— А как вы объяснили слугам внезапное исчезновение этого типа?

— Никаких подробностей я не сообщил. Очевидно, они догадываются, что я прогнал его. Не думаю, что их интересует, как он убрался, раз уж его здесь нет.

— Признаюсь, чувствую, что много сделать не смогу. Советую обратиться к психиатру.

Но к этому я еще не был готов. Может быть, меня несколько смущал укоризненный тон моего друга? Еслида, то его тон был оправдан. Годерих не мог не почувствовать, что, описывая финальную сцену, в разговоре с ним я не сказал о подробностях...

Дэнни настолько поправился, что уже смог покидать свою постель, комнату и иногда в одиночестве бродил среди кустов и по лугу. Но между нами сохранялось отчуждение. Моя осведомленность или частичная осведомленность о его страшном секрете вызвала у него ужас. Что-то жуткое заключалось также в настойчивых усилиях ребенка придать ситуации свою собственную удобную и как бы оправдывающую версию — очистить, приспособить или смягчить ее, сделать более терпимой для себя, а также видеть во мне, а не в Рауле своего врага.

Так не должно было больше продолжаться. Даже если бы я прожил до ста лет, мог ли я или он забыть то, что я должен еще помнить? Я бы всегда своим видом напоминал ему об этом. Если он вырастет, а может быть, это уже случилось, с чувством мучительной подавленности он пожелает моей смерти.

Неделю или чуть больше все шло без изменений. Я не знал, что на самом деле произошло с Раулем, и это не давало мне покоя. Вскоре после его исчезновения меня посетили из полиции Винчестер-сити.

— Приваче, — сказал мне констебль, и я едва вспомнил фамилию этого типа, не явился на участок через месяц после регистрации. У вас ли он?

Я правдиво ответил, что он удрал неизвестно куда.

— Удрал?

Я объяснил, что нарушитель правил был другом моего сына и что я практически ничего о нем не знаю. Я заметил, что уважаемый и, на мой взгляд, очень respectable констебль был неудовлетворен и озадачен.

— Он обязан был отметиться, как положено, — проворчал он. — Если он направился во Францию, то, как вы понимаете, в порту могут возникнуть некоторые затруднения и неприятности. Тем временем состояние здоровья Дэнни продолжало улучшаться, по крайней мере, внешне. Он уже не выглядел

таким бледным, появился аппетит. Однако усилились ночные шумы. Появилось и новое явление — насмешливое гиканье. В конце концов, эти звуки стали настолько нестерпимыми, что мне пришлось перенести свою спальню подальше от комнаты Дэни.

Отношение мальчика ко мне по-прежнему оставалось враждебным. Я просил его откровенно поговорить со мной и изложить мне свою версию событий. Никакого результата. Чувствовалось, он тяжело переживал утрату и тосковал по своему исчезнувшему приятелю. Волей-неволей я стал подумывать, не принять ли мне совет Годериха и обратиться к психиатру. Такое обращение поставило бы меня, как и любого другого пациента, в весьма неловкое положение: посыпались бы недоверчивые и глупые расспросы. Но ради выздоровления мальчика мне необходимо было использовать любые средства.

Листва уже облетела, октябрьские дни становились все холоднее. В один из таких дней я получил напоминание о приближении ежегодного торжественного обеда офицеров моего полка. Я никогда не пропускал такие встречи, да и на этот раз в конверт было вложено персональное приглашение. Однако сейчас этот обед был так некстати! С другой стороны, письмо пришло из местечка, находившегося в шести милях от Винчестера. Его написал Мэйфилд, мой адъютант и распорядитель предстоящего обеда. Он сообщал, что на этой неделе будет по делу в наших краях. По всей вероятности, он ожидал, что я приглашу его остановиться у меня. Хотя бы на субботу и воскресенье. Но при нынешних обстоятельствах это было неудобно. Я решил встретиться с ним в Винчестере и выехал из дома после обеда, оставив Дэни на попечении Дженни и Клары.

Моя дружеская встреча с Мэйфилдом, которому я коротко обрисовал обстановку, была непродолжительной. Я страшно беспокоился о Дэни и торопился, чтобы вернуться домой к вечернему чаю.

Клара и Дженни ждали меня на крыльце. Как только я вышел из машины, они сразу же сообщили самое худшее.

Дэни исчез...

Упрекать себя было бесполезно. Нужно было что-то делать.

— Когда вы заметили его отсутствие? — спросил я.

Оказалось, только двадцать минут назад. До этого Дэни находился на веранде. Не увидев его там, служанки начали поиски. В его комнате никого не было, там все было в порядке, только отсутствовали небольшой чемоданчик, несколько пар носков и рубашка. Самым убедительным свидетельством то-

го, что Дэни пошел не на прогулку, было посещение кем-то комнаты Дженни и исчезновение ее денег.

— Сколько было денег?

— Шесть фунтов десять шиллингов, сэр. Они лежали в маленькой китайской шкатулке. Во вторник я собиралась сдать их в банк.

Ожидая с минуты на минуту моего возвращения, в полицию они ничего не сообщали. Я решил не звонить в участок по телефону, а сам поехал в Винчестер. Мы договорились, что если за это время беглец вернется, Дженни позвонит мне в участок.

Сержант полиции хорошо знал меня и внимательно выслушал мой рассказ.

— Пока рано волноваться, — сказал он. — Дэни мог просто пошутить. Но, конечно, мы поставим в известность и мобилизуем все ближайшие участки. Сейчас пятнадцать минут шестого... Далеко уйти он не мог.

— Следите за портами, — напомнил я. Моя первая мысль была, естественно, о Рауле. Я опасался, что Дэни хочет присоединиться к нему.

— Обязательно. Мы всегда так делаем. Хотя без паспорта, как вы понимаете, уплыть он не может.

Что касается последнего, то на сей счет у меня были сомнения. При большом желании уплыть можно. Дальнейшие события это подтвердили.

Я еще поговорил недолго со старшим офицером в его кабинете и отправился домой.

— Никаких новостей, Дженни?

— Никаких, сэр.

После полных беспокойства и ожидания часов мне пришлось примириться со случившимся. Наступила тревожная, бессонная ночь.

Считая, что чрезвычайные обстоятельства позволяют мне нарушить обет молчания, я направил Вэньюну запрос по телеграфу. Ответ пришел весьма быстро: «Пока здесь нет.»

Это просто взбесило меня. И напрасно я пытался придать реальный и нетелеграфный смысл слову *пока*. Оно означало, что Вэньюн ожидает приезда Дэни.

Я мысленно вернулся к вопросу о паспорте. У Дэни был паспорт. Он был ему нужен, когда Флебар или я сам сопровождали его через границу. Однако после очередной поездки Дэни я спрятал паспорт. К тому же я предупредил полицию и считал, что никакой документ не поможет Дэни пересечь границу.

Мне сообщили, что округ Винчестера тщательно прочесали, но никаких результатов это не дало. Я очень удивился, что Дэни так долго удается избегать полиции. Причина заключалась либо в некомпетентности одной стороны, либо в ловкости и находчивости другой. Во всяком случае, Дэни удалось, передвигаясь только ночью, а дни проводя на деревьях, найти стоянку французских рыболовов и уговорить их за плату переправить его через пролив...

Эту догадку подкрепило открытие Клары, сделанное после шестидневных поисков. Однажды утром, возбужденная, она вбежала ко мне в кабинет с криком:

— Мы, нашли кое-что!

Оказалось, что, убирая чердак, она обнаружила там две буханки хлеба, две банки сардин, консервный нож, банку джема и чемодан. Пустой чемодан. Настоящий тайник!

Эти предметы, которые я осмотрел вместе с Klarой, были спрятаны под куском мешковины около задней двери, ведущей к лестнице. С помощью этой лестницы можно было попасть на чердак, не проходя сначала вниз через каретный сарай. Подойдя поближе, я с отвращением увидел кучу похожих на кегли грубых деревянных кукол, вырезанных Раулем. Кроме того, и это особенно важно, я нашел открытую пустую банку и крошки хлеба. Это говорило о том, что здесь кто-то ел.

Как ни странно, но эти находки и, в частности, брошенный чемодан вселили в меня уверенность, что Дэни удалось добраться до Франции или же он находится в пути. Он не так глуп, сказал я себе, чтобы оставить тайник почти на виду, а самому бежать ночью. Да, все было так. И я принял немедленное решение.

В тот же день я позвонил Годериху и сообщил о своих планах, а после полудня отправился в Саутхэмптон. По дороге я позвонил в полицию Винчестера. Оказалось, что мой план преследовать моего мальчика во Франции встретил недовольство. Хотя я согласился с предложением установить, уже с большим опозданием, наблюдательный пост около чердака, ничто не могло поколебать мою решимость.

Тогда я не знал, что произойдет всего лишь через одну ночь. Позже мне сообщили, что сразу после моего отъезда от Вэньона была получена телеграмма: «Дэни здесь».

И вновь привычный поезд, мягко покачивающаяся койка все на той же шхуне, пересекающей пролив, знакомая гавань Гавра в тумане. Одно и то же, все одно и то же. И все-таки что-то было не так! Я пересекал пролив много раз, но со

спокойным сердцем. Сейчас же я не находил себе места от отчаяния.

Пройдя таможенный досмотр, я съел в станционном буфете свой небольшой завтрак, купил газету, сдобные булочки и снова сел на поезд.

Париж и обед, затем на юг. Что меня ждет? Когда я почувствовал постепенный подъем в гору, меня охватило неясное, но страшное предчувствие. Я понимал, что бежал из Англии главным образом из-за того, что не мог вынести бездействия. Но здесь, во Франции, я дрогнул. Казалось, что, приближаясь к почерневшим и израненным землям провинции Оверни, я безрассудно вторгаюсь в крепость злых сил, противопоставляя свои слабые силенки мощи предводителя дьяволов.

Я взял газету и начал читать. Но ничего не получилось. Дэни, думал я, где ты? Что делаешь сейчас?

С трудом заставил я себя еще раз критически и по возможности спокойно проанализировать последовательность событий, которые привели меня сюда.

Я вспомнил смущенные и как бы виноватые взгляды Вэньона и странные слова в услышанном мною разговоре.

— Это пришло опять, — говорил Вэньон Флебару. Что пришло опять? Не могло ли это...

Внезапно мои мысли обо что-то споткнулись. На секунду я специально отключился, опасаясь, как бы все не ушло... Я даже схватил газету и стал судорожно вчитываться в длинную колонку объявлений. Не могло ли это?... Почему же? Конечно, могло. А это из фразы Вэньона было Раулем.

Не знаю, почему я раньше не догадался. Ведь все было так очевидно. Сейчас я был крайне взволнован. Пока я еще не мог предсказать все возможные последствия, но смутно ощущал что-то, видел контуры страшной правды.

Чтобы добраться до Фоана, мне нужно было пересечь на другой, более медленный поезд, идущий с остановками. Местность вокруг оставалась в основном сельской. И все же то здесь, то там я начал различать признаки пугающих особенностей Оверни, которые я всегда чувствовал в этих местах.

Вэньон, очевидно, был готов ко встрече со мной, я телеграфировал ему из Гавра. Но какая встреча ожидала меня? Как он отнесется ко мне? Этого я не знал. Нужно помнить, что я не получил его телеграмму, она пришла на следующее утро после моего отъезда из Эштофта. Поэтому у меня была лишь догадка, что Денис уже находится в замке.

Солнце садилось, когда наш поезд замедлил ход, подъезжая к Фоану. Еще раньше эта местность ассоциировалась во мне с пугающим гигантизмом и насильственными катаклиз-

мами. Всякий раз, когда я бывал в этом местах, у меня по спине бегали мурашки.

Сойдя с поезда, я осмотрелся. На платформе никого не было, кроме билетного контролера да двух крестьянок. Возможно, Вэньон так рассердился на меня из-за нарушения его запрета, что никого не послал встретить поезд.

Раньше я не обращался к Вэньону с вопросами о Рауле. И хотя сейчас полагал, что он знает об этом больше, чем всегда рассказывал, он формально занял позицию невмешательства и, возможно, не понимал всю серьезность дела.

С нетерпением я провел около четверти часа в зале ожидания. Неужели Вэньон решил отказать мне в гостеприимстве? Но ведь он ответил на мою первую телеграмму. Не мог же он оказаться таким грубияном и предателем!

Я уже собирался позвонить в замок или взять такси, когда на станционную площадь стремительно вырулил автомобиль. Все произошло так быстро, что я не сумел разглядеть человека, сидевшего за рулем. Он как-то неуклюже вывалился из машины и направился прямо ко мне, резко прихрамывая.

Это был Вэньон.

3.

Он даже не поздоровался. Сразу посыпались вопросы.

— Он у вас?

— Да... Но так скоро получить мою телеграмму вы не могли.

— Он в порядке?

— Он... вы увидите...

Мы сели в машину.

— Флебар уехал, — пояснил Вэньон, — поэтому за рулем я сам. К сожалению, опоздал.

Я что-то пробормотал в ответ. Мы выбрались со станционной площади на пыльную автостраду. Вэньон продолжал вести машину, как автомат, однако я отметил некоторую его небрежность и лихость. Обстановка во время быстрой езды в целом не располагала к разговору. Но я все-таки попытался заговорить.

— Дэни сильно болел, — сказал я. — Он был сам не свой. Иначе не убежал бы. И я бы вас не беспокоил. Как он выглядит сейчас?

Вэньон неопределенно пожал плечами.

— Не могу вам сказать... Мы все сбиты с толку. Не правда

ли, жуткие дни обрушились на нас. И на вашего сына. Он не знает, что вы приехали, но уверяю вас, он не позволит вам говорить с ним, даже приблизиться более чем на десять футов...

Сердце у меня упало. Но отчаяние вызвало гнев.

— Ну, это мы посмотрим! — отезал я.

Замок, к которому мы подъехали уже ночью, был окутан темнотой и напряженным молчанием. Нас впустил незнакомый мне человек и тотчас удалился.

— Где Дэни? — спросил я Вэньона. — Где он?

Из зала мы прошли налево в небольшой салон, где, как мне было обещано, Дэни будет знакомиться с произведениями де Мюссе, отца и сына Дюма, Виктора Гюго. Я сомневаюсь, что он действительно делал это. Но вдоль стен в салоне были полки с книгами.

— Где он? — повторил я вопрос.

В этот миг в зале послышались шаги. Я посмотрел на дверь и столкнулся с пристальным холодным взглядом. Это был Дэни.

Я видел его лишь мгновение. Потом услышал испуганное «Ах!...», и он исчез. Я бросился за ним в зал, повторяя его имя.

Там находился человек, впустивший нас.

— Обед будет... — начал он.

— Юноша, где мой мальчик? — прервал я его. — Куда он только что побежал? Где его комната?

Парень внимательно посмотрел на меня и медленно произнес:

— Та же самая... но... — он запнулся и поспешно, как бы смущаясь, перекрестился.

Прежняя комната Дэни находилась на первом этаже около лестничной площадки. Я попытался открыть дверь, но она не поддавалась. На мой стук никто не ответил.

— Дэни! — кричал я. — Дэни, ты там?

В ответ ни звука. Возможно, хотя и вряд ли, дверь была заперта снаружи. Я стучал и звал вновь. Все напрасно.

Вернувшись в салон, я горестно задумался. Совершенно очевидно, Вэньон говорил правду, и Дэни все еще считает меня своим недругом. Я с болью вспомнил его «Ах!...» при встрече со мной. Это были не просто неожиданность и испуг, но еще и ненависть.

В зал вошел Вэньон.

— Вы видите, — сухо проговорил он, — я был прав...

За обедом места для Дэни оставлено не было. Вэньон, видимо, заметил мои вопрошающие и недоуменные взгляды. Однако в присутствии Дорло (я узнал имя этого человека) ни о чем важном говорить было нельзя. Поэтому мы беседовали о пустяках.

Итак, что мне удалось узнать. Стало ясно, что сходу дела не поправишь, да и поспешность противопоказана. Возвращение домой моего несчастного мальчика будет не простым и не быстрым делом. Возникнут трудности, особенно в чужой стране, с тем, как заставить его уехать со мной. Советуюсь с Вэньоном и добиваясь разумного решения проблемы, я должен сделать все от меня зависящее, чтобы проявлять терпение и сдержанность.

После обеда я вновь вместе с Вэньоном направился в салон, где он предложил мне сесть у камина.

— Как вы, конечно, заметили, — начал он, предугадав один, хотя и не самый важный, из мучивших меня вопросов, — Марсель и Августина уехали. Их весьма любезно увезла от меня тетя, моя двоюродная сестра. Она сочла здешнюю атмосферу неподходящей для детей... Мой бог, как она права!.. После этих слов мое доброе расположение духа сразу исчезло. Я взорвался:

— А мой сын, сударь, что с ним? Он не обедал с нами. Где он сейчас? Сейчас, в эту минуту он в безопасности?... Когда он появился здесь и почему? Пока вы мне ничего не сказали. Есть человек, существо, Рауль, который...

— Ах, это!.. — Вэньон нервно или презрительно остановил меня жестом руки, — не произносите это имя слишком громко. Для меня — одно беспокойство. А для многих других, чьи чувства надо уважать, это имя означает даже кое-что похуже. Это...

После паузы он продолжил:

— Пока вы здесь, вы должны услышать об этой... этой глупости. Во всяком случае, я вполне могу подготовить и предупредить вас, наконец, ведь фактически об этом я и писал вам. Или о том, что советовал больше не направлять ко мне вашего мальчика. Когда я сообщил, что стал жертвой преследования, то, будучи возбужденным, сильно преувеличивал и...

— Но, — прервал его я, — не понимаю, как... — я заколебался, опасаясь, что на самый важный вопрос могу не получить ответа. — Он, оно сейчас здесь?

Вэньон с осторожностью взглянул на меня.

— Оно, если мы будем этим словом называть бабушкину

сказку, сейчас не здесь или не проявляет активности. В общем, сейчас оно не здесь...

Через минуту он продолжил мрачным голосом:

— Что касается понимания... Есть вещи, воздействие которых можно почувствовать, но понять полностью нельзя. Остается лишь их реальность. Как я уже говорил вам, эта... ерунда, право же, полнейшая ерунда, сейчас не с нами. Но ваш мальчик, ваш мальчик явился вчера поздно ночью и искал его. Он старается, он делает все возможное, чтобы вернуть его...

Нет слов, чтобы описать недоумение, вызванное этими словами. Что я должен был подумать? Вэньон издевательски говорил о Рауле, как о беспокоящей, но сравнительно неопасной болезни или как о вредителе растений. Так он мог бы говорить о скарлатине или картофельном жучке. И все же за его словами я различал реальный и неисчезающий страх.

Явно волнуясь, он резко встал.

— Такого рода назойливое приставание было совершенно не изучено, как утверждали некоторые авторы, эти шарлатаны, по крайней мере, два века или больше назад...

Он подошел к нижним полкам, провел пальцем по массивным томам и выдвинул один из них

— Но дело... — сказал он и поставил том на место. — Это здесь... и должным образом зафиксировано, хотя и под туманным названием. Они называли эти нелепости и породившие их мысли безумными. Вот так просто: *Безумные*.

Он нерешительно сел на свое место.

— Я, я даю честное слово, когда впервые встретился с вами и до последнего момента, это *безумное* не беспокоило нас или, во всяком случае... Не отрицаю, что это, или выдумка об этом, беспокоило нас в прошлом, но потом отстало. Конечно, существовал чисто теоретический риск, о котором я мог бы предупредить вас заранее...

Во мне клокотал гнев.

— Да, — с горечью заявил я, — выдумка это или нет, сумасшедшие мы или в своем уме — в любом случае вы могли бы предупредить. Вы обязаны были предупредить меня!

— Но вы бы просто посмеялись над этим. Вы бы хохотали над этой историей и надо мной.

— Да какое это имело бы значение, если бы я и посмеялся?! — Я почти кричал, будучи не в силах больше сдерживать нетерпение. — Я вынужден был ждать, мучиться неизвестностью всю дорогу от станции до замка и во время обеда. Я не смел спросить о том, что смертельно мучило меня. А теперь, когда я смог, наконец, потребовать ответа, меня кормят отговорками.

Вэньон молчал и кивал головой. Я был полностью уверен, что он и сейчас кое-что скрывает.

— *Безымянное* — что это такое? — настаивал я. — Я говорю об этом конкретном существе... Мы все время ходим вокруг да около, и я совершенно не могу понять, что же такое то, о чем вы говорите мне, если вы действительно об этом говорите. Так что это? Я должен знать! И что бы это ни было, вы, конечно, могли предотвратить встречу Дэни с ним. Он сказал мне, что *это* было кем-то, с кем он подружился в деревне. Звучало так, будто бы с бродягой, но...

Я выдохся. С побледневшим от моих обвинений лицом Вэньон вертел в руках бокал с бренди. Такой же нетронутый бокал стоял передо мной.

Внезапно он поднял свой и осушил. На его лице был почти болезненный восторг.

— Вот! *Это*, вы говорите — *это*!... — Ну, это — что-то, что увядает и крепнет, отказывается быть мертвым, неожиданно возникает, приходит и уходит. Как утверждают, это причиняло мучения трем поколениям моей семьи. Распространяются слухи, что это периодически подпитывает себя за наш счет и обязано своим существованием и живучестью своим жертвам. Все это — ха, ха! — содержится в некой книге... О, мы не одиноки в своем несчастье. Вы можете услышать: какая прекрасная старинная семья, но... у них есть *Безымянное*... Что касается этого конкретного примера, то есть человеческой формы, которую вы видели, она ест, пьет и спит, как другие люди, пока существует. Мой бог, она дажеправляла мою ограду, покупала мыло, чай и соль в лавке, пока я не заподозрил *ее* и не разоблачил... Но потом, после разоблачения, говорят, чтобы существовать, она должна иметь чью-то привязанность. И субъект ее привязанности должен быть молодым. А когда ее жертва, ее малыш умирает, паразит переключается на других детей, ближайших родственников. Это существо любвеобильно и прожорливо.

Черт побери, что за история! Какой бред! Какая глупость! Как это смешно, фантастично, невероятно!

Голос его гремел так, как бывает, если человек испытывает чувство глубокой ненависти или сильного ужаса. В этот миг раздался стук в дверь. Сначала тихий, потом громче. Вошел Дерло взгляд его выражал недовольство.

— Господин должен знать, что такие крики, которые слышны даже на кухне, очень вредны. Советую вам, идите спать. Возможно, во сне вы сможете забыть о наших бедах.

Вэньон спокойно принял упрек и, я полагаю, воспользовался удобным предлогом, чтобы избежать новых вопросов. Он сказал мне:

— Дорло прав. И если вы не возражаете, я покину вас. За последнее время здоровье мое пошатнулось... Дорло подаст все, что вы пожелаете. Но сначала... — он повернулся к Дорло, — где молодой господин? В своей комнате и... он спокоен?

— Да, в своей комнате. Но если исходить из реальности, его комната не совсем спокойная. В ней опять слышатся шумы, хотя и не такие громкие.

От этих слов у меня опять защемило сердце, хотя ничего нового я не услышал. Но в моем сознании шалости полтергейста были связаны с Раулем. И их продолжение удручало меня.

— Спокойной ночи... — пожелал Вэньон.

Я смертельно устал, но все-таки еще немного задержался в библиотеке.

В самом деле, чему я мог верить, а чему — нет? Ясно, что последние рассуждения моего хозяина нужно отбросить, как мрачную и отвратительную чепуху. Но потом я сам столкнулся с тем, что явно противоречило этому утешительному выводу.

Когда попивая бренди, я анализировал сказанное Вэньоном, мой взгляд упал на том, который он начал снимать с полки, и потому был слегка выдвинут из ряда книг. Я взял его в руки.

Называлась книга банально: «Легенды древности».

Я пробежал глазами одну-две случайно открытые страницы и остановился на словах: «... то есть мертвые восторжествуют над живыми».

Меня охватил холодок удивления, вызванного не внезапностью, а мрачным подтверждением. Я поспешил поставить книгу на место. «Мертвые восторжествуют над живыми» — так было написано. Дальше читать я не хотел. Ведь это было окончанием того отрывка, что приснился мне несколько недель назад, когда я видел свою жену, державшую книгу перед отсутствующим лицом...

Не знаю, чему я был обязан своим оптимизмом. Покидая Англию, я рассчитывал скоро вернуться назад вместе с сыном. Конечно, я имел законное право заставить его ехать домой. Но если он все же оттолкнет меня и окажет физическое сопротивление, возникнут затруднения. Задача окажется, мягко говоря, трудновыполнимой. Утром, после моего приезда, и даже весь следующий день я еще пытался поговорить с ним. Но либо его комната была на запоре, либо никто не отвечал. Когда же я замечал его на ступеньках лестницы или внизу, он улепетывал от меня.

— Где он кушает? — спрашивал я, поскольку он не появлялся за нашим столом. Оказалось, что периодически он делает набег на кладовую и уносит свою добычу в поле. Ни Вэньон, ни его домочадцы не контролировали действия Дэни. Но даже если бы и так, я все равно не мог доверить им контроль от своего имени. Что касается слуг, они вели себя отчужденно. Их полнейшая скрытность свидетельствовала о том, что им, очевидно, запретили сплетничать со мной. Как хотелось, чтобы Годерих сейчас был здесь! Но не мог же он по моему сигналу бросить своих пациентов, да к тому же услуги Годериха отнюдь не были подарком.

Как я и предполагал, Дэни удалось отплыть из Бриксхема на рыболовном судне. Утверждать, что он приехал с моего разрешения, он не мог и, конечно, знал, что я буду его преследовать. Но сомневаюсь, что, кроме безрассудной решимости во что бы то ни стало воссоединиться с Раулем, у Дэни был конкретный план действий. Он старался избегать Вэньона и, как я понял, встречался только с Дорло. А тот, в свою очередь, обо всем докладывал хозяину.

Вот такая невеселая история... В полицию Винчестера я отправил телеграмму, где дал понять, что в некоторой степени удовлетворен их ошибкой.

К сожалению, Вэньон не оказывал мне почти никакой помощи. Либо он был действительно болен, либо делал вид, что не желает принимать участие в моей «травле». Он никогда не завтракал со мной, а после обеда извинялся и сразу же уходил. После того разговора в первый вечер он не сказал мне ничего серьезного по поводу нашей общей проблемы.

Предоставленный самому себе, я бесцельно бродил по имению и ближайшим деревням, изредка здороваясь со встречаемыми крестьянами. Но чаще всего я никого не встречал, так как выбирал безлюдные тропы. Осенние дни были пасмурными. И когда проглядывало солнышко, я гулял дольше, и направлялся к плоской вершине, возвышавшейся над скалистой грядой на севере.

Однажды после полудня — это было на четвертый или пятый день моего пребывания здесь — я направился как раз в ту сторону. Было около трех часов. Я шел, не обращая особого внимания на то, куда иду. Просто брел, отягощенный мрачными думами, пищи для которых было предостаточно.

Да, положение казалось фантастическим. Неточное описание ситуации могло бы вызвать недоверие. Но ведь вся эта история была реальной. То есть я знал: все, что я видел своими

глазами, происходило на самом деле. Что касается остального — грубых полупрезрительных высказываний Вэньона, на этот счет у меня были свои суждения. Вэньон болен. Его недуг отразился и на печальном состоянии имения. Замок стал ветхим. Персонал либо разбежался, либо был уволен. Остался лишь неуклюжий парень. Почему, например, ушел пользовавшийся доверием Флебар? Мое сердце наполнилось тревожным предчувствием. Не мог ли Вэньон — дьявольское предположение поразило меня — не мог ли он в первый раз пригласить Дэни в замок или заполучить его любым другим путем, чтобы обезопасить *своих* детей? Не было ли все это продиктовано стремлением вызвать и развить чудовищную близость между Раулем и моим сыном?... Однако я отверг столь страшное предположение, как слишком надуманное. Очевидно, мое воображение зашло слишком далеко, если я допустил такую мысль...

Внезапно я очнулся от своих мрачных дум и огляделся вокруг. Местность была мне знакома и пустынна. Маленькая полуразрушенная церквушка или часовня около кладбища усиливала атмосферу пустынности. Без всякой цели, не из праздного любопытства, а просто так, в силу душевного опустошения, я забрел на кладбище и пошел вдоль могил. Невдалеке я заметил человека направлявшегося ко мне,

Около кладбищенской стены я замедлил шаги. Земля для новых захоронений здесь на использовалась, а могилы были неухажеными, заросли ежевикой и обычной густой травой. То здесь, то там мелькали даты захоронений: 1830, 1813, 1770... Внезапно меня привлекла одна надпись. В верхней части крупного камня, так же, как другие, поросшего лишайником, покосившегося от непогоды, было выбито «Приваче». Ниже можно было разглядеть: *Рауль. Умер в 1873.*

Я услышал шаги. Это был тот самый человек, которого я видел на дороге. Он был, возможно, мелким торговцем или фермером. На меня и могилу посмотрел хмуро, с явным неодобрением.

Дернув головой, он спросил: — Месье, очевидно, знает, чья это могила?

В замешательстве я пробормотал: — Да, я... знаю. Нет, я не могу... Я хочу сказать, что это имя одного известного мне человека.

Человек сделал шаг назад, перекрестился и холодно произнес: — Ладно... надеюсь, месье известно, что это нехорошее имя... — Будьте здоровы, сударь.

После этого он стал медленно удаляться. Подчиняясь внезапному импульсу, я догнал его.

— Почему, кто, кто это был? — спросил я. — Он был преступником или...

Голос у меня дрожал. Человек внимательно посмотрел на меня, и мне показалось, что нас прошило током.

— Нет, месье. При жизни он не был преступником, но... Он замолчал, потом пальцем указал на дату. — Это, месье, год его смерти. Здесь, на камне. Вроде все правильно. Мой отец был сельским старостой и все об этом помнил. Да я сам видел запись о его смерти в журнале церковного прихода. Больше ничего сказать вам не могу, кроме того, что он умер почти восемьдесят лет назад, в 1873 году...

Он вновь перекрестился и ушел. На этот раз я не стал его останавливать. Я был просто в панике. Казалось бы, мой разговор должен был подготовить меня к новому удару. Но я склонен был рассматривать большую часть его суждений, как бред сумасшедшего. К тому же он, вероятно, сожалел о сказанном. Теперь же история, поведенная другим человеком, приобрела новое содержание и вес. Меня охватило леденящее душу дыхание беды, способное лишить разума и психического равновесия. Рауль, если это был он... умер восемьдесят лет назад... Что же заставило этого рассудительного гражданина так подозрительно и осуждающе говорить со мной?

Подождав, пока он не скроется из вида, я поспешил в замок.

В тот же вечер я получил согласие Вэньона просить Годериха в ближайшее время приехать сюда и присоединиться ко мне. Шесть дней я провел здесь без всякой пользы. Сын упорно продолжал избегать меня и как можно больше времени проводить вне дома. Я даже не знал конкретно, где и когда он ест. До бесконечности продолжаться так не могло. Его необходимо было как-то увезти. Но я сомневался в том, что смогу сам притащить его домой. Другой путь — обратиться за помощью к полиции — французской или британской. Свое послание Годериху я составил в весьма решительных выражениях и, отправив его, почувствовал некоторое облегчение.

Меня терзали тревожные мысли, а находка этой могилы оставила ужасный след. Странное поведение незнакомого человека, заговорившего со мной, его подозрительные и испуганные взгляды, необъяснимая сдержанность — все это повергло меня в полную растерянность и настоящий страх.

Тем временем Дэни я видел лишь мельком. Вэньон, предупредивший меня, что Дени будет стараться вновь оказаться с Раулем, предложил свое содействие нашему примирению. Но я на это не надеялся. Он совершенно не знал, чем мальчик занимается весь день, спит ли он в прежней комнате, хотя я был уверен в этом, когда ест, купается или меняет одежду. Что касается чистых сорочек, носков и нижнего белья, то их я привез и передал Дорло. Потом узнал, что все это исполь-

зуется. В целом же Дэни вел здесь жизнь полубродяги. Замок он использовал лишь как базу или штабквартиру, откуда делал набеги на сельские районы.

Между тем на следующее утро я узнал кое-какие новости о своем сыне. Правда, они не были утешительными, но все же более подробными, чем прежние сообщения. Дорло сказал, что в последнее время Дэни подолгу находился в восточном крыле замка, около башни. На мой вопрос, что он там делает, Дорло пожал плечами. — Кто знает. Я видел, как он читал и резал ножом дерево...

— Сейчас он там?

— Нет, месье. Это было вчера и позавчера. А сегодня утром он ушел.

Этот разговор состоялся во время моего завтрака, который я всегда проводил в одиночестве. Мой хозяин предпочитал, чтобы ему приносили еду в спальню. После завтрака я написал короткое письмо моей верной Дженни, с которой пару дней назад говорил по телефону. Она сообщила, что дома все в порядке, что она и Клара надеются на наше скорое возвращение.

Чтобы отправить письмо, я пошел на почту. Проходя через двор, я был поражен запущенностью замка. Он выглядел так, будто страдал смертельной и быстро прогрессирующей болезнью. Да, болезнь подкосила и тех, кто здесь проживал, подумал я. Полковник Хэбгуд не был исключением! Пусть я был здесь лишь временным жильцом, гостем, но, направляясь за границу, чувствовал: что-то нехорошее, присущее этому дому, обязательно коснется и меня. Местные крестьяне воспринимали меня неприязненно. Для них я был носителем чего-то страшного, угрожающего. Когда накануне в небольшом почтовом отделении в трех километрах от Фоана я отправлял письмо Годериху, почтовая служащая смотрела на меня исподлобья недобрым взглядом. Всюду, где я бывал, чувствовалась непонятная враждебность. Это выражалось в настороженных и мрачных взглядах окружающих. При виде меня они крестились, отвечали уклончиво. Даже дети старались не встречаться со мной, переходили на другую сторону дороги.

Сотню раз пытался я узнать правду об этом фантастическом деле. Вся эта деревенщина, в том числе и Вэньон, пребывала в плену жалких предрассудков. Я криво усмехнулся. Да, это было забавно! Я ведь тоже, как и те, над кем я смеялся, находился в плену чудовищного мифа.

Меня злило, что я не знал, чему верить. Все и вся словно сговорились водить меня за нос. Я, отец Дэни, был благодарен за информацию о нем, полученную из вторых рук, от само-

довольного слуги, каким был Дорло. Впоследствии я много раз боролся с искушением расспросить этого парня более подробно, но совесть не позволяла мне допрашивать его без ведома хозяина. Ну, а сам хозяин, Вэньон, после своей первой тирады полностью замкнулся и молчал, как рыба.

Я чувствовал, что не выдержу этой зловещей, сводящей с ума таинственности. Нужно потребовать у кого-то, все равно у кого, раскрыть мне тайну. И посмотреть, что он ответит. Или узнать хотя бы, какого характера будет ответ. Поэтому, когда я отправлял письмо Дженни, я попросил служащую почты назвать какое-нибудь официальное лицо, мэра или школьного учителя, с которым я смог бы посоветоваться по личному делу.

Женщина обошлась со мной довольно сурово. После глубокомысленной паузы она заявила: — Мэр болен; есть Буадиель-сторож, он участвовал в сопротивлении, но он тоже болен. Или аптекарь Танви. Он, — добавила женщина, — очень умный и чрезвычайно ответственный человек, был квартирмейстером в армии... И еще есть, конечно, кюре, отец Пюиндизон.

Отказавшись от прекрасного Танви, я избрал кюре. Правильный выбор! Странно, что я не подумал об этом раньше. Найти священника не составило труда. Он только что вернулся с мессы и вежливо пригласил меня в свою обитель.

Я кое-как поведал ему о своем деле, включая находку могилы, и спросил, не был ли Рауль, которого так безрассудно обожал мой сын, внуком умершего.

Лицо кюре омрачилось. Последний вопрос вызвал у него неудовольствие и замешательство. Стало ясно, что все обо мне он знал заранее.

— Честно говоря, месье, на это трудно ответить. В наших местах много суеверий и... У того, чью могилу вы видели в Сэнт Орвэне, потомков не было. Он служил, кажется, дворецким в замке Вэньон, где и скончался. Было это восемьдесят лет назад, и...

— Да, да, — сказал я, — ну, а тот другой малый, которого встретил мой сын... Кто он?

Добрый кюре мрачно взглянул на меня. Это был пожилой человек с красноватым лицом. Его глаза, обычно успокаивающие, сейчас были полны тревоги.

— Месье, — укоризненно проговорил он, — вы пришли вот так и просите... О чем? Подтвердить сомнение, которое заранее внушили вам, или опровергнуть его. Я могу сказать лишь то, что *знаю*: Приваче умер в 1873 году. Остальное — суеверие...

— И это суеверие...

Он слегка пожал плечами. Моя настойчивость смущала его.

— Очевидно, суеверие, которое по вашему настоянию я должен ясно назвать, заключается в том, что умерший в 1873 году Приваче и тот, к которому по вашим словам мальчик имеет влечение, — одно и то же лицо... Это смешно... Я уже сказал все, что могу...

Его отношение ко мне, по-прежнему вежливое, начало приобретать некоторую холодность. Я понял, что опять потерпел поражение. Все эти люди, которых я пытался заставить открыть мне правду, просто смеялись над этим нелепым мифом. Но на самом деле в душе они боялись его!

Неудовлетворенный и разочарованный я поблагодарил кюре и удалился.

В замке я находился уже целую неделю. Абсолютно безрезультатную неделю!

Каждый день я стремился использовать любой шанс, чтобы уговорить моего мальчика. Но все напрасно. Что делать? Тащить домой, как пленника, и тем самым заставить его ненавидеть себя еще больше? Возможно, если потребуется. Но сначала нужно попытаться уговорить его. Дэни был словно дикое существо, очарованное и восторженное. И не было никакой пользы, думал я, загонять его в ловушку: и свяжешь бедное тело, а дух его от тебя ускользнет. Я хотел завлечь его в ловушку, но завлечь всего и сделать это с любовью. Оковы и наручники — неподходящие для этого инструменты.

Но если он не поедет со мной добровольно, то мне останется лишь применить силу. Необходимость уже назрела, поэтому-то я и обратился к Годериху. Его дружеское участие в сопровождении мальчика будет, конечно, менее унижительным, чем полицейский эскорт.

Вэньон в этом деле был совершенно бесполезен. Нынешнее болезненное состояние его нервной системы было равносильно пассивному и негласному сопротивлению моим усилиям. Почему после взрыва эмоций по поводу *Безымянных* он замолчал? Кюре хоть что-то рассказал мне. Но почему сам Вэньон не мог сообщить мне то же самое или даже больше?

Я подошел к окну комнаты, где мы завтракали, и взглянул на осенние поля. Отсюда они выглядели коричневыми или желтыми квадратами, беспорядочно тянувшимися к затуманенным холмам. Вдруг на одном из полей я увидел Дэни. Но он не двигался. Когда я вспомнил, что это всего лишь пугало, почему-то оставленное на стерне.

Сегодня Годерих должен получить мое письмо. И когда он

приедет, мы проведем наш военный совет. Как я рад буду его трезвому подходу к делу и здравому мышлению. У меня же все мысли перепутались, а оскорбленный рассудок все время наталкивался на каменную стену противоречий. Настоящий парадокс! С одной стороны, здесь, как везде, была середина двадцатого века, с поездами, почтой, газетами и радио, а также изредка пролетавшими самолетами. А с другой стороны, здесь вполне уживались темные суеверия, замшелая мифология и причудливый анахронизм фантастического ужаса. Два мира — взаимосвязанные и несовместимые, но каждый из них существовал!

Без всякой цели я направился к своей комнате, миновал ее и пошел по коридорам. Я нередко в одиночестве бродил по извилистым лестницам замка, проходил мимо выцветших gobelенов, феодальных знамен, посещал гулкие залы. На сей раз непреднамеренно, но с беспокойством я шел в восточное крыло, к башне.

Мой поход не дал мне новой информации. Кроме одной. В комнате, расположенной под *комнатой-убежищем*, я обнаружил несколько деревянных обрубков и щепок. Очевидно, как мне говорил Дорло, их строгал Дэни. На ум пришло предположение, возникшее у меня после беседы с кюре. Рауль, говорил кюре, умер в замке. И Дэни когда-то, говоря о комнате в башне, упомянул, что там кто-то умер.

Был ли Рауль этим кем-то и не в башне ли он умер? Возможно, так оно и было.

Остальную часть утра и послеполуденного времени я бесцельно шатался, испытывая сильное беспокойство. Я с нетерпением ждал ответа Годериха.

Посещение восточного крыла и возникшая после этого догадка о Рауле сильно обеспокоили меня. Однако была и другая причина для тревоги. Мне казалось, что в течение дня что-то произошло или я что-то заметил. Но что это было, я так и не мог понять. Некоторое время тревога не исчезала. Я продолжал мучительно думать: что же это такое? Наконец, оставил эти попытки.

Вновь забрел в библиотеку и снял с полки том «Легенд». Мне было неприятно, но я хотел еще раз внимательно прочитать то самое место.

Мне удалось найти нужный раздел. Он был довольно обширным и назывался весьма просто — Оверн. Его содержание было довольно мистическим, слишком таинственным и напыщенным. Поэтому я не все смог понять.

Сожалея о слабом знании французского, я с трудом разбирал: «...исключительная жизнестойкость... давая возможность вышеупомянутым *Безымянным* извлекать жизненную силу... (здесь одну или две строчки я не понял)... таким образом восстанавливать себя вблизи источника питания, как ядра или фокуса и... (снова строчки незнакомых мне слов)... или другой обычный предмет, чтобы быть похожим на человека. Но горе всем тем, кто решится на это, ребенку или женщине, если не будет обеспечен необходимый...» Далее несколько предложений описательного характера: «... их главная слабость в запястьях и... больше всего они радуются желтому и отвергают некоторые оттенки серовато-голубого цвета, поэтому удаляя их...»

Недовольный своим переводом, я оставил открытый том у себя на коленях и задумался. То, что мне удалось перевести, немного успокоило меня, поскольку казалось полнейшей чепухой и глупостью. Я был рад и даже благодарен этой мысли: все это *было* чепухой. Полнейшей, законченной глупостью. И я мог смеяться над ней. Как я только... Но мой недолгий восторг исчез: Дэни, вспомнил я. Все же Дэни... Это была беда. Чепуха все это или нет — один вопрос. А вот состояние моего мальчика — весьма реальное дело.

Неожиданно вошел Вэньон. В последние дни из-за его болезни мы почти не встречались. Лицо у него было недовольным.

— Здравствуйте, — буркнул он. — Сожалею, что вы не можете заняться чем-то лучшим. От *этого* вы мало сможете получить...

К моему изумлению, он схватил книгу и швырнул ее на полку.

Да, Вэньон был очень трудным человеком, но именно сейчас из-за столь незначительного случая я сильно поссорился с ним. Конечно, нервы у нас были предельно напряжены, но нужна была как раз такая искра для взрыва эмоций.

Я вскочил.

— Хотя бы из вежливости, месье, вы могли бы не *хватать* книгу с моих колен, я ее читал!

Он смотрел на меня полными слез глазами.

— Это моя книга. Это моя книга, — по-детски повторял он, — и я делаю с ней, черт возьми, что захочу. Проклятье! Я сожгу ее! Вы что, против того, что если захочу, я сожгу всю свою собственность, включая замок? И если кто-нибудь будет продолжать шастать — я говорю *шастать* — по моему очаровательному замку, когда я буду его жечь, то пусть он тоже сгорит, его шея и волосы, вместе с замком, если не...

Он пошатнулся и прижал руку к груди:

— Извините меня... Я вел себя так, что вы подумали обо мне, как, как о французском паяце. Но некоторые вещи в этом обществе не такие, какими они должны быть... Большая, удивительно большая залетела в мою спальню и не давала мне спать. И у меня, как и у ваших *Безымянных*, разболелись запястья и...

Он сходит с ума? Или прикидывается сумасшедшим? Мои *Безымянные*! Я ненавидел его всей душой. И особенно потому, что ему в такой отвратительной форме удалось помешать моим действиям.

— Эта ваша тварь, чем бы она ни была, — сам испугавшись, кричал я, — это ваше *Безымянное* напало на моего сына и почему-то вы больше не говорите о...

Он умер здесь? В верхней комнате башни или под ней...

Вэньон смотрел на меня, как бы не понимая, а затем с жалостью.

— Мой бедный друг, — медленно проговорил он. — Мой бедный друг, все это слишком тяжело для вас. И вы, вы сходите с ума. Боже мой, сил моих больше нет.

Он подошел смешным танцующим шагом и просто ошарашил меня, щелкнув двумя пальцами у меня под носом.

— Повторяю, месье. Повторяю с огромным сожалением: вы совершенно не в своем уме!

Я отпрянул от него, слишком потрясенный, чтобы обидеться на его язвительные слова и оскорбительные жесты. И именно в этот миг, как и во время предыдущего похожего случая, в дверном проеме возникла массивная фигура Дорло.

— Успокойтесь, сударь, — призвал он, — успокойтесь! Плохая погода действует на нервы, но так поддаваться своим эмоциям нельзя. Да. О, господи! — И он тихонько добавил: — Так продолжаться больше не может.

Вэньон смотрел на меня широко открытыми глазами.

— Извините меня, — пробормотал он, — извините...

В его лице промелькнуло странное выражение злости и какого-то ужаса, потом он повернулся и нетвердым шагом последовал за Дорло.

Около минуты я не двигался. Вся сцена была невероятной, перед моими глазами вновь промелькнуло все случившееся. Наконец, измученный я вышел из дома.

На улице я пришел в себя. Внезапное эмоциональное возбуждение прошло. Я выдохся. Как будто я с кем-то боролся. Но моя тревога усилилась. Это кошмар, думал я, кошмар. Вот почему у него каждый оказывается сумасшедшим и вы сами ведете себя, как сумасшедший. Но я приду в себя — очевидно, когда придет Годерих...

Воздух, как сказал Дорло, был тяжелым и душным. По-

года стояла мягкая, но появилась явная тенденция к изменению давления. В какую сторону — я не знал.

Вокруг меня лениво простирались поля. Слишком лениво, подумалось мне. Словно тайком замышляя собраться на коварное колдовство. Прямоугольники полей были окрашены в цвета охры, беж и серовато-коричневые оттенки. Они подбирались к невозмутимо застывшему предгорью, погруженному в таинственный сон. Пересекая один из прямоугольников, я заметил, что пугало, которое я видел из окна, немного изменило свое местоположение.

Вэньон... О, господи! *Безымянные...* Его, если хотите, а не мои! Пусть он им радуется. О, Боги! Кто выдумал эти привидения, нелепые отвратительные существа, если не... Я посмотрел на серое неприветливое небо и поежился. Нет, я не был, как бы это выразиться, очарован этим пристанищем дьявола, этим зловещим районом Франции двенадцатого или тринадцатого века, где вместо сохранения добрых старинных обычаев внезапно оживают предрассудки и непристойная мифология, сводящие с ума всех, кто думал о них. Если только...

Мои беспорядочные мысли оборвались. Я еще раз с содроганием взглянул на небо. Все вокруг — холмы, спящие поля, пока я шел, не отставали от меня. Я почувствовал: что-то постепенно назревает... У меня разболелась голова, появилось необъяснимое гнетущее чувство. С того места, где я остановился, замок был ясно виден. Он находился примерно в миле от меня. Часть его скрывалась за горизонтом, другую закрывали деревья. Если тревога усилится, я смогу быстро вернуться туда.

Я не спеша продолжал свой путь, когда у меня опять возникло неясное чувство какого-то беспокойства. Когда я прошел примерно треть расстояния до замка, передо мной вдруг с жалобным воем выскочила собака. Это была весьма добродушная маленькая Зизи — пудель, одна из трех или четырех собак, живших в замке. Дони ее обожал, и я думаю, что Зизи не покидала его в нынешней бродячей жизни. Но сейчас она, видимо, заболела или была чем-то напугана. С визгом она прижалась к моим ногам.

Вместе мы пошли по краю жнивья. Это было как раз то поле, где находилось брошенное пугало. И вновь я, озадаченный, заметил, что эта штука передвинулась ближе к замку. Пропави оно пропадом! Раздраженно и растеряннo я подумал, что ведь это нелепо. Очевидно, прежде я ошибочно запомнил место, где находилось пугало. Зизи, бежавшая рядом со мной, прижалась еще ближе и несколько раз странно приглушенно взвизгнула.

Тучи сгустились, голова у меня продолжала болеть. Было

ощущение, что что-то назревает, что-то делается в тяжелой атмосфере, среди деревьев, на вершинах холмов и в низко висящем небе. Казалось, вся природа, как я, была на чеку и ожидала чего-то странного и необычного. Когда мы прошли половину поля, собака отбежала от меня, и за изгородью послышался короткий хриплый лай, вызванный либо сильным испугом, либо собачьей ссорой.

По мере приближения к замку головная боль становилась все меньше. Однако ощущение опасности и назревающей беды не покидало меня. И вновь с еще большим нетерпением я жаждал встречи с Годерихом.

Я вошел в замок. Там, в зале, на блюде лежал ответ на мои мольбы. Да, говорилось в телеграмме, он может приехать во вторник, то есть через три дня.

4.

На следующее утро эту радостную весть подтвердило письмо, в котором Годерих объяснял, что хотел было сразу приехать ко мне, но его партнер до вторника не сможет взять на себя дополнительные обязанности. На столь быстрый приезд я не надеялся. Более того, Годерих мог вообще не приехать. Поэтому я заранее был ему благодарен.

В конце недели я почувствовал еще большую напряженность. Причиной этого была недобрая шутка моего хозяина. После недавней ссоры Вэньон кое-как извинился за свою грубость. Теперь же он гневается совсем по другому поводу. В то время, как я получил доброе, успокаивающее письмо, он, видимо, получил иное, вызывающее большое огорчение. Он сказал мне, что тетя, у которой находились его дети, написала ему, что на месяц или два по делам должна уехать в Тунис. Возможно, поэтому она вынуждена отправить детей своего брата домой.

— Вот так причина! — фыркнул Вэньон. — Дела... Ха! Дети не могут сейчас приехать сюда, только не сейчас!

Конечно, когда я вспомнил о состоянии моего сына, я не питал большой симпатии к Вэньону и не осуждал тетю за ее заботу о Марселе и Августине. Но эта тема заставила меня еще с большим вниманием задуматься над родственной связью между нашими семьями. Ведь это родство, именно через сестру этой самой обруганной тети. Жена Вэньона, в девичестве мадемуазель Друар, была кузиной моей жены, хотя, я думаю, они не знали друг друга.

Эти рассуждения, естественно, заставили меня полностью

пересмотреть поведение Вэньона. И, как обычно, мой вывод был оторчительным. Вэньон бывал то горячим, то холодным, по очереди заботливым или нечутким. Он сожалел по поводу нарушения договоренности о взаимных обменах во время каникул, но в то же время откровенно не предупредил меня о Рауле. Позднее он проявлял такт и дважды телеграфировал мне после побега Дэни во Францию. Но в дальнейшем, когда я прибыл для возвращения беглеца, он не оказал мне никакой помощи. Порядочные люди так не поступают...

В субботу вечером я в одиночестве размышлял об этих и других связанных с ними проблемах, как вдруг до меня донесли сердитые крики. Можно было подумать, что ссорятся десять человек. Когда же я вышел посмотреть, шум уже стих. Участники ссоры, видимо, успокоились и разошлись. Однако, идя через двор, я увидел человека, который прихрамывал и прикладывая к лицу окровавленный платок. В нем я узнал парня, перевозящего на фургоне с молочной фермы сено, молоко и масло. Я собирался спросить его, что случилось, когда откуда-то из помешения послышались пронзительные и сердитые возгласы Вэньона.

Некоторую ясность по поводу инцидента внес Дорло. Как только хозяин ушел после обеда, Дорло принес мне в библиотеку обычную рюмку бренди и сказал:

— Сегодня днем за Батистом и вашим мальчиком заявила шайка негодяев из Сэнт Орвэна и почти добралась до них...

— Что! — сужасом воскликнул я. — За моим мальчиком? За что? Что с ним?

Он отвечал беспристрастно, обращаясь скорее к небу, чем ко мне.

— Молодой месье совершенно не пострадал, они не смогли схватить его. А Батист, конечно, получил царапину, а то и две...

— Но почему, почему на них напали?

Дорло пожал плечами и развел руками.

— Здесь люди, месье, суеверны. Они верят во всякую чепуху. И, возможно, молодой месье сделал что-то неумышленно, что вызвало у них подозрения. Эта шайка негодяев и бандитов преследовала его и Батиста до нашего двора. К сожалению, — как-то задумчиво добавил он, — кое-кто из наших слуг принимает сторону этого сброда... Но это не мое дело, меня это не касается. Завтра же я уезжаю отсюда...

Меня очень обеспокоили не только рассказ Дорло и его возможные последствия, но и заявление об отъезде. Глупо было бы считать его союзником. И все же он пока не проявлял ко мне враждебности, а в последнее время был почти единственным источником сведений о Дэни.

Очевидно, за всем этим скрывалось значительно больше, чем то, что рассказал Дорлю. Но и это дало мне повод для многих предположений. Для подозрений крестьян Дэни был, конечно, главным объектом. И даже удивительно, что к нему до сих пор не приставали. Тот, кого называли Батистом, был, видимо, его приятелем или знакомым. Поэтому он тоже попал под подозрение... Дело, кажется, дошло до непримиримой вражда, и среди сторонников Вэньона в самом замке произошел раскол. Завтра, думаю я, на поезде Дорло не будет скучать без компании...

Пока я с растущим нетерпением считал часы, оставшиеся до приезда Годериха, возобновились мои пока безрезультатные попытки смягчить враждебность Дэни. Я уже не надеялся на быстрое и полное примирение. Но пока Годерих не окажет мне посильную помощь, мне хотелось бы начать разговаривать со своим ребенком.

Я дважды пытался поговорить с ним через закрытую дверь. В первом случае — молчание, во втором — ответ :

— Уходи прочь! Я ненавижу тебя!

Еще два раза мне удавалось приблизиться к нему на улице, чтобы поздороваться, но он немедленно убегал. Его поведение и презрительный вид были для меня унижительными. Я не мог рассчитывать на помощь оставшихся слуг Вэньона, утром вместе с Дорлю уехала еще одна пара, чтобы окружить Дэни и заставить его сдаться. Да и сама такая облава была бы противоестественным делом и, как я потом убедился, принесла бы больше вреда, чем пользы.

Мне хотелось узнать, что сам Дэни думает о своем положении, как он оценивает ситуацию. Совершенно очевидно, что он рассчитывал или хотя бы надеялся найти здесь своего ужасного приятеля. Ведь Вэньон говорил мне, что Дэни делает все, чтобы вернуть Рауля. Однако, его постигла неудача. Что произошло с Раулем или его физическим воплощением, я не знал. Возможно, после того, как я чуть не задушил его, ему каким-то образом удалось вернуться во Францию. Но пока в своем старом логове он не появлялся. Конечно, полной уверенности у меня не было. Но кем бы или чем бы это существо ни было, его штабквартира находилась по эту сторону Ла-Манша. Значит, следующей мерой предосторожности была задача переправить Дэни на другую сторону.

Сегодня понедельник... Завтра Годерих будет здесь. Погода по-прежнему была хмурой, но сухой. И вновь я уныло бродил по ближайшим полям.

Окрестности, как и прежде, выглядели мрачно, но несколько изменились. Исчезла атмосфера таинственной напряженности и надвигающейся беды. Тускло-коричневые поля опустели и как будто избавились от чего-то. Не желая

обвинять себя в излишней подозрительности, я огляделся вокруг: нет ли чего-нибудь такого, что могло бы фактически подтвердить мое впечатление. Ничего не было. Только исчезло пугало, которое я видел раньше. В дальнейшем я обнаружил его на другом поле, значительно ближе к замку.

Я медленно брел к дому. Помощь, наконец, была близка. Годерих должен был приехать завтра вечером. Но на душе у меня оставалось тревожно. Местное население насмеялось надо мной, глубоко скрывая свои недобрые намерения. Что за чушь! Я не пытался сосредоточиться. Полнейшая глупость... Когда я сворачивал за угол сарая, мимо меня в сумерках промелькнула тройка летучих мышей.

И вдруг меня словно током ударило.

— Привет, папа... — голос Дэни.

Он стоял передо мной и смущенно улыбался. И обратился он ко мне так, как не делал уже давно. Его одежда была в пятнах, потерта, щеки бледные и грязные. Думаю, он не умывался уже несколько дней.

Меня ужаснули не столько его неопрятный вид, сколько манера держаться. Он выглядел уставшим, вялым и в то же время уверенным в себе. Держал себя небрежно и непринужденно, словно ему очень надоело все, что произошло. Как он только мог совмещать крайнюю усталость со столь неприятным мне апломбом? Он пристально смотрел на меня. Его взгляд выражал одновременно несчастное одиночество и открытое дружелюбие. Словно ничего не случилось и он ничего не знал о моих и своих страданиях.

— Подойди, — кажется, сказал я ему, — и давай обо всем поговорим, ладно?

— Да... — рассеянно ответил он. — Хорошо. Но я хочу есть. — После паузы он проговорил, тщательно подбирая слова: — Ты знаешь, на самом деле это не *настоящее*... Мы пошли прочь от амбара. Полоска слабеющего света упала на его лицо, и я поймал взгляд, от которого мне стало больно. Описать этот взгляд не легко: он был в одно и то же время коварным и усталым, выражал, как бы это сказать, полное безразличие к обстановке. Меня охватила ярость и, к своему стыду, я почувствовал, что мой кулак сжался, готовый ударить его. С величайшим трудом мне удалось сдержать себя.

— Дэни... — слышал я свой голос, — Дэни!...

Внезапно мой гнев сменился острым томлением. Я обнял его послушное тельце. Легкий, как перышко, он был податлив. Прижимая его к себе, я понимал, что в любой момент Дэни может вырваться из моих объятий и раствориться в воздухе.

Когда мы пришли в замок, в зал вошел Вэннон и пораженно уставился на нас.

Не знаю даже, как прошли последующие часы, — о чем мы говорили, что делали. Но помню и знаю, что они не были счастливыми. Вокруг витало приближение неизбежного несчастья, горя. От этого чувства я не мог избавиться. На первый взгляд, хорошо, что удалось обойтись без преследования, ловушек, связывания, о чем я уже подумывал. Но что я получил взамен? Не Дэни. И в этом была беда. От него осталась лишь какая-то оболочка. Он стал таким ребенком, какого эльфы отдают взамен похищенного. То, что от него осталось, не сохранило ни одной черточки, ни одной особенности того Дэни, которого я любил и мучительно ждал.

И все-таки неожиданный поворот событий изменил дело. Очевидно, Дэни вернется спокойно, его не придется тащить домой, как пленника. Когда придет Годерих, делать ему будет нечего. И мы все вместе отправимся домой. А потом?...

— Ты устал? — кажется, спросил я. — После всех... походов...

Он подозрительно смотрел на меня непонимающим взглядом.

— Немного. Да, немного...

Вот и все. Форма, манера, суть ответа оставались скрыто враждебными и совершенно неудовлетворительной. Его тон выдавал достойную сожаления хитрость. Словно после того, как он уже сдался, на руках у него среди других карт остался туз.

Что заставило его сдать? Может быть, он устал и решил вернуться к привычному домашнему комфорту, которого был лишен уже три недели? Или его планы, какими бы они ни были, расстроились, и поэтому он вынужден был от них отказаться? Может, он, узнав о приезде Годериха, решил уступить мне?

Нужно было ждать. И потом все выяснить. Я понимал, что для допроса время еще не подошло. Хорошо, что в этот вечер подобного разговора не возникло. Дэни был так слаб, что сразу же после чая и купания пошел спать.

Что касается Вэньона, то после первой встречи с нами в зале и после обеда я его не видел. Ужинал я один и, выкурив пару трубок в маленьком салоне, с удовольствием отправился в свою комнату.

Между прочим, Дэни и я забыли пожелать друг другу спокойной ночи. Интересно, бодрствовал ли он, а если нет, то какие сны ему снились.

На следующий день я подумал, не стоит ли взять Дэни на станцию встречать Годериха, но решил не брать. У меня не возникало мысли, что он сбежит опять. Но если он так поступит, это лишь подтвердит, что его капитуляция не настоящая. Я по-прежнему видел в этом не естественный шаг, а продиктованный страхом поступок. Однако мои опасения не были связаны с предположением, что он вновь исчезнет.

За утро ничего особенного не произошло. Встретившись со мной перед самым обедом, Вэньон с притворной улыбкой поздравил меня с улучшением отношений с Дэни и вежливо предложил мне воспользоваться автомашиной. Я почувствовал облегчение — на этот раз он не изъявил желания сесть за руль. Годерих проведет в замке одну ночь, а завтра мы вместе отправимся в Англию.

Как удивится мой друг, полагал я, когда узнает о последних событиях. В определенном смысле его приезд будет напрасным, но я надеялся, что сам он так оценивать свою поездку не будет. Если бы я отправил ему телеграмму вчера вечером, он бы получил ее и не поехал. Но неожиданная капитуляция все перепутала в моей голове, и я эгоистично был рад этому.

На станции я ждал минут десять. У входа в багажное отделение я увидел фургон. С него снимали длинный ящик и переносили к клерку. Я понял, что это фургон из замка, а парень, с трудом тащивший ящик, был тот самый Батист, которого я видел на дворе прихрамывающим и прикладывающим к лицу окровавленный платок. Когда он сел на свое место, вышел начальник станции и стал о чем-то тихонько говорить с ним.

Наконец, прибыл поезд. Едва он с грохотом остановился, тотчас же из него выскочил Годерих и через секунду уже пожимал мне руки.

— Знаете, — говорил он, — бывает так, что зубная боль вдруг исчезает на пороге у дантиста. Если я приехал не впус-
тую, как вы изволили выразиться, то вы и ваш дерзкий ребенок все еще в ссоре.

Мы приблизились к замку, и я задумался. Внутренняя энергия Годериха, его жизнерадостность были струей здоровья и надежды из другого мира. Но все же у меня оставались сомнения, и в какой-то мере я был шокирован.

— А если мы уже не в ссоре, а это так и есть, — как помню, ответил я, — да сейчас вы сами все увидите.

Мы миновали двор и остановились. Нас встрёчал Вэньон, он был сама любезность. За ним маячила маленькая фигурка, скрывавшаяся в тени.

— Хэлло, бездельник! — воскликнул Годерих. — А ну, выходи!

Дэни робко шагнул вперед. Его лицо вновь ужаснуло меня своей изнуренностью.

— М-м... — начал Годерих, — я должен сказать без всякой рекламы, что только дезертиры бывают в самовольной отлучке... Девятнадцать дней в бегах, так? Но на сей раз мы его не будем держать в теплице, старший сержант...

Я еще раз мысленно вздохнул. Не знаю: восторгаться или пугаться от такой жизнерадостностью Годериха?! А не переиграл ли он? Это волновало меня не из опасения, что плохо подействует на Дэни, а потому, что может оказаться слишком смелым вызовом злым силам.

Но Дэни спокойно отнесся к подобному шутовству. Он даже слабо улыбнулся, когда Годерих продолжил свои шутки.

От меня не ускользнуло, что за шутливыми играми скрывалась большая тревога Годериха. Когда Дени ушел, заявив, что вместе с Зизи пойдет смотреть, как кормят лошадей, мой друг явно помрачнел.

— Что вы думаете по этому поводу, Хэпгуд? — поразил он меня вопросом.

— Я?... Я хочу, чтобы вы сказали мне свое мнение!

— Конечно. Но сначала я хотел бы знать, что думаете вы. Например, не были ли вы действительно... — Он сам прервал свою мысль: — Нас могут здесь побеспокоить? Разве наш великолепный хозяин не может вмешаться?

— Думаю, нет. Сейчас он очень расстроен. Очевидно, сегодня вечером мы его уже не увидим.

— Меня это устраивает... А если...

Вопреки моему предсказанию, в этот момент вмешался Вэньон и начал нас развлекать скучным разговором. Не прекращалось это до самого ужина и во время него, пока он не излил весь поток своих извинений и не удалился. А мы с Годерихом смогли продолжить беседу. Как и вчера вечером, Дэни рано отправился спать.

— Ну, хорошо, — сказал Годерих, — что вы думаете об этом теперь? Например, действительно ли вы считаете этого чертова типа, известного нам по Хемпширу, тем самым Приваче, могилу которого вы нашли неподалеку на прошлой неделе?

— Это, это звучит, конечно, как вздор, — ответил.

— Вздор... Ну, ладно. Толко вздор может быть разным. Иногда, изменяясь, он перестает быть вздором. Особенно если вторгается не в свою сферу. И по крайней мере, этот вздор стал реальностью для Дэни, а в некоторой степени и для вас. Сейчас я хотел бы знать, насколько реальным он стал для вас?

— Говорю вам — не знаю. Это просто не поддается математической оценке.

— Ну, так. Не поддается. А если бы поддалось, то в конце концов мы бы смогли выследить это проклятое существо и арестовать его за что-нибудь. Но за что? Как бы вы смогли его обвинить? Если бы вы попытались сделать это, я бы возненавидел вас! Абсурдна сама ваша мысль о том, что вы не можете оценить степень его реальности. Однако совершенно необходимо другое — заполучить вашего мальчика. А уж потом мы будем молиться, чтобы он вылечился.

— Но что вы думаете на самом деле? Не может... — я заколебался.

— Знаю, что вы собираетесь спросить. Может ли он? Опять, может ли? Что мне сказать? Он был здесь. Он — это дурацкое существо, в какой-то степени почти человек. Почему-то он всегда носит перчатки. Кроме того, у него рука действует весьма необычно. Одно я не могу понять: как задушенный или полузадушенный, он смог отдышаться и покончить с этим. А ведь было... Конечно, он не слишком популярен, а может, даже вызывает страх, но...

Годерих сделал паузу и продолжал:

— Не думаю, что так мы уйдем далеко. Но проще всего говорите, что это вздор. И если вы могли почувствовать это так же, как говорить это, то было бы отлично. А как с шумами? Они продолжают?

— Мне говорили, что да. Сам же я их не слышал.

— И комната-убежище, где, как говорят, умерло это первое чудовище. Как оно попало туда? Четко ли признал наш хозяин, что Приваче номер один умер именно там?

— Четко?... Нет вовсе. Он ничего определенного не говорил. Когда же я стал настаивать, чтобы он заявил, что... первый Приваче умер не там, где я предполагал, Вэньон повел себя весьма странно, был очень груб и бросил мне, что я схожу с ума...

Мы еще продолжали наш разговор, но не пришли к новому выводу. Остался прежний: единственная надежда — немедленно увести Дэни.

Мы, Годерих и я, решили взять Дэни домой. Этим утром мы предварительно договорились о билетах, чтобы все предусмотреть. Дэни был так изнурен, что наше решение было

вполне оправдано. Думаю, оба мы понимали, что необходимо проявлять крайнюю осторожность, иначе он погибнет на наших руках или его унесет легким дуновением ветра. Глаза у Дэни потускнели, кожа высохла. В его поведении появилось что-то такое, что трудно описать: наряду с апатией — оживление или даже страх.

После бессонной ночи пришел хмурый день. Ночью мне что-то все время снилось, но я не мог припомнить — что. Главным образом всякая чепуха: Вэньон выступает перед куклами в библиотеке; где-то вдали Дорло катается на роликовых коньках; перемещаясь с одного поля на другое, пугало приближается к замку. Тяжесть этих сновидений угнетала, я проснулся со взвинченными нервами.

Наш поезд отбывал из Фоана в десять тридцать. Поднялись мы очень рано. Рассеянно поглядывая на нас из-под насупленных бровей, Дэни ел скромный завтрак. Он был погружен в свои мысли, вдруг резко встрепенулся и нечаянно опрокинул чашку с шоколадом. От неожиданности он открыл рот, чтобы крикнуть, но так и не произнес ни звука.

На этот раз машина хозяйина нам не понадобилась. Вчера я заказал такси из Фоана и теперь молил Бога, чтобы оно пришло вовремя. Наш багаж находился в зале. Я дал слугам на чай. Одетый в халат, вышел Вэньон, чтобы попрощаться. Кланяясь и крепко пожимая нам руки, он пробормотал что-то вроде «... если вы сможете...»

Наконец, мы все трое выехали. На сердце у меня потеплело, стало легче дышать.

— У тебя все в порядке? — спросил я Дэни.

— О, да...

Он сидел рядом со мной, напротив Годериха, и мечтательно смотрел в окно. Выражение лица у него было какое-то отрешенное, словно он видел что-то совершенно незнакомое и неинтересное. Его волосы, как я заметил, сильно отросли, нужна была стрижка.

Вдруг из-под сидения послышался слабый лай. Зизи! Не знаю, как это получилось, но животное увязалось за Дэни, и теперь нам нужно будет просить начальника станции вернуть его хозяину.

Выйдя из такси, мы так и сделали и стали ждать отхода поезда. Когда Годерих и я уже сели в поезд, на секунду или две Дэни потерялся. У меня сердце оборвалось. Но через миг он прибежал со стороны камеры хранения и поднялся к нам.

Как я рад был его появлению! Меня охватило нежное чувство к моему дорогому мальчику, я взял его за руки. Наш поезд набирал скорость. Я чувствовал облегчение и думал о том, что каждая миля приближала мальчика к безопасности.

Вряд ли я мог ожидать или надеяться, что мы *сможем* уехать. В то же время я опасался, что что-то произойдет, остановит или задержит нас, какой-нибудь случай или преграда — и...

Вдруг меня испугало поведение Дэни. Не знаю, почему, но он был подавлен.

— Пуга... , — пытался он что-то с трудом произнести. Потом, перейдя на французский, сказал: — Пугало, оно там... — После паузы он настойчиво добавил одно слово: Зизи.

К моему великому изумлению, собака оказалась здесь, с нами. Но меня волновало не присутствие собаки, а странное поведение мальчика.

По параллельной колее нас обгонял другой поезд, должно быть, экспресс. Из коридора прибежала Зизи. Сначала она радостно виляла хвостом, потом странно сникла. С угрожающим ворчанием она спряталась под лавку, на которой сидел Дэни.

— Что это такое, Дэни? В чем дело? — спросил я.

Годерих открыл фляжку с бренди и приложил ее к губам мальчика. Губы двигались медленно и смущенно.

— Пугало... Пугало... там...

Вдруг он со стоном вскочил и бросился в коридор. Я и Годерих пытались остановить его, но не смогли. Собака выскочила из-под лавки и застыла в дверях, скуля от страха.

Оттолкнув ее ботинком, я выскочил следом за Дэни. Экспресс быстро обгонял нас. Я видел, как его локомотив поровнялся с концом нашего коридора, потом проследовал мимо наших окон.

— Дэни, Дэни! — повторял я. — Что такое? Что ты делаешь?

Он странно изогнулся, пристально глядя на проходящий поезд. Лицо его выражало неопишуемый ужас, глаза округлились от страха. Его тело было плотно прижато к стенке, словно он хотел как можно дальше отодвинуться от проходящих мимо вагонов.

То, что произошло потом, особенно ужасно и жутко. Оно настолько не поддается обычному описанию, что даже я — свидетель случившегося — считаю невозможным отождествить происшедшее с реальностью. Совершенно не могу этого объяснить, но думаю, что тогда случилось нечто страшное с точки зрения Дэни и Рауля: все заранее заготовленные ужасные схемы и механизмы в последний момент не сработали. То, что я увидел или, во всяком случае, думал, что увидел, было результатом страшной ошибки...

Я схватил руку Дэни и дернул. Никакой реакции. С дальней от него стороны два человека выглянули из своего купе

и усталились на нас. Зажатый за моей спиной в узком проходе, Годерих старался перекрыть грохот двух поездов:

— Иди, мальчик, оторвись от него! Вернись!

Голос его был твердым. Мне он добавил:

— Ради Бога, вытащите его как-нибудь!

Сам Дени пытался протиснуться через полуоткрытую дверь. В тот момент, когда я старался в этом малом замкнутом пространстве оттащить Дени, наш поезд внезапно замедлил ход, а вагоны экспресса замелькали за окнами. Потом я узнал, что это Годерих нажал на тормоз. Вытащить Дени я все еще не мог. Знал, что ему грозит большая опасность, тащил изо всех сил, но бесполезно. На лбу у меня выступила холодная испарина. Я молился, чтобы этот страшный сон, наконец, прекратился.

А он продолжался. На мгновение я выглянул в окно. Как раз в это время мимо следовал служебный вагон экспресса. Длинный ящик, похожий на гроб, поднялся и медленно выплыл из вагона, вылетел в нашем направлении и обрушился на нас. Коридор засверкал осколками стекла.

Поезд с грохотом остановился. Люди высыпали из вагонов. Вдруг откуда-то я услышал удивленный возглас: — «Пугало... В этом ящике было всего лишь пугало...»

Я повернулся к Дени. Мне показалось, что он позвал: «Зизи». Что случилось с собакой, я не знал, да так и не знаю.

Лицо моего мальчика сжалось, как у старика; на нем застыла гримаса ужаса. Он безвольно обмяк у меня на руках.

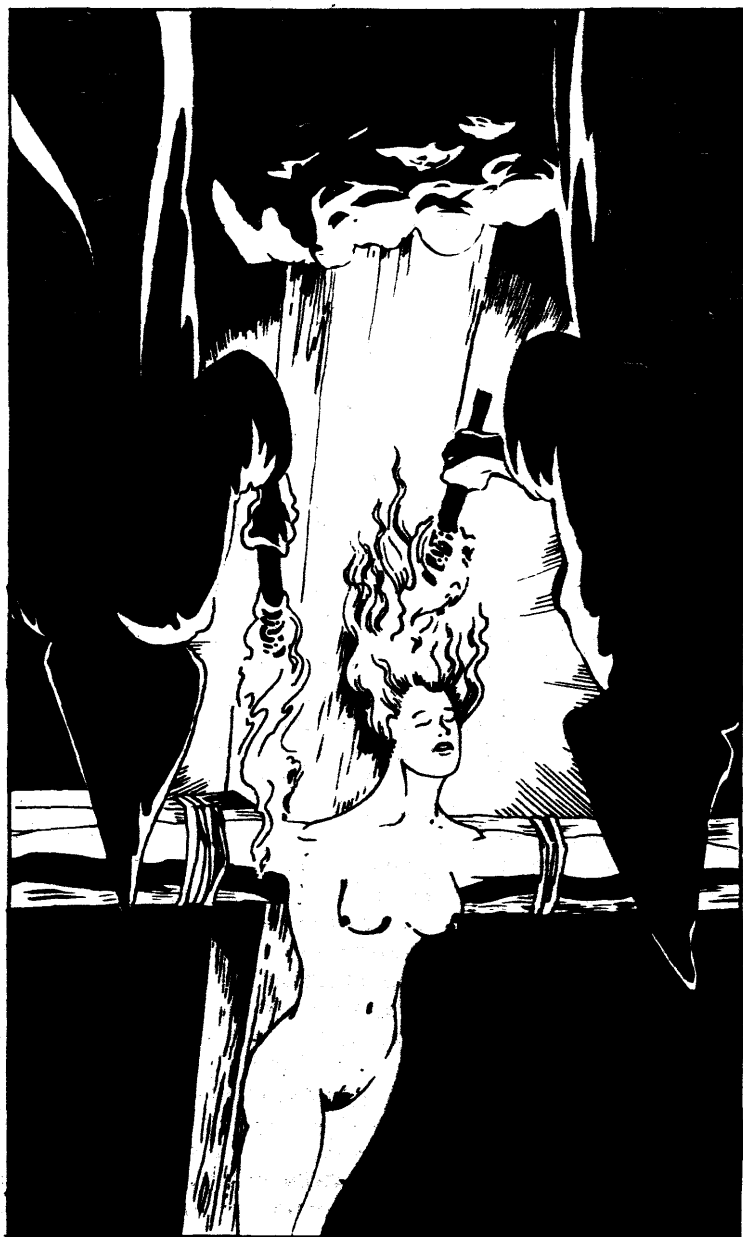
Вместе с Годерихом мы перенесли Дени в купе и положили на сидение. Теперь до меня дошло, что перед последним его возгласом спутанные волосы мальчика побелели.

Лоу Камертон

ЗА БАГРОВОЙ ДВЕРЬЮ

или
кошмарные приключения
городского полицейского
с убийствами и колдовством.

Четверг... Когда такси подъехало к городскому моргу, все еще шел дождь. Я попросил водителя высадить меня у главного подъезда и, накинув на плечи плащ, вышел из машины на мокрую мостовую.

Когда я прошел полпути до подъезда, то услышал высокий голос, в котором сквозили издевательские нотки:

— А это что за гусь? Бэтмен или Фрэнк Сенатра?

Голос принадлежал какому-то чудаку, стоящему под навесом возле автомата с кока-колой. Судя по халату, это был служитель морга, длинные темные волосы которого были перевязаны кожаной лентой.

— Я ищу лейтенанта Брюстера из четырнадцатого участка, — сказал я. — Мне сообщили, что я найду его здесь.

— Живого или мертвого? — поинтересовался мой собеседник, повернувшись, чтобы опустить монету в автомат.

— Он присутствует на вскрытии тела девицы Пауэл, — уточнил я.

— Ах, этой... — служащий пожал плечами. — Что-то всем прямо-таки не терпится попасть на ее дебют в нашем театре.

— В театре?

— Анатомическом театре, конечно. Как вы думаете, где мы их режем? В телефонной будке?

— Значит, именно там я смогу найти лейтенанта Брюстера?

— Я думаю, это резонное предположение, — он кивнул, вынимая бутылку с напитком из автомата, откупорил ее и сделал хороший глоток.

— А вы не могли бы показать дорогу? — спросил я, когда он вновь обратил на меня внимание.

Служитель пожал плечами и ответил:

— Может быть. А у вас есть какое-нибудь служебное удостоверение или вы просто некрофил?

Я глубоко вздохнул, задержал дыхание, медленно выпустил воздух и достал бумажник. Открыв его, я вынул свой значок и удостоверение и все это сунул ему под нос.

— Детектив, сержант Морган Прайс, седьмой участок. — отняв бутылку от губ, прочитал служитель. — Ого! Настоящий живой детектив! Могу поспорить — у вас чрезвычайно интересная жизнь.

— А у тебя есть имя, приятель? — спокойно спросил я.

— А как же — Кларенс. А почему ты спрашиваешь? Ты что-то помрачнел.

— Это мое дело, Кларенс. Я здесь на работе, а ты устраиваешь мне представление. Я понимаю, что ты сейчас ужасно занят кока-колой, но...

— О, боже! Не кипятись. Сейчас покажу тебе этот проклятый анатомический театр. Пошли.

По собственной инициативе я не пошел бы туда даже на спор. Кларенс открыл массивную металлическую дверь, и мы пошли по темному коридору, тускло освещенному как бы тлеющими неоновыми лампами. Сильно пахло формалином, и стоял такой холод, что был виден пар изо рта.

— Наши постояльцы любят прохладу, — хмыкнув, объяснил Кларенс. — Когда становится теплее, некоторые из них начинают страшно вонять.

Мы подошли к другой массивной двери. На ее зеленой поверхности была укреплена медная табличка с надписью «Анатомический театр».

В знак благодарности я кивнул своему гиду и стал открывать дверь.

— Не сюда, дурашка, — спокойно предупредил он. — Галерея для посетителей — этажом выше, — он указал на лестницу. — Как поднимаешься, первая дверь налево. Сам дойдешь или отвести за ручку?

— Дождешься, — сказал я и затопал по лестнице вверх.

— Обещания, обещания, — пробормотал за моей спиной Кларенс и отправился по делам, которые могли быть в подвалах городского морга только у такого ублюдка, как он.

Открыв дверь, я вошел и оказался на балконе, который шел по периметру большого зала без окон. В тусклом свете я различил множество людей, сидящих на стульях по всей окружности балкона. Центр зала, напротив, был ярко освещен сборкой из нескольких прожекторов, свисающей с грязного, в подтеках, потолка. Большинство сидящих на балконе людей было одето в белые халаты, и я вспомнил, что всего в одном квартале отсюда находилась медицинская школа.

Приметив грузного мужчину в темной шляпе и черном пальто, который, положив руки на перила балкона, лег на них подбородком, я направился к нему. Опустившись на стул рядом с ним, я прошептал:

— Лейтенант Брюстер?

— Да. А вы Прайс?

Я кивнул, и он спросил:

— Вас информировали об этом деле в вашем участке?

— Просто сказали, что оно очень сложное, — ответил я, — и что вам нужен человек, свободно владеющий языком Кымриг.

— Ради бога, каким языком?

— Кымриг. Вы и англичане называете его уэльским.

— Да... Ты, парень, доставил мне немало беспокойства. Как ты думаешь, сколько человек в полиции могут говорить по-уэльски, Прайс?

— Я думаю, не так много.

— Только ты. Где, черт возьми, ты ему научился?

— Я родился в Уэльсе. В маленьком городке под названием Гльениверт. Он расположен глубоко в горах, и все там говорят на Кымриг от рождения.

— Да? Но я, что-то, не замечаю у тебя никакого акцента.

— Я приехал сюда в десятилетнем возрасте. Мои родители погибли в авиационной катастрофе и...

— Ладно, ладно... — оборвал меня Брюстер. — Ты что-нибудь знаешь о колдовстве, Прайс?

— О колдовстве? Вы имеете в виду всякие фокусы и полеты на метле?

— Не знаю, как насчет полетов на метле, но та девица, внизу на столе, заявляла, что с нею провели один такой вот фокус, и, знаешь, что? Мы до сих пор не можем понять, от чего она умерла.

Я поглядел вниз, и у меня перехватило дыхание. Пять человек в хирургических халатах суеились вокруг распростертого на столе трупа светловолосой женщины. У нее была снята крышка черепной коробки и вскрыто тело. Некоторые органы все еще были внутри, другие же лежали на столе рядом с телом. Один из анатомов, работавших внизу, как раз вытаскивал из тела что-то наподобие ноздреватой красной губки.

— Это ее легкие? — прошептал я.

— Да, — буркнул Брюстер. — Их отправят в лабораторию на детальный анализ. Если в ней не найдут никаких следов яда или чего-нибудь еще, мы окажемся в очень затруднительном положении. Пока известно лишь, что на ее теле не было единой царапины, и все внутренние органы были в полном порядке. Это очень запутанное дело.

— А почему вы считаете, что это убийство? — насторожился я. — Люди иногда умирают по вполне обычным причинам.

— Знаю. Только они редко умирают по плану, предупредив полицию о своем убийстве!

— Значит, она заявила, что ее убьют?

— Не совсем так. Черт! Почему мы не записали ее сумасшедшую историю. Когда она все это рассказывала, мы подумали, что это одна из тех историй, которые читают перед сном, чтобы пошекотать себе нервы. К тому же колдовство — не совсем наша специальность.

Дверь на балкон открылась. Вошел высокий чернокожий человек в белом плаще и на цыпочках направился к нам.

— Ну? — спросил его Брюстер.

— Такой дом действительно существует, — доложил чернокожий парень.

— Один тип, который работает на бензоколонке на углу, говорит, что в нем живет маленькая маразматичная старуха с целым выводком котов. Их и впрямь там несметное количество.

— Между прочим, твоя гипотеза о том, что девочку шарахнули током, не подтвердилась, — вздохнул Брюстер и, повернувшись ко мне, добавил, — кстати, познакомьтесь. Сержант Прайс. А это сержант Кастис. Пит Кастис из Особого Отдела.

Я протянул руку, и Кастис, обращаясь к Брюстеру, небрежно пожал ее:

— Шеф, может, нам допросить этого Мерлина Плю?

— Не надо, — сказал Брюстер. — Этого парня уже допрашивали, и я сомневаюсь, что он изменит свои показания только лишь из-за того, что у нас совпала пара частей этой головоломки. Ты установил слежку за домом?

— Конечно. Гордон и Макпроу дежурят на бензоколонке. С тех пор, как мы нашли этот дом, никто не входил, и не выходил из него. Конечно, если это тот дом.

— Пожалуй, нам пора, — вставая со стула, со вздохом сказал Брюстер.

Он оказался даже более высоким, чем я предполагал. Кастис направился к выходу, и я встал, чтобы последовать за ними. Я пока не имел ни малейшего представления о том, что происходит, и когда мы спускались по лестнице, заявил об этом Брюстеру.

— Объясню в машине, — коротко ответил он, а потом обратился к Кастису. — Одолжи-ка Прайсу свои темные очки, Пит. Я не хочу, чтобы его физиономию запомнили в компании с нашими.

— Значит, мы будем внедряться к ним, шеф? — спросил Кастис, надевая на меня свои очки. Брюстер покачал головой и ответил:

— Пока мы только постучимся и вежливо спросим.

— А если они нас pošлют подальше?

— Это их право. Нам придется тогда доставать ордер на обыск, — Брюстер пожал плечами, а потом вздохнул и добавил:

— Правда, не знаю, как нам удастся получить ордер при таком раскладе.

— Я думаю, это зависит от того, что мы ищем, — вмешался я. — Кстати, а что же мы ищем, лейтенант?

— Дьявола во плоти, — спокойно ответил Брюстер. — Ты случайно не знаешь, как он выглядит, Прайс?

— Боюсь, что нет, — нахмурился я. — Все мои родственники — христиане.

Пока мы ехали по городу в машине Сэма Брюстера, он поведал мне историю Цинтии Пауэл. Это была дикая история.

Цинтия Пауэл имела британское гражданство и приехала в эту страну по специальной рабочей визе, как и многие

другие секретарши из Англии. Однако Цинтия не была англичанкой. Она родилась в Уэльсе, в городе Кардиф, а училась на континенте. Ее семья жила в нужде большую часть ее короткой жизни. Она сказала Брюстеру, что ее отец был младшим сыном графа.

Тут я пояснил, что Пауэл — это действительно уэльская аристократическая фамилия, и добавил, что младшие братья, в британской аристократической системе, теряют и титул и наследство. Все наследует старший сын. Вот поэтому-то средний класс там прямо-таки кишит полуаристократическими семьями.

— Если взять времена Рыс Ан Тюдор, то Прайс — тоже благородная фамилия, — засмеялся я. — К счастью, мои американские родственники не воспитывали меня в аристократических традициях. Поэтому меня отнюдь не удручает то, что я всего лишь потомок младших сыновей.

— Хорошо, — буркнул Брюстер. — Вернемся к девице Пауэл, а?

— Конечно, лейтенант. Значит, она приехала в страну, чтобы работать машинисткой или что-то типа этого, так?

— Скорее «что-то типа этого», — кивнул Брюстер. — Девушка и не думала работать секретаршей. Первым делом, она купила себе электрогитару и индейский костюм. У нее был действительно неплохой голос, поэтому она довольно быстро продвинулась в этой области. Правда, она не достигла особых высот. Она пела в разного рода кафе за ужины и символическую плату. Там-то ее и нашел Мерлин Плю. Только прошу тебя, Прайс, не рассказывай о его фамилии. Меня не интересует история уэльской аристократии.

— Плю не аристократическая фамилия, — сказал я и добавил:

— Я даже не уверен, что она уэльская.

— Он говорит, что уэльская, — пожал плечами Брюстер. — Это же говорят Рэкетс и Банко. Он родился в Свенси, Уэльс, в 1898 году.

— Свенси находится недалеко от Кардифа, — заметил я, — но их разделяет целая пропасть времени. Ведь парень довольно стар, а?

— По бумагам — свыше семидесяти, — кивнул Брюстер, — но Мерлин Плю заявляет, что он гораздо старше. Это вообще довольно странный тип.

— Вот только увидишь его, Прайс! — засмеялся Пит Кастис, сидящий на переднем сиденье. — Это скрюченный, маленький хромо́й старикашка с лицом, прямо-таки сошедшим с обложки книги ужасов или детской сказки. Он похож на Злую Ведьму Востока из «Волшебника из Страны Оз»!

— Да, — согласился Брюстер. — Он похож на существо, которое выползло из-под мокрого камня. Рэкетс и Банко говорят, что он уже довольно много лет занимается оккультизмом. Несколько лет назад это был спиритизм. За определенную мзду Мерлин Плю свел бы тебя с твоей «Великой тетушкой Софи» из «Отдаланного будущего». Когда времена изменились, Плю занялся астрологией, а теперь это — черная магия и преклонение дьяволу.

— Девушка Пауэл верила во всю эту чушь? — спросил я.

— Сначала нет, — ответил Брюстер. — Она распевала уэльские песни вплоть до прошлой недели, когда Мерлин Плю подошел к ней и уговорил помочь ему в проведении «Эсбата» для каких-то богатых клиентов...

— «Эсбата»? — не понял я.

— Шабаша ведьм. Я думал, ты хорошо знаешь уэльский язык.

— Да, я хорошо его знаю, но «Эсбат» — не уэльское слово. Продолжайте. Извините, что перебил.

— Ничего, ничего, — улыбнулся Брюстер. — Это как раз то, ради чего мы тебя пригласили, Прайс. Нам надо разобраться, насколько все это основывается на уэльском народном фольклере и насколько на чем-то еще. Цинтия Пауэл, по-видимому, считала Мерлина Плю кем-то вроде древнего уэльского друида. Он был с ней в этом совершенно согласен. Этот маразматик заявил нам, что ему больше пятисот лет, и стрелки детектора лжи при этом не отклонились ни на дюйм.

— Детектор лжи срабатывает только тогда, когда допрашиваемый знает, что врет, — заметил я. — Если этот Плю в действительности считает, что он настолько стар...

— Прошу тебя, не занимайся моим образованием, — взмолился Брюстер. — О чем это я? А, так вот, девчонка, в конце концов, согласилась с предложенной ей работой. Похоже, она нужна была ему постольку, поскольку могла петь по-уэльски, и на шабаше, который он проводил, не хватало участников. Видишь ли, «Эсбат» считается хорошо организованным, если в нем участвуют тринадцать человек. Так как в эту ночь Плю ожидал десятерых гостей, он нанял двух девушек. Таким образом, общее количество участников, вместе с Плю и девушками, составило тринадцать человек.

— А кто была вторая девушка?

— Некая рыжая танцовщица по имени Джинджер. Цинтия Пауэл не запомнила ее фамилию. Она говорила, что им была нужна хорошо сложенная девушка, которая лежала бы голышем на алтаре... я где-то записал это. Ага, тебе говорит что-либо имя Рианнон Джен Тьюдвид, Прайс?

— Первое — очень древнее слово, — сказал я. — Это жен-

ское имя, его можно перевести, как «Королева-труженица». «Джен Тьюдвид» означает «всей земли».

— Получается «Королева — труженица всей земли», а? — хмыкнул Брюстер. — Ну, ладно. Так вот, алтарь во всяком случае предназначался именно ей. Пауэл запомнила адрес того места, куда ее привез Плю. Это находится на Вест Хамптон Террас. Она описала узкий кирпичный барак с крыльцом из плит песчаника. Кирпичные стены были покрашены в голубой цвет, а входная дверь была красной. Точнее, кроваво— красной, как она говорила.

— Шеф, расскажи ему о дверной ручке, — напомнил Кастис.

Брюстер кивнул и продолжил:

— Дверная ручка была сделана из литой бронзы, которая позеленела от старости. Она представляла собой голову кота с рогами и кольцом в зубах. Это кольцо как раз и было ручкой. Цинтия запомнила также номер 233 над дверью, на пластине из такой же позеленевшей бронзы. Таким образом, мы получаем голубой дом с багровой дверью по адресу 233 Вест Хамптон Террас, так?

— Понятно. Значит, там они проводили свой шабаш ведьм?

— Да. Плю и девушки пришли туда чуть раньше, и дверь им открыла старуха по имени Дэйм Сибил. Она отвела их в подвал, и подвал этот был обставлен, как кабинет Дракулы. На стенах висели ковры восточной работы, в чем-то, что показалось девице Пауэл настоящими человеческими черепами, горели черные свечи, а возле одной из стен стоял алтарь. Это было накрытый синим вельветом стол, над столом было укреплено вверх тормашками распятие в натуральную величину.

— Не совсем обычное распятие, — вмешался Пит Кастис. — Вместо тела Христа они повесили туда голую бабу. Пауэл утверждала, что та выглядела, как настоящий труп.

— Я дойду до этого, — сказал Брюстер. — Детали здесь не так уж важны. Плю приказал этой танцовщице Джинджер раздеться и лечь на алтарь. Сам же он, Дэйм Сибил и девица Пауэл одели черные вельветовые балахоны. Ее балахон имел капюшон наподобие Ку-клукс-клановского, который полностью скрывает лицо. Плю и старуха надели маски из папьемаше. Маска Плю представляла собой смеющегося дьявола с козьей бородой и рогами, а маска старухи — молодую женщину с полумесяцем на лбу, рога которого обращены вверх. Нам далеко еще, Пит?

— Пять или шесть кварталов.

— Ладно, я постараюсь покороче, Прайс. Ты уже имеешь первое впечатление? О' кей. Пауэл затем рассказала нам о появлении остальных гостей. Все они были одеты в точно такие же черные балахоны, и общее число участников цере-

монии составило тринадцать человек. Она очень много рассказывала о том, что там происходило, но я считаю, что это не важно, если ты не веришь во всю эту чертовщину. Нас интересует лишь скандалчик, который произошел в самый разгар этого действия. Все шло своим чередом, когда один из одетых в балахоны участников указал своим магическим посохом на другого и заорал, что он или она... я это точно записал... «ковен». Это что-нибудь тебе говорит, Прайс?

— Нет, — ответил я. — «Ковлэс» — по-уэльски значит «каменщик», а что такое «ковен», понятия не имею.

— Это плохо, — сказал Брюстер. — И слово это, по-видимому, было тоже плохое. Во всяком случае, оно очень не понравилось всей этой шушере в подвале. По словам девицы Пауэл, началась настоящая драка, а затем кто-то достал револьвер и начал стрелять.

— Боже! Кто-нибудь пострадал?

— Во всяком случае, ей так показалось. Один из комедиантов, стоящий возле нее, осел на пол, а на его балахоне появилось пятно крови. Все кричали, кто-то погасил свет... Девица Пауэл решила, что на эту ночь черной магии для нее достаточно. Она скинула с себя балахон и бросилась бежать. Пауэл, похоже, была здорово потрясена, потому что бежала она до тех пор, пока не набрела на ночной клуб, ворвавшись в который, попросила вызвать полицию. Около четырех часов ночи двое наших ребят привезли ее в участок. Пит первым выслушал ее, а когда ее история не подтвердилась, поднял меня из постели.

— Что значит «не подтвердилась», лейтенант?

— Я имею в виду, что первая же проверка дала негативный результат. Мы послали машину по адресу, который она дала, и не смогли обнаружить ни синего дома, ни красной двери. Мы осмотрели весь квартал и во всем Вест Хамптон Террас не обнаружили ничего подобного. По большей части здания там были многоэтажными, а несколько одноэтажных представляли собой деревянные домики с верандами и небольшими садиками перед входной дверью.

— Она, наверно, ошиблась в адресе, — пожал плечами я. Брюстер кивнул и сказал:

— Да, но тогда было легче предположить, что дамочка немного того... Получив ее показания, мы отправили ее домой, пообещав вызвать ее, если найдем каких-либо мертвецов в длинных черных балахонах. Она тогда здорово расстроилась. Я забыл сказать, что в то время было полнолуние, и мы уже получили несколько заявлений от людей, считавших себя Наполеонами или убежденных в том, что их преследуют маленькие зеленые человечки.

— А мне все же показалось, что в ее рассказе что-то бы-

ло, — запротестовал Кастис. — Даже когда ее история не подтвердилась, что-то беспокоило меня. Видите ли, я в свое время говорил с разными психами, но эта цыпочка не придумывала свою историю сходу. Обычно, если заострить внимание параноика на какой-нибудь детали, его уводит в сторону. А она же упорно продолжала настаивать на своих показаниях. Я сказал, что в Вест Хамсптон Террас нет никакой старой леди в синем доме, а она заявила, что я сошел с ума!

— Она много плакала, — произнес Брюстер. — Если она лгала нам, то была великой актрисой. Но все же, как нам казалось, ее показания не вязались с действительностью, к тому же я спешил домой, чтобы немного выспаться.

Огромный полисмен помолчал немного, а потом тихо добавил:

— Может, если бы я повнимательнее выслушал ее...

— Что же случилось после того, как вы отправили ее домой? — спросил я.

Брюстер пожал плечами и сказал:

— Пару дней — ничего. А затем в понедельник ночью она нам позвонила и заявила, что вскоре ее убьют.

— Тут и я подумал, что она не в себе, — сказал Пит Кастис. — Это я говорил с нею по телефону, и когда она начала рассказывать, что уэльские ведьмы преследуют ее за то, что она ходила в полицию, я попросил ее принять пару таблеток аспирина и зайти к нам утром.

— В среду утром она была уже мертва, — вздохнул Брюстер. — Хозяйка дома обнаружила ее только в полдень. Тело было уже холодным.

— Боже милостивый! — удивился я. — Как же она была убита? Ах, да, я забыл.

— Да, — кивнул Брюстер. — Причина смерти — неизвестна. Поначалу я думал, что мы имеем дело с истеричкой — самоубийцей. Но Пит не зря получает здесь свое жалование, он относится к своим обязанностям, как собака к кости. Он и доказал мне, что я был неправ.

— Значит, вы нашли дом, а? — спросил я Кастиса.

Чернокожий детектив кивнул головой и сказал:

— У меня были подозрения, что цыпочка могла напутать с адресом. Она недавно приехала в этот город и могла не знать, что названия улиц повторяются в западной и восточной его части. Я сверился по карте и обнаружил Ист Хамсптон Террас в прямо противоположной части города. Я заехал туда и... Кто бы мог подумать!

— Значит, мы сейчас направляемся туда?

— Да. Я думаю, если мы как следует обыщем этот подвал...

— Остынь, Пит! — предупредил шеф. — У нас нет пока надежной почвы под ногами, ничего, кроме показаний девушки.

— Да, но все сходится, шеф! Синий кирпичный дом, кроваво— красная дверь с замысловатой ручкой, и, как вы думаете, кто там живет?

— Я уже справился. — улыбнулся Брюстер. — Имя старухи — Сибил Иванс. Она — вдова шефа городского пожарного департамента, который умер восемь лет назад. Кроме того, она владеет недвижимостью и на выборах всегда голосует за нужных людей. Я выражаюсь ясно?

— Мы будем с ней вежливы, — кивнул Кастис.

— Мы будем с ней *очень* вежливы, — добавил Брюстер, — до тех пор, пока не найдем какие-либо улики против нее. Помнишь, что получилось, когда мы вызвали на допрос Мерлина Плю, черт возьми!

А что получилось, лейтенант? — вмешался я.

Брюстер оскалился:

— Он повесил нам лапшу на уши. Согласившись на использование детектора лжи в тот самый день, когда девица Пауэл была найдена мертвой, он заявил, что не знает никого по имени Цинтия Пауэл, и что черная магия и револьвер — понятия несовместимые.

— В каком смысле?

— Он сказал, что жрецы — Друиды, подобные ему, могут убить кого— угодно посредством так называемого «укуса глазом». Кроме того, он утверждал, что никогда не присутствовал на церемонии, подобной той, что описывала нам девушка, и добавил, что она более напоминает культ сатанизма, чем настоящий «Эсбат». Перевернутый крест — атрибут Черной Мессы, а сатанизм — не его конек. Он также заявил, что не знает ведьмы по прозвищу Дэйл Сибил, а проклятый детектор лжи подтвердил его слова!

— Но стрелки не шелохнулись даже тогда, когда он утверждал, что ему пятьсот лет, — заметил Кастис. — Если парень способен нести такую чушь, а детектор реагирует на нее, как на чистую правду...

— Да, я знаю, что ты имеешь в виду, — кивнул Брюстер. — Но факт остается фактом: у нас в руках пока нет ни одной надежной нити. Ты не можешь себе представить, что с нами сделают газеты, если мы предъявим обвинение пожилой вдове в занятии черной магией.

Машина притормозила, и Кастис сказал:

— Она живет вон там, шеф. Остановимся возле бензоколонки?

— Подъедем к ее дому, — сказал Брюстер. — А то кто-

нибудь догадается, что мы оставили там своих людей. Говорить буду я, понятно?

Мы свернули в тупик. Дом был третьим по счету по правой стороне. Он выглядел именно так, как я себе его представлял, за исключением двери. Когда мне сказали «кроваво-красная», я представил себе цвет пожарной машины, но этот цвет был совершенно другим. Цвет двери в точности напоминал свежую артериальную кровь. Дверь даже казалась мокрой!

— Дикая мазня, — пробормотал я, когда мы подъехали к дому.

— Я думаю, это какой-то пластик на основе акрила, — сказал Кастис, — выглядит так, как будто туда можно опустить палец.

Я кивнул:

— У Дракулы от такого потекли бы слюнки.

— Успокойтесь, — сказал Брюстер. — Кто-то смотрит из окна.

Мы, все трое, поднялись по ступеням из плит песчаника, и лейтенант постучал пару раз колышком, свисающим из пасти ужасного рогатого кота, который служил ручкой для этой багровой двери. Через несколько минут дверь отворилась, и перед нами предстала маленькая пухлая старушка в выцветшем ситцевом домашнем халате. Ее жидкие седые волосы были намотаны на большие пластиковые бигуди.

— Гм-м, Дэйм Сибил Иванс? — смущенно спросил Брюстер.

Старуха лукаво посмотрела на него своими черными воробьиными глазами и парировала:

— Дэйм Сибил? Я происхожу из честной рабочей семьи, понятно? В Уэльсе меня бы называли просто миссис Иванс!

— Мы из полиции, миссис Иванс, — сказал Брюстер, показывая свое удостоверение. — Мне необходимо задать вам несколько вопросов.

— Ах, вы пришли по поводу мальчишек? — она улыбнулась и открыла дверь шире. — Заходите. Заходите все трое, я поставлю чай. Боже мой, не думала я, что вы придете так быстро.

Брюстер вошел в дом, и мы с Кастисом, обменявшись недоумевающими взглядами, последовали за ним. Миссис Иванс проводила нас в заставленную мебелью маленькую гостиную.

— Садитесь, садитесь, все трое. Я на минуточку отойду — принесу чай.

Она вышла, оставив нас разглядывать друг друга в полной растерянности. Комната, в которой мы сидели, напомнила мне о доме тетушки Родды в Глындиверте, пожалуй, лишь за исключением котов.

Миссис Иванс, казалось, была помешана на котах. Нас

окружали фарфоровые коты, стеклянные коты, а картины и фотографии с изображениями котов были развешаны по всему дому. Даже чугунная кочерга, лежавшая рядом с крошечным камином, имела вид длинного тонкого кота, глаза которого сверкали зеленоватым огнем. Возле окна из-под накрытого чехлом кресла-качалки на нас с опаской смотрел настоящий кот. Это был огромный черный зверь с немигающими желтыми глазами и большой головой.

— Эй, киса, — сказал ему Кастис, но кот лишь зашипел в ответ. Пит пожал плечами и пробормотал:

— Здоровый, сукин сын. Интересно, что случилось с его хвостом?

— У него никогда не было хвоста, — объяснил я, устраниваясь на одном из стульев. — Это манкс.

Брюстер остался стоять.

Вскоре пришла миссис Иванс с подносом, на котором стоял чайник и разложена разная снедь.

— Садитесь, садитесь! — вновь сказала она. — Вас зовут Сэмюэль Брюстер, вы говорите?

— Да, мадам. Это — детектив, сержант Кастис, а тот джентельмент в черных очках — детектив, сержант Прайс.

— Прайс, Прайс, вы говорите? — сказала старуха, ставя поднос на кофейный столик возле меня. — В долинах Уэльса это будет Ап — Райс, не так ли?

— Мы произносили это имя, как Прайс со времен Ллевелина Мура.

— Разве? Ну, не обижайтесь. А что с вашими глазами, молодой человек?

Брюстер настороженно посмотрел на меня, и я объяснил, что у меня повышенная реакция на свет.

— Щепотка лекарственной травы очень хороша для глаз, — улыбнулась она. — Вам положить немного в чай? Я выращиваю лекарственные травы на заднем дворе.

— Нет, благодарю вас, — сказал я, — я предпочитаю следовать указаниям своего врача.

— Вы упомянули что-то насчет мальчишек, миссис Иванс, — напомнил Брюстер.

— Ах, да! Эти ужасные дети! Я позвонила вам, как только обнаружила это.

— Боюсь, нас не посвятили в детали вашего заявления, мадам.

— Представляете? Эти маленькие негодяи залезли в мой подвал!

— Значит, мальчишки были в вашем подвале?

— Ну, конечно. Разве вы не слышите, что я вам говорю? Понятия не имею, что им там нужно. Видите ли, там совер-

шенно нечего красть. Но я не знаю, что я сделаю, если они не перестанут туда лазить.

— Вы могли бы их запросто отвадить, — пробормотал Пит Кастис.

Слава богу, что она не обратила внимания на это замечание и, обратившись ко мне, спросила:

— Вы, конечно же, знаете Кымриг?

— Немного, — ответил я на уэльском, а затем по-английски добавил, — Когда я пошел в школу, мне пришлось учить английский.

— Как покоренному народу, нам приходится идти на уступки, не так ли? А что вы делаете здесь? Разве вашу долину затопило?

— В десять лет я остался без родителей, — объяснил я, — и меня отправили к родственникам.

— Ох, мой бедный, несчастный мальчик. Да, еще с больными глазами! Давайте я всем налью чай, а?

Брюстер поднял глаза к небесам, подождал, пока она нальет нам чай, а затем с мрачным видом спросил:

— И все же, насчет тех мальчишек в вашем подвале, миссис Иванс.

— Ну, видите ли, я, правда, не совсем уверена, что это мальчишки, я не видела их своими глазами, — объяснила старуха. Брови Брюстера поднялись, а она продолжала — Видите ли, я позвонила вам из-за шума, который они поднимают там по ночам. Мне страшно спускаться туда в такое время, кричать в темноту и слышать в ответ лишь шорохи! Мередит тоже очень обеспокоен всем этим...

— Мередит?

— Мередит Аб Овейн Ап Ховел, — она указала на кота и добавила. — Это очень благородное животное. К тому же он достаточно стар, а эти звуки из подвала ужасно удручают его.

— Вы, гм-м-м, не против, если мои парни заглянут туда, а? — осторожно спросил Брюстер.

— С чего это я должна быть против? — улыбнулась старуха. — Я вызывала вас именно для этого. Но вы пейте свой чай спокойно: у нас достаточно времени. Они никогда не приходят днем.

— Это не совсем обычный чай, не так ли, мадам? — спросил Кастис.

— Я добавляю в него травы. Я говорила вам про мой сад на заднем дворе? Чай без ароматных трав вроде как и не чай вовсе, как вы думаете?

— Это точно, — кивнул Кастис, добавляя в свой чай еще несколько ложек сахара.

— Попробуйте «бисген», — предложила она. — Я пекла их сама.

Кастис бросил на меня осторожный взгляд.

— Это вид печенья, Пит, — сказал я, протягивая руку к подносу.

— Угу, — чернокожий детектив пожал плечами и взял с подноса шоколадное печенье, видимо, считая его наименьшим из всех зол.

Пока мы занимались оценкой кулинарных способностей хозяйки, Брюстер пытался вернуть разговор в прежнее русло. Похоже, что миссис Иванс воспринимала происходящее в ее подвале, как неизбежность:

— Видите ли, мне кажется, они просто подзуживают друг друга. Вы, наверное, знаете, как дети относятся к одиноким пожилым женщинам, живущим в старых домах?

— Не совсем понимаю вас, мадам, — удивился Брюстер.

— Они, конечно же, считают меня ведьмой, — засмеялась старуха.

— Интересно, а что дает им право так считать? — с каменным лицом спросил шеф.

— Я слышала, что они говорят обо мне, когда проходила мимо детской площадки, — настаивала она. — А я слышу гораздо лучше, чем вы думаете. И я была такой же в детстве, когда жила в Уэльсе. На краю нашего поселка жила одинокая пожилая вдова, мы тоже считали ее ведьмой и всячески старались ей навредить. Я тогда и не думала, что сама, в конце концов, окажусь на ее месте. Ах, как бежит время, да? И все же я прожила долгую и счастливую жизнь и, вероятно, не должна обижаться на этих детей. Но они *не должны* лазить в мой подвал. А если, допустим, с кем-нибудь из них что-то случится в темноте? Ведь мне придется платить деньги страховой компании... К тому же все эти звуки удручают Мередита.

— Загляните-ка туда с Прайсом, — сказал шеф Кастису, и на этот раз старуха не нашлась, что возразить.

— Будьте осторожны, не упадите с лестницы, — предупредила она, указывая на дверь в глубине коридора. — Света там нет, — пояснила она. — Я решила не проводить туда свет, если я им не пользуюсь, ведь так?

Когда Кастис открыл дверь и вытащил из кармана фонарик, она вернулась назад, к Брюстеру.

Кастис спускался по скрипучим деревянным ступеням первым.

— Осторожнее, Прайс, — сказал он, — эти ступени... Смотри-ка!

— Что? — спросил я.

— Пыль, — ответил Кастис. — На ступенях — толстый слой пыли. Ими очень давно не пользовались.

— Еще один выход? — предположил я.

— Может быть. Но Цинтия Пауэл говорила, что спуска-

лась по лестнице, значит, либо существует еще одна лестница, либо кто-то ужасно хитрый изрядно поработал здесь мешком пыли из пылесоса.

Я спустился за Кастисом в подвал. Он посветил вокруг фонариком, и мы обнаружили, что находимся в обширном помещении, в котором находилась лишь масляная печь и агрегат для подогрева воды. Покрытые паутиной стены были сделаны из тяжелых каменных блоков, когда-то, очень давно, оштукатуренных и покрытых побелкой. Я заметил, что полом подвала служила утрамбованная земля.

— В таких старых домах часто бывают подвалы с земляными полами, — пожал плечами Кастис. — В таком подвале обычно сухо, только после сильных ливней здесь собирается вода. А те ступени, похоже, ведут на задний двор?

Я посмотрел туда, куда он указывал лучом фонарика, и кивнул. Еще одна, но уже бетонная лестница вела к другой двери подвала. Подойдя к ней, я попробывал ее открыть — дверь была не заперта. В подвал мог залезть кто угодно. Приоткрыв дверь, я оглядел задний двор. Он был окружен со всех сторон кирпичной стеной, и большую его часть занимала квадратная клумба со всевозможными травами. Некоторые из них были мне не знакомы. На меня пахло приятным сладковатым запахом. Закрыв дверь, я спустился к своему коллеге.

— Обычный ведьмин сад, — сказал я. — Что это ты там нашел?

Кастис, стоявший на коленях возле печки, поднял голову:

— Похоже на засохшую кровь. Правда, не слишком много. Если в лаборатории подтвердят...

— Понимаю, — кивнул я.

Кастис насыпал свою находку в небольшой бумажный конверт, заклеил его языком и, вставая на ноги, опустил его во внутренний карман пиджака. Затем он вновь осветил фонариком все помещение и пробормотал:

— Следов ведь нет — земля слишком плотно утрамбована. И паутина на стенах мне не нравится.

Он подошел к ближайшей стене, вынул новый конверт и начал скрести кончиком ножа старую побелку. Я заинтересовался, что он хочет там обнаружить.

— Помнишь, девчонка упоминала, что на стенах висели ковры или гобелены? Как ты думаешь, осталось бы после этого такое количество паутины?

— Паутина, вероятно, появилась позже.

— Да. Паукам нужно много времени, но я где-то читал, что декораторы в Голливуде могут делать паутину в считанные минуты с помощью резинового клея. Я думаю, нам стоит убедиться в подлинности этой паутины.

Я одобрительно кивнул: Пит Кастис явно был профессионалом в своем деле, привык сомневаться абсолютно во всем, и мне начало нравиться работать вместе с ним.

Вскоре мы вернулись назад в гостиную. Лейтенант вопросительно взглянул на меня, на что я сказал:

— Вторая дверь подвала не заперта, кто угодно может входить и выходить через нее.

— Позаботьтесь, чтобы задняя дверь подвала была заперта, миссис Иванс, — сказал Брюстер, поднимаясь, и пообещал, что дежурная полицейская машина будет присматривать за ее домом.

На это миссис Иванс вздохнула и ответила:

— Ну что же, если страховые компании хотят платить, пусть платят. У меня нет денег для этих озорников, понятно?

Мы заторопились к выходу, а старуха вслед нам распространялась по поводу того, как отзывчивы стали к ней городские власти после многих лет безупречной службы ее покойного мужа Генри. Пообещав на прощанье следить за порядком в ее подвале, мы удалились.

Дождавшись, когда мы сядем в машину, Кастис рассказал Брюстеру о собранных им образцах, а я спросил лейтенанта, что он узнал от старухи, пока мы лазили по подвалу.

— Не так много, — сказал, пожав плечами, Брюстер. — Ей пришлось признать, что она знает кое-что из того, что она называет «старыми обычаями». Но в то же время она утверждает, что не знает никого по имени Мерлин Плю. Правда, она много распространялась по поводу его фамилии.

— И что? — Спросил я.

— Она сказала, что его фамилия должна читаться «ап Лью», что означает «сын Лью». При этом она сообщила, что о Лью можно прочесть в какой-то уэльской книге с идиотским названием. Я даже записал его. Сейчас...

— «Мабиногъон»? — улыбнулся я.

— Да, — удивился Брюстер. — А как ты догадался?

— Это настольная книга уэльских националистов, — объяснил я. — «Мабиногъон» — собрание древних кельтских народных сказаний. Мрачноватая вещь, насколько я помню с детских лет. Мы, «Кымру», в древние времена были сильны в черной магии.

— А кто такой Лью, о котором она говорила?

— Лью Длинная Рука. Он или герой, или бог, или демон — это зависит от того, во что вы верите. Ирландцы называют его «Лаг». Это, вероятно, очень древний кельтский мифический персонаж. Лью Длинная Рука был как-то связан с солнцем. Короче, это что-то вроде смеси греческого Аполлона с Тором викингов.

— У него были рога?

— Очень может быть. Рога были весьма популярны у древних богов.

— Ох, эти древние религии, — засмеялся Кастис. — Я где-то читал, что христианские черти произошли от древних богов других народов. Кстати, это все вяжется с показаниями девицы Пауэл.

— Ты считаешь, что этот сумасшедший Мерлин Плю мнит себя сыном бога?

— Или сыном дьявола, — сухо поправил я. — Я думаю, что за пятьсот лет он уже позабыл, кого именно.

— Мы раскусили этого сукиного сына! — закричал Брюстер. — Сколько времени тебе потребуется, чтобы отрастить бороду, Прайс?

— Бороду? Не знаю. Думаю, пару недель...

— Тогда начинай отращивать. Старуха не видела твоих глаз, поэтому со щетиной на лице она, вероятно, и вовсе тебя не узнает в следующий раз.

— В следующий раз? — нахмурился я. — Мы собираемся снова туда вернуться?

— Ты собираешься, — сказал Брюстер. — Ты отрастишь бороду, научишься играть на гитаре и...

— Вы, вероятно, шутите! Вы действительно хотите, чтобы я внедрил к ним? Черт возьми, лейтенант, я совершенно ничего не знаю о колдовстве и черной магии!

— Тебе стоит начать обучение, — сказал Сэм Брюстер. Он говорил серьезно.

Результатом анализов было: и «да» и «нет». «Да» означало, что кровь, которую Пит Кастис нашел на земляном полу подвала миссис Иванс, была высохшей человеческой кровью первой группы, резус отрицательный. «Нет» — паутина не была поддельной, ее соткал обычный домашний коричневый паук. Все это не дало ответа ни на один, стоящий перед нами вопрос, а лишь поставило перед нами новые.

Отчет о результатах вскрытия Цинтии Пауэл также не годился. Сэм Брюстер, конечно же, вернул его обратно с вежливой просьбой, как следует помыть пробирки. Его указания были выполнены, но результат остался тем же самым.

Цинтия Пауэл была убита сильным галлюциногеном, содержащимся в одной из разновидностей полевых трав. В небольших дозах это вещество может свести человека с ума, а большее количество — смертельно.

Все это было хоть и жутковатым, но не выбивалось из

привычных представлений. А вот последнее заключение судебного паталогоанатома!.. Тело девушки оказалось забальзамированным. В ее сосуды был впрыснут формалин, который сохранял тело от разложения до того момента, пока ее не обнаружили в своей квартире в среду в полдень. Смерть же, как определили по каким-то изменениям, происшедшим в печени, произошла *двумя неделями* раньше, чем тело ее было обнаружено. Именно этот пункт и заставил Сэма Брюстера так привередничать.

Когда он звонил в лабораторию, я был в его кабинете.

— Иди ты к дьяволу, док! — кричал он в трубку. — Девчонка была жива и находилась в этом самом здании меньше недели тому назад! А в понедельник она позвонила и сказала, что ее собираются убить. И вы после этого уверяете, что она была убита за пару недель до того, как я с ней говорил!

Он посмотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Проклятье, — прошептал он. — Они уверяют, что она умерла за две недели до вскрытия. Ты понимаешь, что это означает?

— Это означает, что она уже была мертва, когда вы и Пит Кастис разговаривали с ней! — кивнул я.

Абонент на другом конце линии сказал что-то, и Брюстер ответил:

— Я верю каждому твоему слову о клетках печени, док. Но ты не можешь не ошибаться. Я не думаю, что кто-то обработал ее внутренности, я видел, как ты ее вскрывал... Знаю, что на теле не было никаких следов, но...

Я вспомнил об одной мерзости, про которую когда-то читал, и прошептал:

— Спроси его об анальном отверстии?

— О чем?

— Об анальном отверстии. Я где-то читал, что древние египтяне использовали его для того, чтобы извлекать внутренние органы. Я думаю, они использовали что-то типа крюка.

— Бр-р-р! — скривился Брюстер и повторил мои предположения в трубку. По-видимому, паталогоанатом на другом конце провода испытал похожую реакцию. Наконец, шеф взглянул на меня, покачал головой и пробормотал:

— Ничего подобного. Им приходило в голову то же самое, они проверили — не подтвердилось. Только, ради бога, не спрашивай меня о подробностях, я больше ничего не желаю об этом знать.

Так я и сидел, строя дикие схемы на своем компьютере, пока Брюстер заканчивал разговор по телефону. Когда он повесил трубку, я спросил:

— А как насчет двойника, лейтенант?

Брюстер неуверенно покачал головой, затем нажал на кнопку стоящего на его столе селектора и гаркнул:

— Салливан, проверьте фотографии, которые мы сделали в квартире девицы Пауэл, на возможного двойника. Пока будете заниматься этим, пришлите мне ксерокс фотографии в ее паспорте.

Откинувшись на спинку кресла, он откусил кончик сигары и задумчиво посмотрел на меня.

— С такими темпами, похоже, твоя борода скоро станет совсем густой.

— Она очень чешется, — пожаловался я.

— Естественно, ты ее растишь только несколько дней. Гитару ты уже подобрал?

— Нет. Я пробую играть на маленькой «телын дейрис».

— На чем?

— Телын дейрис — это уэльская арфа. Барбы чаще всего предпочитают играть на ней.

— Боже мой, ты умеешь играть на арфе?

— Нет. Но на гитаре я тоже не умею играть, а так как вы хотите, чтобы я был похож на бородатого друида, то...

В комнату вошла девушка в полицейской униформе, которая принесла папку с фотографиями. Брюстер представил ее, как Мэгги Селливан, и посоветовал забыть о нашем знакомстве вне стен полицейского управления. Когда девушка ушла, лейтенант разложил фотографии на столе и пробормотал:

— Это именно та телка, с которой мы беседовали, черт ее подери. Вот, взгляни-ка.

Он вручил мне ксерокопию и фотографии девять на двенадцать. На ксерокопии была запечатлена первая страница британского паспорта. С фотографии в паспорте мне улыбалась симпатичная блондинка. Ее черты можно было назвать классическими, если бы не слишком большие и кривые зубы. На фотографиях была точно такая же девушка. Она лежала на старом поддельном персидском ковре. Глаза ее были открыты, но с первого взгляда было видно, что она мертва. Ее губы казались немного опухшими, а кривые передние зубы были еще заметнее. Я сверился с ксерокопией: зубы были теми же самыми, волосы тоже совпадали. Собираясь вернуть фотографии, я опять взглянул на них и кое-что заметил.

— Здесь что-то не так, лейтенант, — сказал я, сверив фотографии с ксерокопией. — Посмотрите внимательно на ксерокопию. Видите? В левом углу ее рта что-то похожее на родинку?

Брюстер взял в руки ксерокопию, кивнул и сказал:

— Да. Дай-ка фотографию.

— Нет родинки, — сказал я, вручая ему снимок.

Брюстер задумчиво посмотрел на меня и спросил:

— Близнецы?

— Почему бы и нет?

— Как в кино, правда? Напоминает Луиса Хейварда. Хороший брат — музыкант, плохой — преступник.

— Вам больше нравится Борис Карлов?

— Понимаю! Я, пожалуй, еще раз свяжусь с британским консульством. Мы уже сообщили о смерти девушки и просили сверить отпечатки пальцев. Но даже, если окажется, что у нее есть сестра — близнец, это лишь поставит перед нами новые вопросы.

— Почему вы так думаете, лейтенант?

Брюстер устало покачал головой и сказал:

— Ну, давайте представим, что существует близнец. Что это нам дает? Получается, что пока, допустим, настоящая Цинтия Пауэл лежит забальзамированная где-то, ее сестра — близнец заявляется к нам и излагает дикую историю острельбе на «Эсбате». Затем несколькими днями позже она говорит мне, что ее собираются прикончить дикие уэльские ведьмы. А после этого подкладывает труп своей сестры в комнату, где его и обнаруживает хозяйка дома. Ты знаешь, где мы находимся после всего этого? Мы находимся высоко в воздухе, и у нас нет ни малейшего намека на мотив преступления!

— На разумный мотив, — возразил я. — А если мы имеем дело с сумасшедшими?

— О' кей. Но убить свою сестру...?

— Почему бы и нет? В фильмах Луиса Хейварда злой близнец тоже не лучшим образом относился к своему брату.

Брюстер упрямо покачал головой.

— Дамочка вполне могла убить свою сестру. Могла сохранять труп несколько недель, решая, как избавиться от него. Но прийти к нам, выдавая себя за нее? Бога ради, *зачем?*

— Если бы я знал, — пожал плечами я. — Почему бы нам не проверить, так ли это, до того, как нам будет известен мотив? Если британцы скажут нам, что у девчонки нет сестры — близнеца, то мы окажемся там же, откуда и начинали.

— Угу, — пробурчал Брюстер, задумчиво поглядел на меня и добавил: — С убитой девицей, дающей показания полицейским через неделю после своей собственной смерти.

Вечером, когда я подкатил к университету, то понял, что осенний семестр уже начался. Погода была еще теплой, но листья на некоторых деревьях уже пожелтели. По-видимому, уже близились заморозки. Припарковав машину на стоянке для преподавателей, я направился к крыльцу дяди Дея. Он

знал о том, что я приеду, и свет на крыльце был включен. Я хотел было позвонить, но дверь открылась, и добродушный голос с легким уэльским акцентом произнес:

— Заходи, заходи, Морган! В мою дверь тебе не надо даже звонить, так-то!

Дядя Дей для своих коллег и студентов был профессором Дэвидом В.Прайсом, деканом факультета филологии. Но я — совершенно другое дело. Во-первых, он воспитывал меня с десятилетнего возраста. Во-вторых, он так заботился об испуганном уэльском сироте, только что приехавшем в страну и почти не знавшем языка, что, в конце концов, смог излечить боль его израненного сердца. Родство наше было основано не только на крови, но и на слезах. Тетя Глынис тоже хорошо относилась ко мне, правда, на свой особый протестантский манер, но самые светлые воспоминания моего детства были связаны все-таки с дядей Деем. Он был одним из тех нестаряющихся людей, черты которых устанавливаются к сорока годам и больше не меняются. По сравнению с тем днем, когда я сошел с самолета с небольшой пластиковой сумкой, в которую уместились все мои вещи, и с табличкой на груди, на которой была аккуратно написана моя фамилия, у дяди Дея появилось лишь больше седых волос на висках. Его угловатое кельтское лицо выглядело все таким же, а добрые карие глаза так же насмехались из-под густых бровей над окружающим его миром. Они насмехались и надо мной, когда дядя Дей сказал:

— Ну, заходи, приятель! Что ты там стоишь с таким суровым видом и недельной щетиной на лице? Что-то случилось?

— Не совсем, — улыбнулся я, входя в дом. — Я попал в жутковатую историю и подумал, что ты мог бы мне что-нибудь посоветовать.

— Советовать легче всего, — вздохнул дядя Дей. — Советы готов давать каждый, а когда нужна настоящая помощь — совсем другое дело, не так ли?

Мы вошли в гостиную, в которой горел камин, растопленный углем. Дядя Дей прожил в Штатах уже свыше тридцати лет, но так и не преодолел врожденного недоверия к каминам, растапливаемым дровами.

— Желаете промочить горло? — спросил он, подойдя к бару и доставая бутылку бренди и пару бокалов.

Я кивнул и уселся в кресле возле камина, а он, поставив бутылку и все остальное на кофейный столик, сел напротив.

— Это ужасно, я знаю, — бормотал он, наливая в бокалы. — Но после ухода в мир иной моей Глынис, упокой Господь ее душу, только выпивка способна хоть как-то мне помочь. Твоя тетя Глынис была хорошей женщиной, так-то. Даже несмотря на то, что слишком серьезно относилась к Писанию.

— Но там ничего не сказано, что выпивка — такой серьезный грех, — улыбнулся я.

— Ах, знаю, знаю, Морган. Но бедная Глынис доверяла Джону Уесли даже больше, чем Библии, понимаешь? А тот был большим педантом, когда дело касалось удовольствий этого мира.

Я сухо улыбнулся и поднял бокал: «За Уэльс!». Дядя Дей звякнул своим бокалом о мой и произнес ритуальный ответ: «Пусть англичане провалятся к черту!» Отправив таким образом всю Англию в ад, мы засмеялись над этим ритуалом и откинулись на спинки кресел, чтобы расслабиться. Никто из нас не воспринимал уэльский национализм слишком серьезно, но дядя Дей любил говорить, что у каждого человека должны быть свои корни и корни эти давала Декларация независимости Уэльса.

С бокалом бренди в руке я рассказал дяде Дею обо всем, что знал о ужасной смерти девицы Пауэл. В его глазах читалось удивление.

— Знаешь, что? — сказал он, когда я закончил эту историю. — Мне очень не нравится это дело! Я думаю, вы связались с очень опасной компанией сумасшедших. На твоём месте, Морган, я бы сказал лейтенанту Брюстеру, чтобы он искал кого-нибудь другого для охоты за его ведьмами.

— Я — полицейский, — пожал я плечами, должен охотиться за тем, кто нарушает закон.

— Но эти почитатели дьявола попросту сумасшедшие, разве ты не видишь? Они уже убили девушку только за то, что она сообщила в полицию об их мерзком сборище. Что заставляет тебя думать, что они остановятся только на этом убийстве, а, Морган?

— Мы, возможно, действительно охотимся за парой опасных психопатов, — заметил я, — но, как я уже говорил, это моя работа. Меня интересует вот что: у тебя сохранился экземпляр «Мабиногъон», дядя Дей?

Он с испугом взглянул на меня, а затем засмеялся и сказал:

— О боже, нет, Морган! Более того, у меня нет ни «Красной книги Хегеста», ни «Черной книги Кенмартека»! Видишь ли, я преподаю романские языки, народные сказки не входят в мою компетенцию.

— Но ты ведь знаешь старинные легенды?

— Конечно. В Уэльсе нас воспитывали на подвигах Брэна, Передура и рыцарей Пендрагана, но у меня также нет причины хранить у себя эти глупые детские книжки, как у англичан — хранить первое издание «Робин Гуда». Может быть, что-то из этой ерунды есть в университетской библиотеке, но я сомневаюсь, что эти книги переведены с Кымриг.

— Мне плевать, на каком они языке, — ответил я. — Мне необходимо понять, с чем мы имеем дело. Во всем этом сквозят уэльские нотки, а один из подозреваемых выдаст себя за пятисотлетнего уэльского колдуна, поэтому...

— Это, без сомнения, Мерлин Плю, о котором ты мне говорил, не так ли? — перебил меня дядя Дей.

— Да, — кивнул я. — Именно он организовал «Эсбат», о котором свидетельствует девица Пауэл.

— Но он же — шарлатан, — заметил дядя Дей.

— Ну, конечно, шарлатан, — со смехом ответил я. — Этот паразит заявляет, что ему пятьсот лет и что он ко всему прочему сын древнего бога.

— Я имею в виду, что он даже не из Уэльса, — объяснил дядя Дей. — Во всяком случае, старик знает Кымриг недостаточно для человека, который родился в Уэльсе не только пятьсот, но даже пятьдесят лет назад. Он не может даже бегло разговаривать на уэльском.

— Откуда ты знаешь? — спросил я. — Разве ты с ним знаком?

— Ни разу не видел этого бедного юродивого, — пожал плечами дядя Дей. — Но его выдает имя. Мерлин — совсем не уэльское имя, понятно?

— Разве? — удивился я. — Мне показалось, что легенды о Мерлине и короле Артуре — уэльские.

— Да, но они искажены захватившими Англию французами, — засмеялся дядя. — Если бы настоящий уэльсец носил это странное имя, то оно звучало, как «Мыридин». «Мыридин» — всего лишь французское произношение этого имени. Придворные страсти Пендрагона очень пришлись по сердцу французам, которые всегда были без ума от постельных фарсов!

— Да, — размышлял я вслух, — но, если Мерлин — что-то вроде псевдонима, а? О волшебнике по имени «Мерлин» знают все, но что будет значить, тут в Америке, имя «Меридин Ап Лью».

— Может, ты и прав, — пожал плечами дядя Дей, — Послушай, Морган, зачем мы тратим свое время на то, о чем почти ничего не знаем? Давай-ка я познакомлю тебя кое с кем, кто действительно сможет помочь тебе!

Он подошел к телефону и добавил:

— Я позвоню Пат Вагнер. Она как раз преподает сравнительную теологию. Только она сможет помочь нам в этом сумасшедшем деле с чертями и ведьмами.

— Она? — удивился я.

— Угу, наша милашка Патриция, — сказал дядя Дей. — Если только она дома... Алло! Пат, это ты? Ко мне заехал

Морган Прайс. Помнишь, я тебе рассказывал? Мой племянник, который работает в полиции. Так вот, он заехал, чтобы обсудить свое дело, связанное с оккультизмом. Он так запутался в этой черной магии, что ему необходима помощь специалиста. Ты не смогла бы заскочить к нам на пару минут?

По-видимому, вечер у Патриции Вагнер был свободен. Дядя Дей положил трубку и с удовлетворением сказал:

— Сейчас она подойдет, Морган. Может, перекусишь?

Я сказал, что не голоден, но дядя Дей был упрям и настоял на кофе с бутербродами.

Он едва успел приготовить кофе, как в дверь позвонили. Дядя Дей открыл дверь, и в комнату вошла хрупкая маленькая брюнетка лет тридцати.

Она села в кресло возле камина, а дядя Дей вернулся на кухню. Глядя как она положила ногу на ногу, я еле сдержался, чтобы не сказать какую-нибудь гадость насчет мини-юбок. К счастью, она также ничего не сказала по поводу моей бороды.

Вскоре пришел дядя Дей и принес бутерброды, гренки с сыром и турку со страшным варевом, которое он считал «настоящим» кофе. Увидев гренки, Пат сделала свою первую ошибку:

— Ой, так это знаменитые «Welsh rarebit»! — затем, увидев неодобрительные взгляды, которыми мы обменялись с дядей Деом, улыбнулась и неуверенно спросила:

— Я сказала что-нибудь не так?

— Это «Welsh rabbit», если ты предпочитаешь использовать английское название, — сказал дядя, усаживаясь в кресло рядом с ней и наливая себе кофе.

— Правда? — Пат покраснела. — Я всегда считала, что гренки с сыром называют «Welsh rarebit».

— Вы слышали неправильное название, — засмеялся я, — а точнее, попались на одну из английских шуток над нами — уэльсцами. Они постоянно испытывают наше терпение. Вот, например, стихи: «Пэдди был уэльсцем и брал все без-спроса...»

— «Украл кусок мяса у нас из-под носа», — закончил дядя Дей мрачно. — Видишь ли, мы тоже их терпеть не можем.

— Ну, все, все. Я всего лишь немка!» — засмеялась Пат Вагнер.

Она мне понравилась. У нее были заразительная улыбка и маленькие ослепительно белые зубы. Когда она смеялась, в уголках ее широко расставленных голубых глаз появлялись морщинки. Она носила длинные распущенные волосы с пробором посередине. Я вспомнил, как дядя Дей рассказывал мне, что Пат вхридела в состав правления женского клуба. Я думаю, она пользовалась там большим уважением, так как вовсе не была похожа на классический тип классной дамы.

Мне пришлось опять все выложить о деле девицы Пауэл, конечно после просьбы никому об этом не рассказывать и ее шутливой клятвы.

Пат Вагнер умела слушать. Дождавшись, пока я закончу, она покачала головой и сказала:

— Я могу дать вам почитать несколько книг, но имейте в виду: попытка проникновения в секту, которая не гнушается убийствами, может быть очень опасной. Если вас разоблачат, как «кована», может произойти все, что угодно!

Опять это слово... Я спросил, что значит «кован», и она ответила, что это фальшивый член секты, пытающийся открыть ее секреты. Затем я спросил ее, как часто такое происходит, на что она ответила мне:

— Не знаю. Но «воздушные Эсбаты» притягивают множество выживших из ума стариков. Хотя вы говорите, что члены этой секты были одеты...

— Прошу прощения, — нахмурился я, — что значит «воздушные Эсбаты»?

— Их участники — абсолютно голые. Вся эта ерунда началась, как обычный культ плодородия, и некоторые церемонии стали принимать пикантный характер. Особенно когда они употребляли там белену.

— Белену?

— Галлюциногенное растение. Имеет приблизительно такой же эффект, как ЛСД плюс иллюзия полета. Древние ведьмы, например, и впрямь были уверены, что летали на метле делая свои признания инквизиторам. Хотя слово «метла» было лишь эвфемизмом для слова «верендум».

— Для чего?

— «Верендум» — это магический жезл, выполненный в виде мужского полового члена. Кроме него, тебе понадобится чаша для возлияний, «атам» и «турибл». Благодаря последней моде на древние мифы, все это не так уж сложно достать. В городе есть несколько магазинов, продающих все, начиная с лекарственных трав и кончая свечами из трупного жира. Я, правда, очень сомневаюсь в происхождении этих свечей.

— Да, — сухо сказал я. — Только теперь я начинаю понимать ваши слова о том, какая нелегкая задача на меня возложена. Если я не смогу учесть все детали...

— Ах, детали, это пустяки, — сказала Пат. — Я сомневаюсь, что в мире найдутся две секты, которые согласились бы друг с другом во всех деталях своих церемоний. Я дам вам почитать Алистера Кроули, а кроме того, некоторые последние работы Хьюзона и, конечно же, «Признания Гилле де Раи». Культ, о котором вы говорите, имеет кое-что общее с Черной Мессой. Большая часть происходящих там глупостей

абсолютно безобидна. В обычных условиях самое страшное, с чем вам пришлось бы столкнуться, это «Дурной Глаз» или церемония сожжения вашей собственной статуэтки. Почти не известны колдуны или ведьмы, прибегающие к физическому насилию, но в этом случае, когда вы нашли кровь в подвале... Да, и девушка была убита...

— А ты думаешь, она действительно была убита? — вмешался дядя Дей. — Ведь Пауэл могла умереть от передозировки принятого ей самой галлюциногена.

— Может быть, — кивнул я. — Но она предупредила нас о том, что ей угрожает, потом мы нашли чью-то кровь в подвале и... черт возьми, получается, что она разгуливала по городу целых две недели после своей смерти!

— Но ты же сказал, что может существовать близнец.

— Мы не знаем об этом. Но мы также не можем учитывать факты, которые кажутся сверхъестественными!

Дядя Дей хлебнул кофе и осторожно спросил Пат:

— Возможно ли, что некоторые из этих людей обладают сверхъестественной силой? Я, кажется, читал об экспериментах, проведенных в этой области. Некоторые из них весьма убедительны.

— Я отнюдь не являюсь приверженцем доктора Райна, — ответила Пат Вагнер. — Ряд его выкладок выглядит довольно подозрительно, и кроме того, я занимаюсь сравнительной теологией, а не магией, черной, белой или какой-нибудь другой.

— Большинство религий несут в себе разного рода фокусы, разве нет? — спросил я.

Пат поморщилась:

— Не большинство, а все религии. Я не думаю, что распятый на кресте еретик, восставший из гроба через три дня после казни, менее необычен, чем девушка, пришедшая в полицию через неделю после ее убийства. Моя область науки исследует мифы и при этом рассматривает их именно как мифы. То есть выдуманнные истории, которые используются теологами для того, чтобы убедить нас во всеведении той или иной веры. Даже слово ведьма — не что иное, как «ведущая».

— Значит, колдовство, — это просто какая-то дохристианская религия?

— Конечно, — согласилась Пат. — Правда, она здорово искажилась с тех времен, когда первые миссионеры тушили волшебные костры и вырубали священные рощи. За прошедшее с тех пор время она набрала даже больше балласта, чем официальная церковь. Если вы согласны с ее основными постулатами, ничего не остановит вас от знакомства с астрологией, абракадаброй евреев-алхимиков, некромантией, нумерологией, романской хиромантией и, наконец, сатанизмом,

изобретенным испанской инквизицией в средние века. Современные оккультисты, похоже, смешали все это в одну кучу.

— Вернемся к этой прарелигии, — предложил я. — Вы действительно можете проследить историю развития религии к единому источнику?

— Не совсем, — вздохнула она. — Мы знаем немного о древнем Индо-Арийском культе солнца. Это была дуалистическая религия, подетски простая и включавшая в себя многочисленные обряды, связанные с культом плодородия и человеческого жертвоприношения. Основными богами в ней, по-видимому, были: бог — солнце, выражавший мужское начало, то есть силу и мудрость, и богиня — луна, отвечавшая за плодородие, медицину, а также цикл жизни и смерти.

— Бог — солнце — это случайно не кот по имени Лью Длинная Рука? — спросил я.

— Лью, Лаф, Люд или более привычно — Люцифер, — согласилась Пат. — Только он не был котом. Если его представляли животным, то чаще всего козлом или быком. А вот богиня — луна была кошкой или крольчихой.

— А эта крольчиха, случайно, не носила имя Рианнон?

— Похоже, вы уже кое-что читали по этому вопросу, — засмеялась Пат. — Рианнон — лишь одно из ее имен. Ее звали также Бриджид, Гекейт, Мелузайн и так далее. Семитским придворным проституткам она была известна под именем Астарт, в Талмуде она описана, как ведьма Лилит. Ее можно встретить во всех арийских культах плодородия. В методических целях мы называем ее первородной матерью земли.

— Да-а, — сказал я. — Мне придется здорово потрудиться, чтобы запомнить все это!

— Называйте ее Рианнон, — посоветовала Пат. — Ни одна из сект не использует все имена, к тому же вы хотите себя выдать за уэльского сектанта, так ведь?

— Начинаящего сектанта, — заметил я. — Мы надеемся, что, если я сыграю свою роль убедительно, и Мерлин Плю возьмет меня под крылышко...

— Боже милостивый! — удивилась Пат. — Вы, случайно, не имеете в виду сумасшедшего хромого старика с каракулями в тетрадках?

Дядя Дей кинул на нее удивленный взгляд и спросил:

— Ты разве его знаешь, Пат?

— Несколько месяцев назад он заезжал сюда, — сказала она. — Старик привез свои сумасшедшие записи и хотел, чтобы мы их издали. Кто-то, кого я не смогла соответствующим образом отблагодарить, послал его ко мне! Он — большой чудак, может, даже на грани помешательства. Он принес несколько тетрадок, исписанных страница за страницей без-

смысленными закорючками, и утверждал, что это — Друидские руны.

— А почему вы считаете, что это не так? — спросил я.

— Потому, — объяснила она, — что мы имеем образцы всех рунических алфавитов. Это, чаще всего, набор символов из известных европейских языков. Руны варваров использовали смесь греческих, романских и этрусских символов и лишь несколько закорючек собственного изобретения. Содержали они чаще всего информацию о победе одного неумытого вождя над другим. Большинство так называемых «рунических камней» имеют такое содержание: «Здесь, Гарольд Синий Зуб, разбил череп Этилреда Грязного, во имя Вотана». Это еще одна из самых длинных рунических надписей, чаще всего там содержатся призывы вроде — «Подальше от чьих-либо владений!»

— Но вы говорите, что Плю принес несколько тетрадок с рунами.

— Не с рунами, а с каракулями. Там были алхимические символы, буквы еврейского и всего романского алфавитов. Эта писанина не имела никакого смысла. Воззвания к богам были там перемешаны с ничего не значащими фразами. Старик был в маразме, это точно. Он заявил, что ему пятьсот лет, а когда я сказала ему, что слова мудрости, которые он мне принес, не вполне подходят для университетской печати, он пообещал укусить меня глазом. Как видите, я еще жива.

— Он рассказал нам то же самое, — мрачно сказал я, — при этом его слова подтвердил детектор лжи!

— Патологический лгун может и такое, — кивнула Пат. — По правде говоря, я сомневаюсь, что он может представлять какую-нибудь опасность, но, если он принимает психоделические препараты или раздает их своим приверженцам, вы окажетесь в положении человека, попавшего в клетку с тиграми, Морган.

— Скорее в клетку с котом породы манкс, — усмехнувшись, добавил я. — Но, похоже, у меня нет другого выбора, он — наша единственная зацепка.

— А та старуха, Сибил Иванс?

— А как мне с ней быть? Постучаться в дверь и сказать:

— Добрый вечер, мадам, я бедный бродячий сектант и лишь недавно начал изучать черную магию. Позвольте ли вы мне присоединиться к вашей секте?

— Понимаю, понимаю, — улыбнулась Пат. — Но разве вы не можете провести расследование как-нибудь по-другому? Без такого большого риска?

— Мы уже использовали все старые методы, — возразил я, — и это никуда нас не привело. Все, с кем мы говорили,

настаивают на том, что не знают ничего ни о какой черной магии и никогда не видели Цинтию Пауэл. Если полицейские методы не помогают, придется действовать нестандартно.

— Я вас предупреждала, — сказала Пат Вагнер и, поглядев на часы, добавила:

— Библиотека скоро закроется. Если вы хотите получше изучить все эти вопросы, нам стоит поторопиться.

Домой я приехал где-то в 10.30, груженный пухлыми томами из университетской библиотеки. Открыв дверь своей холостяцкой квартирки, расположенной неподалеку от Седьмого управления, я бросил книги на кушетку в кабинете и принялся готовить себе кофе. Мне предстояло провести бессонную ночь в компании с научными трудами по черной магии и оккультизму. Когда кофе начал закипать, зазвонил телефон.

— Где ты был, Прайс? — послышался в трубке голос Сэма Брюстера. — Я весь вечер пытаюсь до тебя дозвониться.

— Я был у своего дяди, я о нем вам рассказывал. А что случилось?

— Половина нашего дела пошла прахом. Ты научился играть на своей арфе?

— Разучил пару аккордов, но борода еще жидковата.

— Сбрей ее к черту! Она тебе не понадобится. Старуха Иванс погибла.

— Боже! Сердце или кто-нибудь ей помог?

— Сгорела дотла. Пожарные только недавно добрались до ее тела. Дом вспыхнул сегодня вечером. Командир пожарной части утверждает, что пожар выглядел очень подозрительно: все вокруг дома воняет керосином!

У меня во рту появился нехороший привкус.

— Где вы находитесь? На пожаре?

— В морге, — сказал Брюстер и, вздохнув, добавил:

— Похоже, что вся моя работа в эти дни заключается в наблюдении за вскрытиями, которые дают идиотские результаты. Когда мы разговаривали со старухой, Прайс?

— Четыре или пять дней назад, а что?

— Попробуй отгадать, что мне только что сообщили анатомы.

— Теряюсь в догадках, — пожал плечами я. — Только не говорите мне, что она была мертва уже две недели.

— Более месяца, — с фальшивой нежностью сказал Сэм Брюстер. — Когда они вскрыли ее обугленное тело, то обнаружили, что внутренности у нее напрочь сгнили. Судебный эксперт считает, что труп либо забальзамирован, либо пролежал в леднике более тридцати дней! Как тебе это нравится?

— Я уже просил не говорить мне об этом, — вздохнул я. — Я вам нужен?

— Да. И не забудь прихватить с собой арфу.

— Мы начинаем сегодня?

— А ты считаешь, что необходимо подождать еще?

Я не стал думать о причинах такой спешки, пока не припарковал машину возле морга. Там, поглядев на часы, я увидел, что было около одиннадцати часов вечера. Через час должна была наступить полночь. Время ведьм.

Боттом — это часть города, расположенная к югу от Юнион Стейшен. Это старый, запущенный район, населенный бедными. По составу населения его можно было бы сравнить с Нью-Йоркским районом Вилладж.

Главной артерией здесь служила Чейнат стрит, покрытая трещинами, извилистая улица, по сторонам которой располагались грязные бары, кафе и магазинчики, которые, как мух, привлекают к себе туристов.

Я нашел Мерлина Плю в кабачке под названием «Плейс-ту-Лик». Это было не трудно. Цинтия Пауэл описывала это место, как кабачок, имеющий уэльские черты, а узнать Мерлина Плю с его экзотической внешностью и вовсе не составляло никакого труда. Он оказался куда страшнее, чем я его себе представлял. Он сидел за столиком неподалеку от двери в мужской туалет, а надпись на двери была на уэльском языке. Я не подозревал, что в нашем городе существует так много людей, способных читать на Кымриг.

Я решил, что это может быть хорошим поводом для разговора с барменом, так как в мои намерения не входило прямое знакомство с Мерлином Плю. поприветствовав человека, стоящего за стойкой, на Кымриг, я убедился, что он знает язык настолько, чтобы проворчать на английском:

— Я не знаю уэльского, черт тебя подери!

— Но ведь вы работаете в уэльском кафе.

— О, дьявол, я бы работал и в цыганской чайной, лишь бы хорошо платили. Хозяева купили всю обстановку этого кабака в Кардифе несколько лет назад. Им показалось, что деревянные панели создадут ему уникальную атмосферу. А они создают у меня лишь боль в пояснице. Знаешь, сколько мы зарабатываем на кофе и пиве, которые пьют эти бродяги? Ни хрена! Вот, сколько мы зарабатываем!

— А уэльсцы здесь бывают?

— Какие уэльсцы? Ты знаешь, сколько их тут живет по соседству?

— Не слишком много?

— Нисколько! А все эти хиппи до сих пор не понимают, чем уэльсцы отличаются от англичан.

— Ну, это уж слишком, — засмеялся я. — Я, вообще-то, хотел спросить о раббте.

Поглядев на мою «телын» в чехле, бармен спросил:

— Ты поешь народные песни?

— Что-то вроде этого, — соврал я. — Одна девушка, которая работала здесь, говорила, что она неплохо зарабатывала на пении Уэльских мадригалов.

— Это вы о Цинтии? Маленькой блондинке с кривыми зубами?

— Да, это она. А где она теперь работает?

— О, господи, разве вы не слышали?

— О чем? Я только недавно вернулся с Побережья.

— Цинтия мертва. Я слышал, что она перебрала наркотиков.

— Боже! — Я заставил себя изобразить на лице выражение ужаса. Это было не так уж трудно сделать, так как Мерлин Плю сидел совсем рядом и слышал весь наш разговор.

Бармен кивнул на мой сверток, вытирая тряпкой замасленное красное дерево:

— А на чем вы играете? На этой штуке?

— Это «телын дейрес», — сказал я погромче, чтобы слышал Мерлин Плю, а потом добавил для бармена, — что-то типа уэльской арфы.

— Арфа, говоришь? — он скептически хмыкнул, вытер еще что-то на своей стойке, а затем сказал:

— Не знаю, приятель...

— Я буду работать за чаевые, — поспешил перебить его я.

— В этом-то кабаке? Ты умрешь с голоду.

— А если нет? — настаивал я. — В любом случае, вы ничего не теряете.

— Ну, если так, тогда валяй.

Пока он не передумал, я поспешил развернуть свою «телын» и, подойдя к ближайшему свободному столику, поставил ногу на стул. «Плейс-ту-Лук» был наполовину пуст, но это не имело для меня никакого значения. Сделав над собой усилие, я сыграл пару фальшивых аккордов и запел на Кымриг «Человек из Гарлича».

Если бы я пел это в аналогичном заведении у себя на родине, все попадали бы от смеха и с позором выгнали меня вон. Но для американского уха язык звучал необычно. Я услышал, как один из сидящих рядом подростков сказал другому:

— Ого! Послушай-ка!

На что тот спросил другого:

— Что это за язык? Греческий?

«Человек из Гарлича» — чрезвычайно длинная песня, но я знал не очень много куплетов и в то же время не осмелился повторяться в присутствии даже одного слушателя, знающего Кымриг. Я поглядел на Мерлина Плю — тот, казалось, не замечал меня и что-то бормотал себе под нос, крутя в руках стакан с выпивкой.

Затем я спел «Красную розу Глендовера» и «Долгую ночь» безо всякой реакции с его стороны. Правда, остальная часть аудитории к тому времени стала неуверенно аплодировать.

Исчерпав весь репертуар из песен, которым меня научили в школе в Глынверде, я запел такую, которую мои учителя вряд ли одобрили бы. Я решил, что похабные куплеты «Дочери Ап Овейна», без сомнения, возымеют эффект на старика. Но, похоже, замечания дядя Дея насчет знания стариком Кымрига было оправдано. Плю продолжал спокойно сидеть и бормотать что-то себе под нос, глядя в пространство перед собой.

Я устроил перерыв и вернулся к стойке бара. Бармен оказался прав насчет чаевых. За пиво мне пришлось выложить свои собственные деньги.

Дождавшись, пока он меня обслужит, я небрежно спросил:

— Значит, тут не бывает уэльсцев?

— Угу, — ответил бармен. — Конечно, если какой-нибудь забредет в наши края, то куда ему деваться?

Засмеявшись, я осторожно поинтересовался:

— Мне кажется, что тот старик возле туалета — самый настоящий уэльсец.

— А, он? — сказал бармен, поглядев на Плю. — Это наш профессор. — Я думаю, тебе кто-то сказал, что он из Уэльса.

— Цинтия рассказывала мне о нем, — соврал я. — Она говорила, что он просил ее спеть что-то особенное.

— Да? — удивился бармен. — Не верю я этому. Может, она и говорила с ним пару раз, но обычно профессор много не болтает.

— Почему вы его так называете? — спросил я.

— Он писатель или что-то вроде этого. Не так давно он заявил одному из хозяев, что пишет книгу, которая сделает его знаменитым. Конечно, никто так и не увидел никакой книги. Но старик платит за свою выпивку и к тому же не пьет пиво. Его печень, по-видимому, сделана из чугуна, судя по количеству выпиваемого им шотландского виски. Интересно, что он никогда не пьянеет. Бывают такие старики: он может пить всю ночь и оставаться трезвым, как судья.

— А хозяева этого заведения уэльсцы?

— Только один из них. Его зовут Говер. Дейв Говер. А что? Хочешь поговорить с ним?

— Пожалуй, нет, — пожал плечами я. — Цинтия говорила, что ей удавалось зарабатывать здесь на хлеб, а у меня пока что-то не получается.

— Это потому, что ты парень. Это девчонки у нас нарасхват, а тобой вряд ли заинтересуется кто-нибудь из наших завсегдатаев. Мы стараемся, по возможности, не обслуживать здесь «голубых».

Прихлебывая пиво, я принялся обдумывать свой следующий шаг, но тут Мерлин Плю решил все за меня. Бросив на стол несколько монет, он поднялся на ноги и, не проронив ни слова, заковылял к выходу.

— Наверно, пошел работать над своей книгой, — сказал бармен. — У бедняги, похоже, здорово болит нога. Он неплохой мужик, и ему, вероятно, трудно все время ходить вот так.

Посмотрев на уходящего хромого старика, я заметил гротескную тень, которую он отбрасывал на посыпанный опилками пол. Его походка напоминала движения краба: больная нога в ортопедическом ботинке волочилась за здоровой. Интересно, — подумал я — с какой скоростью может передвигаться человек, который был хромым всю свою жизнь, и где он был сегодня днем.

Я решил было пойти за ним, но затем мне в голову пришла другая идея, и я направился к телефонным будкам. Набрав номер, который дал мне Пит Кастис, я услышал голос его жены. Представившись, я попросил позвать Пита, на что она ответила, что его нет дома.

— Да? — удивился я. — А вы не знаете, куда он ушел, миссис Кастис?

— Он сказал, что будет стоять возле какого-то бара в районе Боттом, — ответила она. — Кажется, он называется «Плейстублик». Он хотел наблюдать за каким-то подозреваемым.

Поблагодарив ее, я повесил трубку и, улыбнувшись, тихо прошептал:

— Сэм Брюстер, сукин сын, доверяй, но проверяй, да?

В эту ночь Пит Кастис вышел на квартиру Мерлина Плю. Он следовал за хромым стариком до многоквартирного дома возле железнодорожных складов, а несколько телефонных звонков дали нам всю остальную информацию.

Плю жил один в маленькой меблированной квартире на самом верхнем этаже. Он никогда не ел вместе с остальными жильцами и, как рассказала хозяйка дома, исправно платил за квартиру, причем всегда за неделю вперед. Кроме того, она сообщила, что он редко ночевал у себя дома. Белье в доме

меняли раз в неделю, и если бы оно у всех было таким чистым, как у «бедного старика Плю», то она могла бы это делать раз в месяц. В комнате у Плю стоял телефон, и хозяйка припомнила, что несколько раз слышала, как он разговаривал с кем-то на языке, «похожем на русский».

Брюстер установил за домом слежку. Не беспокоя Верховный Суд Соединенных Штатов, спокойно поставил подслушивающую аппаратуру на телефон Плю и сказал, чтобы я продолжал петь похабные уэльские песни в «Плейс-тү-Лик».

Я исправно выполнял его приказ, но в течение недели ничего не произошло. Для прикрытия я снял в районе Боттом комнату, но большую часть времени все же проводил в своей настоящей квартире за чтением книг, которые дала мне Пат.

Между тем Брюстер получил, наконец, сообщение из Кардифа касательно девицы Пауэл. Ее несколько раз, когда она еще училась в школе, задерживали за незначительные нарушения, но у нее *не было* и в помине никакой сестры, тем более близнеца!

Несмотря на то, что было трудно утверждать, является ли изрядно поджаренный труп, извлеченный из пепелища, телом Сибил Иванс, исследование ее зубов не оставило в этом ни малейших сомнений. В то же самое время лаборатория судебной экспертизы продолжала настаивать, что она была мертва чуть ли не за месяц до пожара.

Итак, в наших руках оказалось целых два зомби!

Мне пришлось опять заскочить в университет, чтобы поговорить с Пат о гуляющих по белому свету мертвецах и прояснить ряд других вопросов, от которых у меня уже «поехала крыша».

Я встретился с ней у дверей женского клуба, и мы отправились кататься на моей машине, чтобы, осматривая живописные части города, обсудить последние события. За городом и впрямь было хорошо, но меня заботили совершенно другие мысли. Мне казалось, что Пат была удручена последним поворотом событий даже больше, чем я. Я очень надеялся на то, что она поможет мне понять, как полуразложившаяся Сибил Иванс могла поить чаем троих детективов. Но Пат так и не смогла этого сделать.

— В легендах такое встречается очень часто, — размышляла она вслух. — Рассказы об оживших мертвецах есть почти в каждой культуре. Но, должна признаться: при мысли о том, что такое может произойти в действительности, у меня по спине начинают бегать мурашки. А не могли судебные эксперты ошибиться, Морган?

— Вряд ли, — ответил я. — Результаты вскрытия тела старухи гораздо надежнее даже по сравнению с девицей Пауэл.

Я имел с ними длинный и аппетитный разговор, в ходе которого они мне объяснили, что некоторые клетки нашего тела, которые, в частности, находятся в костной ткани и в печени, живут и после смерти человека. В случае с Цинтией Пауэл еще существовала вероятность, что введенный в ее организм формалин в комбинации с ядом произвел некий неожиданный эффект на ее печень. Но старуха была, без сомнения, мертва и давно мертва, когда мы втроем у нее пили чай!

— О, боже! — поежилась Пат. — А как она... ну... Как она выглядела, когда вы с ней разговаривали? Она была похожа на мертвую?

— Да, нет, черт возьми! Она была такой здоровой, как ты или я. Хотя, припоминая, она мне показалось немного бледной. Да, у нее на лице был толстый слой грима, котрым старухи пытаются скрыть свои морщины... А на голове у нее были розовые пластмассовые бигуди.

— Значит, ходили слухи, что она ведьма, ты говоришь, — нахмурилась Пат. — Существуют описания столь же жутких случаев. Да, ты знаешь. Ты прочел книгу Чарльза Форте, из тех, что я дала тебе в прошлый раз?

— А, это вещь о проклятых? Сборник рассказов и свидетельств о происшествиях, которые наука так и не смогла объяснить?

— Да. Именно эта книга. Мне нравится рассказ «О человеке, который пошел посмотреть на лошадей».

Я быстро припомнил, что она имела в виду.

— Это о французском вельможе, который вышел из кареты неподалеку от Парижа, решил пройтись вокруг упряжки лошадей, исчез и с тех пор его никто не видел.

— Да. Он был очень известным политиком и ехал с очень важной дипломатической миссией. Этот случай тщательно расследовался французскими секретными службами, но результатов они не получили никаких. Человек как будто растворился в воздухе среди белого дня, и до сих пор никто не знает, как и куда.

— Это было давно, — возразил я. — Полиция в те времена была гораздо хуже оснащена, чем сейчас. Было просчитано, что в наше время Джека-Потрошителя поймали бы через неделю. А тогда, во времена газовых фонарей, было вообще трудно говорить о какой-то криминалистике.

Проиригнорировав мои доводы, Пат спросила:

— А ты знаешь, что на Гаити до сих пор преследуется превращение человека в зомби? Закон этот действует, несмотря на то, что методы у тамошней полиции отнюдь не старше, чем ваши. Попробуй, к примеру, чего-нибудь там украсть.

— А у них были случаи обнаружения зомби?

— С освидетельствованием судебного эксперта — нет. Но в Вест-Индии найдется множество людей, готовых присягнуть, что собственными глазами видели тех, кто умер и был похоронен много лет назад. Потом можно, наконец, вспомнить известное свидетельство Марии Магдалины.

— Разве ты атеистка? — удивился я.

Пат пожала плечами.

— Преподавание сравнительной теологии делает человека циничным, а может быть, заставляет мыслить более широко. Нельзя, например, верить в разгуливающих по белому свету мертвецов, не веря в воскрешение из мертвых и в графа Дракулу. Он, без сомнения, был вымышленным персонажем, но что делать с вампирами, которых мы встречаем в многочисленных церковных летописях? Упоминания об оживших мертвецах можно найти и в Коране и в еврейской мифологии, взять, например, ведьму Эндора или Голема, а в египетской «Книге мертвых»...

— Ну, хватит, хватит! — смущенно засмеялся я. — В нашем случае должно было быть какое-то надувательство. Может быть, труп двигали при помощи какого-нибудь механизма, но...

— Разве Дейм Сибил была похожа на марионетку?

— Да нет, черт возьми! Но она, кроме того, совсем не походила на полусгнивший труп. Ты вроде бы говорила, что не веришь в подобного рода истории?

— Не верю, — ответила Пат. — Но даже, если бы и верила, то постаралась бы убедить себя в обратном! Ты представляешь, что бы произошло, если бы магия или сверхъестественные силы, о которых твердит доктор Райн, оказались реально существующими?

— Тогда и науку, и логику можно было бы выкинуть в мусорную корзину, — кивнул я.

— Ты имеешь в виду нашу науку и логику, не так ли? — покачала головой Пат.

— Разве я сказал не то же самое? — спросил я, а затем до меня дошло:

— А, ты хочешь сказать, что в этом случае ведьмы, колдуны и прочий подобный сброд займут место современных ученых мужей?

— А почему бы и нет? А может, и похлеще того...

— Что ты имеешь в виду?

— Вот, если бы ты был колдуном, я имею в виду — настоящим колдуном, ты бы давал объявления в «Таймс» размером во весь разворот или приберег свое могущество для себя?

— Я бы не поднимал шума, — подумав, сказал я, — и использовал бы свой мистический жезл только для того, чтобы создать камфорт для себя и своей семьи. Может быть, набросил бы несколько заклинаний на каких-нибудь отъяв-

ленных сволочей, которые попались бы мне на пути. Но чем я не занимался — так это саморекламой. Ведь быть сожженным на костре — штука чрезвычайно неприятная.

— И мне так кажется, — сказала моя спутница.

Некоторое время мы оба молчали, а затем я произнес:

— Ты знаешь, куда привел бы нас подобный способ мышления? Прямоком в сумасшедший дом! Может быть и существует ряд вещей, которые мы не можем объяснить, основываясь на науке и здравом смысле, но если мы не будем следовать логике, то окажемся в абсолютно непредсказуемой вселенной, к которой неприемлемы никакие законы.

— Некоторые люди слишком ленивы, чтобы мыслить логически, — вздохнула она.

— Они-то и составляют основу, на которой базируется оккультизм, разве нет?

— Оккультизм, религия и коммунизм, — улыбнулась Пат. — Мы очень ленивые существа, Морган. Мы все надеемся на то, что кто-то приподнесет нам счастливую жизнь на блюдечке, а разочаровавшись, слепо верим в «золотую рыбку» и в ее три желания. Вот, почему большинство так называемых магов и волшебников на поверку оказываются обыкновенными неудачниками.

— Ты говоришь «большинство», — заметил я. — Значит, ты думаешь, что кто-то может играть и пожестче?

— В доказательство вы имеете две необъяснимые смерти, — ответила она. — Во все времена встречались оккультисты, чья деятельность была опасной для окружающих. Колдовство не причиняет человеку вреда лишь до тех пор, пока тот, кого ты пытаешься превратить в лягушку, не начинает относиться к этому слишком серьезно. Были и другие, которые не гнушались и физическим насилием над людьми. Вспомним хотя бы «Синюю Бороду» или Фрау Вальпургус.

— Я читал «Признания Гилле де Рая», — поморщился я. — Неужели он в самом деле принес тех детей в жертву дьяволу?

— Или Люциферу Ясному, — она покачала плечами. — Трудно понять истинные причины, которые заставляли его делать это. Инквизиторы, которые его пытали, скорее всего, вложили ему в уста свои собственные идеи, изобретенные Церковью.

— Я думал, что Церковь и сатанизм — вещи совершенно противоположные.

— Именно! И вся беда в том, что люди, которые занимались исследованиями ведьм, сами были ортодоксальными теологами. Поэтому силы зла в их глазах, естественно, представлялись целиком противоположными тому, что они считали добром. Результатом явилось почти зеркальное отражение привычных норм богослужения. Ведь Черная Мес-

са — это не что иное, как обычная католическая месса, только задом наперед. Перевернутые кресты, молитва Господу, читаемая наоборот, прочие ребячества... К примеру, «Ковен-Рат» в знаменитом «Клубе Адского Огня» в Бате был ничем иным, как обычным публичным домом, в котором девочки были одеты монашками, и все это считалось страшной дьявольщиной. Некоторые секты немного лучше, некоторые — немного хуже, но, в целом, все это безвредно прекращается, когда кто-либо забеременеет или когда сектанты найдут себе другую забаву.

— Да! Я хотел кое-что спросить у тебя, — вспомнил я. — Я прочел все те книги, что ты мне дала, и знаешь, что? Они совершенно не согласуются друг с другом. К примеру, Краули говорит одно, Хьюзон — другое, а...

— Я же говорила тебе: детали здесь не так важны, — перебила она. — Опираясь на рассудок, ты пытаешься найти там некое стандартное поведение. Но люди, которые занимаются оккультизмом, не признают логики, Морган. Они, как дети. Если перепутать или опустить пару деталей в заклинании, которое и без того не работает, какое это имеет значение? И не все ли равно, что использовать, крыло летучей мыши или глаз тритона?

— Может быть, — кивнул я, — но тогда куда же отнести важных и знаменитых людей, которые в наше время проявляют интерес к оккультизму?

— Именно, «в наше время», Морган. Мы живем в мире, который может взлететь на воздух в любую минуту. Он изменится с кошмарной скоростью, и многие из тех принципов, которые были заложены в нас с детства, уже подверглись испытанию и были выброшены за борт. В таком сумасшедшем мире многие, совершенно естественно, пытаются найти для себя некий обходной путь. Нечто похожее происходило и в Средние века, когда свирепствовала чума. То, что великая охота на ведьм совпадает по времени с гибелью двух третей населения Европы от «Черной смерти», — вовсе не случайность. Позже, когда все вернулось «на круги своя», люди стали спокойно ходить в церковь и выслушивать там банальные проповеди. Оккультизм процветает только в лихолетье, а сейчас некоторые так напуганы, что даже посещают уроки каратэ!

— Восточные магические фокусы, которые дают нам ощущение превосходства над демонами ада? — засмеялся я. — Никого совершенно не интересует, почему мы выиграли вторую мировую войну, хотя половина нашего флота была уничтожена в первый же день, если японцы такие великие мастера сражаться.

— Гуру не принято задавать вопросов.

— И ведьме тоже?

— Особенно ведьме. Она может тебя сглазить. Неприлично выпрашивать о чем-то астрологов, медиумов и психиатров. Магия не сработает, если ты сомневаешься в ней, как Санта Клаус не оставит подарков под елкой, если будешь подглядывать.

— Ты думаешь, девица Пауэл и Сибил Иванс сомневались в могуществе своего лидера или продемонстрировали... Глупости! Эта версия тоже никуда не годится.

— Но ты хотя бы видишь, как это логично?

— О' кей. Будем рассуждать логически, но, черт возьми, в этой сумасшедшей путанице нет ни одной логической ниточки. Взять, к примеру, двух мертвых женщин, с которыми мы говорили, как будто...

— Давай-ка пока это опустим, — оборвала она. — Ты видишь, — это не к чему не приведет. Самое главное — узнать, какие фокусы применяет Плю и его компания. Между прочим, ты уже познакомился с ним?

— Отнюдь, — ответил я. — Он не обращает на меня никакого внимания.

— Ты думаешь, он что-то подозревает?

— Как? Прочел об этом в хрустальном шаре? Кроме того, старик большую часть времени находится почти в невменяемом состоянии. Бармен в «Плейс-ту-Лик» говорит, что он очень много пьет.

— Значит, это не белена или что-то подобное, — размышляя вслух, сказала Пат, — в смеси с алкоголем она может оказаться смертельной.

— Я сегодня опять попытаюсь, — заметил я. — Не знаю, получится ли... Если мы не сможем подобрать ключ к Плю, нам придется браться за это дело с какого-нибудь другого конца.

— И вы знаете, с какого?

— Нет Мы даже не знаем мотивов и, прошу тебя, не пытайся убедить меня, что эти психи думают не так, как мы с тобой. Я понимаю, что мы имеем дело, по крайней мере, с одним очень и очень опасным психом. Может, их и больше. Но даже психи имеют что-то, что, с их точки зрения, является мотивом. Даже Джек-Потрошитель имел какую-то мотивацию своих преступлений. Поэтому рано или поздно мы узнаем, с чем этот психопат связывает свои действия.

— Пока же, — засмеялась она, — ему удалось доставить, по крайней мере, одному инструктору женского клуба пару бессонных ночей!

— Добавь еще и нескольких полицейских, — поправил я. — Почему бы нам не отложить этот разговор и не перескучить где-нибудь. Если я пообещаю более не касаться оживших трупов и домов, которые прыгают с одного конца города на другой,

а затем загораются, ты сможешь поесть какие-нибудь китайские блюда? Я знаю неподалеку отсюда одно прекрасное местечко. Не знаю, как здесь мог очутиться китайский ресторан, но мы вполне могли бы воспользоваться этим обстоятельством.

— А они подают гренки с сыром, как их там... «Welsh rabbit»?

— Сомневаюсь. Разве ты так сильно любишь гренки с сыром?

— Хочешь, открою тебе тайну? Я всегда терпеть их не могла, даже когда думала, что они называются «...rarebit».

Вечером, когда я пришел в управление, я чувствовал себя немного лучше, чего нельзя было сказать о лейтенанте Брюстере. Он сидел, наклонившись над столом, и скалил зубы на какую-то бумагу, которую держал в руке. Пальцы другой руки нервно барабанили по столу. Напротив него, в кресле, располагался куривший сигарету Пит Кастис. По обилию окурков в пепельнице я понял, что он тоже далек от безмятежного состояния. Я кивнул куда-то в пространство между ними и сел на стул, стоявший рядом со столом Брюстера. Лейтенант глубоко вздохнул и спросил, хочу ли я узнать причину смерти Сибил Иванс.

— Какой смерти? — спросил я. — В день пожара или месяц назад?

— Это не смешно, черт возьми! — отрезал Брюстер. — Это невозможно, и в то же время ничуть не смешно!

— Ну, хорошо. От чего же умерла старая карга?

— От отравления угарным газом. Им были наполнены легкие и те остатки неизжарившейся крови, которые эксперты смогли найти.

Обдумав эту информацию, я сказал:

— Значит, она умерла во время пожара.

— За месяц до того, как ее дом сгорел, — добавил Сэм Брюстер, — и задолго до того, как мы трое беседовали с ней.

— Но ведь это невозможно, лейтенант.

— Да. Я это знаю и, ты это знаешь, а миссис Иванс — очевидно, нет. Как твои дела с Мерлином Плю? Борода твоя просто великолепна — она придает твоему лицу демоническое выражение.

— Пока только пою, — ответил я. — И еще читаю. Вы знаете, что в Республике Гаити оживление мертвецов предусмотрено законом?

— Бог с тобой, Прайс! — Брюстер даже хрюкнул от удивления. — Ты разве думаешь, что мы имеем дело с зомби?

— Я не знаю, что и думать, — ответил я. — Подобные случаи расследовались нормальными полицейскими, и многие из этих дел так до сих пор и не раскрыты. К тому же сам миф о зомби должен был начаться с того, как кто-то увидел ожившего мертвеца.

— А ты что думаешь, Пит? — сказал лейтенант, обращаясь к Кастису.

— А что я могу сказать? — пожал плечами чернокожий полицейский. — Я родом из Вирджинии, и все трупы, которые я до сих пор видел, никогда не оживали.

— Кастису пришлось немного побегать, — объяснил Сэм Брюстер. — Он обошел все похоронные конторы и морги.

— Зачем? — удивился я.

— Обе женщины были забальзамированы, помнишь? — сказал Пит Кастис. — Кроме того, судебные эксперты утверждали, что старуху довольно долго держали где-то на холоде. Не многие держат формалин или холодильники для трупов у себя дома.

— Теперь понятно, — кивнул я. — Нашел что-нибудь интересное?

— Узнал много нового об американском способе отправки на тот свет. Теперь я не думаю, что захочу когда-нибудь умирать. Скажу жене, что если она однажды найдет меня мертвым, то пусть помажет мое тело джемом и отдаст собакам. Это с одной стороны, а с другой — мои останки получат более благородную и достойную обработку. Вы знаете, что их вешают на крюки на стенах и засовывают в уши ледяные сосульки? Я чуть не проблевался, когда бродил по холодильнику, а голые трупы со стен разглядывали меня.

— Это было в отделении морга, которое составляет тела для медицинской школы, — возразил Брюстер. — Это были неостребованные трупы. С остальными так не обращаются.

— Да, они кладут их на лед и накрывают огромным листом туалетной бумаги. Большая разница! А знаешь, как они вынимают внутренности? У них есть такой большой крюк с резиновой ручкой...

— Брось, — перебил его Брюстер. — Главное, что ни из одного морга не пропал ни один труп. По крайней мере, они сказали, что ни один не пропал. Кстати, у Пита родилась идея насчет того, как тебе поближе узнать Плю.

— Я начну задирать его, а ты вроде как придешь ему на помощь, а? — сказал Кастис. — Вроде как спас от мордобоя. Может, тогда хоть поговоришь с ним.

— Немного примитивно, — возразил я. — Сейчас мы действуем в рамках закона. К тому же он достаточно стар, и если ты покалечишь его...

— Я калечу людей только тогда, когда хочу этого, — улыб-

нулся Кастис. — Кроме того, я могу падать, как актер на сцене: тебе достаточно только замахнуться, и я — бах, понятно?

Я начал обдумывать это предложение, а Брюстер прекратил барабанить пальцами по столу и сказал:

— Пожалуй, пока отложим этот вариант. Прайс, что у тебя с этой дамой, Вагнер, кажется?

— С Патрицией Вагнер? Ничего. Она работает инструктором в университете. Помогает мне в работе... А что?

— Ты не слишком ею увлекаешься?

— Я не сплю с ней, а какое ваше, черт возьми, дело?

— Меня интересует абсолютно все, все, что имеет хоть какое-нибудь отношение к этому делу, — сказал Брюстер. — Много ли она знает, и можем ли мы ей доверять, как ты думаешь?

— Ага, — засмеялся я. — Осталось только предположить, что Пат тоже ведьма!

— Лишь бы не была мертвой, — проворчал Кастис. — Эти ходячие мертвецы мне уже порядком поднадоели. Прайс, ты случайно не проверял ее пульс?

— Нет, — нахмурился я. — Но Сэм вроде навел о ней справки...

— Да, — подтвердил лейтенант. — И с твоим дядей тоже вроде все в порядке.

— Здорово! А я тоже в списке подозреваемых?

— Можешь не сомневаться, и эта мысль приходила мне в голову! — рассмеялся Брюстер. — Но, когда произошло первое убийство, ты был в седьмом управлении и вызвать тебя сюда было моей идеей. Поэтому спланировать все это ты просто не смог бы.

— Это был я, — вновь заворчал Кастис. — Мне наскучило безделье, и поэтому я решил оживить пару трупов, чтобы поиздеваться над полицией. На самом деле, я подпольный колдун, практикующий вуду.

Я улыбнулся и повернулся к Брюстеру:

— Но вы, кажется, забыли еще кое-что касательно миссис Вагнер и моего дяди, Сэм. Они ничего не знали о девице Пауэл и старухе, пока я им не рассказал об этом.

— Во-первых, она не мисс, а миссис Вагнер, — сказал Брюстер. — Во-вторых, она знакома с Мерлином Плю. Кроме того, она эксперт по оккультизму.

— Но постойте! — возразил я. — Я обратился к ней только из-за того, что она работает инструктором по сравнительной теологии. И это — совершенно естественно, что любой, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к оккультизму, может стать мишенью для сумасбродного Плю. Ведь он помешан на всем, начиная от гадания на кофейной гуще, кончая сатанизмом.

И тут до меня дошло:

— А разве Пат Вагнер замужем?

— Она вдова, — пояснил Брюстер. — Ее муж был мелким землевладельцем по имени Карл Вагнер, а ее девичья фамилия — Келлер. Она родилась в маленьком городке под названием Алендорф, с населением в три тысячи человек. В основном, это были немцы. Немецкие колонисты основали этот городок в начале века, и семья Келлеров была среди основателей. В юности она считалась местной красавицей, даже участвовала в конкурсе красоты, но не вышла в финал. Позже она нашла себе богатого мужа, уехала к нему на ферму и занялась хозяйством. Карл Вагнер умер от сердечного приступа шесть или восемь лет назад, а она поступила в университет. Судя по всему, университетская жизнь пришлась ей по душе, так как она осталась работать там инструктором после окончания учебы. Она имеет солидный банковский счет и в более доходном занятии не нуждается.

— И из-за этого всего вы ее подозреваете? Ее биография — это биография одной из многих средних американок, на которых и держится наше общество.

— О, да, несомненно! Она до сих пор продолжает дело своего покойного мужа, а недавно даже передала часть своей собственности католической общине. Она активно участвует во многих благотворительных обществах и даже финансирует театральный кружок для черных детей где-то в Черри Крик. Я говорил с пастором, и он о ней самого высокого мнения. Он считает, что эта белая дамочка действительно хочет помочь, а не строит из себя некоего высокомерного патрона. К тому же она потратила на это довольно приличную сумму. Дети имеют все, чтобы ставить Шекспира в черном варианте.

— Или Черную Мессу? — огрызнулся я.

— Думаешь, я не наводил справки? — засмеялся Кастис. — Ничего похожего. Она финансирует руководителя кружка, который специально для этого приехал из Нью-Йорка. Он баптист. Мне показали все их заведение, и я не нашел там ни одного черного балахона.

— А как насчет католической общины? — спросил я безо всякого интереса. Пат оказалась немного старше, чем я предполагал, и мне пришлось пересмотреть свои романтические мысли по отношению к ней.

— Она передала этой общине огромный викторианский особняк на Евегрин Парквей, — сказал Кастис. — Такие дома требовали для ухода целой армии слуг. Теперь там церковная школа для девочек. Миссис Вагнер купила его за бесценок и спокойно передала церкви.

— Интересно, — сказал я. — Мне казалось, что она достаточно цинично относится к религии. Если человек препода-

ает такой предмет, то, без сомнения, он будет скептически относиться к любому «рату».

— Да, — ответил Брюстер, — а что такое «рат»?

— Оккультное словечко, — засмеялся я. — Я же говорил вам, что занимаюсь самообразованием. Так вот, собрание друидов, ведьм, колдунов и прочих подобных бездельников называется «ковен». «Рат» — это место, в котором они проводят свои сборища. Это может быть поляна на Лысой горе, дом, выкрашенный в синий цвет, или церковь.

— Ей тридцать шесть, — заметил Сэм Брюстер.

— Что, что? — удивился я.

— Ты знаешь, о чем я говорю, — продолжал Брюстер. — Как только ты узнал, что она вдова, тебя как обухом по голове ударили. Ты что, помешан на девственности?

— О, Боже! Я же сказал, что у нас с ней чисто деловые отношения!

— Мне наплевать на твои отношения. Только не говори ей лишнего. Я ничего не имею против нее, Прайс, но женщина любит болтать, а с этим «ковеном», который мы хотим вывести на чистую воду, похоже, связано достаточно много людей. Если хотя бы одна из ведьм узнает, что ты на самом деле полицейский, — тебе придется туго.

Я начал было доказывать, что достаточно хорошо знаю Пат, чтобы доверять ей, но тут сообразил, что в действительности совсем ничего не знаю о ней. Поэтому я просто кивнул и сказал:

— Не беспокойтесь. С нашими темпами к тому времени, когда удастся проникнуть к ним, все тринадцать участников этого «ковена» будут мертвы.

Пит Кастис затушил сигарету, достал из пачки новую, зажег ее и сказал:

— А почему бы нам не попытаться взяться за это дело с другой стороны, Прайс. Плю — не единственный оккультист в этом городе. Недалеко от «Плейс-ту-Лик» есть магазин, который продает всякую магическую чертовщину. Видимо, в этом районе есть много людей, которым необходим этот товар. Если бы ты начал покупать всякие там крылья летучих мышей, пыль от древних мумий...

— Можно попытаться, — согласился я. — Плю вначале может оказаться их постоянным покупателем. Ты говорил, магазин этот рядом, на той же улице?

— Это место называется «Шоттл Боп», — кивнул Кастис. — Торгует там хорошенькая рыжеволосая девушка. Кажется, ее зовут мисс Меб.

Мы не успели обсудить этот вопрос. Селектор на столе шефа провозгласил, что в приемной ждет посетитель. Лейте-

нант спросил, кто именно, и с той стороны ответили, что приехал некто из Скотланд-Ярда.

Брюстер позволил впустить его. «Он» оказался женщиной, и вовсе не сотрудником Скотланд-Ярда. Мисс Хелен Клани приехала из Британского консульства и привезла для нас ценный кейс с документами. Ее манеры были превосходны. На вид ей было около двадцати пяти, и она была довольно симпатичной, если вам нравятся высокие худощавые блондинки.

Брюстер представил нас, а Кастис уступил ей свое кресло. Она села, открыла кейс и объяснила, что связывалась с муниципальной полицией Кардифа.

Среди бумаг, которые принесла Хелен Клани, оказалась медицинская карта Цинтии Пауэл. Оказалось, что незадолго до переезда в Америку она чуть не умерла в результате пустяковой операции, сделанной ей в Уэльсе.

— Девушка имела повышенную чувствительность к наркотикам, — объяснила мисс Клани. — Она впала в шок от местной анестезии и чуть не умерла по дороге в госпиталь. Им потребовалась целая ночь и барокамера с кислородом, чтобы вернуть ее к жизни. Ввиду таинственного заключения о смерти, которое вы так великодушно послали нам, мы решили, что вам может помочь эта дополнительная информация.

Брюстер задумчиво посмотрел на меня и спросил:

— Мисс Клани, вы не могли бы нам сказать, что это была за операция?

— Конечно. У нее была маленькая родинка на верхней губе. Для того, чтобы удалить ее, потребовалась всего лишь минута, но анестезия... Я сказала что-нибудь не так?

— Да нет. Вы просто окончательно отметили одну из наших версий, — лейтенант вздохнул. — Значит, родинка, которая была запечатлена на ее фотографии в паспорте, была удалена еще до приезда сюда, так?

Хелен Клани кивнула, на ее узком худощавом лице было написано удивление. Сэм Брюстер поднял телефонную трубку, пыхтя набрал номер и через некоторое время сказал:

— Я бы хотел поговорить с доктором Макальпином.

Девушка бросила на меня вопросительный взгляд.

— Городской морг, — шепнул я.

— Аллю, Сянди? Это Брюстер. Ты еще держишь девицу Пауэл? Хорошо. Ты мог бы кое-что проверить для меня. Попробуй уточнить, если это еще возможно, есть ли у нее на верхней губе хирургический шрам. Есть сведения, что некоторое время назад ей была сделана косметическая операция. Шрам может быть едва заметен. Что? Ах, операция? Ей удалили родинку.

Некоторое время он барабанил пальцами по столу, а затем сказал:

— Черт. Извините, мисс Клани.

— Он попробует электронный микроскоп, — вздохнул Брюстер, повесив трубку. — Но он не уверен, что обнаружит что-нибудь, если только эта штука имела корни. Проклятье, как мне хочется разобраться, наконец, с этим трупом!

— Мы считаем, мисс Клани, — сказал я, — что имеем дело с так называемым «дублем».

— С кем?!

— С дублем. Это оккультный термин, но у него может быть вполне рациональное объяснение. Считалось, что немецкие колдуны в средние века были способны создавать призрачных двойников, которые могли действовать, как реальные люди. По поводу призраков я, конечно, сомневаюсь, но двойник в этом случае объяснил бы многое.

— Я, кажется, говорила, что у нас нет сведений о том, что мисс Пауэл имела сестру — близнеца, — сказала девушка из консульства. — Но я не исключаю, что кто-то мог быть очень похожим на нее. Она была обычной современной девушкой, которая ничем не отличалась от остальных, разве что чересчур длинными зубами. Многие девушки в соответствующем гриме вполне могли сойти за нее, если бы в этом была необходимость.

— А у меня есть другая версия, — сказал Кастис, но затем покачал головой и добавил:

— Нет, забудьте об этом.

— А ну, рассказывай, Пит, — потребовал Брюстер.

Чернокожий детектив пожал плечами и сказал:

— Никто, кроме нескольких из нас, не разговаривал с девочкой в ту ночь, и даже мы не видели ее после этого разговора до самой смерти. Мы не сфотографировали ее, а, как говорит мисс Клани, вся молодежь — на одно лицо.

— Но она должна была быть из Уэльса, — возразил Брюстер.

Теперь был мой черед.

— Не обязательно, Сэм. Меня тогда не было в деле, откуда мог Пит знать, является ли ее акцент уэльским? Я — единственный полицейский в штате, говорящий на уэльском языке, а для американского уха этот акцент ничем не отличается от акцента западных штатов. Поэтому я не вижу возражений против гипотезы Пита о том, что ему подставили какую-то молодую потаскуху с лошадиными зубами.

— Не горячитесь, — засмеялись Хелен Клани и добавила:

— Хотя он, конечно, прав. Никто из янки не способен отличить британскую горничную от графини. Некоторые эпизоды в ваших голливудских фильмах бывают весьма забавны для нас.

— О' кей. А как насчет старухи? — возразил Кастис. — Дейм Сибил отнюдь не была молодой потаскухой с лошади-

ными зубами. Она была пухлой маленькой старой леди. И сколько же может существовать этих «дублей»?

— Это, должно быть, та старая уэльская женщина, которая погибла во время пожара, — нахмурившись, спросила Хелен Клани, — Сибил Иванс?

— Да, — кивнул Брюстер. — На нее есть что-нибудь?

— Неофициально. Ведь она получила американское гражданство. Но мы, безусловно, поинтересовались. Эта женщина соврала иммиграционной службе в одном: в Уэльсе она преследовалась за уголовное преступление. Делала нелегальные аборт.

Брюстер потянулся было к телефону, но затем сказал:

— Нет. Если бы она была беременна, то об этом было бы сказано в рапорте о вскрытии.

— Я полагаю, вы имеете в виду девушку Пауэл, конечно, — сказала Хелен Клани.

— Да, — ответил Брюстер. — Она могла пойти к старухе и... Нет, подождите-ка, Сибил Иванс умерла до Цинтии Пауэл.

Хелен Клани, естественно, начала возражать. И также, естественно, Сэм Брюстер поведал ей о загадочных заключениях судебных паталогоанатомов, и она, опять таки — естественно, отказалась поверить в то, что кто-то может оказаться мертвым до своей смерти.

После этого мы просидели еще некоторое время в кабинете Брюстера, и, глядя на часы, лейтенант спросил о моих планах на вечер. Я сказал ему, что намереваюсь посетить «Плес-ту-Лик» и магазин магических принадлежностей. Затем, уходя, я сказал Хелен Клани, что был рад познакомиться с ней, а она протянула мне руку и сказала:

— Ваша фамилия раньше была Ап Райс, не так ли?

— Это было много лет назад, — утвердительно кивнул я. — Теперь ее больше никто так не произносит.

— Кроме Лорда Глиндиверта, — улыбнулась она. — Вы, несомненно, знаете его?

— Знаю, кто он, — ответил я. — Он был нашим лендлордом в Уэльсе. Нас к нему не допускали.

— А я-то думала, что вы его родственник.

— Приблизительно такой же близкий, как вам Макферсон Клани.

— Господи, это не так уж близко, да?

Брюстер, все это время исподлобья разглядывающий нас, наконец, спросил, о чем это мы беседуем.

— Это разговор двух британских земляков, — засмеялась Хелен Клани. — Как только мы встречаемся, то начинаем сравнивать наших отдаленных знатных родственников. Отдаленный родственник в Палате Лордов дает почти столько же очков, сколько в родовом поместье.

— А я думал, привилегированный граф несколько превосходит привидение, — улыбнулся я.

— Вот уж вряд ли, — сказала Хелен Клани. — Почти у каждого есть какой-нибудь дядюшка — лорд. А поместье стоит денег.

— Но ты вроде бы говорил, что Пауэл — королевская уэльская фамилия? — спросил Кастис, смерив меня задумчивым взглядом.

— Да, когда она выглядела, как Ап Ховел. А что? Ты считаешь, что Цинтия Пауэл имеет дядюшку в Палате Лордов?

— Стоит проверить, — ответил Кастис. — Если окажется, что она какая-нибудь забытая наследница...

— Я очень в этом сомневаюсь, — вмешалась Хелен Клани. — Ей не повезло с родителями. Ее мать была обычной работницей на фабрике в Кардифе, а отец — «неизвестным солдатом». Знаете ли, что вы, янки, помогли нам не только выиграть войну, но и еще кое в чем.

— А этот «неизвестный солдат» имеет имя? — спросил Кастис.

— Боюсь, что мы вряд ли сможем узнать его, — ответила девушка из консульства. — Такие вещи случаются во время войны, и наша администрация не считает необходимым беспокоить по пустякам своих союзников.

— Но если вы постараетесь! — настаивал Кастис.

— Не обижайтесь на Пита, мисс Клани, — засмеялся я. — Ему платят за его подозрительность, вот он и выслуживается. Что ты теперь хочешь узнать, Пит?

Кастис пожал плечами и сказал:

— Сам не знаю. Но когда ты не можешь собрать мозаику, хочется удостовериться, все ли ее части у тебя под рукой.

— Ладно, я постараюсь узнать, — сказала Хелен Клани. — Может быть, где-то осталась запись фамилии ее отца. Кроме того, попрошу их покопаться поглубже в истории ее матери. Она могла убежать из дома, а это открывает разного рода неожиданности, не правда ли?

— Ну, ладно, — фыркнул я. — Вы поразвлекайтесь, а мне пора увидеться с человеком из «ковена».

В тот вечер, когда я зашел в «Плейс-ту-Лик», Плю там не оказалось, но меня позвал бармен и спросил:

— Знаешь того мрачного старика — профессора?

— Ну?

— Так вот, он хочет поговорить с тобой. Сказал, что будет ждать тебя на улице. Видимо, хочет сказать тебе что-то очень важное.

— Интересно, что же он хочет? — пожал плечами я и как бы невзначай добавил. — А где именно мы должны с ним встретиться?

— На церковном дворе, — ответил бармен. — Видел старую кирпичную церковь возле реки? Кажется, ее называют Церковь четырнадцати Святых Мучеников.

— Я найду ее, — сказал я. — А когда он будет там?

— Он ждет тебя. Сказал, что будет там до тех пор, пока ты не придешь. Что происходит, парень? Ты что, шантажируешь старого гусака?

— Разве я похож на шантажиста?

— Не знаю. А как выглядят шантажисты? Хотя все это — не мое дело. Люди зарабатывают деньги так, как они умеют, правильно?

— Я предпочитаю свое дело, — проворчал я и повернулся, чтобы уйти. Когда я был почти у самой двери, он крикнул мне вслед:

— Передай профессору, что его опять спрашивал тот парень.

— Какой парень? — спросил я.

— Обыкновенный парень. Немного сонный на вид, как сейчас припоминаю. У него было такое бледное лицо, как пупок у лягушки.

— Он был белый?

— Конечно, а ты думал кто — негр?

Я сказал, что передам, и вышел на улицу.

Поиски Церкви четырнадцати Святых Мучеников не отняли много времени, но искать Мерлина Плю пришлось значительно дольше.

Было уже поздно — и церковь была закрыта. Свет не горел, а когда я попытался открыть дверь, она оказалась запертой. Я постоял немного в надежде, что Плю сам подойдет ко мне, но переулок, в котором находилась церковь, был пустынным. Затем я решил обойти вокруг церкви, чтобы найти какой-нибудь другой вход, и, обходя, обнаружил себя в маленьком церковном дворе со множеством надгробных плит из тонких пластин песчаника, который использовали для этой цели в Викторианские времена. Могилы обильно заросли травой и деревьями, а некоторые надгробья упали на землю. Было похоже, что в наше время это мало кого интересовало.

Поиски черного хода были тщетны. Когда я собрался было вернуться, где-то рядом раздался скрипучий голос:

— Ты тот самый парень из кабака, так?

Я не сразу сообразил, что со мной говорили на Кымриг.

Вглядевшись в темноту, я различил темную фигуру человека, сидящего на упавшем надгробии, и ответил на том же языке:

— Я Овейн Арфист, а ты кто, земляк?

— У меня много имен, — ответил сидящий на надгробье человек.

— Если хочешь, можешь называть меня Мырдин Странствующий.

Идея дяди о том, что Плю не был уэльсцем, рассыпалась в прах. Я направился по заросшим травой могилам к старику и остановился только тогда, когда смог ясно различить его. Затем, опять на Кымриг, я сказал:

— Мне кажется, что я видел тебя раньше, Мырдин Странствующий. Кажется, в таверне неподалеку отсюда.

— Ты очень плохо поешь, — ответил Плю. — Но ты из Уэльса, и плечи твои — плечи шахтера. Ты приехал в эту страну потому, что тебе не нравятся шахты?

— Ты пригласил меня сюда для того, чтобы добывать уголь? — уклонившись от ответа, спросил я.

— Меня преследуют, — сказал старик. — Меня преследуют, и я боюсь этого. Убить меня невозможно, причины этого я, может быть, раскрою тебе позже, но боль же становится все нестерпимее по мере того, как наша плоть становится старше.

— Человек из таверны сказал, что туда кто-то заходил и спрашивал о тебе.

— Ага, значит, я был прав, что не пошел туда, не так ли? Хозяйка дома, в котором я живу, рассказала, что ее тоже выпрашивали обо мне. У тебя есть на примете какое-нибудь убежище?

— У меня есть комната неподалеку, — ответил я. — Но ты все еще не рассказал мне, почему я должен помогать тебе, Мырдин Странствующий.

— Почему, говоришь? Во имя Рианнон, ты обязан мне помочь! Если тебе нужны деньги, у меня достаточно этого дерьма, чтобы купить твои услуги. Для таких, как я, деньги — не проблема. Сколько тебе нужно этой грязи, чтобы спрятать меня?

— Нисколько, — сказал я. — Мне достаточно имени Матери Рианнон. Мой «рат» в твоём распоряжении, Мырдин Странствующий.

Долгое время, пока старик разглядывал меня своими хитрыми прищуренными глазами, мне казалось, что я перегнул палку. Затем он осторожно спросил:

— Значит, ты следуешь старым традициям?

— Моя мать их хорошо знала, — ответил я. — Я знаю об этих силах лишь столько, чтобы уважать их, не более.

— Я могу показать тебе кое-что, — проскрипел старый колдун и, протянув мне свою костлявую руку, добавил:

— Помогни мне подняться, парень. Нам надо скрыться до того, как они найдут это место.

Я взял его за локоть, и мы вышли из церковного двора. По пути в мою конспиративную квартиру я спросил, что случилось с его ногами, сделав вид, что только что заметил его хромоту.

— Это «испанский сапог», — сказал он. — Прошло очень много времени, и все остальное зажило, но они так сильно закрутили тогда болты, что раздробили все до единой кости в моей бедной ноге. Да, это были жестокие времена, парень, и я был страшно рад, когда они закончились. Так-то!

Я кивнул и не стал спрашивать, кто именно раздробил его ногу в «испанском сапоге». Я боялся, что он мне ответит.

Он рассказал мне об этом позже, когда мы пришли в мою комнату. Я предложил ему сесть на грязный матрац, и, пока я варил кофе, он поведал длинную и запутанную историю о том, как его пытали католические священники во времена Испанской Инквизиции. Удержав на лице безучастное выражение, я спокойно сказал:

— Вы выглядите гораздо моложе своего возраста, земляк.

— Знаю, знаю, — сказал он, — но мои силы откладывают неизбежное. Мудрейшие из нас рано или поздно умирают. Но, если только они не доберутся до меня, я вполне могу прожить еще лет пятьсот. Соглашение было на тысячу.

— Тысяча — это здорово! — ответил я.

— Мне тоже так казалось в тот день, когда я продал душу дьяволу, — сказал старик. — Ты бы очень удивился, парень, если бы узнал, как быстро летит время. Кажется, только вчера я был молодым симпатичным оруженосцем при дворе Ллевелина.

— Ллевелина Мора, конечно?

— Конечно. Я был очень молодым тогда, чтобы помнить Ллевелина Гwynнета.

Казалось, он сам верил в то, что говорил.

Даже будучи профессиональным следователем, я с трудом мог понять ту путаницу, которую он вылил на меня, когда мы пили кофе, переходя с Кымриг то на английский, то на что-то, похожее на испанский. Теперь я понял, что имела в виду Пат, рассказывая о разговоре со стариком. Если бы не книги, которые она дала мне почитать, я бы абсолютно ничего не понял. Он закончил свое повествование тем, что его преследуют враги и он собирается крайне жестоко расправиться с ними. Затем, попросив у меня бумагу и карандаш, он отложил свою чашку и принялся писать какой-то список, ругая между делом бездарных американских колдунов и их цыганские заклинания. Я решил не спрашивать его о том, что общего имеют янки и цыгане. Наконец, он подал мне свой листок и сказал:

— Ты можешь раздобыть все это в «Шоттл Боп». Знаешь это место?

— Конечно, — сказал я. — Но мне понадобится немного денег, не так ли?

— Скажи Меб, что тебя послал я, — ответил он. — Меб знает, что мне можно доверять. Но не вздумай рассказывать о моем поручении кому-нибудь другому, парень! Мы оба находимся в страшной опасности до тех пор, пока я смогу необходимым образом прочесть заклинания!

Я предложил располагаться ему поудобнее и покинул его, надеясь, что в мое отсутствие он не превратится в лягушку.

«Шоттл Боп» располагался всего лишь в одном квартале от моей конспиративной квартиры. Он оказался абсолютно пустым, за исключением симпатичной молодой рыжеволосой продавщицы в красной блузке и куполообразной юбке.

Я вручил ей список, она прочла его, нахмурилась, а затем сказала:

— Похоже, вы влюбились!

— Это все для старика Мерлина Плю, — буркнул я. — Он сказал, что вы его знаете.

— Знаю. Это мешок с дерьмом, — ответила девушка по имени мисс Меб. — Я торгую для таких, как вы, идиотов, не по идейным соображениям.

— Я заплачу, — сказал я.

— Это другое дело, — смягчилась мисс Меб и, держа список в одной руке, начала рыться на полках позади прилавка.

— Три гвоздя от гроба, крест из ствола рябины, корень фиалки, иссоп и «рука триумфа», — бормотала она, выкладывая каждый названный предмет на прилавок. Меня поразила казавшаяся настоящей высушенная человеческая рука.

— Боже! Что это!

— «Рука триумфа». Прошу вас, не упоминайте в этом магазине конкурента.

Когда Меб снова повернулась к полкам, я с содроганием взял этот мерзкий предмет, чтобы лучше рассмотреть его. На ощупь рука оказалась маслянистой, и я легко смог различить ногти на пальцах. Они казались настоящими, и под каждым из них оказалась вбита деревянная щепка.

— Она выглядит настоящей! — сказал я. — Где вы ее взяли?

— По идее, рука должна быть от трупа повешенного преступника, — сказала Меб. — А поставляют все это, скорее всего, из Индии. Гвозди от гроба — самые настоящие. Получаем их от парня, который работает в компании, занимающейся строительством дорог, во время прокладки которых они срывают множество старых кладбищ. Плю не написал, лягушачья кожа должна быть свежая или сухая?

— А какая лучше?

— Ну, конечно, свежая, если вы разбираетесь в этом дерьме. Правда, она стоит подороже.

— Тогда возьмем свежую лягушачью кожу.

— Считаете, что будет лучше, если немного раскошелиться? Так, бутылка с менструальной кровью завершает список. Все?

Поборов искушение узнать, как они раздобыли последний предмет, я спросил:

— У вас есть в продаже клейкая лента?

— Вы, должно быть, шутите?!

Я заплатил за эти странные припасы, и Меб положила их в коричневый бумажный пакет. Покупка обошлась мне в тридцать долларов с мелочью. Уходя, я посетовал на дороговизну магии.

— А вы думаете, почему я занимаюсь этим глупым бизнесом? — спросила меня в ответ рыжеволосая продавщица.

Покинув «Шоттд Боп», я зашел в аптеку на углу и купил небольшой блокнот, рулон липкой бумаги и маленькую коробочку черной пудры, которую обычно используют только негритянки.

Потом я пошел в расположенный неподалеку бар и заперся там в туалете. Сидя на толчке, я положил свой пакет на пол между ног и достал «руку триумфа». Положив ее себе на колени, я оторвал от рулона пять кусков липкой ленты и каждый прижал к одному из высушенных пальцев, загоня пластик как можно дальше в морщины на поверхности сухой плоти. Оставив ленту на пальцах, я достал блокнот и черный порошок. Насыпав порошок на один из листов бумаги, я отлепил ленту с указательного пальца высушенной руки и слабодунул на порошок. Держа ленту липкой стороной вверх, я затем посмотрел на результаты своей работы. Свет в кабинке был тусклый, но вполне достаточный для того, чтобы понять, что отпечаток вполне подойдет для экспертизы по методу Гальтона. Приклеив ленту к чистому листку бумаги, я проделал то же самое с оставшимися четырьмя пальцами и спрятал полученные мною отпечатки подальше.

Оставив липкую ленту и пудру в кабинке, я вышел на улицу. Интересно, — подумал я. — Как воспримут посетители ирландского бара негритянскую пудру в мужском туалете?

Перепуганный колдун, творящий защитные заклинания, — крайне интересное зрелище. Но если вы дорожите своей мебелью, попросите его творить их в каком-нибудь другом месте.

Проверив содержимое пакета, Мерлин Плю со зловещей усмешкой вытер поверхность комода и на его темной полировке куском голубого мела начертил огромную, немного ко-

собокую пентаграмму. Затем он стал рисовать алхимические символы, еврейские буквы и то, что он называл руническими знаками, по всему периметру.

Он попросил у меня «турибл» и, когда я сказал, что потерял его, заявил, что подойдет простая чашка.

Я дал ему треснувшую чашку, он стал разливать туда гадость, которую я притащил ему из «Шоттл Боп», напевая при этом что-то на неизвестном мне языке. Наполнив чашку до краев, старик попросил меня выключить свет и зажечь спичку. Когда свет потух, Плю зажег содержимое чашки. Жидкость вспыхнула зловещим зеленым пламенем.

Поставив горящий «турибл» на центр нарисованной им звезды, он перенес свое внимание на «руку триумфа». Он положил ее ладонью вверх на комод и достал из складок своей бесформенной одежды что-то, напоминающее длинный костяной пенис. Затем он начал забивать в ладонь «руки триумфа» гвоздь от гроба, используя свой мерзкий жезл в качестве молотка. Он заявил, что очень важно, чтобы каждый гвоздь был забит тринадцатью ударами и при каждом ударе должно быть произнесено имя одного из демонов. Это было необычайно драматическое зрелище: волшебный огонь, бросающий на стены зеленые блики, зловещие тени в углах и старый колдун, нараспев шепелявящий: «Сатана! Сет!» и так далее, по мере вдальблывания гвоздей из гробов в высушенную руку.

— Ну вот. Это задержит их, — сказал он, вбив в ладонь последний гвоздь и поставив руку в центр пентаграммы.

Взяв в руки крест, он поджег его от пламени в треснутой чашке и, используя крест как лучину, коснулся им щепок, загнанных под ногти высушенной руки. Пальцы мгновенно загорелись, и я был поражен скорости, с которой горела сухая человеческая плоть.

Старик опять зашипел:

— Пусть черви ада ползут по твоим живым мозгам! Пусть волчицы Фреи вырвут кровоточащие кишки из твоего брюха! Пусть огромная муха Вельзевула отложит яйца в твоих глазницах, чтобы личинки съели твой мозг! Пусть твоя кожа вывернется наизнанку, чтобы волосы коснулись кровоточащей плоти! Только тогда ты сможешь вечно и без отдыха лежать в самой глубокой серной яме в сверкающем королевстве нашего Владыки!

После этого, когда на высушенной руке не осталось пальцев, а в голове старика — идей, он сел на матрац и, вздохнув, сказал:

— Теперь, Овейн Арфист, ты можешь быть спокоен. Я отослал пущенных ими духов сожрать их собственных хозяев!

— Значит, мы теперь в безопасности?

— Да, да, конечно! Это послужит им уроком, если, конечно, они выживут и сделают надлежащие выводы!

— Но ты так и не сказал, кто они, земляк.

Старик посмотрел на меня исподлобья и пробормотал:

— Так и я не знаю, парень. За пять сотен лет у человека появляется множество врагов.

— Значит, ты даже не знаешь, кто преследует тебя, — удивился я. — Так, откуда ты знаешь, что остановил их?

— Откуда, говоришь? Эх, парень, разве ты не видел, как я только что отбросил на них их же руны?

Я задумчиво посмотрел на грязь, которую он развел на комод. Зеленое пламя в чашке погасло, оставив после себя черную вонючую массу. Комната была тускло освещена дгорающей «рукой триумфа», невыносимо воняло креозотом, а в тусклом свете можно было различить лежащие на комод кости, оставшиеся от сгоревшей плоти. Один из раскаленных гвоздей упал на пол и тускло светился там.

Я сказал, что так мы можем сжечь весь дом, на что Плю пожал плечами:

— Тогда затуши все это и зажги свет. Я же сказал — дело сделано.

Я смел тлеющую «руку триумфа» в мусорное ведро, вылил на нее остатки кофе и мы остались в полной темноте. Ругая себя за собственную глупость, я на ощупь добрался до выключателя. Включив свет, я повернулся, чтобы сказать: «Так-то лучше». Но лишь застыл, глядя на помятый матрац. Волосы у меня на голове зашевелились от ужаса и удивления.

Мерлина Плю в комнате не было.

Я был один!

— Я могу предложить десяток версий о том, как он сделал это, — говорил Пит Кастис, когда мы в кабинете лейтенанта Брюстера по второму кругу обсуждали произошедшее со мной событие.

— И я могу предложить, — сказал я. — Но тогда мне и в голову не могло прийти, что он выкинет такой фортель. У меня до сих пор поджилки дрожат, как вспомню. Похоже, что этот старый придурок — юркий, как уж на сковородке! Я, конечно, тотчас выбежал в коридор, но его и след простыл.

— А как насчет окна? — спросил Брюстер, грустно грызя незажженную сигару.

— Прыжок со второго этажа с искалеченной ногой? — пожал плечами, спросил я.

— Но мы ведь не знаем, хромой он на самом деле или нет, — возразил Брюстер.

— А вот и нет, знаем, шеф, — виновато улыбнулся Кастис. — Я забыл рассказать вам, что старый козел, еще будучи в Англии, провел некоторое время в Дартмуре. Тюремное медицинское обследование показало, что болезнь его ноги врожденная, поэтому с рождения обладая хромой ногой, он мог ею пользоваться гораздо лучше, чем вы думаете.

Мы с Брюстером переглянулись, лейтенант улыбнулся и спросил у Кастиса:

— Где же ты раздобыл эту информацию, Пит?

— Мне передала ее мисс Клани из Британского консульства. Она помогает нам в этом деле, и хорошо помогает.

— Да? — прорычал Брюстер, — И кто же из вас верховодит?

Лицо чернокожего детектива стало похожим на лицо индейца, и он тихо сказал:

— Ты возьмешь свои слова назад, не так ли, Сэм?

— Эй, Пит! Ну, я же пошутил!

— Я не люблю такие шутки, Сэм. Я уже рассказывал тебе, что приехал с Юга, и когда был подростком, одного моего дядю за такую шутку линчевали. Поэтому она мне вовсе не кажется смешной.

— О' кей, я извиняюсь. Доволен?

Кастис не ответил.

Чтобы нарушить паузу, я сказал:

— А как насчет тех отпечатков, которые я снял, Пит? Есть какие-нибудь новости?

— Отпечатки, вроде, получились ничего, — пожав плечами, сказал он. — Мы послали ксерокопию в Вашингтон. Правда, если дама из «Шоттл Боп» не врет по поводу происхождения этой руки, Вашингтон нам вряд ли поможет. В их картотеку внесены отнюдь не все калькуттские воры.

— Это будет долгое дело, — хмыкнул Брюстер, довольный, что переменили тему: я знал, что он долго не будет упоминать имя Хелен Клани.

— Если Плю подвергался уголовному преследованию в Британии, то ему не могли дать американского гражданства и даже визы в Соединенные Штаты. Значит, он приехал по поддельной визе!

— Скажу больше, — добавил Кастис, — иммиграционная служба не имеет сведений об его въезде в страну по какой-либо визе. Может, он прилетел сюда на метле?

— Существует дюжина различных путей, — сказал Брюстер. — За какие проделки он сидел?

— Мошенничество, — сказал Кастис. — Это было еще до войны. Он работал тогда с каким-то спиритистом и вытряс из некой богатой вдовы кучу денег. Без сомнения, старик имеет

квалификацию циркового фокусника. Если Плю захочет, он может производить самые разнообразные эффекты. Так случилось, что приведение, которое он показал вдове, оказалось проекторным изображением. Правда, так и не удалось понять, как он подделал все остальное. Если бы он выступал на сцене, то купался бы в золоте.

— Мне показалось, что он почти сам верил в то, что делал, — сказал я. — К тому же детектор лжи подтвердил его признание о том, что ему пятьсот лет.

— Значит, у него маразм, — вздохнул Брюстер, — или, может быть, такое мощное самообладание, что детектор лжи не состоянии определить ложность его высказываний. Такое бывает. Индийские йоги, например, могут контролировать частоту своего пульса и дыхания. Кстати, он не упоминал девицу Пауэл, а?

— Нет, — ответил я. — Он не такой простой, как кажется. Он только прикидывается маразматиком, я уверен. Может, он и верит немного в эти свои уловки, но чтобы вот так исчезнуть, он должен был рассчитать свои действия! Ведь не растворился же он в воздухе!

Брюстер взглянул на Кастиса, пожевал свою сигару и спросил:

— Ты уверен, что он вернулся в свою квартиру?

— Утром он был там, — кивнул головой Кастис. — Он вышел около девяти и направился в Боттом. Я потерял его след где-то без четверти десять. Он зашел в административное здание, которое имело несколько выходов.

— Этот старик соображает, — хмыкнул Брюстер. — Может, он заходил к кому-нибудь в этом здании?

— Я узнаю, снимают ли там помещение цыганские гадалки. Но сомневаюсь, что найду кого-нибудь. Он мог зайти в этот дом по разным причинам. Например, к своему доктору или зубному врачу, а может, просто для того, чтобы срезать дорогу.

Брюстер кивнул и, повернувшись ко мне, спросил:

— Что теперь, Прайс?

— Хороший вопрос, — сухо ответил я. — Я думаю, лучше всего мне будет вернуться в «Плейс-ту-Лик» и посмотреть, что будет дальше. Про административное здание я ничего знать не должен.

— Ты думаешь, он подойдет к тебе?

— Кто его знает! Но он так старается произвести на меня впечатление...

— Это было бы хорошо. Ты сейчас идешь туда?

— Нет, — ответил я. — Хочу для начала поговорить кое о чем с Патрицией Вагнер. Мне кажется, Плю захочет приобщить меня к своим темным делам, и мне надо постараться

убедить старого колдуна в том, что я уже посвящен. Я кое-что читал о посвящении в «ковен» и очень бы хотел избежать этой процедуры.

— Почему? Ты боишься, что они искалечат тебя?

— Нет. Мне просто не хочется целовать половой член хозяина «ковена».

— Боже, они что, еще и гомосексуалисты?

— Нет. Просто грешники. Чем больше так называемых «грехов» покажет посвящаемый, тем лучше. Я читал об одном посвящении, которое затмило для меня все остальные. Дама, которую прочили в ведьмы, разделась догола, привязала себе искусственный половой член, после чего привели связанной ее собственную мать, и эта новоявленная ведьма изнасиловала свою мать в анальное отверстие.

— Веселенькая история. — сказал Брюстер.

— Они не испытывают никаких эмоций, — объяснил я. — Эта ведьма не испытывала никакого сексуального удовольствия, а ее мать, думаю, сошла с ума от ужаса, боли и унижения. Но изнасиловав свою собственную мать в анальное отверстие, ведьма совершила одновременно акты изнасилования, кровосмешения, педерастии и гомосексуализма. А после этого она перерезала горло своей матери на алтаре, что, несомненно, добавило ей очков.

— Ты думаешь, «ковен» Мерлина Плю может зайти так далеко? — спросил Кастис.

— Надеюсь, нет, — сказал я. — Но похоже, что они замешаны в убийстве. И я не отбрасываю даже возможность того, что они могут воскрешать мертвых до тех пор, пока не узнаю, как они заставляют мертвецов издеваться над полицейскими.

— Тебе понадобится «чертова метка», — сказала Пат Варнер, когда мы сидели вдвоем за дальним столиком в университетском кафе. Она начала было объяснять, что это такое, но я остановил ее.

— Я читал про эту «чертову метку», но я не могу вырастить себе родимое пятно по желанию, а идея о татуировке меня тоже не привлекает.

— А как насчет «Джентриен Вайолет»? — спросила Пат. — Эта краска оставляет на коже превосходные пятна, которые не смываются несколько дней.

— Что ты мне предложишь? Нарисовать пентограмму на ладони?

— После фильмов про волков — обратной она выглядела

бы слишком очевидной подделкой. Я предлагаю сделать пятно, похожее на маленькое раздвоенное копытце.

— Копыто дьявола?

— Ты стал здорово соображать, Морган.

— Извини, я задумался.

Мы оба засмеялись, после чего я сказал:

— Серьезно, Пат, я не могу рисковать. Я знаю, что сейчас при дневном свете все это кажется наивным. Но если бы ты сама увидела, как этот старый фокусник исчез в темноте...

— Плю оказался более ловким иллюзионистом, чем я себе это представляла, — сказала она. — Но историю он знает из рук вон плохо. Он страшно перепутал все даты. Я, например, уверена, что Ллевелин Великий правил гораздо раньше, чем пятьсот лет назад.

— Почти восемьсот, — поправил я, — но, полагаю, что с возрастом человек теряет ощущение времени и пара веков становится пустяком. А я не знал, что ты занимаешься историей.

— Я ей не занимаюсь, знаю только то, что требует мой предмет. Правда, Девид рассказывал мне кое-что по уэльской истории. Очевидно, это одно из его увлечений.

— Есть немного, — подтвердил я, улыбнувшись. — Честно говоря, наша история немного приукрашена. Во-первых, Уэльс — очень маленькая страна, а во-вторых, в старые времена наши предки не отличались хорошими манерами. Кельты любили убивать друг друга почти так же, как и других людей. Мы — горячий народ.

— Твой дядя Девид, определенно, ненавидит англичан! — с восхищением призналась Пат. — Сначала мне показалось, что это только бравада, но теперь мне иногда кажется, что он до сих пор злится за победу в Гламорганской битве!

— Тебе вряд ли пришлось бы заглядывать столь далеко в историю, если бы ты родилась в Уэльсе, — покачал головой я. — У меня остались об этой стране лишь детские воспоминания, но это — мрачные воспоминания. Они слишком прочно сели нам на шею.

— Кто сел на шею, англичане?

— Не совсем, если быть до конца справедливым. Наши уэльские лендлорды так эксплуатируют свой народ, что их гнет будет даже потяжелее английского. Так называемые благородные уэльские семьи посылают своих сыновей в Оксфорд и проводят зимний сезон на Мальборке с английскими друзьями на деньги, заработанные потом и кровью своего нищего народа. Существует целая пропасть между простым народом Уэльса и его лендлордами. Шотландцам и ирландцам повезло больше. Их лендлорды прогнали с земли, создавая пастбища для овец, и теперь они живут в целом относительно благополучно, найдя себе занятие

практически во всех уголках света. Им не надо рыть шахты и каналы, как нам. Мы до сих пор, фактически, в рабстве у ленд-лордов. В рабстве, которое длилось века!

— Б-р-р! Ты, оказывается, такой же оратор, как твой дядя Девид! Не думала я, что вы союзники в этом вопросе.

— Нет, — возразил я. — Во всяком случае, не во всем союзники. Один из моих дедушек умер от «черной астмы» после работы в угольных шахтах. Но это был дедушка с материнской стороны. Прайсы были мелкими землевладельцами, которым как-то удавалось держаться за свой маленький кусочек земли и даже содержать в поселке небольшой магазин. Я думаю, нас можно было сравнить с ирландскими «льняными занавесками». Но мы жили довольно близко от шахт, и наши друзья были шахтеры, в кожу которых так въелась угольная пыль, что они всегда выглядели грязными.

— Это ужасно, — сказала Пит. — Но я слышала, что магазинами в шахтерских поселках обычно владеют угледобывающие компании.

— Правильно. Не только магазинами, но и почти всем в Уэльсе. Мой отец лишь содержал магазин, который принадлежал нашему великому и могущественному лорду Глындиверту. Отцу не нравилось это дело, но либо магазин, либо шахты, а ни один человек в здравом уме не предпочтет шахты.

— Ты говоришь, что твои родители погибли в авиационной катастрофе?

— Да. Они летели в отпуск на континент, — сказал я. — Я должен был лететь с ними, но заболел пневмонией, и меня оставили у знакомых — в семье начальника шахты Кена Причардса. Причардсы были хорошими людьми. Я помню, как его жена Модьен Причардс плакала, когда узнала о трагедии. На самом деле, они были из простого народа и с трудом могли читать и писать, но я не променял бы их и на дюжину таких, как Гарри Глындиверт.

— Когда ты злишься, то становишься похожим на настоящего уэльсца.

— Да нет, черт возьми. Я уже не злюсь больше. Просто немного возмущаюсь несправедливостью — и все! Теперь шахты национализированы, но шахтеры все еще остаются такими же грязными и бедными, а проклятые снобы, такие, как лорд Глындиверт, продолжают жить на заоблачных высотах, не смотря на все их стенания по поводу высоких налогов.

— Твой дядя показывал мне фотографию лорда Гарри, — вспомнила Пат. — Мне кажется, что он хранит ее для того, чтобы втыкать в нее булавки.

— Дядя Дей хранит фото лорда Глындиверта? — удивился я.

— Кажется, вырезанное из уэльской газеты. Там было

написано, что он в пятый или в шестой раз женится на хористке.

— Старый козел всегда на ком-нибудь женится, — сказал я. — Видимо, пытается не отстать от своих друзей. Дядя Дей, похоже, никогда не простит ему за то, что он носит фамилию Ап Райс.

— Ты, случайно, не родственник ему?

— О, Боже! Нет. Может быть, лишь очень отдаленный. Первый Райс был уэльским принцем и имел родство с Тюдорами, поэтому я точно так же имею родство с Королевой Елизаветой. Райс Ап Тюдор жил в одиннадцатом веке. Напомни мне спросить Мерлина Плю, встречался ли он с ним.

— Ничего смешного, — серьезно заметила Пат. — Это может оказаться неплохим ходом. Верит ли он во все эти глупости или нет, не так важно по сравнению с тем, чтобы он думал, что ты ему веришь.

— Может быть, — сказал я. — Это, несомненно, более важно, чем лорд Глындиверт и его английская куколка.

— Ты прав, она выглядит, как куколка, но она не англичанка, — сказала Пат. — Кажется, она из Уэльса. Похоже, твой дядя от этого еще больше расстроился.

— Из Уэльса? — удивился я. — А ты не помнишь ее фамилию?

— Кажется, Пауэрс.

— Пауэрс? А может быть, Пауэл?

— Может быть. Но я не понимаю... Хотя нет, очень даже хорошо понимаю.

— Обе эти фамилии широко распространены в Уэльсе, — размышлял я вслух. — Но мне что-то не нравятся все эти совпадения.

Подумав немного, Пат Вагнер осторожно сказала:

— Тут что-то не вяжется, Морган. Я не могу найти мотивов. Разве ты считаешь себя забытым наследником или что-то вроде этого?

— Ну, что ты, лорд Глындиверт в полном расцвете сил, но у Пита Кастиса была похожая идея насчет Цинтии Пауэл. Она — внебрачный ребенок, ее отцом мог быть кто угодно.

— Да, но мисс Пауэл, которая недавно вышла замуж за лорда Гарри, вряд ли могла быть Цинтией. Разве она пропала из морга?

— Я очень надеюсь, что она еще там. Но мне никак не удастся избавиться от версии о двойнике. Как ты думаешь, фотография эта еще сохранилась у дяди Дея?

— А почему бы тебе его не навестить и не спросить самому. Он уже давно ворчит по поводу того, что ты пропал.

— Разве? — удивился я.

— А разве нет? — спросила она и добавила. — Значит, я переоценивала наши встречи.

Наши глаза встретились. Какого черта? Она вовсе не намного старше, чем я.

Вырезанная из газеты фотография все еще хранилась у дяди Дей, хотя он не так уж сильно расстраивался из-за нее, как описывала Пат.

— Я держу ее, как воспоминание, — сказал дядя Дей, вручая мне вырезку.

На фотографии были запечатлены мужчина с лошадиным лицом в котелке и женщина — дешевая имитация Джин Шримптон.

— Он похож на англичанина, — заметил я.

— А он и есть англичанин, Морган. — проворчал дядя Дей. — Ты думаешь, они будут знаться со своим народом после того, как преклонили колени перед английским престолом? А как тебе нравится его подружка? Она похожа на потаскуху?

— Она симпатичная.

— А есть ли у нее что-либо общее с твоей Пауэл?

— Трудно судить по фотографии в газете, — ответил я. — Все симпатичные блондинки, на первый взгляд, кажутся одинаковыми.

— Ты все еще лелеешь версию о двойнике Цинтии Пауэл?

— Во всяком случае, она лучше, чем версия о том, что девушка разгуливала по городу целую неделю после своей смерти!

— Ну, а как насчет старухи Иванс?

— Ну, ее могли подменить на кого-либо очень похожего. К тому же старуха жила одна, и никто из нас раньше ее не видел. Мы так и не смогли найти ни одной ее фотографии, а от лица ничего не осталось после пожара. Да, Дейм Сибил могла оказаться «подставкой». Даже должна была ею быть!

— По-моему, ты слишком все усложняешь, — возразил дядя Дей. — Здесь трудно найти женщин, говорящих на уэльском языке, всех возрастов и размеров, чтобы кого-то подменить. Кроме того, меня беспокоит другой вопрос, Морган. Почему она в этом случае обратилась в полицию?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду? Какой у нее был мотив?

— Мотив! Допустим, ты прав в том, что убийцы где-то спрятали тело девушки и подменили ее своей сообщницей. Тогда какого черта ей понадобилось в полиции?

— Они хотели сбить нас со следа своей дикой историей.
— Зачем? Никто из вас не знал о том, что девушка умерла. Наконец, зачем им понадобилось сохранять тела в обоих случаях? Я не понимаю этого, Морган. Это выглядит так, как будто они хотели, чтобы вы их нашли!

— Похоже, что это так, — согласился я. — Дубль девицы Пауэл привел нас к дому старухи. Затем ее телефонный звонок позволил нам обнаружить тело девушки в комнате, которую она снимала. Путаница с адресом старухи Сибил давала им немного времени, но тем не менее они были уверены, что мы догадаемся проверить аналогичный адрес в противоположном конце города.

— Ты пока не объяснил мне, почему, — настаивал дядя.

— Джек-Потрошитель сообщил в полицию о том, где он спрятал несколько трупов. Он даже написал письмо в Лондон Таймс.

— Да, но Джек-Потрошитель был сумасшедшим.

— А ты считаешь этих субчиков нормальными гражданами? Чего стоит один Плю!

— Но ведь они не могут все оказаться сумасшедшими. Один или два психа вполне могли бы соорудить эту дикую схему, но тринадцать...? Это не соответствует теории вероятности, парень!

— Во-первых, если ты купился на эту «черную магию», то, значит, с тобой уже что-то не в порядке, — сказал я. — Даже девушка, у которой я купил сырье для Плю, твердо знает, что все это мусор. Если один из членов «ковена» работает в погребальной конторе, то им бы не составило большого труда спрятать тело для того, чтобы в нужный момент подкинуть его нам.

— Но зачем, Морган? Допустим, они имеют в своем распоряжении услуги похоронного бюро. Ведь они могли бы просто кремировать свою жертву и избавиться от тела раз и навсегда! Нет, парень, они хотели, чтобы вы нашли эти тела. Хотели, чтобы вы знали, что эти люди мертвы. Или... или, может быть, чтобы вы думали, что они мертвы. Тебе не приходило это в голову?

— Они мертвы, — заверил я его. — Если бы ты видел, как выглядят трупы после вскрытия, которое проводит Макальпин...

— Но являются ли эти мертвые женщины именно теми, о которых ты думаешь? Что, если вы говорили с настоящими Цинтией Пауэл и Сибил Иванс, а покойники — лишь двойники?

— Если так, то они как две капли воды похожи на оригиналы. Как ты думаешь, легко ли нам найти труп, один в один похожий на меня, к примеру?

— Может, не так сложно, как ты думаешь, Морган. Этим покойникам вовсе не обязательно знать Кымриг!

— А, ты знаешь, в этом что-то есть, дядя Дей. Этим можно объяснить то, что трупы так долго хранили. Возможно, что тело старухи они нашли первым и лишь после этого стали искать подмену для Цинтии Пауэл, — тут я засомневался. — Но от этого все дело выглядит еще более диким. Получается, что они сообщили нам о преступлениях, которых они не совершали!

— Да, и может оказаться, что Цинтия Пауэл и Сибил Иванс живы и здоровы.

— Нет. Все это ерунда. Отпечатки пальцев девицы Пауэл совпали с отпечатками в ее документах, а дантист Дейм Сибил опознал зубы старухи.

— Документы можно подделать...

— Может быть. Хотя я сомневаюсь, что Британский Скотланд-Ярд вошел в сговор с нашими местными колдунами и ведьмами. Дантиста, конечно, можно повторно проверить на детекторе лжи. И я все же не понимаю, зачем скрывать тот факт, что они живы. Ни одна из женщин не была в розыске.

— Но ты не думал, что они могут скрываться не от полиции, а от кого-то еще?

— От кого? От Волшебника Изумрудного Города?

— А что? Как Патриция называла предателя секретов «ковена»? «Кован»? Нам известно, что обе женщины были связаны с оккультизмом. Возможно, они переспали с кем-то из этих странных людей и захотели скрыться, имитируя смерть?

— Не годится. Похоже, что «ковен» помогал им дурачить нас.

— Разве? Мерлин Плю отрицал знакомство с девицей Пауэл, и у вас нет никаких доказательств, что она действительно была на том «Эсбате», который вам описала. Мне известно, что вы нашли дом, который и должны были найти, но разве там были следы «Эсбата»?

— Мы нашли следы крови.

— Кровь можно легко объяснить, особенно если предположить, что на них работал кто-то из похоронного бюро. Допустим, двое или трое человек разработали и осуществили этот план совершенно самостоятельно? Чтобы позвонить в полицию или поджечь дом, вовсе не нужно тринадцать человек.

— Знаешь, — заметил я, — из тебя получился бы неплохой «коп», дядя Дей!

— Ты думаешь, я помог вам?

— Не знаю, но ты подкинул мне пару идей. Кстати, у тебя не найдется какой-нибудь старинной чернильной ручки?

— Может, и найду, — он встал и принялся рыться в ящиках секретера. — Ты никогда не замечал, сколько бумажек заводится в ящиках? Я думаю, они там размножаются. А, вот и чернильная ручка. Правда, не знаю, пишет ли она.

— Пойдет, — сказал я, взяв ручку и закатывая рукав. Открыв бутылочку с краской «Джентайн Вайолет», приобретенной мной в университетском магазине, я аккуратно поставил ее на стол перед собой и погрузил в нее ручку.

— Что ты делаешь? — спросил дядя Дей.

— Посвящаю себя в колдуны, — улыбнулся я. — Пат сказала, что у меня должна быть «чертова метка».

Дядя скептически наблюдал за тем, как я рисовал свою версию отпечатка раздвоенного копытца на своем запястье.

— «Джентайн Вайолет» не смывается ничем, кроме муравьиной кислоты, — объяснил я. — Пат сказала, что если я не буду купаться в этой кислоте, то пятно продержится, по крайней мере, неделю.

— Послушай, постарайся не проливать эту штуку!

Я не пролил ни капли, и через несколько минут пятно высохло настолько, что я мог опустить рукав. Пятно получилось темнордовым.

— Бордовый цвет часто используется в Черной Мессе. Использование цвета, который применяется в обрядах Католической церкви, для изображения отпечатка копытца самого черта, равнозначно матерному ругательству на стене церкви.

— Глупости все это! — фыркнул дядя.

— По крайней мере, все это достаточно безобидно, — сказал я. — Но если дело примет серьезный оборот, то не знаю, что я сделаю.

— Не уверен, что понимаю тебя, Морган.

— Дело в том, что вдобавок к трудностям проникновения в «ковен», существует еще одна проблема. Верховный Суд вряд ли одобрит действия полицейского, который был свидетелем преступления и не попытался предотвратить его. Поэтому мне будет очень трудно, если даже удастся пробраться к ним.

— Ты имеешь в виду, что они могут скомпрометировать тебя, как полицейского офицера, предложив наркотики или попросив тебя принять участие в каких-то незаконных действиях?

— Что-то типа этого. Лейтенант Брюстер сказал, что у нас будут неприятности, если я покалечу кого-нибудь или даже трахну какую-нибудь девушку. Полицейский не может ни участвовать в преступлении, ни провоцировать его. Брюстер позволил мне обойти лишь несколько официальных правил. Он не хочет, чтобы я открылся только из-за того, что кто-то

на моих глазах употребляет наркотики. Кроме того, я могу не вмешиваться, если увижу секс в неизвращенной форме. Конечно, сам я не должен принимать во всем этом участия. Мне позволено самому трахать ведьм только в том случае, если я арестую их позже за что-либо серьезное. Боюсь, что это будет щекотливым делом.

— Послушай, парень! — засмеялся дядя Дей. — Ты собираешься проникнуть в «ковен», состоящий из сумасшедших, которые подкидывают полиции мертвецов и молятся дьяволу, и говоришь, что тебе позволено обойти несколько официальных правил!

В этот вечер, когда Мерлин Плю появился в «Плейс-ту-Лик», меня уже воротило от пения «Человека из Гарлема». Посетители тоже попались надоедливými, и один из них стал вдруг настаивать, что «Всю ночь» — это та же самая песня. При моем слухе мне было очень трудно доказать ему обратное.

Когда Плю вошел, я сел за его столик.

Долгое время старик, казалось, не замечал меня. Затем, обливав языком губы, сказал:

— В эту ночь я отправляюсь в одно место, где мне могут понадобиться твои шахтерские плечи, Овейн Арфист. Ты был посвящен в Старые Традиции?

Я молча закатал рукав.

— Ага, значит твой хозяин — Скот? Хотя это не имеет значения, все настоящие «Эсбаты» имеют много общего. Ты слышал о Дейм Сибил с Котами?

— Нет, — соврал я. — Мы идем к ней?

— Да. Недавно в ее «рате» был пожар, но она собирает нас в другом месте. Ты и твои плечи дополняют количество участников до тринадцати, конечно, если не брать в расчет жертву.

— Конечно, — сказал я, чувствуя смятение.

Дейм Сибил была мертва. А если это не так? И, что более важно, если она меня узнает?

Чтобы скрыть свои чувства и не надеясь на ответ, я спросил:

— Куда ты исчез тогда? Я не нашел тебя после того, как убрал остатки «руки триумфа».

— Вернулся к себе, конечно, — ответил колдун. — Почему ты спрашиваешь? Разве я испугал тебя своей импровизацией?

— Нисколько, — сказал я. — Моя мать проделывала такие вещи постоянно.

Он не засмеялся, и я вновь спросил:

— Будет ли этот «Эсбат» «воздушным», Мырдин Странствующий?

— Ты считаешь меня оккультистом? Ни я, ни Дейм Сибил не настолько молоды, чтобы заниматься глупостями. Конечно, мы будем одеты. Все, что тебе погадобиться, ты найдешь в своей комнате.

— Вы уже все принесли туда?

— Я послал их туда. Один из моих друзей в своей звериной форме является совой.

— Это очень удобно для передвижения, — согласился я. — А где будет происходить церемония?

— Когда время придет, я тебе скажу, — пробормотал он. — Возьми вещи, которые ты найдешь в своей комнате, и к полукочи иди во двор церкви. Там мы с тобой и встретимся.

Он встал из-за стола и направился в туалет. Меня успокаивала мысль, что он все-таки вынужден подчиняться каким-то законам природы.

Я подождал некоторое время, а затем, почувствовав свою собственную нужду, направился вслед за Плю, надеясь, что он не почтет это за нахальство.

Я оказался прав.

Туалет был пуст.

Из туалета можно было выйти только одним путем, и если я не ослеп, то Мерлин Плю не выходил через дверь!

Когда я отпер дверь и вошел в свою комнату, то увидел на матрасе старый, но дорогой чемодан фирмы Гладстоун. Открыв чемодан, я вывалил его содержимое на скомканное одеяло.

Там были черный балахон из тонкого вельвета, красный шнурок, который мог служить колдуну и как кушак, и как удавка, а также большое кольцо с печаткой: оно было похоже на золотое, хотя на нем отсутствовала проба, и годилось мне лишь на указательный палец. Печаткой служил полированный черный агат или простое стекло, на котором было выгравировано изображение дракона с короной вместо ошейника. Это была чья-то семейная печать, а теперь мой «ведьмин камень».

Среди этих вещей в чемодане находился и железный кубок с гравировкой кельтской работы, зловещего вида «атам», или «ведьмин нож», и маленький блокнот.

Было очевидно, что металлический посох должен быть моим собственным.

Я открыл блокнот. Бумага была плотной и тяжелой. На первой странице чем-то похожим на запекшуюся кровь была начертана пентаграмма. В ее центре кто-то написал старинными кельтскими буквами «Owain Y Telynog», что обозначало «Овейн Арфист». Лучи пентаграммы несли астрономические символы Марса, Меркурия, Венеры, Солнца и Луны. Все остальные страницы блокнота были пусты.

Посмотрев на часы, я убедился, что у меня еще достаточно времени, и спустился вниз, чтобы позвонить Питу Кастису и рассказать о сегодняшней встрече в церковном дворе. Он сказал, что будет находиться неподалеку в машине.

Затем я направился в «Шоттл Боп» и спросил у мисс Меб, сколько магических посохов имеется у нее в распоряжении.

— Вам фактический или сценический? — спросила рыжеволосая продавщица.

— А какая между ними разница? — в свою очередь, спросил я.

— Разница есть. Вы будете выглядеть довольно глупо, размахивая на сцене театра огромным членом, не так ли?

— Я буду выглядеть глупо с этой штукой где угодно, — засмеялся я. — Но все же я бы хотел приобрести именно его.

Открыв один из ящиков, она спросила:

— Из пластмассы или из человеческой кости?

— Непременно из человеческой кости.

Она вынула из ящика что-то, напоминающее восемнадцатидюймовый пенис, и сказала:

— Этот имитирует флейту. Сам он пустотелый, а сбоку сделана щель так, что в него можно свистеть и поднимать из гроба мертвецов. Играют на нем точно так же, как на флейте.

— А он действительно сделан из бедра человека?

— Послушайте, я всего лишь продаю это дерьмо. Я не изготавливаю его. Наш поставщик говорит, что это человеческая кость — и точка. Я вовсе не желаю знать, откуда он взял ее. Послушайте, а у вас неплохое колечко! Где вы его достали?

— Разве его не здесь купили?

— Да нет, черт побери. Эта штука выглядит довольно дорогой. Я работала раньше у ювелира, поэтому могу отличить настоящий черный агат от подделки.

— А золото? На нем нет пробы.

— Значит, это старая вещь или подделка. Если ваш палец через пару дней не позеленеет, то все будет ясно, не так ли?

Я спросил, сколько я должен за магический жезл, и она ответила, что пятнадцать долларов. Когда я заметил, что это дороговато, мисс Меб вздохнула и сказала:

— Тогда идите, раскопайте какую-нибудь могилу и сде-

лайте свой собственный. Вы берете эту проклятую штуковину или нет?

Я сказал, что беру, и заплатил. Когда я вернулся в свою конспиративную квартиру, то решил запастись своим собственным магическим орудием и, запустив руку под матрац, вытащил оттуда кольт «Кобра» тридцать восьмого калибра, заряженный боевыми патронами.

Пристегнув его у себя подмышкой, я сложил все остальные причиндалы в чемодан фирмы Гладстоун.

Затем я выкурил уйму сигарет и отправился в путь.

Плю ждал меня во дворе Церкви четырнадцати Святых Мучеников. Идя на встречу, я заметил в квартале от церкви, на противоположной стороне улицы, машину моего чернокожего коллеги.

Но оказалось, что мы с Кастисом учли не все.

— Мы выйдем через задний ход, — прошептал Плю, вставая со своего любимого надгробия.

Я последовал за ним по мокрой траве пустынного темного кладбища, думая о том, как мне подать сигнал Пити Кастису.

Я так ничего и не придумал. Сидя в своей машине, он подумает, что я все еще нахожусь на кладбище вместе с Плю, и не двинется с места, пока ему не покажется, что меня нет слишком долго. К тому времени это может быть слишком поздно. Не считая телепортации, Мерлин Плю имел другие способы тайных передвижений.

Я так и не увидел другого выхода из церковного двора, а Плю прошипел:

— Следуй за мной, — и, как кот, перепрыгнул стену высотой в четыре фута.

Я последовал за ним и опустился на асфальтированную аллею позади церкви. На удивление проворный старый козел провел меня еще через один забор, после чего мы вошли в заднюю дверь какого-то заброшенного здания. К тому времени, когда мы, перебежав еще через какую-то темную улицу, а затем еще через одно здание, вышли на аллею позади него, я уже порядком запыхался, стараясь не отставать. Между двумя высокими зданиями по обеим сторонам была почти кромешная темнота.

— Разве здесь никто не живет? — прошептал я.

— Это склады, — объяснил Плю. — Мы около реки, понятно? Смотри под ноги, Овейн Арфист. Дорогу давно не ремонтировали...

Я сказал, что заметил это и чуть-было не вывихнул ногу,

стараясь не отстать от него. Он шел согнувшись, и его силуэт в сыром зловещем полумраке напоминал быстро бегущего краба. Наконец, мы остановились у двери в кирпичное здание без окон. Плю стал стучать в дверь каким-то условным кодом, напоминающим азбуку Морзе, и неожиданно дверь распахнулась. Если за ней и был кто-то, то я его не заметил.

Я искренне надеялся, что это было сделано с помощью спрятанной веревки.

Первый этаж склада был тускло освещен единственной тускло светящейся лампочкой, находившейся в отдалении, и был заполнен деревянными ящиками с чем-то вроде фаянсовых изоляторов. Старик остановился возле одного из ящиков и сказал:

— Нам пора одеться в наши балахоны.

Я открыл чемодан фирмы Гладстоун и надел черный вельветовый балахон и натянул себе на голову капюшон. Откуда достал балахон Плю, было трудно догадаться. Ему, по-видимому, нравилось извлекать вещи прямо из воздуха.

Когда мы закончили свою маскировку, Плю открыл крышку ящика и сказал:

— Давай, давай, полезай!

— Лезть в ящик? — удивился я, но, заметив, что ящик прикрывал люк в полу, успокоился.

Плю первым спустился по стальной лестнице, ведущей в подвал. Я последовал за ним и обнаружил себя в еще более тускло освещенном помещении. Фигура Плю виднелась передо мной на фоне отдаленного мерцающего зеленого свечения.

— Пойдем, Овейн Арфист, — сказал он.

Мы пошли мимо многочисленных бочек и ящиков в один из углов подвала. То ли из длинного ящика, то ли из гроба, накрытого плотной, шитой золотом материей, был сделан импровизированный алтарь. В центре алтаря стоял чугунный горшок, в котором горело зловещее зеленое пламя. За алтарем, освещенным бликами зеленого огня, стоял прислоненный к бетонной стене перевернутый крест с распятой на нем обнаженной женщиной. Фигура женщины была сделана очень реалистично. На ее губах играла улыбка, а волосы на голове и на других соответствующих частях тела были сделаны огненнорыжими. Я пригляделся по-внимательнее — нет, она не была продавщицей из «Шоттл Боп». Грудь у мисс Меб была значительно меньше.

Этот дьявольский алтарь настолько поглотил мое внимание, что я не замечал нескольких человек, одетых в черные балахоны и стоявших неподалеку, пока кто-то из них не спросил Плю на Кымриг, кто я такой. Спрашивала женщина.

— Это мой телохранитель, Овейн Арфист. Меня преследуют смертные «Ковены», а ты говорила, что для нужного числа тебе не хватает одного мистического посоха.

— Да. Это все из-за дуры — Лауры. Она заявила, что на ней лежит Проклятье Луны. Я-то думаю, что она просто испугалась. Твой хранитель посвящен?

— Конечно, правда, по шотландскому обычаю. А ты думала, я приведу сюда «кована»?

— В таком случае, Овейн Арфист, — усмехнулась женщина, — Дейм Сибил с Котами позволяет тебе остаться. Этой ночью нам потребуются крепкие руки.

Она подошла ближе, и в мерцающем зеленом свете я смог разглядеть ее лицо, видневшееся из-под откинутого назад капюшона.

Это была Сибил Иванс.

Стараясь не закричать, я умудрился пролепетать:

— Посох Овейна Арфиста в твоём распоряжении, хозяйка.

Узнала ли она меня? Казалось, в ее глазах блеснула усмешка. Но я стоял спиной к пылающему «туриблу», а говорил я с ней в прошлый раз на английском языке.

Только после того, как она приветливо кивнула головой и исчезла в темноте, я стал думать о том, кто же она есть на самом деле!

Где-то в темноте гулко зазвучал гонг, и Мерлин Плю прошептал:

— Церемония начинается, Овейн Арфист, держись крепче за свою душу.

Другой женский голос спросил у Плю, может ли он начать, на что старый колдун произнес:

— Братья и сестры, зачитаем наше богохульство...

Медленно и нерасторопно черные силуэты вокруг меня начали бормотать:

— Аминь...Небесах... На... И... Земле... На...

Я сообразил, что они зачитывают молитву «Отче наш» задом наперед. Я бормотал бессвязные звуки, причем не потому, что это все было богохульство, а просто потому, что не мог без практики молиться задом наперед.

Что-то коснулось моей ноги и, нагнувшись, я увидел кота. Это был огромный черный кот с телом кролика — то ли манкс старухи Сибил, то ли его двойник!

Тварь беспрестанно мурлыкала и терлась о мою ногу. Интересно, с чего бы? — подумал я. — В прошлый раз он был настроен отнюдь не так дружелюбно. Почему он выбрал меня среди всех остальных? Кота ведь нельзя приручить и науськать на кого-либо, как собаку. Он мог привлечь ко мне внимание.

Молитва тем временем дошла до «Небесах... Еси... Иже... Наш... Отче» и остановилась.

— Надо зажечь священный огонь, — произнес мужской голос. Фигура с зажженной черной свечой отделилась от остальных и направилась к алтарю. В десяти футах от него она (или он) нагнулась, коснувшись свечой кучи пиротехнического порошка, которую я не заметил раньше. Подвал осветила необычайно яркая красная вспышка, сопровождающаяся едким серным дымом, и все собравшиеся закричали:

— Во имя океанных Андред, Арадин, Хабондин и Рианнон! Великий Хозяин, явись! Пусть Люцифер — Солнце Полночи осветит наш путь! Явись Рогатый Бог Смерти, дающий вечную жизнь искателям правды, чтобы мы могли послужить тебе!

Когда красное пламя начало угасать, а дым рассеиваться, то в зеленом свете на вершине алтаря я различил огромную фигуру страшного монстра. Вокруг ее неясных очертаний струились рассеивающиеся клубы дыма, сквозь которые можно было едва различить рога и медленно раскрывающиеся крылья гигантских размеров летучей мыши. Дым, наконец, рассеялся, и фигура... исчезла.

Я посмотрел на «турибла», стоящий на алтаре, лихорадочно соображая, как им удастся создавать эту иллюзию. Весь «ковен» запел:

— Он здесь, и мы дрожим в Его присутствии! Низкий поклон свету Того, Кого мы называем нашим Спасителем!

Если эти ребята считают все, что здесь произошло, светом, — подумал я, — то я бы очень не хотел познакомиться с тем, что они называют темнотой!

После красной вспышки я почти ничего не видел в тусклом зеленом свете «турибла».

Кот вновь начал тереться о мою ногу, отвлекая меня от воспоминаний о прочитанной недавно литературе. Все эти ритуалы должны были происходить при собрании участников непосредственно рядом с алтарем. Члены же этого «ковена» находились на довольно почтительном расстоянии от него, как будто не могли вынести тусклого зеленого света «турибла». Я так и не сообразил, где мне лучше всего стоять, когда услышал голос Дейм Сибил:

— Пусть каждый достанет свой кубок и «атан»!

Внимательно наблюдая, что будет делать Плю, и думая о том, что же последует за этим, я достал свою железную чашу и нож.

Ждать пришлось недолго.

— Жертва готова? — спросила Дейм Сибил.

— Она готова, хозяйка! — откуда-то из темноты донесся мужской голос.

— Она? — удивился я про себя. — Это, должно быть, блеф!

Где-то позади меня, в темноте, я услышал напуганный, умоляющий голос женщины:

— Прошу вас, сэр, я честная христианка! Зачем вы привели меня сюда? Что вы сделали с мисс Рейнольдс? Она не говорила, что на новой работе я буду заниматься такими вещами!

Когда они подошли ближе, я услышал возглас удивления:

— О, Боже! Что здесь происходит? Вы, наверное, все посходили с ума!

Теперь я увидел ее. Две облаченные в балахоны фигуры держали за руки чернокожую женщину в костюме горничной. Это была полная негритянка лет сорока с пышной африканской прической. В нормальной ситуации ее лицо могло бы показаться даже приятным, но в эти минуты чернокожая служанка выглядела испуганной до безумия. Я этому вовсе не удивился!

— Приготовьте жертву к приношению! — приказал невидимый распорядитель.

Служанку отвели к алтарю и связали руки за спиной.

— Что вы собираетесь делать? — тихо всхлипывала она.

Меня интересовало то же самое. Как участник «ковена», я должен был просто смотреть и ждать, но как полицейский офицер, я позволил этому действу зайти слишком далеко!

Я помедлил, разрываемый, с одной стороны, близостью возможной развязки, а с другой — тем, как они обращались со своей незащитной жертвой. Эти свиньи знали, кого выбирать! Бедная женщина, очевидно, была служанкой из южных штатов. Она привыкла выполнять приказы и понятия не имела о существовании Закона, поэтому, конечно, ничего не сообщит полиции. А если даже они зайдут слишком далеко, кому придет в голову связать ее исчезновение с этой компанией?

Один из одетых в черное людей внезапно резким и безжалостным движением оторвал заднюю часть ее платья.

— О, Боже, — застонала полная женщина. — Неужто вы хотите меня изнасиловать? Боже милостивый!

Вместо ответа с нее сорвали остатки платья, после чего она осталась стоять с жалким и немного смешным видом, в своем туго перетянutom корсете, белых чулках и бюстгалтере. Она истерично закричала и попыталась освободиться, но тут один из стоящих рядом сектантов разрезал ее бюстгалтер, из которого показалась пухлая черная грудь. Все тот же сектант затем стал срезать с нее корсет: совсем как шкуру с животного.

Но она не была животным! Она являлась человеческим

существом, наделенным к тому же определенными правами. Я решил действовать!

— Всем оставаться на местах! — закричал я, вынимая пистолет и выходя вперед, чтобы взять на мушку всех. Двое сектантов, державших негритянку, отпустили ее и отошли назад, подняв руки. Женщина упала на колени и смотрела на меня полными ужаса глазами.

— Все в порядке, — сказал я. — Я — полицейский офицер.

И тут зеленый свет погас!

— «Кован», «кован»! Держи его! — закричал кто-то в кромешной темноте, когда я пригнулся, чтобы избежать столкновения с летящим в меня чугунным «туриблом». Но я не успел. Что-то ударило меня по затылку, и темнота взорвалась миллионами светящихся искр. Ноги подо мной исчезли, и последнее, что я запомнил, теряя сознание, были мои слова:

— Спасайтесь, мисс, я выключаюсь...

После чего сделал именно то, о чем говорил.

Где-то мяукнул кот, и кто-то пытался утопить меня. Я потряс головой, чтобы приподнять ее над черной жижей, как вдруг почувствовал, как кто-то мне дал подщечину. Я уже хотел было дать сдачи, когда понял, что лежу на земле, а кто-то рядом говорит:

— Ну, же, Прайс! Поднимайся!

Я открыл глаза.

Пит Кастис склонился надо мной и с беспокойным видом обтирал мое лицо мокрым платком. Я потряс головой и сказал:

— Привет, Пит. Давно не виделись.

— Какого черта, что тут произошло? — спросил Кастис.

— Хороший вопрос, — сказал я. — А кто это светит мне в лицо?

Патрульный полицейский, стоявший рядом с Кастисом, убрал луч света своего фонаря с моих глаз и извинился. Я приподнялся на локтях и спросил:

— Вы их взяли?

— Взяли, кого, Прайс? Когда мы нашли тебя, ты был здесь один.

— Да? А как же вы меня нашли?

— Мы слышали, как ты палил из пистолета. Еле-еле нашли этот погреб, но...

— Палил из пистолета? — перебил я. — Не помню, чтобы я выстрелил хотя бы раз.

— Рассказывай! Он был у тебя в руке, когда мы тебя на-

шли. Правда, перед тем, как привести тебя в чувство, я, на всякий случай, забрал его у тебя. Отдать?

— Думаю, да. Я, наверное, нажал несколько раз на курок после того, как меня оглушили. Видишь ли, кто-то меня оглушил и... Боже! Надеюсь, я не задел эту женщину!

— Женщину? Какую женщину, Прайс? Здесь никого нет, кроме тебя.

— Ну-ка, посвети вокруг, — попросил я полицейского в униформе, усаживаясь прямо. Он выполнил мою просьбу, и пятно света прошло по разбросанным вокруг ящикам, бочкам и уложенной штабелями мебели.

— Проклятье! — удивился я. — Прямо вон там у них был алтарь! Дай-ка мне этот чертов фонарь!

Кастис помог мне подняться на ноги (я еще чувствовал некоторую слабость в коленях), я взял у патрульного фонарь и поплелся к ближайшей стене. На ней не было никаких следов.

— Не может быть, — пробормотал я, осветив пол возле стены.

— Чего ты там шепчешь? — спросил Кастис.

— Черт возьми, на этой стене у них было огромное распятие, а вот здесь они развели такое пламя... Я до сих пор чувствую запах серы.

— Да, пахнет так, как будто кто-то сжег здесь кучу серных спичек, — приняхавшись, сказал Кастис, — хотя следов огня я не вижу.

— Это, должно быть, где-то здесь, — настаивал я. — У них была эта негритянка... Не знаю, хотели ли они ее убить или просто собирались выпустить из нее немного крови, но...

— Ты говоришь, что здесь была чернокожая женщина? — удивился Кастис.

— Да. Я думаю, что она — служанка, — кивнул я. — Видимо, ей пообещали работу, заманили сюда и...

— Попробуй посветить сюда, — попросил чернокожий детектив, — там возле большого контейнера что-то лежит.

Я повернул фонарик, и луч света остановился на останках огромного черного бесхвостого кота. Половина его морды отсутствовала, а кровавые крошки костей и мозгов прилипли к деревянной стенке ящика над пушистым трупом животного. Пулевое отверстие в ящике было еще менее заметным.

— Это тот мерзкий манкс из дома старухи! — изумился Кастис.

— Должно быть, вы пригвоздили его, — глубокомысленно предположил патрульный. — Ведь вы пальнули раза четыре.

— Да? — удивился я, открыл барабан своей «Кобры» и, посчитав пробитые гильзы, добавил:

— Похоже на то, хотя я совсем ничего не помню.

— Слава Богу, что ты укокошил только кота, — улыбнулся Кастис. — Странно, я думал, что эта зверюга сторела во время пожара.

— И я так думал, — заметил я. — Одно мы знаем наверняка — проклятая тварь наконец-то мертва. Не знаю, как насчет его хозяйки, но одно мы можем сказать с уверенностью: это был последний раз, когда мы встретились с Мердит Аб Овейн Ап Ховел!

Тогда я еще не знал, что это было одним из моих заблуждений!

После того, как моя рана была обработана, Кастис отвез меня домой и уложил в постель. Всю ночь меня мутило, но к одиннадцати часам на следующее утро я почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы доложить о случившемся.

Между тем тщательный полуденный обыск не выявил ничего, кроме останков убитого кота. Ветеринарный врач сообщил Кастису, что это был очень старый манкс и убит он был одним выстрелом. Пуля, которую извлекли из стенки деревянного контейнера, принадлежала моей «Кобре». К нашему несказанному облегчению, ветеринар сообщил, что, по его мнению, кот был жив до того момента, как в него попала пуля: мы больше не доверяли обычной логике.

Балахон, кольцо и все прочее исчезли, пока я лежал без сознания. Почему они не отняли у меня пистолет и жизнь, осталось загадкой. Служба розыска не имела никаких сведений о пропавших домработницах: белых, черных или каких-либо других. Справки по гетто в Черри Крик не дали никаких результатов. Там тоже не знали об исчезновении пухлой домработницы средних лет.

Капитан из полицейского управления Брюстера сообщил, что получил запрос от вышестоящего начальства по поводу моей вменяемости.

Надо отдать должное Брюстеру, который поддержал меня, поставив на карту свою профессиональную репутацию. Он показал мне копию письма, которое направил комиссару и в котором говорилось о том, что подобная чепуха творилась в этом доме и до моего появления в управлении.

Комиссар сказал, что, несмотря ни на что, он считает меня психом.

Я и Брюстер стали обсуждать планы нашего дальнейшего расследования после моего провала, но тут появилась мисс Клани из Британского консульства с новой информацией о девице Пауэл.

Она сказала, что власти Кардифа, наконец-то, раскололись и выдали информацию об американском папе уэльской девушки.

— Он тоже оказался уэльсцем, — объяснила Хелен Клани, — Правда, уэльсцем, рожденным в Америке. Он навещал родину своих предков, будучи в отпуске из ВВС США, когда встретил мать Цинтии Пауэл.

— И переспал с ней, — добавил я.

— В первую ночь они предохранялись, — сухо заметила Клани. — Ксати, вы никогда не догадаетесь, в какой именно части Америки он жил.

Она оказалась права. Сэм Брюстер сразу же остановился на нашем городе.

— Не удивлюсь, если ее отец живет прямо у нас под носом и...

— Немного не так, — оборвала его Хелен Клани. — Ее отца звали Ральф Говер, и он был убит над Швейнфуртом в 1944 году. Он был хвостовым стрелком на американском бомбадировщике Б-24. С одного из рейдов бомбардировщик вернулся на одном крыле и молитвах, а сержант Ральф Говер умер от потери крови на своих пулеметах. Некоторое время спустя он был похоронен возле Ситина в Восточной Англии.

— Что значит «некоторое время»? — спросил я.

Брюстер стряхнул пепел с сигареты и сказал:

— Это было давно, парень, и ты, наверно, не помнишь. Сразу после войны большинство из них вернулись. Я тогда работал во Фриско, и однажды мы закопали девятерых на кладбище в Голден Гейт. Этот Говер, вероятно, был похоронен где-то здесь.

— Хозяина «Плейс-ту-Лик» тоже зовут Говер, — неожиданно вспомнил я.

— Постой! — с отчаянием поглядев на меня, сказал Брюстер. — Этот — то мертв уже почти четверть века!

— Но у него была семья, — настаивал я. — Говер из «Плейс-ту-Лик» может оказаться его братом.

— Проверим, — сказал Брюстер и принялся рассказывать Хелен о моих ночных приключениях.

Девушку из консульства заинтересовало кольцо-печатка, которое мне дали для церемонии.

— Похоже, что это настоящая фамильная печать, — сказала она и спросила Брюстера, может ли позвонить по его телефону.

Он дал ей зеленый свет и, пока она набирала номер, сказал:

— Очевидно, они хотели отличить Моргана от остальных даже в черном балахоне и в темноте. Кольцо было таким

большим и блестящим, что его можно было увидеть даже при очень тусклом свете.

— Может быть, — сказала Хелен Клани, и тут ее соединили. — Алло, это Сюзан? Это Клани тебя беспокоит. Ты не можешь посмотреть для меня книгу по геральдике? Она у меня в кабинете. У тебя есть копия? Отлично. Геральдическое описание гласит: «Поверженный древней короной», полудракон, полулев, как обычно. Подозреваю, что имя будет Ап Рис, Райс или Прайс. Будь умницей, позвони мне по этому номеру, а?

Мы с лейтенантом Брюстером обменялись удивленными взглядами. Когда она повесила трубку, Брюстер спросил:

— Как вы догадались?

— Совершенно ясно, что кто-то пытается дискредитировать сержанта Прайса. Судя по тому, что вы здесь мне рассказали, я готова поспорить, что вся эта комедия была устроена специально для него. Похоже, они с самого начала знали, кто он есть на самом деле.

— Может быть, но зачем им было нужно именно это кольцо? И почему вы считаете, что это именно семейная печать Прайсов?

— Можете считать это интуицией, — пожав плечами, ответила девушка. — Из того, что вы мне рассказали об этой компании, можно предположить, что подобная шутка неплохо сочетается с их профессиональным чувством юмора. Найти же это кольцо — пара пустяков. Существует несколько фирм, которые предлагают суеверным американцем выслать по почте их древние семейные реликвии. Правда, эта практика не приветствуется властями у нас на родине.

Вскоре на столе у Брюстера зазвонил телефон. Он поднял трубку и передал ее Хелен Клани.

Да, «ковен» был разыгран специально для меня, и кольцо, которое мне выдал Мерлин Плю, являлось печаткой семьи Ап Прайс.

— У них не было сомнений, что вы попытаетесь остановить их, — сказала девушка, — поэтому один из них постоянно находился за вашей спиной, причем с хорошей дубинкой.

— Похоже на то, — сказал Брюстер. — А как насчет чернокожей служанки? Как ты думаешь, Прайс, могла это быть игра?

— Если так, то это была очень хорошая актриса, — ответил я.

— Никто, отвечающий ее описанию, не подавал каких-либо жалоб и не пропадал, — размышлял вслух Брюстер. — Ты абсолютно уверен, что она была чернокожая? Ты говорил, что у нее были правильные черты лица. Она могла просто загримироваться. Достать африканский парик несложно и...

— Стойте, стойте, — фыркнул я. — Они раздели ее почти догола, Сэм.

— Может, грим был у нее и на теле?

— Не годится. Они обращались с ней достаточно грубо, и к тому же на ней было белое белье. Я абсолютно уверен, что женщина была чернокожей.

— Я рад, что ты хоть в чем-то абсолютно уверен, — проворчал Брюстер.

В этот момент вошел Пит Кастис, и Брюстер сказал:

— Где ты был, Пит? У меня есть для тебя работа на свежем воздухе.

— Я как-то раз работал на свежем воздухе, — улыбнулся чернокожий детектив и, повернувшись ко мне, спросил, является ли Дуправен уэльской фамилией?

— Это ирландская фамилия, — опередила она Хелен Кляни. В ее голосе чувствовалась уверенность.

— Все равно, все это очень интересно, — нахмурившись, сказал Кастис.

— Кто такой Дуправен, Пит? — спросил лейтенант.

— Сам не знаю, Сэм, — сказал Кастис. — Но он только что был похоронен на Гленвудском кладбище, и знаете, что самое интересное? Такого свидетельства в природе не существует!

Лицо Брюстера приняло задумчивое выражение, и он спросил:

— Пит, а что ты делал на Гленвудском кладбище?

— Так, проверял. Проверял похоронные конторы, а это кладбище было ближе всего к сторежнему дому старухи Иванс. Я подумал, что никто не будет тащить труп на другой конец города, и решил...

— Да, да. Так что с этим Дуправеном?

— Это написано на могильной плите. Роберт Жд. Дуправен 1924 — 1971. Могила свежая. Только никто из клерков не помнит такой фамилии, записей нет, и даже рабочие уверяют, что не хоронили его!

— Возьму ордер на эксгумацию, — отрезал Брюстер и потянулся к телефону.

— А я схожу за лопатами, — улыбнувшись, сказал Пит Кастис.

Кладбище было уже закрыто, когда мрачные полицейские начали выкапывать неслежавшийся еще грунт с могилы Дуправена.

Директор Гленвудского кладбища также не проявлял признаков жизнерадостности. Он и несколько его сотрудников

стояли поодаль, когда лейтенант Брюстер, Кастис, мисс Клани и я ожидали окончания этого процесса.

Сэм Брюстер попытался было отговорить мисс Клани от посещения кладбища, ссылаясь на то, что вскрытие могил иногда бывает довольно неприятным занятием, но девушка из Британского консульства заявила, что она не из слаботерпимых. Должен сказать, что она довольно спокойно перенесла тот момент, когда один из полицейских ударил лопатой о что-то твердое и сказал:

— Это гроб, лейтенант. Кажется, гнилой.

Взглянув на новое надгробие и недавнюю дату, Брюстер сказал:

— Открывайте.

Землекопы убрали из могилы остатки земли, обнажив гнилые, изъеденные червями доски.

— Похоже, что это только наружная оболочка, — сказал директор кладбища. — Под ней должен быть гроб попрочней.

Он оказался прав. Полицейские приподняли полусгнившую крышку, под которой оказалась другая — бронзовая. От подземной влаги она покрылась большими зелеными пятнами. Брюстер спросил кладбищенских служащих, сколько времени нужно, чтобы бронза стала такой зеленой, и они ответили, что довольно много.

Крышка была на болтах, и болты оказались ржавыми. После нескольких попыток и многочисленных ругательств крышка была открыта. Все затаили дыхание.

Насмешливо улыбаясь, на нас смотрел скелет. Несколько пучков рыжеватых волос прилипли к его черепу чуть выше черных глазниц. К ребрам прилипли остатки какой-то одежды, среди ключев которой в тусклом свете ярко блестела медная пуговица.

Довольно долго все молчали, затем Брюстер пробормотал:

— Он не очень хорошо сохранился для парня, который угодил сюда пару дней назад, а?

— Этому телу около двадцати лет или больше, — сказал директор кладбища. Брюстер не спросил его, откуда он это знает: это было достаточно очевидно.

— Что будем делать, лейтенант? — спросил один из полицейских, стоящих в могиле рядом с крышкой гроба.

— Отдадим его доктору Макальпину и посмотрим, сможет ли он определить, кто это такой. Я имею в виду, кем он был.

— Я, кажется, знаю, лейтенант, — перебил я.

Брюстер медленно повернулся в мою сторону.

— Узнал его прямо в лицо, а? Ты что, сидел с ним за одной партой в школе, или что?

Повернувшись к директору кладбища, я спросил, сколь-

ких солдат они хоронили здесь в конце сороковых годов и были среди них Ральф Говер.

Ответ потребовал сравнительно долгого времени, но, в конце концов, могила отважного стрелка была обнаружена в совершенно другом конце кладбища. Брюстер все еще считал мое предположение слишком диким, когда один из полицейских воткнул свою лопату в землю, которую, по идее, никто не трогал более, чем четверть века, и сказал:

— Ого! Она рыхлая!

— Копайте, — сказал Брюстер.

— Послушайте, лейтенант, — возмутился директор кладбища. — У вас ведь нет разрешения на эксгумацию этой могилы!

Брюстер мрачно усмехнулся и ответил:

— Ты настаиваешь на этом, приятель?

— Это не по правилам, — запротестовал несчастный директор. — Но уверяю вас, нам нечего прятать!

— А кое-кому есть чего, — сказал Брюстер. — К тому же становится чертовски поздно. Что вы скажете, если мы разроем это дерьмо и посмотрим, что там лежит?

— Если семья опротестует, то я сниму с себя ответственность.

— Не опротестует, — вмешался я. — Сержант Говер не имеет ни одного живого родственника во всем штате. По крайней мере, ни одного, который бы подал на вас в суд.

— Откуда ты знаешь? — спросил Брюстер.

— Если бы это было не так, то труп не подменили бы, — объяснил я.

Брюстер усмехнулся.

— Я сперва не понял, почему ты догадался об этой могиле. Я тоже обратил внимание на гроб военного образца, но не придал этому значения.

— Кто-то, кто был знаком с девицей Пауэлл, знал, что ее отец похоронен на этом кладбище и что его подмена не будет обнаружена, — согласился я. — Подменить другого покойника могло оказаться небезопасно. Даты на могилах еще ничего не говорят о количестве их посетителей.

Брюстер велел Кастису вызвать по рации новую группу полицейских, а одному из присутствующих велел охранять могилу до их прибытия. Солнце к тому времени уже село, и на кладбище стало значительно темнее. Я повел Хелен Кляни в придорожное кафе, расположенное в довольно необычном месте — прямо напротив ворот кладбища. За чашкой кофе она вернулась к своей теории о том, что «ковен» был разыгран только для того, чтобы поставить меня в глупое положение. На мое возражение, что я не был связан с делом, когда все начиналось, она сказала:

— Вы единственный во всей полиции, знающий уэльский язык. Они, конечно же, понимали, что вас непременно подключат к делу, если они будут выпячивать уэльский вопрос достаточно далеко.

— Хорошо. Значит, по-вашему, я, сам того не зная, являюсь братом Цинтии Пауэл, или что? — фыркнул я.

— Не смейтесь, — сказала Хелен Клани. — Пауэл недавно стала членом вашей фамилии, вы знаете?

— Ну, ну. Лорд Глындиверт — это мой слишком дальний родственник, а может, и не родственник вообще. А фамилию Пауэл я раньше вообще никогда не слышал.

— Может, здесь вопрос о собственности? — спросила она. — Ваш отец имел землю в Уэльсе?

— Мы продали ее много лет назад. Мой американский дядюшка, выполняя завещание отца, был моим попечителем и передал мне деньги, когда я достиг совершеннолетия. Я получил все деньги, вырученные за продажу собственности отца, до последнего цента. Я видел все документы. Кстати, именно на эти деньги я обучался в колледже. В Уэльсе ни у меня, ни у моего дядюшки не было никаких сбережений.

— Знаю. Я проверяла, — сказала Хелен Клани. — Вам будет приятно узнать, что лорд Глындиверт никогда не слышал ни о ком из вас.

— Боже милостивый! Вы и лорда втянули в это дело?!

— Просто один мой знакомый, который хорошо его знает, задал ему несколько вопросов.

— За что вы его так не любите?

— Не знаю. Он всегда разъезжает на сверхскоростных автомобилях и двенадцатиметровых яхтах, как плейбой из вестерна. Я думаю, если честно, что мы ему завидуем. А не следовало бы. Он ведь гол, как сокол. На самом деле, у него не осталось почти ничего, кроме титула. Бедняга, похоже, давно пережил свой звездный час. Он так и не понял значения национализации и думает, что до сих пор владеет шахтами в Глынварте.

— Ужас. Мое сердце кровью обливается, — заметил я.

— Он не такой уже плохой, если не обращать внимания на его причуды, — возразила девушка из Британского консульства. — Он воевал. Был награжден Крестом в битве за Британию и...

— Он служил в ВВС?

— Летал на штурмовике, — сказала Хелен. — К концу войны дослужился до командира звена в Королевской авиации.

— Интересно, — сказал я.

— Что интересно?

— Не знаю. Очень много совпадений. Отец Цинтии служил в ВВС США, а теперь Гарри женится на девушке по фамилии Пауэл.

— Не вижу связи, — ответила Хеден Клани. — Хористка, которую он недавно осчастливил, по нашим сведениям, не имела никакого отношения к Цинтии.

Мы говорили об этом снова и снова по кругу, не приходя ни к какому однозначному выводу, но чувствуя, что за всем этим стоит что-то, чего мы пока не в силах понять.

Наконец, к нам подошел Пит Кастис. Редко можно увидеть такую бледность на чернокожем лице.

— Тебя ждет лейтенант, Прайс, — сказал он. — Вам лучше остаться здесь, мисс Клани, это не очень приятное зрелище.

— Вы вскрыли вторую могилу? — спросил я.

Пит Кастис болезненно кивнул и сказал:

— Там оказался Мерлин Плю. Он похоронен прямо в черном балахоне. Руки и ноги почему-то отрублены.

— Он привел «кована» в «ковен», а это запрещено... — сказал я, поднимаясь на ноги. — А что, черт побери...

— Вот именно — «черт побери», — согласился чернокожий детектив. — Когда могилу вскрыли, запах был такой, что валил людей с ног, и знаешь, что сказали знатоки с кладбища?

— Нет, — ответил я. — И что же они сказали?

Пит Кастис набрал в легкие воздух, выдохнул и сказал:

— По меньшей мере, шесть месяцев — вот, что они сказали. Они сказали, что тело так сильно разложилось, как будто пролежало в земле, как минимум, шесть месяцев!

Долгое время никто из нас не мог произнести ни слова. Наконец, я облизал губы и сказал:

— Пит, я встречался с этим парнем вчера ночью.

— Да, я помню то, о чем ты нам рассказывал.

Это было тело Мерлина Плю, в чем не было никаких сомнений. Эксперт был не столь категоричен в отношении времени его смерти, как служители кладбища, но в медицинском заключении говорилось, что тело разложилось настолько, что буквально распадалось на части, и он отметил, что есть некоторые моменты, которые пока беспокоят его, но в целом подтвердил время смерти и под стоны Брюстера спросил:

— Как вы думаете, скольких двойников вы можете раскопать в ближайшее время?

Причина смерти была также достаточно интересной: Мерлин Плю был застрелен в голову пулей из моего пистолета.

Мы сперва не поверили Макальпину, но он настаивал на том, что пуля, которую он передал в лабораторию, была извлечена из черепа Плю. Он был уверен в том, что тут не было никакой подмены. Мозги сохранились достаточно, чтобы доказать, что в них только одна пуля, а остатки костей и характер отверстия доказывали, что до Макальпина в мозгах колдуна никто не ковырялся. Итак, Плю был застрелен из моего револьвера задолго до того, как я вообще узнал о его существовании.

Чем глубже мы копались, тем хуже становилось.

Этот револьвер был у меня всего лишь пару месяцев. Мне дали его для замены более старой модели. Запрос в Коннектикут в оружейную компанию «Кольт» выявил, что револьвер с моим серийным номером был собран там лишь за несколько недель до того, как он появился у меня.

Короче, Мерлин Плю был застрелян пять или шесть месяцев тому назад полицейским, который не знал его, из оружия, которого еще не было на свете!

К концу недели мы были готовыми кандидатами в психушку. Затем стало еще хуже.

Когда я зашел к Брюстеру в пятницу утром, то увидел его сидящим за своим столом и жующим незажженную сигарету с таким видом, как будто он сейчас бросит ею в меня.

Я спросил его, в чем дело, и он вручил мне телефонограмму из Вашингтона.

— Ребята из ФБР проверили отпечатки с той руки, которую сжег Плю, — сказал он. — Они совпали с отпечатками, полученными через Интерпол, которые принадлежали некоторому мошеннику, выколотившему из некой женщины все ее сбережения.

Я взял телеграмму, пробежал ее взглядом и воскликнул:

— О Господи!

«Рука триумфа», закупленная мной в «Шоттл Боп» являлась ранее частью персоны, именуемой Мерлином Плю! Отпечатки пальцев совпадали идеально!

Мисс Меб была спокойной и невозмутимой и знала о своих гражданских правах гораздо больше, чем многие девушки ее возраста.

Пит Кастис и я арестовали ее, когда она закрывала магазин на выходные. Когда мы посадили ее в машину, Кастис сообщил по радию, что мы взяли подозреваемую, и попросил подготовить камеру. Сидя рядом со мной на заднем сидении, мисс Меб пробормотала:

— Дерьмо! Я собираюсь заявить, что вы вдвоем меня изнасиловали!

Проигнорировав ее замечание, Кастис произнес заклинание, которое Верховный Суд предлагает использовать в случае ареста ведьмы или кого-либо еще.

Говорить ей, что она имеет право ничего не говорить, было пустой тратой времени, так как она уже заявила нам, что в отсутствии своего адвоката не скажет ни одного слова.

Она не шутила. Когда мы отвели ее к Сэму Брюстеру, она не назвала ему даже свою фамилию. Брюстер дал ей телефон, и она набрала номер. Как только ее соединили, она сказала:

— Это ты, моя радость? Меня опять арестовали. Меня держат в четырнадцатом участке. Когда ты сможешь прийти сюда?

Последовала пауза, и затем она сказала:

— Обвинение? Откуда я знаю, какое обвинение? Ты скажешь мне, не болтать с фараонами, помнишь?

Она повесила трубку и заявила, что ее адвокат будет через двадцать минут. Брюстер кивнул и сказал:

— О' кей. Вы решили поступать в этом деле круто, мисс? Мы ответим вам тем же. Отведи ее в камеру, Пит.

— Для подозреваемых в убийстве, шеф?

— Да. Надеюсь, это развяжет ей язык.

Глаза мисс Меб расширились, и она сказала:

— Убийство? Вы шутите! Я думала, вы меня арестовали за... — Она замолчала, а потом пробормотала. — А вы очень хитрые ребята, не так ли?

Больше она не говорила ни слова.

Она даже не пикнула, когда ее отвели в камеру для подозреваемых. Она без единого слова подписала опись ее личных вещей, но, в конце концов, вместе с отпечатками ее пальцев и фотографиями мы получили ее фамилию.

Ее звали мисс Меб Сонит.

Вести ее в женский следственный изолятор не имело смысла, так как ее адвокат был уже в пути, поэтому мы посадили ее вместе с надсмотрщицей в комнату для допросов и приказали сидеть тихо.

Она ничего не ответила.

Пит Кастис и я вернулись в кабинет Брюстера, и лейтенант рассказал нам, что отправил машину, чтобы обыскать «Шоттл Боп».

Кастис спросил — имеем ли мы право это делать без ордера, на что Брюстер сказал:

— Девчонка всего лишь арендует это место. Дом, в котором находится ее магазин, ей не принадлежит. Согласно лицензии, она содержит магазин подарков, поэтому можно утверждать, что она нарушила несколько правил, если, конечно, ты не считаешь высушенные человеческие конечности

подарками. Я сказал ребятам, которые поехали в это здание, что управляющий домом имеет все права не впускать их, и чтобы они рассказали это ему. Если он не начнет вонять, а я не вижу для этого причин, мы можем действовать вполне официально.

— А что мы ищем? — спросил я.

Брюстер пожал плечами и сказал:

— Кто знает? Если бы я знал, что, то выписал бы ордер. Когда его выписывают, то говорят, что собираются искать. По всему видно, дамочка прячет там что-то!

— Я бы поискал там резиновые маски и театральный грим, — сказал Пит Кастис. — Если эти оккультисты сделали резиновые маски с посмертных масок трех трупов, которые мы имеем, они могли как-то гримировать под них других людей и...

— Лицо Мерлина Плю было самым настоящим, — перебил я. — Я не единожды говорил с ним при хорошем освещении. Я никогда не видел живую девицу Пауэл, и Дейм Сибил носила пудровый грим оба раза, когда я говорил с ней, но за старика я ручаюсь.

— Никак не сходится, — тихо сказал Брюстер. — Конечно, любая блондинка с лошадиными зубами могла выдать себя за девицу Пауэл при определенной сноровке. Согласен, что можно даже найти какую-нибудь старуху, говорящую на уэльском языке, чтобы, загримировав, представить ее как Дейм Сибил, но где найти говорящего на уэльском языке артиста — фокусника с хромой ногой? Что-то тут не так, Пит!

— Сам знаю, — сказал Кастис. — Но это не более дикое предположение, чем три трупа, гуляющих по городу и притворяющихся живыми! Черт возьми, Сэм, тело Плю уже почти распалось на куски, когда мы его нашли, а руки и ноги у него были отрезаны!

— Ты лучше рассказал бы мне что-нибудь, что я не знаю, — проворчал Брюстер. — Я знаю, что ты хочешь помочь, Пит. Но пока ничего из того, на что мы натолкнулись, не имеет никакого смысла! Как бы мы ни интерпретировали наши факты, в результате получается идиотизм! Все это дело кажется просто невозможным!

— Может быть, это и есть тот ответ, к которому нас толкают преступники, — предположил я. — Может, они хотят, чтобы мы подняли кверху лапки и списали все это дело.

— Дела об убийствах не прекращаются! — ответил Брюстер. — Мы будем копать до тех пор, пока, рано или поздно, не найдем ответа.

— Как в случае с Джеком-Потрошителем? — спокойно спросил Кастис. — Сколько им потребовалось, Сэм? Семьдесят или восемьдесят лет?

— Ладно, пусть мы не раскрывали всех преступлений, — ответил Брюстер. — Но мы, по крайней мере, пытаемся их раскрыть!

— Мне кажется, — вмешался я, — что нам не следует упускать из вида то, что эти ребята *хотели*, чтобы мы расследовали это дело.

— Да? — удивился Пит. — Из чего ты это заключил?

— Если Плю и обе женщины были давным-давно мертвы, то для убийц все чисто. Никто не знал, что они были убиты! Недумаю, чтобы они предполагали, что мы найдем тело Мерлина Плю. Оно было спрятано достаточно хорошо, и мы никогда бы не нашли его, если бы Британское консульство не установило личность отца Цинтии Пауэл. Но тела обеих женщин нам приподнесли фактически на блюдечке, и в этом должен быть какой-то смысл!

Кастис ничего не ответил, пока не вынул сигарету из пачки и не прикурил ее. Затем он сухо усмехнулся и спросил:

— Ребята, а вы когда-нибудь читали фантастику?

— Немного, — сказал я. — А что?

— Это тоже, может быть, выход, — сказал он. — В этом деле все нормально.

— Говори, говори, Пит, — сказал Брюстер.

Кастис покачал головой и продолжил:

— Я знаю, что вы все это посчитаете за ерунду, шеф, но я читал роман о парне, который мог перемещать предметы во времени.

— О, Боже! Ты предлагаешь нам разыскивать путешественника во времени?

— Я знаю, что это невозможно. А колдовство? А если бы можно было перемещать кого-нибудь во времени или, допустим, чей-то труп... Я имею в виду, что всегда можно было бы состряпать себе хорошее алиби!

— Давай-ка начистоту, — ответил Брюстер. — Ты пытаешься сказать мне, что некто убил всех этих людей после того, как мы говорили с ними, но послал трупы в прошлое? Ради Христа, Пит! Что ты кладешь в свои сигареты?

— Знаете, — заметил я. — В рассуждениях Пита что-то есть.

— Ну, давай, давай... — фыркнул Брюстер. — Теперь и ты начнешь рассказывать, что веришь в путешествия во времени!

— В последнее время мне трудно сказать, во что я верю, я бы хотел поговорить с хорошим судебным медиком. Макальпин мог что-то напутать. О дате смерти мы судим лишь по его словам и...

— Знаю, о чем ты думаешь, но это все не годится, — вме-

шался Брюстер. — Ты говорил с Дейм Сибил уже после того, как Сенди Макальпин делал ей вскрытие, поэтому не имеет значения, сколь долго старая карга была мертва к тому времени. Факт остается фактом, что когда ты играл в свои мрачные игры с ней и Плю, они оба были мертвы и находились в другом месте! Сибил Иванс находилась в холодильнике городского морга, а Мерлин Плю давным-давно гнил в гробу на Гленвудском кладбище!

— Тогда как же я пристрелил Плю?

— Откуда я знаю? Может, ты этого и не делал! Боже! Прайс, давай говорить о вещах, которые возможны! Ради Христа!

Не успели мы пустить беседу по новому кругу, как появился адвокат мисс Меб. Его звали Мелвин Стерн, и Брюстер хорошо знал его. Он и Брюстер держались в разговоре на дружеской ноге.

Стерн спросил Брюстера, за что была арестована его клиентка, и лейтенант в общих чертах объяснил ему причины. Когда Брюстер заканчивал рассказ об отпечатках пальцев «руки триумфа», которую мисс Меб продала мне, глаза адвоката немного остекленели. Затем он предположил, что мы ошибаемся.

— Эта девчонка торгует лишь подделками, Сэм, — сказал Мелвин Стерн. — Может быть, она немного грубовата, но происходит из хорошей, добропорядочной семьи и, я уверен, никогда не тронула бы настоящую руку мертвеца!

— Это была настоящая рука, — вмешался я. — После того, как я затушил ее чаем в мусорной корзине, я передал остатки судебным медикам. Они дали заключение, что это была настоящая высушенная человеческая рука, пропитанная креозотом, нафталином и парафином, чтобы лучше горела.

— А мог ли тот парень подменить руку?

— Даже если и подменил — не имеет значения. Я снял отпечатки через несколько минут после того, как ваша клиентка продала ее мне. Рука, которую я приобрел у нее, оказалась рукой Мерлина Плю, а тот, в свою очередь, был к тому времени мертв.

Я обошел тот момент, что главным подозреваемым в его убийстве, на этот час был я сам!

Зазвонил телефон, и Брюстер поднял трубку. Он пару раз кивнул, поблагодарил кого-то и положил трубку на место. Затем, любезно улыбнувшись Мелвину Стерну, сказал:

— Это патрульный Свины, номер значка 743. Он только что нашел в магазине вашей клиентки пару фунтов травы, Мел. Как ты думаешь, продажа этого товара также попадает под лицензию магазина подарков?

— Ты провел обыск без ордера, Сэм?

— А ты знаешь, что я получил разрешение от хозяина дома, Мел?

Адвокат устало покачал головой и спросил:

— Можно мне поговорить с ней наедине, Сэм?

— Будь, как дома, — сказал Брюстер.

Мы вчетвером прошли по коридору к комнатам для допросов, и Брюстер открыл дверь, за которой томила мисс Меб. Он кивнул головой надзирательнице, и та вышла в коридор, а Мелвин Стерн уселся за стол напротив рыжеволосой продавщицы. Брюстер захлопнул дверь в комнату и спросил:

— У кого есть спички?

Кастис вынул свою зажигалку, и когда сигара Брюстера разгорелась достаточно хорошо, дверь открылась, и на пороге появился Мелвин Стерн.

— Ты отпустишь ее, Сэм? — спросил он.

— Это почему еще?

— Ладно, Сэм, я знал ее отца, и у него, конечно, были причины для беспокойства. Меб была неуправляемым ребенком, но отнюдь не злодейкой. К тому же я сказал ей, что ты ее отпустишь.

— Посмотрим, — ответил Брюстер. — Послушаем, что она нам расскажет.

Оставив надсмотрщицу в коридоре, мы вошли в комнату и сгрудились вокруг стола. Посмотрев на меня, Меб сухо улыбнулась и сказала:

— Тебе повезло, красавчик. Я не знала, что ты — полицейский, а то бы так дешево не попалась.

— Вам сказали, дать мне именно «руку триумфа»?

— Конечно, она была единственной в магазине. Профессор сказал, что она нужна для посвящения или что-то типа того и дал мне пятьдесят долларов, чтобы я передала ее именно тебе.

— Как вы должны были узнать меня?

— Профессор показал мне ваше фото. Какой-то любительский снимок, сделанный в «Плейс-ту-Лик». Вы там играли на арфе.

— ПолярOID? — спросил Кастис.

Мисс Меб пожала плечами и сказала:

— Может быть. Я не занимаюсь фотографией.

Я решил забрать инициативу у Кастиса.

— Вы уверены, что руку вам передал именно Плю, а не кто-то, переодетый в него?

— Черт возьми! Откуда я знаю? Я никогда не обращала внимания на этого старого обманщика. Его хромая нога и манера разговаривать вызывали во мне отвращение.

Пит Кастис показал ей фотографию, сделанную в морге, и спросил:

— Это он?

Мисс Меб сморщилась и сказала:

— Да, это профессор, без сомнения. Что с ним случилось? Он выглядит, как мертвый!

— Но вы уверены, что это именно он? — настаивал Кастис. Девушка кивнула.

Я взял из рук фотографию и посмотрел на изображение. Оно было не из приятных. Сэнди Макальпин сделал все, что мог, с помощью крашеного парафина и пудры, но Мерлин Плю не выглядел ангелом и при жизни, а после смерти его лицо стало еще более отталкивающим. Однако реконструированное лицо на фотографии было легко узнаваемым. Это был именно тот человек, который отвел меня на «Эсбат».

Я кивнул, отдал фотографию Кастису и спросил у девчонки, где она доставала остальные свои товары.

Она назвала адреса нескольких поставщиков, которые Брюстер тотчас записал в свой блокнот.

Я улыбнулся и вновь спросил:

— Но вы же не берете у них весь свой товар, а?

— Большую часть, — уклончиво ответила она.

— А как насчет травки? — спросил Кастис.

— Сэм? — вмешался ее адвокат.

Брюстер покачал головой и сказал:

— Давай-ка пока опустим марихуану, Пит. Вернемся к оккультизму, Прайс.

— Попытаюсь, — сказал я и спросил, где она достала магический жезл из человеческой кости.

Мисс Меб поглядела на своего адвоката, и Мелвин Стерн кивнул головой.

Девушка пожала плечами и сказала:

— Не знаю, настоящий ли он или нет. Я покупаю эти штуки у одной ведьмы, практикующей вуду, по имени Палавер. Она родом откуда-то из Вест-Индии и имеет поставщика, который присылает ей пыль от мумий, черепа и свечи из, как она говорит, «трупного жира».

Пит Кастис поглядел на меня и спросил:

— Эта мама Палавер — негритянка?

— Ну, конечно, — ответила девушка. — Вы знаете много белых ведьм, практикующих вуду?

— Как она выглядит и где живет?

— Не знаю, где она живет. Думаю, где-то в Черри Крик. Люди в моем бизнесе не очень-то стремятся выдавать такого рода информацию, а я, в свою очередь, не сую нос в эти вопросы.

— Ну, черт возьми, вы должны были видеть ее! Она толстая, худая, молодая, старая или что?

— Выглядит, как обычная африканского типа тетя средних лет, — ответила мисс Меб. — Носит тюрбан на голове, цыганскую юбку и уйму бижутерии. Да! У нее на щеках эти странные отметины!

— Какие отметины?

— Наподобие шрамов, как царапины от кошки, только они слишком равномерно расположены, и как-то она говорила мне, что это какие-то африканские племенные знаки. Кажется, она говорила, что принадлежит к культу Леопарда. Все эти психи рассказывают подобные вещи.

Сэм Брюстер закатил глаза к потолку и проворчал:

— Боже! Почему я? Мало того, что у меня на шее сидят уэльские колдуны и зомби! Теперь ты суешь мне этот проклятый культ и вуду!

Не обращая на него внимания, Пит Кастис поглядел на меня и спросил:

— Что ты думаешь, Прайс?

— Может быть, — ответил я. — Хотя у женщины, которую я видел в подвале, на лице не было никаких шрамов.

Я спросил у девушки, какой акцент у Мамы Палавер, и мисс Меб ответила:

— Она говорит на хорошем английском языке. Только немного чувствуется та странная смесь английского с чем-то еще, на которой говорят кое-где в Вест-Индии. Она, кажется, как-то говорила о Ямайке. Называла себя «Мароном».

— О, Боже! — застонал Брюстер. — Опять связываться с Британским консульством.

Пит Кастис саркастически улыбнулся и сказал:

— Раздельное образование белых и черных иногда может приносить хорошие плоды. В школе нам рассказывали о том, кто такие колумбийские Мароны. Это было племя беглых рабов -- негров, которые бежали в Голубые Горы на Ямайке и смешались с индейцами. Британская армия попыталась было выбить их оттуда, но получила хороший отпор, и поэтому им пришлось заключить мирный договор. Можно сказать, что Мароны — это ямайская версия наших флоридских Семинолов. Хотя их племенные обычаи больше африканские, чем индейские.

— А культ Леопарда у них там имеется?

— Откуда я знаю? Я слышал о Западно-африканском культе Леопарда только то, что этот культ распространяется исключительно на мужчин. Африканки же молятся только Мумбе-йумбе и Деве Марии.

— Оставим уроки антропологии на потом, Пит, — проры-

чал Брюстер. — Мне наплевать на то, где и как эта ведьма посадила шрамы на свои щеки. Я лишь хочу допросить ее.

— Вы хотите притащить ее сюда? — спросил Кастис.

— Ну, конечно же, я хочу притащить ее сюда, черт побери! Я смертельно устал от всего этого грязного дела и...

— На каком основании, шеф? — перебил его Кастис.

— На каком основании? — рявкнул лейтенант. — Свидетельница только что сказала нам, что та ей продавала человеческие кости и Бог знает что и... гм-м-м. Понимаю.

— Высушенную руку дал мисс Меб сам Плю или кто-то, очень похожий на него до такой степени, что его можно считать двойником, — сказал Пит Кастис. — У нас нет никаких оснований задерживать эту женщину более, чем на семьдесят два часа, и если мы не сможем предъявить ей какое-либо основательное обвинение, она снова окажется на свободе, но уже будет знать, что находится под подозрением!

— О' кей. Не хочешь ли побродить по Черри Крик и покопать под нее? — спросил Брюстер.

Кастис кивнул, и лейтенант повернулся к Мелвину Стерну:

— Забирай ее, Мел, но хочешь, дам тебе совет?

— Конечно, Сэм. Говори.

Брюстер указал сигарой на мисс Меб и сказал:

— Сделай так, чтобы я ее больше не видел. Все равно, куда, лишь бы подальше. Мы имеем дело с опасными психопатами, и нет уверенности, что они не захотят убить заодно и ее!

Он вспомнил о чем-то и мрачно добавил:

— Если окажется, что они уже ее убили, то я вскрою себе вены.

Кастис и я нервно хохотнули, а адвокат ничего не понял. Он перевел взгляд с Брюстера на свою рыжеволосую клиентку и сказал:

— Боюсь, что не понимаю тебя, Сэм. Вот же она сидит — живая и здоровая.

— Надеюсь, что это так, — ответил Сэм Брюстер. — Искренне надеюсь, что это — так. Но, видишь ли, Мел, в последнее время мы такие факты в расчет не берем!

В этот вечер я вернулся домой довольно поздно, но в подъезде меня ждал взбешенный управляющий.

— Вам нужно как-то позаботиться о вашем проклятом коте, сержант Прайс! — пожаловался он. — Он чуть не вернулся наизнанку от своего мяуканья. Только благодаря

вашему новому замку я не мог отпереть дверь запасным ключом и не заткнул этой твари глотку!

— Какой кот? — нахмурился я. — Ты что-то путаешь, Майк. У меня нет кота.

— Врете, — отрезал Майк. — Шум раздается из вашей квартиры, и весь дом не может уснуть!

— Пойдем и увидишь сам, — настаивал я, вынимая ключи.

— Именно это я и собираюсь сделать, — огрызнулся Майк. — Вам известно, что владельцы не позволяют содержать в квартирах домашних животных, сержант Прайс. Если я позволю вам оставить у себя эту скотину, то могу потерять работу!

Моя холостяцкая квартира располагалась на последнем этаже, и к ней вело три лестничных пролета. Я услышал мяуканье уже на площадке второго этажа. Мяукал большой кот не то от злости, не то от боли. Я бросил взгляд на Майка.

— Ты говоришь, это в моей квартире?

— Это продолжается уже весь вечер! — ответил он.

Я спросил, проверял ли он крышу.

— Кот прямо за вашей дверью, черт возьми! — ответил он. — Я поднимался к вам на этаж совсем недавно и слышал, как он царапает дверь!

— Наверное, кто-то решил подшутить, — сказал я, перескакивая через ступеньки. Позади меня тяжело дышал управляющий.

— Шутники, говорите... Не вы ли хвастались, что ваш проклятый замок невозможно открыть?

— По идее — да... — заметил я, тоже чувствуя легкую одышку. Я поставил новый замок после того, как узнал о серии квартирных ограблений, произошедших недавно в нашем районе. Все это не из-за того, что у меня дома было что-то ценное, а из-за того, что держал дома оружие и амуницию.

К тому времени, как мы поднялись на четвертый этаж, у нас не было сил говорить друг с другом, но невидимый кот с успехом восполнял наше молчание.

— Господи Иисусе! — тяжело дышал Майк, тащась за мной по коридору к двери. — Он орет так, как будто кто-то оторвал ему хвост!

— Если он у него был, — пробормотал я с беспокойством. Затем, отогнав от себя черные мысли, я сказал: — Сейчас мы все узнаем! — и вставил ключ в замок.

Что-то сильно ударило в дверь с той стороны, и коридор пронзил громкий, душераздирающий, полуживотный, получеловеческий крик, от которого кровь стыла в жилах!

— Боже мой! — воскликнул управляющий. — Может, тебе стоит достать твою пушку, как ты думаешь?

— Глупости! — фыркнул я, поворачивая ключ. Удар в дверь повторился, сопровождаемый на этот раз еще более ужасным криком, напоминающим крик разгневанной женщины.

— Ты меня убедил, — пробормотал я.

Вытащив револьвер, я свободной рукой отпер дверь и сказал:

— Отойди-ка, Майк.

Затем я повернул ручку, ударил ногой в дверь и отскочил в сторону.

Ничего не произошло.

Мы оба стояли и смотрели в темное пустое пространство моей квартиры. Затем, глупо улыбаясь, я вошел внутрь и стал шарить по стене в поисках выключателя.

И тут вспышка боли пронзила мою левую руку — что-то с огромной силой ударило по тыльной стороне ладони! Отдернув руку, я задел ладонью выключатель, и когда вспыхнул свет, я вновь оказался за порогом квартиры. Ноги и руки у меня дрожали.

— Что случилось?! — воскликнул Майк, когда я, выбегая, наступил ему на ногу. Я замер, держа оружие наготове в сторону открытой двери. Затем, когда ничего более не произошло, я рискнул посмотреть на свою левую руку.

На тыльной стороне ладони, параллельно линии костей, кровоточили четыре царапины.

— Здорово он тебя испарепал! — сказал позади меня Майк.

Я не ответил.

— Осторожно, — глупо прошептал он, когда я на цыпочках с пистолетом двинулся вперед, готовый выстрелить при первом же движении в квартире.

Но ничего такого не произошло.

Судя по месту ранения, проклятая тварь должна была находиться справа от двери. С этой стороны моей комнаты не было ничего, кроме кушетки и пары журнальных столиков. Набрав в себя воздух, я прыгнул в комнату и, развернувшись в воздухе, приземлился лицом к кушетке.

Ничего.

Комната была пуста. Если только под кушеткой...

Из коридора я услышал голос управляющего:

— Есть там кто-нибудь, сержант?

— Нет, — ответил я. — Кажется, он прячется под кроватью.

Майк с опаской зашел в комнату и встал рядом со мной.

— Что мы теперь будем делать? — спросил он.

— Я тебя прикрою, — сказал я, — а ты отодвинь кушетку от стены.

— Вот уж, нет! — сказал Майк, глядя на мою поцарапанную руку. — Это какое-то дикое животное, сержант! Давайте-ка лучше вызовем ветеринарную службу!

— Ладно, ладно. Если ты подойдешь с той стороны и сделаешь это достаточно быстро, то что бы под кушеткой ни было, оно не достанет до тебя, — успокоил я его.

— А если эта штука прыгнет на меня?

— Я размножу ей башку!

Управляющий потоптался на месте, а затем, видимо, собрав в кулак всю свою волю, сказал:

— Ну, ладно. Я попробую. Я попробую, но вам не сдобровать, если эта гадость оторвет мне ногу!

Под прикрытием моего револьвера Майк подошел к кушетке и, стараясь не попасть на линию огня, отодвинул кушетку от стены почти на сорок пять градусов.

Там не оказалось ничего, кроме огрызка карандаша и давнишнего номера «Тру Мэгазин».

— Наверно, выскочил в окно, — предположил я.

— С четвертого этажа? — спросил Майк, подходя к окну. — Оно заперто, сержант. Заперто изнутри!

— Значит, он где-то здесь, — я почувствовал в своем го- лосе истерические нотки.

Мы принялись искать. Управляющий помогал мне в поисках, открывая дверцы и выдвигая ящики, в то время как я прикрывал его своей «Коброй». Мы не нашли ни кота, ни какого-либо другого животного, живого или мертвого. Майк сказал, что тут что-то нечисто.

Я с этим согласился.

— Вам надо что-нибудь сделать с этими царапинами, — заметил он, собираясь уходить. Я сказал, что у меня в аптечке есть йод и бинты.

— На вашем месте я бы показал их доктору, — сказал он. — Судя по тому, как эта тварь себя вела, она, должно быть, бешеная.

Я покачал головой, но тут понял, что его слова не лишены смысла, и сказал ему, что обязательно схожу в участке к полицейскому врачу. Он вышел за дверь, качая головой и бормоча себе под нос что-то о каких-то неграх. Я уже начал закрывать дверь, когда смысл его ворчания стал доходить до меня.

— Эй! Майк! — позвал его я. — Что ты там говорил насчет негров?

— Это из-за них появились крысы, — сказал он, поворачиваясь ко мне. — Проклятые негры всегда приводят за собой крыс и черт знает что еще, когда появляются по соседству.

— Не знал, что здесь живут негры, — признался я. На

улице, на которую выходили окна моей квартиры, жили лишь белые представители среднего класса, и среди них лишь одна или две уважаемые семьи чернокожих, да еще врач — индус с женой в квартале отсюда. Из слов Майка я понял, что он имел ввиду каких-то других негров.

Я был прав в своих предположениях.

— Не знаю, кто сдает им квартиру, — сказал Майк. — Но в последнее время я замечаю в нашем районе самых настоящих Грязных негров. Я не имею в виду добропорядочных, вы понимаете? Когда они начинают носить всякое тряпье и разные там бусы...

— Как они выглядели, Майк? — оборвал его я. — Мне очень важно знать это.

Управляющий пожал плечами и сказал:

— Ну, как выглядят грязные негры? Одна из них — толстая самка с головой, обмотанной красным тюрбаном. Похоже, что она — мать двух других, молодых оборванцев с огромными африканскими шевелюрами и узкими расклепанными штанами.

— У женщины были царапины на лице?

— О, Боже! Я не знаю!. Я не разглядывал их вблизи. Я же сказал, что даже не знаю, кто сдает им квартиру, но очень скоро мы узнаем это. Я и раньше видел таких негров. Когда станет теплее, они будут спать прямо на крыльце.

Я спокойно кивнул и спросил, может ли он назвать точную дату, когда он их видел.

Он не мог. Майк помнил лишь, что видел странно одетых негров пару раз, несколько дней или несколько недель назад. Я поблагодарил его за информацию и закрыл дверь.

Затем я пошел в ванную комнату и обработал свои раны. Царапины были глубокими, и когда я заливал их йодом, болели страшно. Я чувствовал себя глуповато, но, зная, что такое бешенство, считал, что лучше быть глупым, чем мертвым. Затем я позвонил в седьмое управление и спросил нашего доктора.

Получив телефон, я позвонил и попал на секретаршу. Девушка сказала, что не имеет понятия, когда доктор вернется, она попросит его срочно мне позвонить.

Я заварил себе кофе и уселся читать журнал, который нашел сегодня под кушеткой. Номер был старый, но я вспомнил, что когда-то потерял его, не прочтя и половины.

Когда я прочел журнал, рука у меня здорово разболелась.

Я включил свой старенький телевизор и стал смотреть «Шоу Джонни Карсона», а затем новости. Когда начался фильм, я встал и переключил телевизор на другой канал.

И тут я, к своему удивлению, обнаружил, что летаю над полом, как наполненный гелием воздушный шарик!

— Что за черт! — закричал я, медленно поднимаясь к потолку и глупо дрыгая в воздухе ногами!

— Именно Черт, «кован»! — раздался низкий голос, за которым последовал саркастический смех, а потом все вокруг меня запищало тоненькими голосами:

— Что за черт, что за черт, что за черт!

— Эй-эй! — сказал я сам себе. — Тебе все это снится, Морган!

Я ударился затылком о потолок и отчаянно попытался проснуться, но, похоже было, что я висел в воздухе, прислонившись спиной к потолку, глядел сверху на свою комнату и убеждал себя, что этого не может быть. Этого не может быть!

Детали всего происходящего были отчетливы, как обычно. Совершенно не ощущалась нереальность обстановки, за исключением того, что я летал в воздухе. Я заметил лежащий на кушетке журнал — буквы на обложке были ясно различимы. Я старательно вгляделся в заголовок, надеясь, что буквы расплывутся... Но все в комнате выглядело абсолютно нормальным, и если можно было смириться с мыслью, что я могу летать, то все было в полном порядке.

Затем из моего телевизора раздался голос:

— Что тебе от нас нужно, «кован»? Ты хотел узнать, что значит быть сектантом, да?

Я с удивлением посмотрел на Джонни Карсона и сказал:

— Я не знал, что ты можешь говорить на «Кымриг».

— Ты много чего не знал, Морган Прайс, или Овейн Арфист, — сказал Джонни Карсон, бросив на меня такой взгляд, которого я раньше никогда у него не замечал. В этот момент я вспомнил:

— Эй, но твое шоу уже прошло! Сейчас должен идти какой-то вестерн, черт возьми!

— Я на тринадцатом канале, — сказал Джонни Карсон, обнажив два острых клыка.

— Но тринадцатый канал тут не ловится, — возразил я.

— Многие так думают, Овейн Арфист, — сказал популярный ведущий. — Мы знаем как попасть на тринадцатый канал после полуночи!

Последнее замечание почему-то показалось мне смешным, и я захохотал. Тоненькие голоски вокруг меня тоже захохотали, а Джонни Карсон с яростью в голосе заявил:

— Скоро ты будешь смеяться обратной стороной своего рта, «кован»!

— Да, заткнись! — парировал я. — Ты плод моего воображения. Все это происходит лишь во сне!

— Тогда почему бы тебе не проснуться, — предложил Джонни Карсон.

— О'кей, — сказал я и открыл глаза.

Я лежал на кушетке и смотрел на потолок, освещенный красным светом от телевизора.

— Боже, какой кошмар! — прошептал я и сел на кровати.

В центре комнаты, освещенная красным светом от моего чернобелого телевизора, огромная черная фигура раскрыла свои перепончатые крылья и сказала:

— Я ждал, когда ты проснешься, приятель!

— Боже! — закричал я, отступая назад, к спинке кровати.

— Бог тебе не поможет, «кован»! — сказал Лью Длинная Рука. Зеленое пламя из его рта освещало мерзкую, покрытую слизью морду. Он потянулся ко мне прямо с того места, где стоял, и... дотронулся до меня!

Когти на пальцах его шестипалых рук дымились, а рука вытянулась на добрых десять футов. Всклипывая от страха, я отскочил от кушетки и бросился к окну, уже не заботясь о том, как высоко я находился, или о том, могу ли я еще летать. Мне нужно было скорее выпрыгнуть в окно.

— Это он! Это он! Это он! — вскрикивала отвратительная рожа, прилипшая к стеклу моего окна с противоположной стороны!

Это был Мерлин Плю. Его гниющее лицо было наполовину изъедено червями, обрубки рук и ног цеплялись за раму и подоконник.

— Мсть! — выл он. — Бог Кромешной Тьмы! Я требую его душу за ту, которую отняли у меня по его вине!

Я отшатнулся от окна, но тут что-то впилося в мою спину, и тогда крылатое чудовище, пришедшее из глубин Ада, лениво хохотнуло и сказала:

— К чему теперь тебе душа, Мыридин Странствующий? В твоих сожженных червями мозгах сидит полицейская пуля, а гнилая плоть почти отвалилась с твоих костей!

— Дай его мне! — взмолился покойник за моим окном. — Он убил меня до того, как я истратил тысячу лет, о которых мы договорились! Будет справедливо, если его душа займет мое место в этом гниющем трупе. Подумай о том, как я могу послужить тебе, хозяин, в его сильном, молодом теле!

— А ты, что скажешь, Сибил С Котами? — спросил Лью Длинная Рука, шевеля когтями в каких-то дюймах от моего лица.

Позади меня женский голос сказал:

— У меня больше прав, хозяин. Я всегда была главнее этого старого дурака за окном.

— Но тебе, кажется, всегда нравились малоденькие де-

вочки? — сказал крылатый монстр, стоящий в мерцающем свете моего телевизора.

— Я получу от них больше удовольствия, если у меня будет свое собственное мужское тело! — закудахтала Дейм Сибил. — Последнее тело, которое ты дал мне, пропало!

Я обернулся и увидел в дверях ванной комнаты тускло освещенную фигуру в черном балахоне. Складки балахона открылись, и я увидел зияющий разрез от вскрытия, который тянулся от ключиц к низу живота.

— Они вынули все мои внутренности! — шипела Дейм Сибил. — Вынули внутренности и рассовали по стеклянным банкам, и у меня не осталось ничего, что могло бы заполнить мое нутро, кроме бедного Мередита. И только поглядите, что сделали с ним!

Черный манкс, блестя одним глазом из своего раздробленного черепа, выглянул из брюшной полости старухи и зашипел на меня!

— Дай его мне! — заорала Дейм Сибил. — Пусть он сгниет в морге сдохлым котом в брюхе, а я в его сильном мужском теле буду насиловать девочек! Дай мне наполнить эту плоть силами зла и взлететь над землей, мой Рогатый Бог!

— Я найду ему лучшее применение! — раздался еще один голос, и из туалета, блестя мертвыми глазами, вышла голая Цинтия Пауэл.

— Ты мертва, черт тебя побери! — закричал я, лихорадочно пытаюсь нащупать у себя подмышкой револьвер и, в конце концов, понимая, что повесил его на крючок в туалете — именно там, где стоял труп блондинки.

— Я не буду мертвой в твоём сильном теле! — сказала покойница Цинтия Пауэл, обнажая свои лошадиные зубы. — Какие вещи я смогу сотворять, находясь внутри него! О любимый Люцифер! Ты помнишь, сколько было удовольствия, когда я имела тело Джека-Потрошителя? Ты только подумай о том, как я смогу резать и бить этими сильными руками! Дай его мне, и я начну с Патриции Вагнер и девицы Клани! Они, совершенно ни о чем не подозревая, останутся как-нибудь со мной наедине в укромном местечке, и с каким наслаждением я вырежу их яичники для пира на Лысой горе!

— Кого ты выберешь, Овейн Арфист? — засмеялось рогатое чудовище в центре комнаты. — Мне так нравится все поступившие предложения, что готов предоставить выбор тебе самому!

Между мной и моим револьвером стоял холодный труп Цинтии Пауэл, но мне нужно было во что бы то не стало заполучить его. Собравшись для броска, я прошептал:

— Иисусе, сын Божий! Если это не сон и у тебя есть жалость...

— Эта тварь молится своему хилому хозяину! — засмеялся демон.

— Молится даже тогда, когда хочет бороться с нами своим зеленым оружием! Ты воистину забавляешь меня, Овейн Арфист! Редкий смертный борется на этой стадии проклятия!

— Сукин ты сын! — огрызнулся я, прыгая с пола на мертвое тело Цинтии Пауэл.

Вокруг все потемнело, и я обнаружил, что лечу прямо в лапы демону, который растопырил свои крылья и хохотал:

— Грубость тебе не поможет, пигмей!

Мы стали бороться.

Мы боролись на полу, на стенах, на потолке. Я бил своими окровавленными кулаками в его смеющуюся золотую рожу, а пламя его дыхания обуглило кожу на моих руках, и дымящиеся когти срывали с меня одежду и впились в мою кричащую от боли плоть.

Я был мертв. Сейчас я уже знал, что я мертв, но моя душа оставалась у меня до тех пор, пока я мог сражаться за нее.

— Разорванные в клочья останки моего тела вряд ли им пригодятся, — размышлял я.

Когда он убил меня, боль утихла, и я с удовлетворением слушал его гневный вой, когда мне удалось своим обугленным и поломанным пальцем попасть в его наполненную огненной лавой глазницу.

— Ради Бога, сестра — воскликнул монстр. — Вам следовало бы крепче держать его!

— Доктор, — пожаловалась Дейм Сибил. — Он сильный, как бык.

И тогда я открыл глаза в третий раз.

Я увидел человеческое лицо, которое показалось мне знакомым. Кроме того, человек этот был, без сомнения, живым. Я покачал головой и прошептал:

— Доктор Гринспан?

— Как вы себя чувствуете, сержант? — спросил доктор.

— Ужасно, — простонал я и добавил, — мне кажется, что я побывал на том свете.

— Да, вы лишь совсем немного промахнулись, — кивнул полицейский врач, которому я звонил миллион лет назад. Оглянувшись вокруг, я заметил, что лежу абсолютно голый на больничной койке. Худошавая рыжеволосая сестра с ирландскими чертами лица скромно мне улыбнулась и сказала:

— Дорогой мой, ты устроил слишком большую драку для человека, которого всего-навсего отравили.

— Меня отравили? — заморгал я.

— Какой-то растительный алкалоид, — объяснил Гринспан. — Ваш организм хорошо отреагировал на антидот аконита и на укол антигистамина. Правда, нам пришлось немножко поволноваться. Когда я пришел к вам домой, то подумал, что у вас заражена кровь.

— Значит, вам передали, что я звонил?

— Да. Когда моя секретарша сказала, что на вас напал какой-то дикий зверь, я сразу отправился к вам домой. Дверь оказалась запертой, но было слышно, как вы там бьетесь и...

— Они, наверно, впрыснули мне белену или что-то вроде этого? Ощущение полета дает ведь белена? Как, по-вашему?

— Это вне моей компетенции, сержант. Вы чувствуете сухость во рту, напряжение в конечностях?

— Я чувствую напряжение во всем теле, но если этот яд мне впрыснули чем-то похожим на кошачьи когти, то...

— Погодите, погодите... — оборвал меня доктор. — Вы говорите о царапинах на вашей руке?

— Конечно. На них был яд, а остальное мы знаем.

— Дайте-ка я взгляну на вашу руку, — сказал Гринспан. — Мы обработали раны, но они были пустяковые.

Когда он снимал бинт, то спросил меня, кого я имею в виду под словом «они». Я совсем забыл, что он работал в седьмом участке, а дело это было настолько диким и запутанным, что мне не хотелось долго объяснять. Я сказал, что выполнял специальное задание по раскрытию группы сектантов, использующую наркотики. Кажется, его это удовлетворило. Он изучил царапины на тыльной стороне моей левой ладони и спросил, как долго я был в контакте с тем, что их сделало. Узнав, что были всего лишь доли секунды, он покачал головой и сказал:

— Не пойдет, сержант. Это было бы средство гораздо более сильное, чем аконит. Только очень сильный яд может подействовать, проникнув через такие царапины.

— Может, я просто потерял сознание, а они впрыснули в меня остальное?

— Сомневаюсь, — возразил врач. — На ваших венах нет следов, а чтобы достичь такого эффекта через капилляры, это должен быть нервно-паралитический яд типа кураре или змеиного яда. Кроме того, если вас оцарапал кот, как вы думаете, сколько этой дряни могло быть на его когтях?

— Боюсь, что не понимаю вас?

— Коты вылизывают себя, сержант. Они очень чувствительны ко всему липкому и мокрому на своих лапах.

— Значит, яд был сухим?

— Он не мог быть очень сухим, ведь часть его должна была

раствориться за доли секунды и подействовать на ваш организм.

— Другими словами, — сказал я, — они впрыснули мне яд каким-то другим путем?

— Именно это я и хочу сказать.

Своего мнения на этот счет у меня не было. После медицинского вмешательства или благодаря ему меня тянуло ко сну. Тело мое болело, и я чувствовал, что вот-вот засну. Я попросил Гринспина дать мне стимулянт, но тот отказался.

— Мы поддержим вас, по крайней мере, эту ночь, — объяснил он. — Кроме того, вам нужен не стимулянт, а снотворное. Вы находитесь в сильнейшем возбуждении, сержант, а я хочу, чтобы ваше давление опять вернулось в норму. Кроме поглощенного яда, вы еще пережили чрезвычайно сильное нервное потрясение, поэтому самое лучшее для вас — как следует выспаться!

— Я не уверен, что засну когда-нибудь после того, что мне приснилось!

— Мы дадим вам кое-что, сержант, что свалит вас с ног, — засмеявшись, сказал Гринспин. — Сомневаюсь, что вам будет вообще что-либо снится после этого.

Он ошибся.

Я увидел кошмарчик, который был лишь хилой пародией предыдущего. Носколько я помню, это был милый и здоровый сон про то, как меня засунули ногами вперед в мясорубку. Не помню, кто и почему, но слава богу, что это был не дьявол во плоти — хоть какое-то улучшение.

Я пролежал так все выходные. Медикаментозное лечение Гринспина снимало мое перенапряжение очень медленно. Сколько я ни пытался расслабиться — мои расшатанные нервы никак не могли разжать мускулы до конца. Медики были уверены, что я страдаю от последствий отравления неизвестным ядом. Анализ мочи указывал на отравление аконитом, но так как аконит — это один из самых сильных растительных ядов, а я был еще жив, то в этом были большие сомнения. Прочие алкалоиды, находившиеся в смеси с аконитом, были неопределимы в его присутствии. После долгих раздумий Гринспан пришел к заключению, что я был отравлен смесью не то ядовитых грибов, не то беленою, не то ЛСД вместе с беладонной или даже мандрагорой, которая должна была отравить меня на тот свет. Он предположил, что тот, кто отравил меня, был чрезвычайно изощренным отравителем. Я, конечно, согласился с этим предположением.

Мое короткое пребывание в госпитале вызвало необычайное волнение в среде моих друзей и родственников. Первым пришел Брюстер, раздраженный тем, что я обратился за помощью в свой, а не его участок. По причинам, понятным только ему, он принес мне цветы. Пат и дядя Дей пришли вместе: она — с книгами, он — с коробкой конфет, которую я позже подарил медсестрам. Он был не в состоянии понять тот факт, что не всем на свете нравятся шоколадные конфеты с ликером. Они оба очень беспокоились за меня, а дядя Дей даже настаивал, чтобы я бросил это дело, пока меня не убили. Я сказал ему, что Брюстер и я считаем: отравитель не хотел убивать меня. Ведь тогда зачем был нужен фокус с котом? Но дядя Дей спросил, что же в таком случае я делаю в госпитале, и должен заметить, в этом вопросе было что-то конкретное. К счастью, Пат успокоила меня, пожелав скорейшего выздоровления, и книги, которые она принесла, не содержали ни слова об оккультизме. Одна из них была антологией фантастики, а другая — эротическим романом. Она сказала, что мне необходимо переключить свое внимание на иные вещи. Я поборол желание спросить ее, на чем я должен сконцентрировать внимание: на полете на луну или на том, чтобы переспать с кем-нибудь.

Моим самым интересным визитером оказался Пит Кастис. Он принес не книги, не цветы, не конфеты, а лишь несколько фотографий.

Он пришел в субботу вечером. Первое, что он сделал, — это вручил мне фотографии полной чернокожей женщины в фас и в профиль и сказал:

— Эту служанку ты спас от участи худшей, чем смерть?

Прежде чем ответить, я стал тщательно разглядывать на изображения на фотографиях. Женщина на них была несколько моложе, чем та, которую я видел в подвале в ту ночь, правда, лицо было то же самое. Снимки были сделаны в 1958 году в Калифорнии в женской тюрьме в Техачапи. Под ее тюремным номером были написаны имена: Мейбл Говер, она же Марта Иванс, она же Мама Палавер.

Она отсидела пять лет за воровство. Я отдал фотографии Питу и сказал:

— Кажется, она, но как насчет шрамов? Это ее последнее усовершенствование? Они появились недавно?

— Коллодион, — сказал Кастис. — Если провести по лицу линию жидким коллодином, то, когда он высохнет, на лице останется имитация страшного шрама. Похоже, она не гнушается никаким гримом. Когда Мама Палавер корчит из себя королеву вуду, то представляется добропорядочной служанкой. Она напоминает Вилли Саттона. Ты помнишь Вилли-актера?

— Да, на служанку никто не обращает внимания дважды. А ее имена? Ты заметил, они все уэльские?

— Она родилась в Свенси, в Уэльсе, — ответил Кастис. — Мать ее была родом из Вест-Индии, а отец — никто иной, как наш старый приятель, Мерлин Плю!

— Ты шутишь!

— Нисколько. Я справлялся через Хелен Клани, и оказалось, что свидетельство о ее рождении было в архивах Британской полиции. Плю и мать Мама Палавер работали в свое время вместе на карнавалах. То ли ведьмы и колдуны сходятся друг с другом по своей природе, то ли старик просто решил изменить свою судьбу... Короче, Мама Палавер — это черная уроженка Уэльса. Я слышал о черных ирландцах, но о черных уэльсцах слышу впервые.

— Я тоже, — засмеялся я. — Хотя, теперь вспоминаю, что в Кардноре есть черный квартал. Как ты считаешь, она может быть родственницей Сибил Иванс?

— Нет, но Сибил Иванс была родственницей сержанта Говера, который был убит нацистами после зачатия им Цинтии Пауэл. Эту информацию также предоставило нам Британское консульство. Последний муж Дейм Сибил был дядей убитого летчика. Кстати, Говер — владелец «Плейс-ту-Лик» не имеет к отцу Цинтии Пауэл никакого отношения. Одинаковые фамилии — просто случайность. Хелен Клани сказала мне, что Говер — это довольно распространенная уэльская фамилия.

— Пауэл и Иванс — тоже, — добавил я, — но Цинтия Пауэл должна была знать, что она и Дейм Сибил находятся хоть и в дальнем, но в родстве. Как ты думаешь, почему она не рассказала вам об этом и, более того, донесла на нее?

— Сам об этом думал, — сказал Кастис. — Мне пришлось в голову два ответа. Допустим, она приехала сюда с целью найти родственников отца, но с ней обошлись невежливо, и поэтому она пришла в полицию и рассказала нам всю эту полуправдивую историю в надежде, что мы обвиним старуху в занятиях колдовством. Так как доносы на ведьм очень сильно их сердят, обращение к нам решило ее судьбу.

— Ты забываешь, что настоящая Цинтия Пауэл к тому времени уже была мертва, — возразил я.

— Это ведет нас ко второму ответу, — сказал Кастис. — Кто-то, кто знал, что ведьмы порешили девчонку, явился к нам, изображая ее, и донес на Дейм Сибил.

— А ты не мог бы поискать третий ответ, — спросил я.

Кастис, нахмурившись, кивнул, а я сказал:

— Нам хотели заставить думать, что Дейм Сибил все еще жива, зная, что она мертва, по крайней мере, месяц. Нам

подсунули двойника убитой девушки, который вывел нас на двойника старухи Сибил, а затем, положив тело настоящей Сибил в дом, они подожгли его и...

— Я в этом не вижу смысла... А ты? — вздохнул Кастис.

Я кивнул и предложил:

— Давай вернемся к нашей чернокожей уэльской даме, практикующей вуду. Вы арестовали ее?

— Нет, — ответил Кастис. — Мне потребовалось всего лишь около часа, чтобы обнаружить ее храм вуду в Черри Крик, но она, повидимому, догадывалась, что продавщица из «Шоттл Боп» нам все расскажет, и, когда мы пришли, всех уже след простыл: ее и ее банды.

— Банды? — удивился я.

Кастис кивнул и объяснил:

— Пятеро или шестеро молодых бездельников, которые помогали ей содержать храм. Один из них, по идее, является ее сыном. Его зовут Ллевелин, но он именует себя не иначе, как Лью Иванс. В полиции на него нет никакой информации.

Я рассказал ему, что управляющий моим домом Майк, видел по соседству каких-то странно одетых негров.

— Это совпадает с нашей информацией, — сказал Кастис. — Кажется, Мама Палавер работает с... короче, с теми, кого мы ищем. Ты не будешь против, если я осмотрю твою квартиру? Вероятно, они работали с крыши или еще как-нибудь и...

— Они как-то открыли мой замок с цилиндром «Медико», — перебил его я. — Я уже думал о крыше, но это невозможно. Все окна моей квартиры были закрыты изнутри, а выход на пожарную лестницу укреплял решеткой лично я. Прутья решетки сделаны из победитовой стали. А замок на решетке — цифровой.

— А как насчет люка где-нибудь на потолке? — спросил Кастис. — Туда могли пробраться с чердака и...

— Все давно проверено, Пит, — возразил я. — Люков нет нигде.

— Они могли пробить дыру в потолке.

— Ничего подобного. Потолок абсолютно гладкий, без каких-либо изъянов. Щель величиной с волос была бы сразу видна.

— О'кей. Ну, а пол?

— В квартире внизу живет семья, которая хорошо мне знакома. Они живут там уже много лет. К тому же полы у меня застланы коврами.

— Тем не менее я хотел бы сам во всем убедиться.

— Тогда будь моим гостем. Вы что-нибудь нашли у этой Мама Палавер?

— Так, всякую всячину, — ответил Кастис. — Пару черепов и книгу, обтянутую человеческой кожей. В кухне у нее оказалась целая алхимическая лаборатория. Наши аналитики до сих пор не проанализировали и половины того, что мы нашли. На полках у нее было все, начиная от пыли и мумий, кончая мясными приправами. Мне становится не по себе при мысли о том, что она готовила на этой кухне.

— За что ее арестовали в Калифорнии? — спросил я. — Кстати, что она там делала? Ведь это довольно далеко?

— Стащила гроб, — ответил Кастис. — Она поехала туда в надежде пробиться в кино. Наряду с антропологией и вуду, она изучала еще и артистическое искусство. Так или иначе, Елены Гори из нее не вышло, поэтому в ожидании своего звездного часа она устроилась на работу в похоронную контору в Глейндейл. Она проработала там шесть месяцев, после чего обнаружилось, что она кое-что прихватывает с работы домой. Ее арестовали за гроб, но, видимо, кроме него, она похитила некоторые части от клиентов похоронной конторы.

— Фу! Она похищала трупы?

— Только куски трупов. Когда руку, когда ногу, когда немного кожи со спины, где незаметно. Она занималась практикой вуду в Ватсе, а для этих развлечений ей была просто необходима подобная гадость. Гроб был необходим для алтаря, но он стоил пятнадцать сотен, и похоронная контора решила поддержать иск против нее на этот раз.

— Что значит «на этот раз»? Она обвинялась в чем-то подобном и раньше?

— Не раз. Похоже, у нее была плохая привычка — красть из похоронных контор. Ее сын, Лью Иванс, тоже пару раз потерял работу из-за подобных штучек, правда, его ни разу не арестовывали. Когда он не строит из себя жреца вуду, то обычно работает грузчиком в похоронных конторах. Оттуда он носит маме различного рода подарки до тех пор, пока его на этом не ловят и не вышвыривают за ворота. Ни одна похоронная контора не подавала на него в суд за подобные вещи.

Я хотел было спросить, «почему», но тут же понял, что бизнес похоронной конторы может серьезно пострадать после подобного рода скандала, и вместе этого спросил, что он думает по поводу связи между Мамой Палавер, Мерлином Плю и Дейм Сибил.

— Ну, во-первых, все они уэльсцы или частично уэльсцы, — сказал Кастис. — Я говорил с одним коллегой, который расследовал в Черри Крик одно дело и даже некоторое время приглядывал за Мамой Палавер. Он ни разу не видел чего-либо предосудительного, но видел как-то хромого старика, белого хромого старика, входившего в ее дом. Похоже, что

старый колдун навещал-таки свою дочку и она принимала его.

— Она занималась снабжением оккультистов, — сказал я, — и, повидимому, была не прочь оказать и другие услуги местным единоверцам. Иногда магия нуждается в кое-какой физической помощи для своего воплощения.

— У нее есть люди, готовые оказывать подобного рода услуги, — мрачно заметил Кастис. — Полицейский, с которым я говорил, видел пару раз известных наркоманов, входящих и выходящих из ее храма. Я сильно сомневаюсь, что они приходили к ней узнать свою судьбу.

— Парень, сидящий на игле стоимостью тридцать долларов за дозу, сделает все, о чем его попросят, — согласился я.

— Даже выкопает могилу, — сказал Кастис, — или закопает ее. Совсем недавно молодого Лью Иванса видели с его дедушкой, Мерлином Плю. Они куда-то направлялись поздно вечером. Мой любезный полицейский не смог сказать, куда, но они погрузили какие-то узлы на грузовик и...

— Постой, Пит, — перебил его я. — Но Плю к тому времени был давным-давно мертв, ты не помнишь?

— Не думаю, — сказал Кастис. — Я считаю, что в ночь, когда ты застрелил его, он был жив.

— Ну, как же! Как же насчет разложившегося тела?

— У меня на этот счет имеются кое-какие соображения, но они подождут до тех пор, пока я не заставлю Сенди Макальпина провести еще кое-какие анализы на трупе, который хранится у него в морге. Между тем я хочу попросить тебя сделать для меня одно одолжение.

— Хорошо, Пит. Какое?

— Чуть-чуть попридержать язык. Я имею в виду, что кое-что нам становится ясно, но кто-то бьет нас на каждом шагу. С этого момента я хочу, чтобы мы с тобой играли в эту игру только вдвоем и очень, очень осторожно. Ни единого слова обо всем этом никому.

— Я давно так решил, — заметил я, — и не рассказываю своих планов никому, кроме тебя и лейтенанта Брюстера.

Секунду Пит Кастис задумчиво смотрел на меня, а потом пожал плечами и сказал:

— Ну-ну...

Посмотрев ему в глаза, я спросил:

— Эй! Ты случайно не подозреваешь его, а?

— Я подозреваю всех, кроме себя, — ответил Кастис, а затем, лучезарно улыбнувшись, добавил. — иногда я даже сомневаюсь, что себе самому можно доверять!

После того, как он ушел, я начал холодно и рационально анализировать его слова. Я был уверен, что за всем этим стоял

кто-то, кто очень хорошо знал о моих передвижениях. Мы имели дело с чертовски хитрым психом, который либо знал о работе полиции гораздо больше, чем общеизвестно, либо был телепатом. Я никогда не верил в телепатию, и мне в голову стали приходить мысли о колдовстве.

Я вышел из больницы в полдень в воскресенье. Доктор Гринспан хотел, чтобы я остался до понедельника, но я решил, что можно найти более приятное место для времяпрепровождения.

Доехав на такси до своей квартиры, я обнаружил возле нее патрульного полицейского. Он сообщил мне, что лейтенант Брюстер установил круглосуточную охрану моей квартиры до тех пор, пока он не разузнает все о моих соседях, в особенности о тех соседях, которые могут проходить через запертые двери и бетонные стены.

Замок на двери моей квартиры был сломан — управляющему и доктору Гринспану пришлось применить изрядные усилия, чтобы спасти меня от кошмарных галлюцинаций. Старый мой замок остался цел и невредим, поэтому я чувствовал себя в относительной безопасности с вооруженными патрульными снаружи и английским замком внутри.

Я позвонил домой Питу Кастису, и его жена сказала мне, что он улетел в Чикаго, чтобы допросить задержанного там подозреваемого. То ли она не знала, то ли Пит не велел говорить, о ком именно шла речь. Она сказала только, что подозреваемый каким-то образом связан с наркотиками.

Подумав, что можно попробовать уточнить все это у Брюстера, я позвонил ему домой, но там никого не оказалось. Вероятно, он решил провести этот вечер где-то вместе с женой.

Беглый осмотр квартиры не обнаружил ничего необычного. На полу, на ковре, где я крутился в конвульсиях, были следы рвоты. Майк, очевидно, пытался отчистить их, но не достиг заметных успехов. Я отметил про себя, что надо не забыть купить жидкость для очистки ковров.

Войдя на кухню, я обнаружил, что у меня осталось мало бумажных полотенцев, жидкости для мытья посуды и растворимого кофе. Кто-то открыл даже новую банку и оставил ее в холодильнике. Не думаю, что результаты проведенного у меня обыска стоили таких усилий.

Наступил момент, который я откладывал, сколько мог: мне надо было зайти в туалет и посмотреть, на месте ли моя «Кобра». Я сказал себе, что глупо поддаваться воспоминани-

ям какого-то глупого сна, но по спине у меня побежали мурашки, когда я, схватившись за ручку, открыл дверь туалета.

Мертвых тел там не было — ни одушевленных, ни каких-либо других. Сняв со стены кобур с пистолетом, я пристегнул ее у себя на груди. Затем я принес стул, поставил его в туалет, вскарабкался на него и ощупал потолок — он был твердым, как скала. Щелкнув зажигалкой, я осмотрел углы между стенами и потолком, но не нашел ни одной трещины.

Я повторил эту операцию в ванной и даже в стенных шкафах: потолок моей квартиры был надежен, как английский банк. Проверив окна и не обнаружив ничего, кроме пыли и паутины, я сел и задумался, что же мне делать дальше. Затем, отодвинув от стен мебель, я стал ползать на четвереньках, осматривая углы между стенами и полом и осознавая свое глупое положение. Гвозди, которыми был прибит ковер, были на месте под толстым слоем пыли. Некоторые из них были ржавые. Ни один из гвоздей не выглядел так, как будто его на время вытаскивали.

Значит, меня оцарапал невидимый кот.

А был ли это кот? Я вспомнил кое-что, о чем мне рассказывал Плю в ночь перед «Эсбатом», но я отбросил те воспоминания, как слишком глупую гипотезу.

Затем я вышел из дома, вывел из гаража свою машину и поехал в универмаг, который работал в воскресенье вечером. Рассчитывая на длинную бессонную ночь, я набрал галет, сендвичей и прочей снеди. Замечу, что я потратил в магазине немного больше времени, чем это было необходимо, не желая возвращаться в свою квартиру, но впереди была целая ночь, и ее необходимо было как-то провести. Я осознавал, что толкаю себя к нервному истощению, и если я не хотел сойти с ума, то мне предстояло смириться с мыслью о пустой квартире.

Наконец, я сказал себе, что квартира моя под охраной и, следовательно, гораздо безопасней, чем номер любой гостиницы. И все же в душе моей царил смятение. После кошмара, который я пережил в ее стенах, я видеть не мог эту квартиру, тем более спать в ней.

— Посмотрю телевизор, — пообещал я себе, — а потом дочитаю мерзкую книжку, которую дала мне Пат.

Дядя Дей предлагал мне остановиться у него, я отказался, сославшись на то, что я уже большой мальчик, но когда остановился возле дома и вынул из машины свои покупки, то подумал, что зря отказался от этого предложения.

Стоял ветреный октябрьский вечер. Луна то ярко светила, то скрывалась за облаками, и сухие листья шелестели, как летучие мыши под сводами пещеры. Я ничего не смог с

собой поделаться и подумал о том, как прекрасна была бы эта ночь для полетов на метле над крышами домов.

Когда я проходил по темной аллее, где-то мяукал кот. Я попытался не обращать на это внимания. В конце концов, говорил я себе, во всем городе живут коты и шляют они по улицам именно по ночам. Вряд ли можно пройти квартал и не встретить одного или двух. Только благодаря моим расшатанным нервам я вижу больше котов, чем обычно.

Я поднялся по лестнице, кивнул скучающему патрульному, сидевшему на стуле около двери моей квартиры, и зашел внутрь. Включив телевизор, я разложил по местам свои покупки и поставил на плиту кофейник. Неожиданно зазвонил телефон, и я поднял трубку.

Звонила Пат Вагнер. Она сказала, что находится недалеко от моего дома и недавно звонила, но меня не было дома. В ее голосе слышалось беспокойство.

Я спросил ее, как она относится к растворимому кофе, и она ответила, что очень неплохо. Тогда я посоветовал ей поторопиться.

Повесив трубку, я вышел в холл и попросил сидевшего на часах полицейского не стрелять, когда Пат появится. Тот многозначительно взглянул на меня и углубился в свою газету.

Пат появилась менее, чем через двадцать минут. Она казалась растрепанной и чем-то сильно обеспокоенной. Я помог ей раздеться и усадил на кушетку, а затем пошел на кухню за кофе и галетами. Когда я принес поднос и поставил его на подушку, которую обычно использовал, как кофейный столик, Пат вынула из сумки конверт и сказала:

— Знаю, что, наверное, глупо беспокоить тебя по этому поводу, Морган, но я ничего не понимаю, а после всего, что произошло...

Я оставил в покое поднос и сел рядом с ней, внимательно разглядывая то, что она вынула из конверта. Я тоже ничего не понимал.

Это была роза, раздавленная прямо в конверте. Стебель и листья были вполне обычными, но цветок, если его можно было назвать цветком, был абсолютно черным.

— Я слышал о черных розах, — сказал я. — Правда, никогда раньше их не видел.

— Их не существует, — спокойно сказала Пат.

Я взял у нее из рук черную розу, чтобы взглянуть на нее поближе, и улыбнулся:

— Что ты говоришь?!

— Это правда, — настаивала Пат. — Уже давно пытаются вывести черную розу или тюльпан. Кое-кто из коллекционе-

ров предлагает большие деньги тому садовнику, который обнаружит такую мутацию...

— Тогда пошли им ее, возьми деньги и беги! — с улыбкой предложил я. — Кстати, где ты ее нашла?

— Я обнаружила ее сегодня вечером у себя на кровати.

— Вот как! Была ли какая-нибудь записка или письмо?

— Ничего. И дверь моя была заперта, Морган!

Я повернул стебель в руках, глядя, как свет играет на черных лепестках, а затем пожал плечами и сказал:

— Может, одна из твоих девочек подшутила? Окунула обычную розу в индийские чернила и оставила ее у тебя на кровати.

— Но почему, Морган? Я знакома с черным юмором, но подобная шутка не имеет никакого смысла. Это не смешно, да и откуда студенты могут знать значение всего этого?

— Не знаю. А какое тут значение?

Пат удивилась, а затем, грустно улыбнувшись, сказала:

— Ах, да... Ты ведь не знаешь о ренте, которую мне платили розами.

— Тебе платили розами?

— Да нет, это связано с церковью.

— Это другое дело, — ничего не понимая, сказал я. — Пей кофе, а то остынет.

— Это не так уж сложно, — улыбнулась Пат, беря в руки чашку.

— Я родилась в маленьком городке под названием Алендорф. Он был основан давно выходцами из германской провинции Моравия. Одним из основателей городка был мой предок Зигмунд Келлер. Он был трудягой и под старость слег.

— А! Значит, это ему платили розами.

— Не смейся, Морган. Это была милая и трогательная история до тех пор, пока я не обнаружила эту гадость на своей подушке.

— Извини, — улыбнулся я. — Давай дальше про дедушку Келлера и его розовую ренту.

— Все очень просто, — сказала она, затем, понюхав кофе, она посмотрела на меня и спросила:

— Ты что, кладешь в кофе какие-то травы?

— Травы? — заморгал я. — Черт возьми, это обычный растворимый кофе, насколько я знаю.

— У него странный запах, — настаивала она. — Что-то похожее на тмин.

— А по-моему, ничего необычного, — пожал плечами я, принимаясь к своей чашке. Запах кофе казался абсолютно нормальным. Отхлебнув из чашки, я сказал:

— Так что ты говорила по поводу роз?

— Морган, — серьезно сказала Пат, — Я не думаю, что нам следует пить эту штуку!

— Ну, ладно! — засмеялся я. — Как они могут подсыпать что-то в... я не понимаю!

Я встал и пошел на кухню. Открыв новую банку, купленную мною сегодня в магазине, я понюхал обе. Запах немного отличался.

Пат пришла на кухню, когда я запечатывал начатую банку липкой лентой.

— А у тебя хорошее обоняние, — сказал я. — Может, кофе просто испортился. На всякий случай, отдам его в лабораторию.

— Боже! — воскликнула она. — Ты думаешь...?

— Не знаю, что и думать, — мрачно ответил я, — но кто-то недавно отравил меня, и мы лучше воспользуемся новой банкой, пока не узнаем, что находится в другой.

Я взял чашки с почти не опробованным кофе и вылил содержимое в банку, после чего тщательно вымыл чашки, убрал и достал новые. Затем над новыми чашками с новым кофе Пат дорассказала мне свою историю о розовой ренте.

Она была права, когда говорила, что это была очаровательная история. Старика Зигмунда Келлера попросили, чтобы он выделил часть принадлежавшей ему земли для строительства церкви. Приход был бедным, и сам Келлер принадлежал другому приходу, но тем не менее старик выделил пять акров земли в вечное владение новой церкви с ежегодной рентой — одна июньская роза.

— В Аленфорде это стало чем-то вроде народной церемонии, — сказала Пат. — Настоятель церкви публично вручает на ступенях храма самому молодому представителю семьи Келлер красивую красную розу в начале июня. Я помню время, когда я была маленькой девочкой и настала моя черед быть фройлен фон дер Розен. Я была одета в маленький моравский народный костюм, и на ступенях церкви меня фотографировали репортеры из местных газет. Боюсь, что в детстве я была страшной зазнайкой.

— Бьюсь об заклад, что ты была очень красивым ребенком, — улыбнулся я. — А кто получил розу в этом году?

— Не знаю. Наверное, дочка моей кузины Бет, Сара Джой. В эти дни я редко бываю в Алендорфе.

— Но розовая рента существует по сей день, — размышлял я, глядя на необычный цветок, лежащий на импровизированном кофейном столике.

Пат кивнула головой и сказала:

— Это и беспокоит меня, Морган. Сколько людей в университете знают о том, что я получала Июньскую Розу? Это

ведь было очень давно, и я никому не рассказывала об этом много лет!

— Значит, все-таки ты кому-то рассказала, — настаивал я. — А может, мы просто все излишне усложняем. Ну, а вообще, какое религиозное значение имеет черная роза?

— Не знаю, — нахмурилась она. — Красная роза в средние века обозначала любовь, белая была эмблемой чистоты, но черная? Она не вяжется ни с геральдикой, ни с одной из официальных религий.

— А как насчет неофициальных религий?

— Ты имеешь в виду оккультизм?

— Да. Друидизм, вуду, колдовство, называй это, как хочешь.

— Честно говоря, не знаю, но, Морган, эта штука пугает меня!

— Я от нее тоже не в восторге, — пробормотал я. — я, пожалуй, тоже отошлю ее в лабораторию, если ты не возражаешь.

— О, Боже! Конечно же, нет! У меня от нее мурашки бегают по коже!

Я положил черную розу в конверт, в котором она ее принесла мне, и положил его на полку вместе с подозрительным растворимым кофе.

Когда я возвратился с кухни, то обнаружил, что Пат напряженно к чему-то прислушивается.

— Морган, что это было? — спросила она.

Я тоже прислушался, а затем пожал плечами и сказал:

— Коты дерутся на улице. Может, у них сейчас брачный сезон или что-то вроде этого? В последнее время район просто кишит котами.

— И в университете тоже, — заметила она. — Я сегодня видела такого большого, когда выходила сегодня вечером... Я сперва подумала, что это кролик, но когда увидела короткие уши и...

— Погоди-ка, — оборвал ее я. — Ты говоришь, что видела большого манкса?

— Разве он так называется? Все, что я знаю, — это был огромный черный кот, который прыгал, как кролик. Похоже, что у него вообще не было хвоста.

— Это манкс, — сказал я, а затем засмеялся и добавил:

— Эй! А тебе не кажется, что мы сидим тут и пугаем друг друга? На улице становится темно и страшно, а мы вспоминаем о ночных кошмарах!

— Надеюсь, что это так, — поежилась она, — но в последнее время происходит очень много странного, теперь эта мерзкая роза... Ну, да черт с ней! Мне кажется, что мы имеем право всего этого опасаться.

Я не ответил, а лишь жевал галеты и прогонял ее слова через свой мыслительный аппарат. Существовала дюжина способов подкинуть эту розу ей на кровать, и я прекрасно знал, что все это могло оказаться неуклюжим выражением университетского юмора. И все же она помогала мне, и Мерлин Плю говорил с ней, когда он находился по эту сторону могилы.

Я спросил, не упомянула ли она случайно о розовой ренте старому колдуну. Пат покачала головой и сказала:

— Конечно же, нет. К тому же я не рассказывала ему, как ездила на пони, когда мне было шесть лет. Я уже сама сидела и вспоминала, кому я об этом могла рассказать, но не вспомнила никого, Морган!

— Ты сказала, что тебя фотографировали, — уточнил я. Подумав, она сказала:

— Но тогда я была всего лишь маленькой девочкой.

— Но о тебе знали местные газеты, — настаивал я. — И кто-то из твоих друзей мог сохранить эту фотографию на память.

— У меня был дневник, — вспомнила она. — Но это было давно, и он не сохранился.

— А что с ним случилось, Пат?

Она подумала некоторое время, отхлебнула кофе и сказала:

— Я, должно быть, выкинула его, когда умер мой муж. Ведь я была замужем, ты не знала?

— Дядя Дей говорил мне об этом, — соврал я.

Отсутствующе кивнув, она сказала:

— Смешно, но это кажется теперь так давно и так далеко от меня. Я, наверное, вычеркнула из памяти множество черных дней, которые я пережила сразу после того, как это случилось. Мы были счастливой парой, но он умер так неожиданно...

— Я знаю, — сказал я и попытался переключиться на другую тему. — Так, что же насчет дневника?

— Да, это были просто глупые сентиментальные вещи, которые я записывала и собирала много лет, — пожала плечами она. — Кажется, я считала себя местной красавицей. И даже хотела участвовать в конкурсе Мисс Америка. Несмотря на то, что это было очень давно, мне до сих пор стыдно.

— В двадцать мы все считаем себя исключительными, — отозвался я. — Но ты так и не рассказала мне, что же случилось с твоим дневником.

— Я пытаюсь вспомнить, — сказала она. — Нет. Не могу вспомнить, куда я его дела. Я продала дом вместе со всей мебелью — это я помню. Мне нравился этот дом, но я не могла

там оставаться, когда умер Карл. Там было одиноко, пусто и... жутко.

— Понимаю.

— Конечно, я не думала, что встречу Карла на лестнице, — размышляла она вслух. — Я не боялась этого. Мы с Карлом очень любили друг друга, и я не могу себе представить, что он мог бы сделать мне что-нибудь плохое, даже когда он... О, Боже!

— Что такое? — нахмурился я.

Пат Вагнер смотрела в пространство прямо перед собой, как будто только что увидела привидение, и когда я положил ей руку на плечо, чтобы успокоить ее, то заметил, что она дрожит, как замерзший котенок. Я легонько потряс ее и спросил:

— Эй, послушай, что с тобой?

— Я кое-что вспомнила, — поежилась она. — Это совсем выскочило у меня из головы! Я ведь не рассказывала об этом абсолютно никому!

— Ради Бога, скажи, в чем дело?!

— Карл умер в июне, — вздохнула она, все еще глядя в пространство. — Он работал в саду, и это произошло в обед. Да, солнце было еще высоко, когда я вызвала доктора.

— Он умер от инфаркта? — тихо спросил я.

— Да, — она снова поежилась. — Это случилось сразу после того, как он пришел из сада. Я рассказала Карлу о розовой ренте, которую мне вручили, когда я была маленькой девочкой, и, Боже милостивый, когда это случилось, у него в руках была роза!

— Он принес ее из сада, — с трудом выдавил из себя я.

— Для меня, — сказала она. — Это была красивая белая роза. Первая в этом сезоне. Я помню, как Карл встал в дверях, улыбнулся, протянул мне розу и сказал, что принес мне ренту, а затем... Мы стояли и улыбались друг другу, а затем это случилось! Карл неожиданно схватился за грудь, сказал, что не может вздохнуть, и упал на пол кухни. Я побежала к телефону и вызвала доктора. Затем бросилась обратно, а он уже был... он лежал там. Глаза его были открыты, и он был мертв.

— Бедняга!

— Да, но я была спокойна, — сказала она. — Мне кажется, Природа позаботилась чтобы дать человеку средство, с помощью которого он мог бы пережить такие моменты. Я помню, как люди говорили о мужестве, с которым я прошла через все это, но я не помню никакого мужества, не помню вообще никаких чувств. Сейчас вспоминаю, что поступала тогда вполне логично. Карл и я обсуждали проблему смерти,

в шутку, правда. Я знала, как он относился к нынешним похоронам. Он их терпеть не мог. Его дядя, кажется, работал в похоронной конторе, и я помню, как он говорил мне, что я никогда не должна позволять этим, как он говорил, «упырям» дотрагиваться до него. Мне казалось тогда очень важным, чтобы желания Карла были выполнены до последней буквы. И они были выполнены.

— Я предпочитаю обыкновенные похороны, — сказал я.

Пат пожала плечами и продолжила:

— Карл был кремирован. Его тело было взято из дома таким, каким оно было, никаких почестей, лишь ограниченное присутствие родственников после кремации.

— Выглядит достойно, — заметил я.

— Его мать закатила такой скандал! — поморщилась она. — Но я выполнила свою волю, точнее, волю Карла, до конца. Я думаю об этой розе. Ты знаешь, мне кажется, что ее, наверное, забрали вместе с телом.

— Наверное, — согласился я. — Ты больше не видела ее?

— Нет, хотя я ее искала. Я хотела ее найти, но думаю, что она так и осталась в руке Карла, когда его... во время кремации его тела!

Я отхлебнул кофе, отметив про себя безобразный вкус, поставил чашку и спросил:

— Кто-нибудь еще знал о белой розе, Пат?

— Не думаю, — пожала плечами Пат, затем, нервно улыбнувшись, сказала:

— Ради Бога! Ты думаешь, это мои бывшие родственники пытаются меня напугать?

— Кто-то пытается.

Она заплакала.

— Я знаю, — всхлипывала она. — И, черт возьми, у них здорово получается!

В такие моменты я отнюдь не чувствую себя на высоте. Считается, что слезы для полицейских — дело привычное, но в полицейской академии почему-то не учат, как поступать в таких случаях. Я думаю, что человека надо при этом как-то успокаивать.

Я обнял ее за плечи и попытался это сделать. Говорить с ней так, как будто она была потерявшимся ребенком, было делом бессмысленным. Нам обоим было тяжело.

Неожиданный телефонный звонок, к счастью, отвлек меня от этого занятия.

Звонил Пит Кастис. Он только что прилетел из Чикаго и не смог дозвониться до лейтенанта Брюстера. Он был по уши наполнен информацией, которой тут же хотел поделиться. Я помедлил, не зная, как он отнесется к присутствующей в

столь поздний час в моей квартире Пат, но когда он упомянул о новых сведениях относительно «Эсбата», который я посетил в компании Мерлина Плю, — вспомнил, что я — полицейский и сказал ему, чтобы он немедленно ехал ко мне. Пат это несколько сконфузило, что, правда, послужило прекращению слез. Когда появился Пит, она восстанавливала в ванной свой грим. По скорости, с которой он появился в моей квартире, я понял, что он звонил откуда-то неподалеку.

Налив Питу виски, я представил его Пат. Он воспринял ее присутствие спокойно, и я понял, что его предупредил об этом патрульный полицейский за дверь. Решив, что коль уж мы отмечаем его возвращение, я решил и себе налить виски с содовой. Пат отказалась переходить на виски и сказала, что лучше будет пить кофе. Когда я пошел на кухню, чтобы достать себе стакан, я услышал, что Пат как бы невзначай спросила у Пита, что случилось с тыльной стороной его шеи.

Только теперь я обнаружил пластырь, видневшийся чуть выше его воротника возле уха. Кастис пожал плечами, сказав, что сам толком не знает, как это произошло.

— То ли это была крыса, то ли..., — объяснял он, когда я к ним присоединился. Я спросил, когда это случилось, и Пит сказал:

— Сегодня вечером, когда я выводил машину из гаража. Из аэропорта я доехал до дома на такси, а Бланни, моя жена, должна была на минутку заскочить к своей матери. К счастью, она осталась ждать у подъезда, когда я пошел за машиной. Проклятая скотина устроилась, наверное, где-то над дверью сарая. Я открывал замок, когда она и поцарапала меня. Царапина пустяковая, но кровь из меня хлестала, как из заколотого кабана. Я напрочь испортил рубашку.

Я поглядел на тыльную сторону своей левой ладони и спросил, начал ли он делать уколы от бешенства.

— По-крайней мере, первый, — кивнув, сказал Кастис. — Бланни заклеила мне ранку пластырем, а рубашку я выкинул в урну возле поликлиники. Там сказали, что они не считают, что это что-то серьезное. Короче, я просто здорово испугался.

— Вы сказали, что это была крыса, — брезгливо поежилась Пат.

Кастис пожал плечами и заметил:

— Крыса или кошка, что-то вроде этого. Мне не удалось ее разглядеть. Мой гараж находится в темной аллее, и пока я вглядывался в темноту, эта тварь, вероятно, уже убежала. Хотя я помню какой-то странный звук.

— Какой звук? — спросил я.

— Что-то похожее на свист. Парень в поликлинике говорил мне, что некоторые крысы умеют свистеть, — Кастис отхлебнул из бокала и продолжал:

— Кстати, я не уверен, что «свист» — это подходящее слово для того, что я слышал. Это был необычный, очень, очень высокий звук. Такой высокий, что почти не был слышен.

— Морган, — встрепелась Пат. — Это напоминает мне свисток Голтона!

Кастис и я переглянулись, а затем я спросил:

— О'кей, сдаюсь. Что такое свисток Голтона?

— Его иногда используют дрессировщики, — объяснила Пат. — Помню, где-то читала, что нескольких белых охотников в Африке обвинили в том, что они пользовались таким свистом, чтобы подзывать львов к своим богатым клиентам. До этого они дрессировали хищников, оставляя на ночь мясо и дуя в эти свистки до тех пор, пока у животных не выработался условный рефлекс идти на свист.

— Ну, что вы! — засмеялся Кастис. — Уж не хотите ли вы сказать, что меня поцарапал лев?

— Лев — это кошка, не так ли? — настаивала Пат. — Всего несколько дней назад на Моргана тоже напало какое-то дикое животное, вы помните? Может, кто-то использует свисток Голтона, чтобы натравливать на человека дрессированного кота?

— Котов невозможно выдрессировать, — возразил я. — Кота можно заставить делать только то, что он хочет, я никогда не слышал о том, что кота можно было бы натравить на человека, как полицейскую собаку. Коты никогда не делают подобного.

— А если это был дикий кот? — спросила Пат.

Кастис опередил меня с ответом:

— Его невозможно было бы контролировать тогда, когда вы не хотели бы, чтобы он напал на человека. Кроме того, я убежден, что то, что атаковало меня сегодня вечером, не было котом. Там было не настолько темно, чтобы я не заметил кота!

— Если он не был невидимым, — тихо прошептала Пат.

— Бог с ним, с котом, — улыбнулся я. — Какого парня ты допрашивал в Чикаго, Пит? Ты говорил мне по телефону, что он был на этом «Эсбате».

— Да, — кивнул Кастис. — Этого парня зовут Роджер Джонс, или Зомби Джонс. Он давно уже сидит на игле. Когда шериф из Кук Каунти арестовал его, он был по уши накачен бог знает чем. Его отходняк надо было видеть. Ему дали метадона, чтобы он не катался по потолку, и сказали, что если он захочет еще, то ему придется развязать язык.

— Но ведь это можно рассматривать, как жестокое обращение с заключенными, — сказал я.

— Он может написать письмо своему конгрессмену, — фыркнул Кастис. — Ради бога, Морг, ты дашь мне рассказать о том, что я узнал, или мы будем обсуждать вопросы прав наркоманов?

— Говори, — сказал я. — Ты говорил, что он был на «Эсбате»?

— Зомби Джонс был связан с бандой Мамы Палавер, хотя его использовали лишь, как мелкую сошку, главным образом — для тяжелой физической работы. Этот парень не очень сообразителен, даже когда не под балдой. Накаченный наркотиками, он становился еще тупее. Сын Мамы Палавер, Лью, похоже, использовал его, как землекопа. Зомби вспомнил, как помогал ему выкапывать сержанта Говера и закапывать его в другое место в ночь «Эсбата». Он рассказал, что он, Лью и еще один парень сделали это где-то около десяти часов вечера. На кладбище они приехали на грузовике. Зомби не смог вспомнить ни его модели, ни номера, но сказал, что труп перевезли именно на нем, а затем захватили Маму Палавер и ее команду в храме вуду в Черри Крик. Зомби был одним из парней, которые держали ее за руки, когда ты бросился спасать ее.

— Не напоминай мне! — простонал я. — Эти сволочи разыграли меня, как мартышку.

— Ну, вот. Зомби был очень удивлен, — улыбнулся Кастис. — Он и раньше бывал на подобных представлениях, но ему в этот раз не сказали, что ты — полицейский, поэтому когда ты вынул пистолет и закричал насчет ареста, Зомби очень огорчился. Он не любит, когда его арестовывают. Затем, когда тебя оглушили, он совсем запаниковал. Парень-то он был, на самом деле, безобидный, и в его кругу с полицейскими так не обращались.

— Он видел, как меня отключили?

— Нет. Он испугался и убежал. Сбросил с себя черный балахон и прыгнул в первый попавшийся поезд, который ехал из города. Когда его поймали в Чикаго, он все еще бежал. Бедняга решил, что тебя прикончили.

— Он слышал выстрелы?

Кастис покачал головой:

— Ничего подобного. Он сказал мне, что вообще не слышал выстрелов, пока находился поблизости. Беря в расчет его длинные ноги и расстояние, на котором слышен пистолетный выстрел в тихом районе ночью, могу сказать, что они не палили из твоего револьвера, пока не привели все в порядок. Ах, да! Совсем забыл сказать тебе, что я понял, как они

сумели скрыть следы «Эсбата». Тебя просто перетащили в другой угол подвала и передвинули ящики так, чтобы не осталось ничего, напоминавшего о происшедшем. Они не смогли убрать запах серы, но я уверен, что мы обнаружим следы огня под каким-нибудь контейнером в другом конце подвала.

— Черт с ним, с этим фокусом, — вздохнул я. — Меня беспокоит Плю. Этот Джонс видел его на «Эсбате»?

— Да. Он утверждал, что, когда он рванул когти, и Плю, и Мама Палавер были там живые и здоровые. Теперь, если нам только удастся найти ее тело...

— Вы думаете, она мертва? — воскликнула Пат.

Кастис кивнул и сказал:

— Должна быть мертва. Старик Плю был ее отцом! Она бы никогда не допустила, чтобы его изувечили и подбросили в могилу сержанта Говера. Кроме того, ее кота тоже пристрелили!

— Я думал, что это был манкс Дейм Сибил, — удивился я.

— У Мама Палавер был точно такой же, — объяснил Кастис. — Большие черные коты — атрибут их работы. На самом деле, они знали, что ты видел кота у Дейм Сибил до пожара и решили подшутить над тобой. Думаю, что полы балахона были облиты валерианкой, поэтому то тварь и терлась об тебя. Позже они пристрелили кота из твоего пистолета. Плю они тоже пристрелили. Остается два выстрела из тех, что мы слышали. Один из них должен был достаться Маме Палавер, а другой, вероятно, ее сыну Лью.

— Боже! — воскликнул я. — Ты обрисовал неких кровавых лунатиков, Пит. Почему они решили убрать Плю и его семью, но оставили в живых меня?

— Не знаю, — вздохнул Кастис. — Они взяли от Плю все, что хотели, а черные всегда были, так сказать, «расходуемым» материалом. То, что они оставили тебя в живых, ставит меня в тупик. Сначала я думал, что, не тронув тебя, они хотели направить нас по ложному следу, предлагая неправильную картину того, что произошло. Затем они попытались убить тебя, и мне пришлось отбросить пару идей, которые я муссировал.

— Вы сказали, что сын этой женщины, должно быть, убит, — вмешалась Пат. — Откуда вы знаете?

— Он бы уже давно вышел на поверхность, — сказал Кастис. — Лью Иванс, он же Говер, он же Лью — Молния — бездельник и хулиган — переросток, но в настоящее время в розыске не находится и ни в чем не обвиняется, поэтому у него не было причин скрывать смерть своей матери и деда. Я думаю, что он был бы изрядно расстроен этими событиями.

— Значит, необходимо найти еще два трупа, — скривился я. — По-го-ди-ка, а почему тогда тело Плю разложилось?

— Я, кажется, говорил тебе, что над этим работает Сенди Макальпин, — сказал Кастис.

— Он знает, как это было сделано?

— Нет. Но у него есть кое-какие идеи на этот счет. Помнишь, я рассказывал тебе, что Мама Палавер работала в похоронных конторах?

— Да. Но она ведь была убита одновременно со своим отцом.

— А если у нее было время поделиться с кем-нибудь своими профессиональными тайнами?

— Ого? Значит, существует способ заставить труп разлагаться быстрее, чем он должен?

— Сенди Макальпин знает несколько таких способов. Он все еще пытается выяснить, какие из них использовали оставшиеся в живых члены «ковена». Верно лишь то, что это была не «царская водка». Он уже проверил лакмусом останки, которые держит у себя в морге.

Пат спросила, что такое «царская водка», и я ответил:

— Это кислота, только такая крепкая, что растворяет даже золотые зубы на челюстях трупа, — затем, повернувшись к Питу, спросил:

— А что думает Макальпин по поводу первых двух тел? К ним тоже применяли химию?

— Нет, — сказал Кастис. — Он уверен, что тут все чисто. Я сказал ему, что дело стало бы гораздо проще, если бы он сказал нам обратное, но Сенди все еще уверен во времени смерти старухи и девицы Пауэл. А если окажется, что и Плю был мертв все это время, то наше дело — труба!

— Кто бы ни стоял за всем этим, — сказала Пат, — он, очевидно, способен среди прочего и на массовые убийства. Но все же по какой-то причине они хотят лишь напугать Моргана и меня. Я никак не пойму — зачем, сержант Кастис!

— Даже псих понимает, что он делает, — сказал Пит и, с удивлением посмотрев на Пат, спросил:

— Вы говорите, что они вышли й на вас?

Пат кивнула, а я сказал:

— Это могло быть всего лишь университетской шуткой, Пит, но кто-то здорово напугал ее сегодня вечером. Приблизительно в то же самое время, когда тебя атаковал неизвестный монстр. Подожди-ка, я сейчас покажу эту штуку.

Я взял черную розу, которую Пат обнаружила на своей кровати, и пока Пит изучал ее, рассказал о ее возможном значении.

Он со вздохом вернул розу мне и пробормотал:

— О, Боже, я недавно получил точно такую же, за исключением размеров.

— Ты считаешь, что за этим стоят все те же ребята?

— Даже не знаю, что и думать. Миссис Вагнер помогала нам в нашей работе, и они могли узнать об этом. С другой стороны, либо она, либо кто-то еще может оказаться их главной целью.

— Почему ты так считаешь, Пит?

— Во-первых, ты пока жив. Эти ребята играют грубо. Я не заметил, чтобы они колебались, когда им надо было кого-то убить! Они могли оставить тебя в живых только для того, чтобы ты проглотил брошенную тебе наживку, понятно?

— Ты считаешь, что они кормят нас всякой ерундой, чтобы скрыть от наших глаз то, чего они действительно добиваются?

— Разве не похоже, Морг? Ты, я и Брюстер ходили кругами с того момента, когда это все началось. Если так пойдет и дальше, то все мы закончим дни в сумасшедшем доме, и, самое главное, без чего-либо такого, что может их побеспокоить. Между тем они совершили пару убийств, о которых мы знаем наверняка, попытку отравления, да и Бог знает, что еще.

— Значит, эта роза была подброшена только для того, чтобы испугать Пат?

— Я не знаю. Я уверен на все сто, что они не предупреждали ни Плю, ни Маму Палавер о том, что те пережили свою полезность для «ковена». Если, конечно, это был «ковен».

— О'кей. Но тогда зачем было пугать Пат? Мы уже и так бегали вдогонку за своим собственным хвостом!

— Значит, они считают, что чем больше, тем лучше, — сказал Кастис. — Они, вероятно, решили напугать всех, кого мы знаем, до того, как все это закончится. Кстати, ты давно звонил своему дяде?

— Да, — нахмурился я и, подойдя к телефону, добавил, — позвоню-ка я ему прямо сейчас. А то все это похоже на то, что они объявили войну мне и всем, кого я знаю!

— Выходит, так, — сказал Кастис, машинально касаясь пальцами пластыря на шее.

Я набрал номер дяди Дея. Он поднял трубку только на третий звонок, и голос у него был сонный. Я сказал ему, что Пат у меня и рассказал про черную розу. Сонливость в его голосе пропала.

— Должно быть, кто-то пробрался даже в университетский городок, — сказал он беспокойным голосом. Я сказал, что мы тоже так считаем, и спросил, какие замки стоят у него на дверях.

— Ох, Морган, я им вряд ли понадобится. Я ничего не знаю о колдовстве, и дома у меня нет ничего ценного.

Пит прошептал что-то и, кивнув, я сказал:

— И тем не менее мы лучше вызовем полицейскую охрану к тебе. Ты не знаешь, где ее лучше поставить?

— Пускай заходят прямо ко мне и располагаются, если ты считаешь, что она столь уж необходима, Морган. У меня есть свободная комната и...

— Они будут сидеть в машине, припаркованной возле двери твоего дома, — перебил я его. — Идея состоит в том, чтобы узнать, кто вертится возле, если таковые имеются. Кто-нибудь прикроет аллею с тыльной стороны твоего дома.

— Ради Бога, Морган, — засмеялся дядя Дей. — В таком случае ты будешь в ответе, если я начну видеть привидение! Ладно, делай, что хочешь, Морган, но предупреждаю тебя, это пустая трата времени.

— Я поставлю их утром, — улыбнулся я. — А ты пока запри все окна и двери. Ты никуда не собирался сегодня вечером?

— В такой-то час? Едва ли, Морган. Я уже спал, когда ты позвонил. Теперь, когда ты меня до смерти перепугал, я, возможно, поработаю над своей книгой, пока не усну опять.

Я кивнул, и когда до меня дошли его слова, я сказал:

— Ты не рассказывал мне, что пишешь книгу, дядя Дей.

— А разве только что я тебе этого не сказал? — ответил он. — Это скорее обзор, нежели книга. В моем возрасте человек должен или публиковаться, или погибнуть. Вот я и пишу книгу об уэльских шахтах. Это, в основном, исследование. Почему-то считается, что если человек переписал все у одного автора — это плагиат, а если у сотни — это исследование.

Я засмеялся и сделал вежливое и бессмысленное замечание, что хочу как-нибудь заехать и почитать то, что он пишет. Он удивился.

— Боюсь, что тебе это покажется скучным, Морган, — сказал он. — Эта книга порой кажется скучной для меня, хотя я — тот, кто хочет побыстрее ее закончить. Сказать по правде, я не думал, что добыча угля такое скучное занятие, когда начинал эту проклятую работу!

— Легче писать про канал, чем рыть его, — улыбнулся я, пытаясь аккуратно сменить тему.

— Патриция слышит меня, Морган? — неожиданно спросил дядя Дей.

Я взглянул на Патрицию и Кастиса, занятых оживленной беседой, и прошептал:

— Пока нет, а почему ты спрашиваешь, дядя Дей?

— Когда ты говорил о ее прошлом и розовой ренте, мне пришла в голову одна черная мысль.

— Ты знал об этом?

— Нет, о розовой ренте я слышу впервые, но когда умер муж Патриции, произошел небольшой скандал. Ты и я знаем, что она не виновата в его смерти, Морган. Но его семья считает по-другому, а семья эта имеет такие же, хотя и германские, традиции.

— Боюсь, что не понимаю тебя, дядя Дей.

— Ах, Морган, они до сих пор рисуют шестиугольники на своих сараях в глубинке, ведь не только мы, Кымриг, имеем монополию на колдовство, понимаешь?

— Здорово! — пробормотал я. Мало того, что мы имели на руках уэльских ведьм и королев вуду, теперь он тащил в этот паноптикум какие-то германские шестиугольники.

Однако я оставил эти мысли при себе и закончил разговор как раз вовремя, чтобы услышать окончание беседы Кастиса и Пат.

Кастис говорил:

— Не имею понятия, как они забрались в вашу запертую комнату, миссис Вагнер, но Мерлин Плю превосходно умел проходить сквозь стены. Я думаю, что в «Плейс-ту-Лик» он воспользовался вентиляционным люком и, конечно, он или, скорее всего, один из его учеников вполне мог воспользоваться чердаком.

— Ладно тебе, Пит, — запротестовал я. — Мы осмотрели весь потолок моей квартиры в поисках люка. Ты сам видишь, что его здесь нет!

— Терпеть не могу спорить с коллегами по работе, — сказал Кастис. — Но тут есть одно «но». Я говорил с Гарганом, который занимается медвежатниками и квартирными кражами, и он объяснил мне, как это делается. Он спросил, во-первых, есть ли у тебя люстра и есть ли под ней опора.

— И что по поводу опоры, — спросил я, глядя на люстру в центре потолка. Она была обычной, около восемнадцати дюймов в диаметре плюс — минус несколько дюймов.

— Она прикреплена болтами к бетонному перекрытию потолка, — сказал Кастис. Ее можно отвинтить с чердака и...

— Ладно, — сказал я. — Но отверстие будет слишком узким, чтобы взрослый человек смог проникнуть внутрь!

— Поэтому они использовали подростка. Ты удивисься, узнав о том, что такие вот кошачьего размера воры вытягивали из квартир, Прайс.

— Кстати, о котях! — сказал Пат. — Тварь, которая тебя поцарапала, вполне могла пролезть в отверстие такого размера!

— Прямо с пола? — возразил я. — Для кота это слишком кореший прыжок.

— А откуда ты знаешь, что это был кот? — настаивала Пат. — Эта штука оцарапала обратную сторону твоей ладони, которая в это время находилась на уровне плеча. Мне кажется, ты говорил о том, что Мерлин Плю в своей животной форме был... филином!

— Ну, все! — засмеялся я. — Это была самая дикая идея из всех, которые мы сегодня высказывали!

И тут, заметив странную усмешку на лице Кастиса, я посмотрел ему в глаза и сказал:

— Пит?

— Это многое объяснило бы, — пожал плечами он. — К тому же птицы значительно легче дрессируются, чем коты. Если бы кто-то, хорошо знающий соколиную охоту, имел бы достаточно времени, чтобы поработать с филином, то это объяснило бы, почему никто из нас не увидел ничего на земле. Ни на полу этой комнаты, ни на аллее возле гаража.

— Я все же считаю, что это слишком дикая идея, — пробормотал я.

Пит Кастис встал и сказал:

— Мы имеем дело с дикими людьми, Прайс. Ну, ладно, мне пора, если хочу успеть завтра на работу вовремя. Впереди нас ждет полный понедельник. События начинают разворачиваться так быстро, быстрее, чем я предполагал.

— Ты думаешь, они будут разворачиваться еще быстрее? — спросил я.

— Хорошо бы. Уж тогда-то мы возьмем их, это точно. Мы уже имеем, по крайней мере, одного свидетеля твоего «Эсбата». Может найтись и другой, если они до него доберутся раньше, чем мы. Эти ребята собираются начать замечать следы и хотят сделать это так, чтобы добраться до цели быстрее, чем мы доберемся до них.

— До какой цели? — спросила Пат.

— Если бы мы знали это, — сказал Кастис, — то расследование можно было бы считать законченным.

— Может, у них нет реальной цели? — размышлял я. — Может, мы идем за кучкой сумасшедших?

— Не думаю, — возразил Кастис. — Кто бы за этим ни стоял, он, без сомнения, сумасшедший, но движется вполне планомерно и последовательно для психопата, который крошил бы всех и вся направо и налево.

— Ты называешь всю эту мерзость планомерной? — фыркнул я.

Кастис кивнул и сказал:

— Я уверен в одном: они убирают членов «ковена» одного

за другим. Если считать, что их было тринадцать, то перспективных жертв вскоре больше не останется.

— И что тогда будет, как ты считаешь? — спросил я.

Кастис мрачно улыбнулся и ответил:

— Когда они заметут следы, они примутся за тех, кто им действительно нужен.

— За кого именно?

Кастис остановился в дверях и сказал:

— За тебя, для начала. Я не уверен, на каком именно месте в их списке стоим мы с тобой, но очень надеюсь обнаружить это прежде, чем до нас дойдет очередь.

Когда он ушел, я и Пат долгое время молчали. Затем она взглянула на часы и сказала:

— О, Боже! Становится поздно.

— Ты хочешь, чтобы я отвез тебя домой?

— Я не знаю, чего я хочу, Морган. Я так боюсь быть одной!

— Тогда оставайся, — улыбнувшись, сказал я.

Пат посмотрела на меня и сказала:

— Ты хочешь этого, Морган?

— Да, — сказал я. — А ты?

— Я не знаю... — прошептала она, но, в конце концов, конечно же, осталась.

Она провела со мной и следующую ночь, и, возможно, провела бы и ту, которая была за ней... Но тут я забегаю вперед.

Понедельник, вопреки надеждам Пита, оказался довольно скучным. Я отдал подозрительное кофе в лабораторию и узнал, что Сенди Макальпин назначил новое вскрытие тела Мерлина Плю на сегодня.

Конечно же, на вскрытии я присутствовал, но Кастиса там не было: он работал над версией о том, что тела Мамы Палавер и ее сына должны находиться неподалеку от того места, где они спрятали тело Плю, но так как мы не могли выкопать все могилы на Гленвудском кладбище, мой настойчивый коллега уселся этим серым днем за составление списка могил, подлежащих эксгумации.

Это было третье вскрытие бранных останков Мерлина Плю. Трудно поверить в то, что лежавшее на столе тело было когда-то человеком. Макальпин и его ассистенты изрядно потрудились над трупом в процессе первых двух вскрытий, поэтому новое вскрытие буквально вызывало тошноту.

Когда оно закончилось, я встретил Макальпина в служебной комнате и спросил, нашел ли он что-либо новое. Судеб-

ный медик поморщился, глядя на свои только что начисто вымытые и продезинфицированные руки, вздохнул и сказал:

— Они упустили всего лишь одну деталь. Они ловко все это подстроили, и все сошло бы им с рук, но во-первых, слишком много людей видели недавно этого человека живым, а во-вторых, мы нашли неразложившиеся лейкоциты в его костном мозге.

— Так вот для чего вы раскалывали ему кости, — сказал я. — И что означает ваша находка?

— Она означает, что умер он относительно недавно, несмотря на глубокое разложение тела, — спокойно ответил Макальпин. — Какой-то хитрец вскрыл ему сонную артерию и накачал туда концентрированного пепсина.

Затем ему внутрь залили соляную кислоту и питательный раствор для личинок мух. Кислота разъела ткани, и начался быстрый процесс гниения.

— Я знаю, — скривил лицо я. — Он так вонял!

— В закрытом гробу это происходит быстро, — пожал плечами Макальпин. — Кислота образовала много газа, в основном метана и сероводорода...

— Деталей не надо, — сухо оборвал я. — Как вы думаете, почему ему отрубили руки и ноги?

— Чтобы затруднить идентификацию в случае, если бы обнаружили только скелет и лужу слизи, — сказал Макальпин. — Такая хромая нога, как у него, была бы хорошей приметой даже у скелета. А по поводу его руки тоже что-то было? Мне рассказывали, что это была высушенная рука, импригнированная нафталином. С нее сняли отпечатки пальцев?

— Плю воображал себя колдуном, — объяснил я. — Он постарался сделать так, чтобы мы получили высушенную руку с его собственными отпечатками пальцев. Он был такой шутник...

— Отпечаток его руки на тонкой резине, наложенной на другую руку?

— На резине или на каком-то пластике. Кончики пальцев должны были сторечь первыми, поэтому теперь нам остается только догадываться, как он сделал это. Конечно же, он не знал, когда вытворял эти фокусы со мной, какую шутку заготавливали для него на тот момент, когда он сам станет ненужным.

— Да, — вздохнул Макальпин. — Твой коллега, Кастис, говорил, что скоро привезет мне парочку мертвых негров, мужчину и женщину, это правда?

— Если, конечно, мы найдем их.

— Из той же компании?

— Думаем, что да.

— Неплохо. Я просто восхищаюсь тем состоянием, в котором вы мне их доставляете! Куда делись обычные потрошители и сексуальные маньяки?

Девушка из лаборатории криминалистики носила белый халат, который был ей мал на два размера, и выбеленные волосы. Она нашла меня в кабинете Брюстера и спросила, пробовал ли кто-нибудь это, как она выразилась, «дерьмо». Я понял по названию, что речь шла о моем растворимом кофе, и сказал, что выпил, по крайней мере, две чашки, пока не обнаружил, что летаю в воздухе, как воздушный шарик.

— То ли вы имеете здоровье, как у быка, — предположила она, — то ли делаете очень слабый кофе. В нем полным-полно беладонны, белены и старого доброго ЛСД. Мы так и не смогли понять, что с вами хотели сделать: отправить на тот свет, одурманить или и то, и другое!

— Галлюциногены и акупиты... Что-то не вяжется, — сказал Брюстер.

Я заметил, что не понимаю ни Брюстера, ни девушку и вообще не понимаю о чем идет разговор.

— Мне кажется, что тут пересеклись два разных намерения, Морг, — сказал Брюстер. — Зачем давать белену и ЛСД человеку, которому уже дали беладонну?

— Чтобы, умирая, он видел кошмары? — предположил я.

Девушка из лаборатории покачала головой и сказала:

— На мой взгляд, в ваш кофе подсыпали все это дважды, а то и трижды!

— Погодите, — удивился я. — Вы считаете, что меня хотели отравить различные люди?

— А почему бы и нет? — спросил Сэм Брюстер. — Разве эта компашка не имела с самого начала взаимоисключающие цели? Ты не раз был у них в руках, Морг, но по какой-то причине они тебя не убили.

— А мы знаем, что они могут убивать, — кивнул я. — У Сэнди Макальпина полный холодильник трупов. Почему же мне так везет?

— Гленда, Добрая Фея Севера*? — улыбнулся Брюстер.

— Ты что, думаешь, что кто-то из «ковена» защищает меня?

— Я уверен, что это так, парень. В том складе ты был у них в руках и без всякой защиты. Они могли тебя пристрелить

* Персонаж книги Ф. Баумана «Волшебник из страны Оз»

из твоего же собственного револьвера, вместо этого пристрелили Плю и черного кота. По какой-то причине они тебя не тронули.

— До тех пор, пока не подсыпали мне яд! — поправил я. Девушка из лаборатории кивнула и сказала:

— Беладонна — неприятная штука. Другьям ее не подсыпают.

— А если так, — предположил Брюстер, — по какой-то причине лидер этого «ковена» приказал тебя не трогать, но кто-то другой вознамерился убрать тебя по своей собственной инициативе.

— Кто? Мерлин Плю? — удивился я.

— Он был мертв, когда тебя отравили.

— Да, но он и Мама Палавер могли подсыпать яд в мой кофе задолго до этого, и если у них возникли трения по поводу дальнейшего существования моей брэнной персоны, то они могли послужить причиной их внезапного устранения.

— Могли, — кивнул Брюстер. — Но все же это оставляет нам кучу «почему». Например, почему банда маньяков — убийц должна менять свои планы и защищать полицейского?

— Видимо, их план состоит в том, чтобы убедить нас в чем-то, что они делают одно, когда на самом деле они делают другое, — сказал я. — А в чем можно убедить мертвого полицейского?

— Мы, кажется, пошли по кругу, — сказал Брюстер.

— Похоже, это то, чего они добивались, — сказал я. — Если бы кто-нибудь из нас выбрался из этого беличьего колеса и оглянулся бы вокруг, то мы бы узнали, почему они стремятся, чтобы мы говорили и думали подобным образом!

Ввалился Кастис, и Брюстер спросил, где он пропадал.

— В дорожной службе, у нотариуса и на Гленвудском кладбище, — ответил Кастис. — Именно в таком порядке. Дорожная служба подобрала «67 Форд Эконолайн» в паре кварталов от кладбища сегодня утром. Номера были сняты с кладбищенского катафалка, принадлежавшего служителю кладбища, который жил неподалеку от храма вуду Мама Палавер. Парень очень удивился, когда обнаружил, что ездит по городу с чужими номерами.

— В грузовике что-нибудь нашли?

— Внутри все было вычищено и протерто промасленной ветошью, — сказал Кастис. — Но на крышках осталась глина с кладбища. Значит, Зомби Джонс говорил правду о том, что его использовали для перевозки гроба Говера.

— Разумно, — сказал Брюстер. — А что ты делал у нотариуса и на кладбище?

— Я просматривал недавние свидетельства о смерти, —

сказал Кастис. — Мне пришло в голову, что при темпах их самоуничтожения стало просто некому копать могилы.

— А они предпочли бы закопать Маму Палавер и ее отпрыска поглубже в землю, — согласился я.

Кастис кивнул, но добавил:

— Или в мавзолее. На Гленвудском кладбище тридцать или сорок семейных склепов, а взломать склеп значительно легче, чем рыть могилу. Это-то я и искал.

— Нашел что-нибудь? — спросил Брюстер.

— Ни один из склепов, который я проверял, не имел следов взлома, — сказал Кастис. — Но это не значит, что у кого-то не может оказаться ключ от склепа, о котором администрация кладбища не знает. Я попросил полный список частных семейных склепов и даты их последнего официального посещения.

— Да, — заметил я. — Они выбрали, несомненно, такой, который почти или совсем не посещается. А сколько гробов может находиться в склепе?

— В среднем, около дюжины, — сказал Кастис. — В тех, что подревнее, даже больше. Теперь мавзолеев не строят.

— Дюжина — это как раз, что надо, считая, что в «ковене» тринадцать человек, — сказал Брюстер.

— Как ты думаешь, что это может означать, Пит? — спросил я. — Хозяин «ковена» хочет остаться один?

— Сомневаюсь, ответил Кастис. — По словам Зомби Джона, они проводили довольно бурные «Эсбаты». Тот «Эсбат», который был поставлен специально для тебя, был просто-таки целомудренным по сравнению с настоящим. Джон рассказывал, что у Дейм Сибил они проводили настоящие сексуальные оргии, пока ее дом не сгорел. В «Эсбатах» принимали участие и белые и чернокожие, в основе своей — сексуальные извращенцы. Они встречались абсолютно голыми, за исключением страшных масок на лицах. Джон рассказывал, что лидером у них была белая девка. Она носила золотую маску, изображавшую женское лицо, и огромный жезл в виде мужского полового члена. Джонс рассказывал, что как-то она уговорила его... Короче, он чудом остался в живых.

Брюстер поморщился.

— Эта леди, наверное, очень больна. Джонс не видел случайно ее лица?

— Нет, — сказал Кастис. — Но он рассказывал, что у нее на груди родимое пятно, похожее на ягоду клубники.

Брюстер задумчиво посмотрел на меня и спросил:

— Ты знаешь кого-нибудь с клубничкой на левой груди. Прайс?

— Нет, — огрызнулся я, покраснев до кончиков ушей. —

А у одного из громил, которого вы выставили перед дверью моей квартиры, слишком длинный язык!

— Ему было приказано докладывать обо всех, кто входит или выходит из твоей квартиры, — пожал плечами Брюстер. — То, что дамы выходят от тебя в шесть утра — это, без сомнения, твое дело, но не следует кидаться на парня за то, что он выполнял свою работу.

Я не ответил.

— Это не тот вопрос, который бы один джентельмен задавал другому, Прайс, — тихо сказал Кастис, — но ты должен знать, не так ли?

— Вы хотите знать, спал ли я с Патрицией Вагнер, да?

— Нет, — вздохнул Кастис. — Просто мы хотим знать, есть ли у нее родимое пятно, похожее на ягоду клубники, на...

— Я же сказал, что нет, черт тебя возьми! — я был зол, как черт. — И больше я не хочу слышать об этом ни слова. Вы меня поняли?

— Все ясно и понятно. Вопрос закрыт. Извинения приняены, — спокойно сказал Кастис.

Казалось, что Брюстеру так же, как и мне, хотелось побыстрее сменить тему разговора, и он спросил Кастиса, могли ли болезненные извращения хозяйки «ковена» дать ей и ее сторонникам повод для уничтожения остальных членов секты. Кастис задумался, а лейтенант предложил такой вариант:

— Допустим, в ходе одной из этих оргий они случайно убили кого-то, Пит. Ведь они могли решить убрать лишних свидетелей?

— Да, но зачем втягивать в это нас? — спросил Кастис. — Мы даже не знали о том, что «ковен» существовал, пока они сами не постарались привлечь наше внимание. Зачем столько усилий, чтобы направлять нас по ложному следу, до судорог пугать Прайса и все это только лишь для того, чтобы избавиться от Плю и контингента из Черри Крик? Черт возьми, они могли шлепнуть Плю, Маму Палавер и дюжину других, и мы даже не догадались бы об этом!

— О'кей, значит, они хотели, чтобы мы знали. — сказал Брюстер.

— Что знали, Сэм? — спокойно спросил я.

— Я боялся, что ты задашь именно этот вопрос, — вздохнул лейтенант.

Холостяцкие квартиры имеют свои прелести, но только для холостяков: проживание в них вдвоем ведет к определенным проблемам. Моя раскладная кушетка была достаточно широка, но когда она была разложена, пресловутая люстра

оказывалась прямо над нами, и Пат жаловалась, что не может заснуть.

В своем страхе она была не одинока. Мы с Майком вскарабкались на чердак и тщательно привинтили опору люстры большими неотвинчивающимися болтами. Кроме того, я вставил второй замок «Медико» в дверь, ведущую на чердак, а полицейский, который охранял здание, был предупрежден о том, что ему следует обратить особое внимание на пожарные лестницы. Но лежа среди ночи, слушая шум проезжающих мимо автомобилей и глядя на отблески света их фар на потолке, я почти наверняка ожидал, что кто-нибудь взлезет через проклятую опору люстры и скажет:

— Ку-ку!

Пат не могла мне простить то, что я вспомнил о филине Мерлина Плю, если тот у него действительно был. В попытке успокоить ее, я заметил, что парень был не дурак соврать, но все же она была твердо убеждена, что человек, который знал, где можно раздобыть высушенную человеческую руку, абсолютно без труда мог найти филина или даже двух филинов!

В конце концов, я встал и, взяв кобуру с револьвером, положил ее на полу у изголовья кровати. Затем я зажег две сигареты и, отдав ей одну, улыбаясь, сказал:

— Ну как, котенок, так безопаснее?

— Было бы безопаснее, если бы он лежал под подушкой, — пожившись, заметила она.

Покачав головой, я сказал:

— Казалось бы безопаснее, но отнюдь не было бы. Заряженный револьвер под подушкой может случайно выстрелить!

— А если... — сказала она, глубоко затянувшись, — что-то произойдет, когда мы будем спать?

— Черт побери, но мы же должны спать когда-нибудь! — сказал я. — Уже полночь, а нам обоим завтра на работу!

— Это тебе на работу, — поправила она, — а я взяла отпуск до тех пор, пока весь этот ужас не кончится!

— Да? — удивился я. — Ты что, уезжаешь?

— Да, на родину, в Алендорф, — кивнула Пат. — В университете я сказала, что мне необходимо отдохнуть, причем деньги мне не нужны.

— Хорошее дело. И мне было бы спокойнее знать, что ты в безопасности, но, черт возьми, киска, тебя будет очень не хватать!

Она подвинулась ближе, и одеяло упало с ее красивой белоснежной груди, освещенной бледными полосками тусклого света, проникающего сквозь венецианские жалюзи.

— Мне тоже будет скучно без тебя, дорогой, — сказала Пат. — Я бы хотела, чтобы ты поехал со мной!

— У меня работа, — сказал я. — Кроме того, что подумают твои родственники? Я имею в виду, мы вряд ли сможем быть вместе под бдительными взглядами твоих немецких родственников.

— Тетя Люси немного поумнее, чем ты думаешь, — сказала Пат. — Кроме того, мы всегда можем оформить наши отношения официально.

— Это предположение или предложение? — улыбнулся я.

— Думай, что хочешь, — сказала она серьезно. — Но боюсь, что я по уши влюбилась в тебя, черт возьми!

— Я обниму тебя, а? — сказал я, затушив свою сигарету. Позже, когда я лежал на спине, она положила голову мне на плечо и прошептала:

— Морган?

— М-м-м?

— Прошу тебя, поедem со мной. Я не заставляю тебя жениться на себе, но...

— Я хочу жениться на тебе, — сказал я. — Но поехать сейчас не могу. Я должен быть в этом деле до конца, и мне почему-то кажется, что мы скоро расколем это сумасшедшее дело!

— После этого ты приедешь ко мне в Алендорф? — вздохнула она.

— Киска, лишь немного терпения, и я приду к тебе, где бы ты ни была! — пообещал я.

Мы поцеловались, и никто из нас даже не подозревал, какая ужасная прозорливость была в этих словах. Откуда я мог знать, засыпая в эту темную и ветреную октябрьскую ночь, что она была гораздо чернее, чем мне казалось, и что я буду не способен спать очень много ночей, которые последуют за этой.

На рассвете я отвез Пат в университет, она собрала вещи, и я посадил ее в автобус до Алендорфа. Затем, уверившись, наконец, в ее безопасности, я начал свой новый день в отличном настроении. По пути на работу я проехал мимо дома дяди Дея. Хотя я и знал, что он еще спит, мне хотелось убедиться, что люди, которые мы выставили для его охраны, стоят на своем посту. Все было в порядке, я почувствовал облегчение, узнав, что у дяди не было никаких посетителей, и только водитель полицейской машины выбрал довольно неудачную фразу:

— Всю ночь было тихо, как в могиле.

Я подумал было разбудить дядю Дея, но мне показалось

неудобным будить его в такую рань. Впоследствии я сотни раз спрашивал себя: а было бы все иначе, если бы я поступил по-другому? Брюстер постоянно убеждает меня, что маховик уже был приведен в движение, и что бы я не предпринял... Черт возьми! Я опять забегаю вперед!

Это утро Пит Кастис и я потратили на ранние визиты. Зомби Джонс, который все еще сидел в тюрьме Кук Каунти на Западе, дал Питу список адресов членов «ковена» Дейм Сибил.

Мы навестили многих из них.

Ведьмы и колдуны, которых знал Джонс, оказались в большинстве своем малоактивными членами группы Дейм Сибил. Их адреса в основном находились в районах Боттом и Черри Крик.

Как мы выяснили, «ковен» давно распался, и его участники о нашем деле ничего не знали — все, за исключением некоего квази-колдуна по фамилии Савайер. Его полное имя было Нельсон В. Савайер, и он содержал спортивный магазин, адрес которого и дал Джонс, как его единственный известный ему адрес. Савайер был белым холостяком около сорока лет, и он с воодушевлением рассказал нам о своем продолжительном пребывании в «ковене».

— Мне нечего скрывать, — сказал Савайер, когда я сунул ему в лицо значок. Было похоже, что он говорил правду, и пока я допрашивал его, Кастис лениво осматривал охотничью и рыболовную амуницию, расставленную на полках магазина. Савайер объяснил, что он такой человек, что «пойдет на все, чтобы трахнуть пару новых цыпочек».

Его впечатления от группы Дейм Сибил были не из приятных.

— Они все ненормальные, — признался продавец спортивных принадлежностей. — Я уже говорил, что без ума от цыпочек. И когда я узнал об этих сексуальных игрищах, которые старая шлюха устраивает в своем грязном подвале, то страшно заинтересовался оккультизмом. Правда, их церемония посвящения оказалась выше моих возможностей. В смысле, я могу дать даже урок французского, если после этого она раздвинет ноги, но когда они сказали, что я должен целовать у какого-то вонючего старика его член, то я заявил, что они напали не на того человека. Может, и есть во мне какие-то причуды, но гомосексуализм — не моя стихия!

— Вы ушли от них?

— Конечно, ушел! А вы бы не ушли?

— Ушел, если бы смог. А они не пытались вас остановить?

— Остановить? Меня? Я вроде бы в хорошей форме. Я имею в виду, что раз я ушел, значит, ушел, и никакой старый хромой козел меня не остановит!

Подошел Пит Кастис с каким-то странным на вид спиннингом в руках и спросил:

— Вы не против, если я испытаю эту штуку с моторчиком?

— Ради бога, — сказал Савайер. — Это последняя модель, вам стоит лишь нажать на этот вот шпенок, и леска намотается на барабан сама.

Кастис кивнул и занялся спиннингом, а я попросил Савайера описать участников «Эсбата», на котором он присутствовал. Он подумал немного и сказал:

— Это была довольно пестрая компания. В основном, присутствовали дамы. Там была старуха Дейм Сибил, толстая цветная женщина, хорошо сложенная блондинка... Да, я думаю, это была блондинка. В смысле, я не видел ее головы — она носила маску, но между ног у нее были белые волосы, и я бы с удовольствием позабавился с ней, но целовать член у этого старого козла...

— Давайте вернемся к моему вопросу.

— О'кей, но я не обращал на остальных особого внимания. Просто голые люди...

— Вы не заметили плотную женщину с родимым пятном на левой груди?

— Нет. Думаю, если бы она была там, я, несомненно, заметил бы ее. Женщин я разглядел хорошо.

— Когда был этот «Эсбат»?

Савайер помолчал немного, припоминая, а затем сказал:

— Три или четыре месяца назад. Они сказали, что проклянут меня за то, что я ушел от них, но, как видите, я пока жив и здоров.

Позади меня Кастис забросил спиннинг, и автоматическая катушка со свистом втянула в себя леску. Савайер встревоженно посмотрел на него и сказал:

— Эй, приятель, поосторожнее! Ты можешь здорово поцарапать себя этой штукой!

— Угу, — пробурчал Кастис и забросил во второй раз.

Я спросил Савайера, как он вообще узнал об этом «ковене», и он ответил:

— Маленькая рыжая цыпочка, которая содержит магазин для оккультистов, рассказала мне о них.

— Вы имеете в виду девушку по имени Меб?

— Да. Темпераментная девушка с маленькой грудью. Ей тоже не понравились их игрища. Мы встретились с ней потом в гостинице. Она хороша в постели, к тому же, как и я, понимает секс правильно.

Пит Кастис бросил электрический спиннинг в третий раз и сказал:

— Я бы хотел показать эту штуку лейтенанту. Ты пом-

нишь странный звук, который я слышал, когда не то сова Плю, не то кот Дейм Сибил оцарапал мне шею?

— Да, — кивнул я. — Значит, эта штука...?

— Похоже, — сказал Кастис. — Свяжи четыре крючка вместе, и даже никудышный рыбак зацепит тебя с тридцати футов таким вот спиннингом!

— Вы продавали такую штуку Дейм Сибил? — спросил я Савайера.

— Старой ведьме? — улыбнулся он. — Вы, видимо, шутите!

— А есть ли у вас какие-нибудь записи о том, кто покупал их недавно?

— Нет, черт возьми. Хватит с меня записей об охотничьих ружьях. К тому же вы можете купить эту вещь в любом спортивном магазине.

— Тогда на этом все, — сказал Кастис. — Слава богу, что мы разобрались с совой Плю, а то я, честно говоря, и сам начал немного побаиваться!

— Погодите-ка, — сказал Савайер. — Вы, ребята, говорите, что эти извращенцы уже начали избивать друг друга спиннингами?

— Это достаточно близко, — согласился я.

— Боже милостивый! — удивился Савайер. — Слава Богу, что я порвал с ними, как вы считаете, а?

Кастис и я обменялись взглядами, и я сказал:

— Ты, приятель, оказался гораздо более везучим, чем ты думаешь!

Когда мы закончили с Савайером, было уже время ленча, но мы оба чувствовали, что перед тем, как отправиться перекусить, неплохо было бы поговорить с Сэмом Брюстером. Мы вернулись в четырнадцатый участок и обнаружили его жующим бутерброды, которые обычно дает ему жена с собой на работу. С того времени, как я начал работать с Брюстером, я не мог понять, объяснялось ли это его лояльностью к обязанностям полицейского или лояльностью к своей жене.

Мы рассказали ему о своих находках, и Кастис четырежды закинул спиннинг в его присутствии. Еще по пути в участок Пит склеил липкой лентой четыре медных тройных крючка, и когда он демонстрировал это орудие у Брюстера в кабинете, вид этих крючков был достаточно устрашающим. Лейтенант внимательно посмотрел на склеенные Кастисом крючки и пробормотал:

— И впрямь похоже на кошачью лапу.

— Обратите внимание, — заметил я. — Какой бы стороной они вас не коснулись, они всегда вас оцарапают. Тот, кто бросал такой крючок через основание моей люстры, попал в меня в тот момент, когда я потянулся к выключателю, а затем нажал на шпене́к — и вжик...! Крючки царапнули по моей руке и были обратно на чердаке, прежде чем я успел прийти в себя!

— Должно быть, хороший рыбак, — сказал Брюстер. Затем ему пришла в голову мысль, и он спросил:

— А как насчет света? Разве мог он загореться, если кто-то использовал основание люстры, как люк в твою квартиру?

— Провода были отрезаны, — объяснил я, — а потом удлинены куском другого провода. Одна часть основания, расположенная ближе к окну, осталась закрепленной на болте. Он был лишь немного ослаблен. Когда я включил свет, он уже успел смотать спиннинг и поставить на место основание. Пока мы с Майком в коридоре набирались смелости, чтобы зайти в комнату, он уже успел привернуть болты.

— Все было очень похоже, когда она или он испытал свое орудие на мне, — сказал Кастис. — Я думаю, что злоумышленник расположился на крыше моего гаража и оттуда зацепил мою шею. Когда я оглянулся...

— Я знаю, ты искал на земле грызунов, — сказал лейтенант. — Вы говорите, что этот парень Савайер вернул нашу рыжеволосую знакомую обратно в дело?

— Он сказал, что она присутствовала всего лишь на двух «Эсбатах», — ответил я.

— Все равно, она должна была рассказать нам об этом, — прорычал Брюстер. — Может, мне стоит еще раз переговорить с мисс Меб, если другие наши ниточки оборвутся?

— Какие ниточки? — удивился я. — Мне казалось, что мы до сих пор бродим в потемках, лейтенант.

— Уже светает, — сказал Брюстер загадочно. Затем, взглянув на Пита, он вспомнил:

— Пока тебя не было, Пит, звонила эта Хелен Клани из Британского консульства. Она сказала, что твое предположение насчет лорда не подтвердилось.

— Какого лорда? — спросил я.

— Лорда Глынди́верта, Прайс, — ответил Кастис, опередив Брюстера. — Я просил добавочную информацию о нем.

— Здравствуй! — сказал я. — Не хочешь ли ты сказать, что они угробили еще и Глынди́верта!

— Нет, твой лорд жив, здоров и наслаждается своим медовым месяцем, — засмеялся Кастис. — Пауэл, на которой он женился, не имеет ничего общего с Цинтией Пауэл. Просто хорошо сложенная девица из театра Виндмил в Мейфаре. В

ней даже нет ничего уэльского, не считая фамилии. Родом она из лондонского Ист-Энда.

— А почему бы вам, ребята, не отправиться перекусить? — спросил Брюстер. — В ближайшую пару часов вы мне не понадобитсяе.

У меня в животе уже бурчало, поэтому я спросил у Кастиса, где он будет есть, на что тот ответил:

— Иди один. Мне надо позвонить мисс Клани и поблагодарить ее, кроме того, у меня есть тут еще пара неотложных дел.

Тогда я не обратил на это внимания. И отправился обедать. Заведение, в котором мы обедали с момента, когда я начал работать в четырнадцатом участке, располагалось за небольшим парком, который находился прямо перед зданием участка. Когда я там появился, народу было уже значительно меньше, чем обычно. Нагрузив свой поднос, я отправился разыскивать свободный столик. Заметив знакомое лицо, я направился к этому человеку. Служители моргов обычно не входят в круг знакомых, с которыми я постоянно обедаю, но, какого черта, я, по крайней мере, знал этого парня. Это был Кларенс — длинноволосый хиппи из городского морга. Поставив поднос на его столик, я сел напротив него и невзначай спросил, что он делает так далеко от своих угодий.

— Это переходит все границы, — сказал Кларенс. — неужели я не могу обедать там, где хочу.

— Все, мир! — засмеялся я и, подняв вверх два пальца, объяснил, что я спросил об этом только лишь из вежливости.

— Меня повысили до мальчика на побегушках, — объяснил Кларенс, хватаясь за гамбургер руками, которые, я искренне надеюсь, он помыл перед едой.

Я кивнул и принялся за еду. Может, я и доел бы спокойно, если бы Кларенс вдруг не сказал:

— Лейтенант ваш вполне мог бы воспользоваться почтой, как все нормальные люди, так нет — подавай ему этот ордер на эксгумацию лично в руки!

— Ордер на эксгумацию? — удивился я. — Интересно, он ничего не сказал мне об этом. Почему они тебя с ним отправили?

— Хоть убей, не знаю, — заявил Кларенс. — Сенди Макальпин получил его сегодня от судьи и тут же послал меня с ним к Брюстеру.

— Кого теперь выкапывают?

— Откуда я знаю? Я не читаю чужих писем!

— Что-то странное! — сказал я, вставая из-за стола.

— Эй! Ты же ничего не съел! — сказал мне вслед Кларенс.

— Доешь сам, — ответил я. — У меня вдруг что-то пропал аппетит!

Вернувшись в офис, я обнаружил, что Брюстер уже уехал. Всего несколько минут потребовалось на то, чтобы узнать, что Пит Кастис уехал вместе с ним.

Я позвонил в морг и попросил Макальпина, но мне сказали, что он уехал и до конца дня его не будет.

Тут ко мне пришла идея, где я смогу обнаружить эту компанию.

Но я ошибся.

Приехав на Гленвудское кладбище, я без пользы потратил целых пол — часа на их розыски. Тогда я снова позвонил секретарю Макальпина и, стараясь казаться искренним, сказал:

— Похоже, что я перепутал кладбища. Я должен был помочь Сенди открыть эту могилу, но почему-то я был уверен, что он имел в виду Гленвудское кладбище.

— Могилу? — удивилась она.

— Могилу, склеп — какая, к черту, разница? — холодно ответил я. — Меня не было в офисе, когда посыльный принес ордер от Сенди, а дежурный не помнит, куда они уехали.

— Это не проблема, — ответила девушка. — У меня есть копия ордера. Сейчас посмотрим... Вот. Это семейный склеп Вагнеров, кладбище Саннидейл. Оно находится к югу от Гленвуда, по той же стороне.

— Видимо, поэтому я ошибся, — соврал я.

Во рту у меня пересохло.

Я поблагодарил ее, повесил трубку и буквально бегом побежал к машине и, включив сирену и мигалку, на бешеной скорости рванул к соседнему кладбищу.

Въехав в ворота Саннидейл, я отключил сирену, но не сбавил скорости, пока не нашел машину Макальпина и полицейский круизер, припаркованные рядом с гранитным викторианским мавзолеем, величиной с пляжный коттедж.

Они все еще возились с тяжелыми бронзовыми дверями, когда я подошел к Брюстеру и спросил:

— О'кей, Сэм, что, черт возьми, здесь происходит?

Брюстер и Кастис грустно переглянулись, а на лицах Макальпина и его ассистентки появилось лишь удивление. Наконец, Брюстер сказал:

— Видишь ли, Прайс, ты ведь спал с ней!

Я взглянул на готические буквы над входом, из которых было выложено слово «Вагнер», и сказал:

— Значит, вы теперь подозреваете Пат? Девушка является родственницей семьи Вагнер только по замужеству. К тому же вы даже мужа здесь не найдете — он был кремирован!

— В этом-то все и дело, — тихо сказал Кастис. — Последний родственник Карла Вагнера — его тетя — умерла два года

назад. В Гленвуде я больше ничего не нашел, и зная, что далеко они забираться не будут, решил испробовать это место. Похоже, что это именно то, что мы искали.

— Я не вполне тебя понимаю, — нахмурился я. — Ты думаешь, что Маму Палавер и ее сына подбросили в этот склеп?

— Ну, где-то они должны быть, — сказал Кастис. — А этот склеп не только не использовали последние два года, но, что более важно, вряд ли будут использовать в будущем. Твоя подруга, как вдова Карла Вагнера, является единственным владельцем склепа, но ее семья находится в провинции и...

— Постойте, — сказал я. — Если вам это интересно, то Пат сейчас, скорее всего, уже в Алендорфе. Так в чем же тайна? Почему вы все это скрывали от меня?

— Ну, ты вроде как эмоционально заинтересованная сторона, как сказал Сэм.

— Вы боялись, что я расскажу обо всем этом Пат?

— Да, такая мысль приходила нам в голову.

— Значит, вы оба должны побыстрее от нее избавиться. Так почему же вы решили, что следует открыть именно этот склеп?

И вновь я заметил, что Брюстер, и Кастис как-то странно переглянулись, затем Пит пожал плечами и сказал:

— У меня почти все готово. Можно открывать.

— Валяй, — сказал Брюстер.

Кастис последний раз повернул отмычку в ржавом замке и дернул бронзовую ручку. Дверь со скрипом открылась и Кастис произнес:

— Добро пожаловать в святая святых.

Никто не засмеялся.

Несмотря на погожий солнечный день, внутри было темно. Макальпин и лейтенант зажгли фонарики, а мне и помощнице Макальпина Барбаре пришлось обходиться без них.

— Вот этот последний из установленных официально, — заметил Макальпин, направляя луч фонарика на гроб из красного дерева. Разглядев его, как следует, он добавил:

— Материя, которой он обит, в порядке. Его никто не трогал.

— А как насчет вот этого? — спросил Кастис. Луч его фонарика остановился на бронзовой табличке, и он прочел вслух:

— Герман Мангейм Вагнер, 1867 — 1941. Дядя Герман ведь умер довольно давно, не так ли?

— К тому же здесь сломана печать, — сказал Макальпин. — Давайте ка посмотрим на него получше.

Кастис принялся вытаскивать из гроба гвозди с помощью

фомки, которую он принес из машины, но Макальпин предложил:

— Только смотровую панель, сержант. Третья часть крышки снимается независимо.

Кастис кивнул и, вновь углубившись в работу, пробормотал:

— Крышка не на месте. Гвозди тоже выходят легко.

Затем, открыв секцию, покрывающую голову и плечи того, кто был внутри, он произнес:

— Ку-ку!

Барбара, стоявшая возле меня, прошептала:

— Я просто без ума от кладбищенского юмора, а вы?

Я не ответил, предполагая, что она, как и Макальпин, давно привыкла к таким вещам, но тем не менее чувствовал у себя что-то наподобие нервной усмешки. Острия может заставить человека смеяться в любой ситуации.

— Что там, Сенди? — спросил Брюстер, когда Макальпин посветил фонариком в открытый гроб.

— Пара скелетов, — хмыкнул Макальпин.

— Пара? — удивился Брюстер.

Судебный медик задумчиво принялся и сказал:

— Да, один из них свежий и разложился не без помощи пепсина. Другой сухой, за исключением мест их соприкосновения. Если хотите предварительное заключение, то один из них — действительно немецкий дядюшка, а другой неизвестный мужчина — негр.

— Значит, согласимся на том, что перед нами Герман Вагнер и Лью Иванс, — сказал Брюстер. Он кивнул Кастису и добавил:

— Полет нормальный, Пит.

— Еще одна коробочка выглядит так, как будто ее недавно двигали, — сказал Кастис. — Видите пыль на каменной полке?

Макальпин кивнул:

— Гильдегард Эрнестин Вагнер, 1994 — 1948. Видимо, то, что надо. Они бы не открыли более свежий.

Макальпин принялся открывать этот гроб лично, а Кастис направился дальше, освещая фонариком гробы умерших родственников мужа Пат. Макальпин был значительно профессиональнее в деле вскрытия гробов, чем Кастис, и вскоре он заглянул в него и сказал:

— Если старая Гильдегард не была сиаемским близнецом, то один из этих черепов принадлежит Маме Палавер.

Я посмотрел через плечо на это мерзкое зрелище: два черепа лежали щека к щеке среди полустгнивших остатков материи.

— Кто из них кто, док? — спросил я.

— Трудно сказать, — сказал Макальпин. — Эта Иванс имела европейское строение костей, а кроме костей, тут почти ничего не осталось. Та, что справа, выглядит немного посвежей, но с уверенностью можно будет сказать лишь после ряда химических анализов и сравнения строения зубов.

Позади я услышал треск деревянной крышки гроба и крик Кастиса:

— О, Боже!

— Что там, Пит? — спросил я, направляясь к нему. Кастис стоял возле открытого им гроба и освещал фонариком его содержимое. Увидев, что я направляюсь к нему, он опустил луч фонарика на пол и сказал:

— Не смотри, Прайс! Дай мне перевести дыхание, и я объясню, но...

— Что с тобой? — нахмурился я и подошел к нише, пытаясь разглядеть содержимое гроба.

— Посвети-ка сюда, Пит, — сказал я.

— Сэм? — смущенно позвал Кастис.

— Это то, что я думаю? — спокойно спросил лейтенант.

Кастис молча кивнул. Затем, когда я вновь потребовал фонарик, Брюстер сказал:

— Да. Нам придется пройти через это, Пит.

И Кастис молча вручил мне свой фонарик.

— О чем это вы все говорите? — спросил я, направляя луч фонарика на гроб.

Потом я, кажется, закричал.

На меня смотрела Патриция Вагнер. Ее голое тело было распростерто среди останков разложившегося пятьдесят лет назад трупа, Сломанная бедренная кость истинного хозяина гроба была воткнута в ее сердце, как деревянное копьё.

— Теперь вам лучше? — спросила меня ассистентка Макальпина, Барбара, откуда-то из необозримых пространств космоса. Я опять чихнул, уловив запах аммиака с ваты, которую она держала перед моим носом, и пробормотал:

— Что случилось? Разве я упал в обморок?

— Да. После того, как все здесь перевернул, — сказала девушка, державшая мою голову у себя на коленях.

Внезапно я обрел над собой контроль, сел, дико оглядываясь по сторонам, и спросил:

— А куда делись Кастис и лейтенант?

Я лежал на траве неподалеку от склепа. Кроме Барбары, рядом со мной находился Макальпин, но остальных и полицейской машины не было.

— Они поехали на дело, — сказала Барбара. — Они сказали, чтобы ты ехал к университету, когда очнешься.

— За кем это они? — удивился я, когда Макальпин помогал мне подняться на ноги.

Судебный эксперт пожал плечами и сказал:

— Они говорили что-то о колдуне, но они так торопились...

Я не расслышал конец фразы, даже если у нее и был конец. Бросившись к своей машине, я завел мотор и, нарушая все правила дорожного движения и здравого смысла, помчался к университету.

Тем не менее я опоздал.

Когда я затормозил возле ряда полицейских машин, блокировавших въезд в университетский городок, то услышал голос, что-то говорящий через мегафон. Выйдя из машины, я схватил за ворот университетского охранника и спросил, где происходит действо.

Он махнул рукой в глубь университетского городка и сказал:

— Пригнитесь, сержант. Там в одном из домов — какой-то сумасшедший. Он стреляет во все, что движется, и у него отличная винтовка!

Вынув свой револьвер, я побежал, пригнувшись, к высокому человеку, в котором узнал Пита Кастиса. Он и полдюжины полицейских в униформе держали на прицеле фасад дома дяди Дея, укрывшись за круизером Брюстера. Ставни на одном из боевых окон здания были разбиты.

Почти поравнявшись с Питом, я заметил лежащего на траве возле машины лейтенанта. Брюстер лежал, приподнявшись на локте, и из его левого бедра довольно сильно сочилась кровь. Они увидели меня одновременно, и Кастис сказал:

— Пригни голову, Прайс. Он стреляет из окна чердака, вон там!

— Но это же дом моего дяди! — удивился я.

— Знаю, — сказал Кастис. — Как раз он-то и стреляет в нас!

— Дядя Дей? Я не могу поверить!

— Ты лучше поверь! — сказал Брюстер. — Он открыл огонь, как только мы остановили машину. Совсем спятил — видимо, не думал, что мы накроем его так быстро, когда он еще не провернул свое дело!

— Это он убил Патрицию Вагнер, — спокойно сказал Пит Кастис. — Если бы она не строила из себя «Добрую Фею Гленду» в конце дела, то убил бы и тебя.

— Но это самая сумасшедшая история, которую я когда-либо слышал! — запротестовал я. — Дядя Дей практически вырастил меня! Он один из моих самых лучших друзей!

— О, да! Я думаю, он любил тебя, — сказал Кастис. — Но, видишь ли, он любил еще и Патрицию Вагнер, а ты стоял у него на пути, поэтому...

— Вы должны позволить мне переговорить с ним, — потребовал я, повернувшись к Сэму Брюстеру. — Если он и послушает кого-то, то только меня.

— Дурак, как только ты высунешь отсюда голову, он разожмет ее вдребезги! — отрезал Брюстер. — Разве ты не понял, что они хотели тебя убить с самого начала, черт тебя подери?

Я все еще мучился в догадках, когда к нам присоединился человек с золотым значком в униформе капитана. Он представился начальником девятого участка и казался немного расстроенным тем, что мы открыли стрельбу на его территории, не предъявив охотничьего удостоверения. Брюстер начал объясняться, на что капитан сказал:

— Знаю, знаю, я говорил по радио с четырнадцатым. Скорая будет здесь в любую минуту.

— Какая скорая? — фыркнул Брюстер. — Я никуда не поеду, пока эту сволочь не выкурят оттуда!

— Это вы так думаете, лейтенант! — сердито сказал капитан. — Я здесь командую и не позволю никому из наших отбросить здесь копыта, понятно!

Двое полицейских в униформе и белых защитных касках подползли к нам с тыла, и один из них, отдав честь капитану, доложил:

— Скорая и пожарники на подходе, капитан Браун. Будем использовать газовые гранаты?

— Подождите с газом, — отрезал Браун. — Эти деревянные дома вспыхнут, как порох, если мы будем использовать гранаты. Подождем пожарников, а затем выкурим его газом. Кто прикрывает тыл?

— Сержант Бронсон и его люди, сэр. Живым он оттуда не выйдет.

— Он не выйдет, — сказал мрачно Кастис. — Он обвиняется практически во всем, кроме укрытия проказы. К тому же он накачался наркотиками.

— Об обвинениях пускай заботится прокурор, — сказал капитан Браун. — Между тем я хочу, чтобы он не подстрелил больше ни одного полицейского.

— Задеты только мягкие ткани, капитан! — взмолился Брюстер, когда один из полицейских стал поднимать его с земли.

Браун пожал плечами и сказал:

— С этим разберутся врачи. Тащи его отсюда, Мартин!

Полицейский уволок протестующего Брюстера прочь от

дома. Не обращая внимания на крики Брюстера, Браун из-за прикрытия круизера стал осматривать дом. Себе под нос он бормотал:

— Мы бросим гранаты вон в те окошки на первом этаже. Сквозняк внутри понесет газ по дому до того окна, откуда он стреляет.

— Как ты думаешь, Прайс, он сможет застрелиться? — спокойно спросил Кастис.

— Откуда я знаю, — устало ответил я. — До сих пор не могу поверить, что мы говорим об одном и том же человеке! Так много случилось и так быстро, что я не представляю, как я смогу жить дальше!

Браун с удивлением посмотрел на нас, и Кастис объяснил:

— Это сержант Прайс, сэр. Племянник этого парня.

Браун кивнул и сказал:

— А-а, тот коп, которого они собрались шлепнуть? Я хочу пройти дальше, сержант Кастис. Вы справитесь здесь вдвоем?

Кастис кивнул, Браун повернулся и под прикрытием припаркованных к обочине машин двинулся дальше, крича кому-то вдали:

— Убери свою дурацкую башку, Падилла. Он не из рогатки стреляет, черт тебя возьми!

— Пит, — взмолился я, чувствуя смятение в голове и желудке. — Ради Бога! Расскажи мне, что происходит, а? Я совершенно не понимаю, что происходит!

— Спокойно, парень, — успокоил меня Кастис. — Давай-ка устроимся тут поудобней, и я разложу тебе все по полочкам.

Он подождал, пока я сел на землю возле него, а затем, продолжая держать дом на прицеле, сказал:

— Вся беда в том, что я не знаю, с чего мне, собственно говоря, начинать!

— Попробуй сначала, черт тебя подери!

— О'кей. Скажем так, началом всему была цыпочка по имени Патриция Келлер, провинциальная красавица с большими планами. Как ты знаешь, у нее было на что посмотреть. Но она не была столь хороша, как о себе думала. Когда бедняжка Пат Келлер приехала в большой город, она с удивлением обнаружила, что отнюдь не все восхищаются Розовой наследницей Алендорфа. Она попыталась было стать Мисс Америкой. Не получилось. Тогда она вышла замуж за богатого парня и отправила его на тот свет. Затем она попыталась работать в театре и кончила работой учителя. Ей, вероятно, было ужасно жалко себя, когда она начала сидеть и терять свои зубы.

— Ладно, — возразил я. — Она не была такой уж старухой. К тому же у нее были деньги.

— Да. У нее были деньги, второстепенное положение во второстепенном колледже и дорогие вставные зубы. Этого было недостаточно для маленькой девочки, которая брала Розовую ренту на ступенях церкви и которой все говорили, что она несравненная красавица до тех пор, пока она не начала носить бюстгалтер. Пат считала себя неудачницей и, как все, занялась оккультизмом. Здесь, в университете, она наладила контакты с Мерлином Плю и вопреки тому, что она тебе говорила, восприняла его гораздо серьезнее. Между тем произошел целый ряд событий, над которыми она не имела контроля. Постой-ка! Мне показалось, что там что-то зашевелилось!

Мы оба посмотрели на чердачное окно дома дяди Дея, затем Кастис пожал плечами и сказал:

— Похоже, показалось!

— А как дядя Дей попал во все это? — спросил я.

— Об этом позже, — сказал Кастис. — Сомневаюсь, что вначале она рассматривала его серьезно. Она влилась в компанию Дейм Сибил и играла там Королеву Розу среди ведьм и колдунов. Секс и наркотики ее очень забавляли. Именно она была леди с розовым пятном на груди и странными идеями по поводу секса.

— Черт побери, Пит, у нее не было на груди никаких пятен.

— У тебя тоже не было никаких пятен на запястье, пока она не нарисовала его тебе, — сказал Кастис. — Кроме того, это должна была быть именно она. Мы всех уже проверили! Дейм Сибил использовала Плю и Маму Палавер для магических эффектов, которые не могла произвести самостоятельно. Как и Пат Вагнер, уэльская старуха была просто невротической нимфоманкой с навязчивой идеей, что должен существовать некий магический механизм, способный повернуть стрелки часов назад и сделать всех молодыми и красивыми. Некоторое время они отчаянно молились Дьяволу, извращались и пытались употреблять галлюциногены. Но тут все вдруг неожиданно усложнилось. Объявилась Цинтия Пауэл, разыскивавшая потерявшихся родственников, и Дейм Сибил приняла ее под свое ведьмино крыло. Девушка тоже была неудачницей, сиротой с лошадиными зубами и несколько необычными представлениями о сексе. Цинтия прекрасно влилась в их компанию и также наслаждалась сексом и играми, пока однажды старая шлюха Дейм Сибил не наглоталась наркотиков и не уснула, устроив перед этим пожар. Остальные потушили пожар без помощи пожарного департамента, но старуха все-таки задохнулась, наглотившись дыма.

— Это случилось пару месяцев назад?

— Да, и поставило перед «ковеном» проблему. Им нужен был дом старухи, чтобы устраивать оргии, но Цинтию вряд ли можно было считать законной наследницей, поэтому ведьмы решили поступить по-своему. Мама Палавер знала кое-что о том, как управляться с трупами, поэтому пока решали, что делать со старухой, она забальзамировала ее и засунула в один из холодильников в своем дворце Вуду.

— А кто-то занял ее место! — кивнул я, видя, как легко разрешилась наша одна из главных загадок. — Но кто же представлял Дейм Сибил?

— Напудренная Мама Палавер, — сказал Кастис. — Обе женщины были приблизительно одного возраста и комплекции, к тому же Мама Палавер умела говорить по-уэльски. Поэтому с белой пудрой на своем лице, имеющем европейские черты, с бигудями на новом седом парике...

— Понятно, — оборвал я. — Она была неплохой актрисой.

— Не совсем так, ведь если ты подумаешь о том, что никто из нас раньше не видел настоящей Дейм Сибил, а соседи считали ее затворницей, то ей ничего не нужно было, кроме грима и храбрости, которой у нее было в избытке благодаря наркотикам. Думаю, они на время даже забыли о Дейм Сибил, но тут, однажды, Цинтия перебрала наркотика на своем пути на луну, и теперь у них на руках были две мертвые ведьмы. Мама Палавер забальзамировала и ее, и у Дейм Сибил появилась компания.

— Боже! Сколько же трупов было у Мама Палавер в холодильнике?

— Только два, но к тому времени и это стало слишком много для Патриции Вагнер. Она вовсе не была сумасшедшей и хотела было уже распрощаться с этой компанией, когда появился дядя Дей со своей идеей, и они разработали новый план.

— Разве дядя Дей был членом «ковена»?

— Сначала нет. Он был просто милым грязным стариком, который таскался за симпатичными преподавательницами. Он писал книгу об уэльских шахтах, когда натолкнулся на одно открытие, и рассказал об этом Пат. Именно тогда у них началась любовь со второго взгляда. Это было то, чего не хватало провинциальной красавице, — благородный титул.

— Ты что? — фыркнул я. — У дяди Дея не было никакого титула!

— Правильно, — сказал Кастис. — Но скоро он будет у тебя. Твой отец был вторым племянником лорда Глындиверта. Не существует, повторяю, не существует более близких родственников, а у лорда Глындиверда нет ни одного наследника.

— Да, но, черт возьми, он еще жив!

— Конечно, и вскоре ему стукнет семьдесят. Хелен Клани говорит, что потребуются ждать всего лишь несколько лет, пока он, позабавившись с очередной хористкой, передаст свой титул тебе. Не деньги, а только титул и место в Палате Лордов, если тебе оно нужно. Пат и твой дядя страшно хотели получить и то, и другое.

— Но титулы передаются от старшего сына к старшему сыну, — возразил я. — А дядя Дей был младшим братом моего отца!

— Ты можешь думать, что хочешь, — заметил Кастис. — Когда Пат сказала твоему дяде, как она будет любить его, если будет иметь возможность встретиться с парой настоящих королей в Хамптонском Дворе, они решили, что с тобой надо разделаться и побыстрее. Если бы дядя Гарри умер до того, как они убили тебя, то мотив для всех был бы очевиден. Они решили, что ты должен погибнуть на боевом посту задолго до того, как добрый дядюшка Девид выразит подобающее удивление, став лордом Глындивертом. А так как Пат Вагнер была знакома с большой компанией колдунов и ведьм, которые не вязались с титулом леди Глындиверт, то они решили объединить усилия по расчистке пути к твоему титулу!

— И они оба знали, что я говорю по-уэльски! — нахмурился я, когда смысл его слов дошел до меня.

— Правильно, — сказал Кастис. — Первым их шагом было привлечение тебя к делу, которое, по их мнению, полиция никогда не сможет раскрыть. Используя Плю и Маму Палавер, конечно, не слова не сказав о том, какая судьба их ожидает, они принялись водить нас за нос.

Первой к нам заявила Патриция Вагнер, загримированная под Цинтию Пауэл, и...

— Значит, это была Пат?

— Конечно. Белокурый парик и вставные зубы, имитирующие лошадиную улыбку Цинтии. Белокурая блондинка с лошадиными зубами получилась, как настоящая, и комплекция у них была приблизительно одинаковая. Рассказав нам липовую историю и подбросив труп Цинтии туда, где мы могли бы без труда обнаружить его, они добились, что тебя перевели в четырнадцатый участок, и мы все трое направились по следу, который должен был привести нас к дому Дейм Сибил. Затем после того, как Мама Палавер подразнила нас котами и пятнами крови, они подложили труп настоящей Дейм Сибил в дом и подожгли его. Это помогло избавиться от двух мешавших им трупов и вывело тебя на Плю, который считал, что его наняли только для того, чтобы напугать тебя до полусмерти.

— Значит, именно поэтому Плю показывал мне фокусы, заманил на «Эсбат», а потом заставил выдать себя из-за того, что я решил спасти Маму Палавер от бесчестия. Но ведь я говорил с Дейм Сибил и... хотя нет. Теперь понимаю, что она одна играла обе роли.

— Когда твой дорогой дядюшка Дей оглушил тебя, — сказал Кастис, — профессиональные оккультисты испугались. Зомби Джонс и, по крайней мере, еще один убежали, а возращения Плю, Мамы Палавер и Лью Иванса дядя Дей заглушил из твоего табельного оружия. Затем, передвинув тебя в другой угол подвала, они для большей путаницы пристрелили кота и повезли трупы к могиле, которую предварительно вырыли сами пострадавшие. Не знаю, как они уговорили Плю перетащить сержанта Говера на новое место, но так или иначе в их распоряжении оказалась пустая могила, в которую они и бросили тело Плю, обработав по одному из рецептов Мамы Палавер все три трупа для их более быстрого разложения. Я думаю, что занималась этим Пат, в то время как дядюшка вел машину. Он не был склонен к такой работе, а она не гнушалась ничем для достижения цели. Как бы то ни было, в эту ночь им предстояло избавиться от двух незапланированных трупов. Пат Вагнер, видимо, вспомнила о семейном склепе Вагнеров и даже, вероятно, имела от него ключи. Поэтому...

— Можешь не продолжать, — оборвал я. — Ты пока не привел ни одного доказательства и, что более важно, не объяснил, как Пат оказалась в этом проклятом гробу!

— Доказательства — не проблема, — сказал Кастис. — У Хелен Клани есть копии писем, которые писал твой дядя в Британскую Угольную Палату. Мы взяли след Патриции Вагнер, как только узнали, что ей принадлежал дом, в котором мы нашли тело Дейм Сибил, и кроме того, она была совладелицей «Плейс-ту-Лик». Сложив все это вместе, мы поняли, что за этим что-то кроется.

— И вы все это скрывали от меня?

— Не так уж и много, Прайс. Правда, мы совершили ошибку, выпрашивая тебя о родственниках и цыпочке, с которой ты спал, не так ли? Кроме того, пока жуткие истории, в которые ты попадал, не подтвердились, ты и сам был под подозрением!

Пригнувшись, подошел капитан Браун и спросил, не заметили мы чего-нибудь напротив. Кастис покачал головой и сказал:

— Никаких признаков жизни, кроме какого-то движения минут десять тому назад.

— Может, он утихомирился? — предложил Браун. — Но

я не буду рисковать, пока мы не сможем использовать газ. Попробую поторопить этих пожарных!

Как только он ушел, я сказал:

— Ладно, ты почти купил меня, Пит. Но, черт возьми, как Пат оказалась в этом склепе? Я говорил с ней только сегодня утром!

— Думаю, ты будешь польщен, — сказал Кастис. — Весь наш план пошел прахом, когда твой дядя сделал ошибку, познакомив тебя со своей девчонкой. Ты гораздо моложе и симпатичнее — это во-первых. Во-вторых, Пат была достаточно умна, чтобы понять, что старик ей не нужен, если она может подцепить тебя!

— Она почти сделала это. А после смерти лорда Глyndиверта я унаследовал бы его титул, не убив ни одного человека, да?

— Правильно. Только твой дядя не был согласен с этим после того, как помог ей убрать несколько человек и привыкнув к ее стряпне. Поэтому, ближе к концу, Пат заявила, что хочет немного попугать тебя, когда на самом деле решила прибрать тебя к рукам. Между тем твой дядя стал беспокоиться и предпринял несколько самостоятельных шагов. Так получилось, что Пат подсыпала тебе галлюциногены в кофе, куда до этого твой любимый дядюшка насыпал беладонну. Именно Пат пугала нас спиннингом, имитируя кота. Она, возможно, сказала старику, что хочет напугать еще нескольких полицейских перед тем, как ты погибнешь на боевом посту. Но последние две ночи, которые она провела у тебя в постели, переполнили чашу терпения влюбленного старика.

— Значит, поэтому он убил ее, — пробормотал я.

— У него не было выбора, — сказал Кастис. — Окрутив тебя, ей пришлось бы убить его, чтобы убрать опасного свидетеля. Не знаю, она ли за ним охотилась, или наоборот, но после того, как ты утром попрощался с ней, они занялись решением своих разногласий, и, как ты уже знаешь, решение это было в его пользу. То, что он решил спрятать ее в склепе, — было неплохой идеей, но, воткнув кость ей в сердце, он перестарался. Как ни в чем не бывало, он вернулся домой и вел себя тихо до тех пор, пока Сэм не забыл выключить сирену, подъезжая к его дому.

Несколько минут я молчал. Затем судорожно глотнув, я поежился и сказал:

— Боже, я совершенно не собирался принимать этот чертов титул! Если бы они только знали это...

— То ты был бы покойником, — спокойно сказал Кастис. — А Сэм и я до сих пор, возможно, мучились бы вопросом «почему»!

— Если бы можно было как-нибудь поговорить с ним, — настаивал я. — Я теперь вижу, что он болен, Пит. Но ведь он не всегда был таким, и если Пат могла крутить, как хотела, таким нормальным парнем, как я, то...

— Кто бросил газовую гранату?! — закричал капитан Браун из-за цепочки машин, где он разговаривал до того с полицейским из оцепления. Мы с Питом переглянулись, и, взглянув на дом, я увидел белые клубы дыма, поднимающиеся из одного из окон первого этажа дома дяди Дея. Браун повторил свой вопрос, прибавив:

— Я тут команду, черт возьми!

После чего Кастис сказал спокойно:

— Капитан! Никто не бросал газовую гранату. Ни одно из окон не было разбито.

У Брауна отвисла челюсть. Затем, повернувшись в противоположную сторону, он закричал:

— Райан! Хватай свой мегафон и бегом сюда!

Подбежал патрульный в белом шлеме с мегафоном в руках. Выхватив у него мегафон, Браун повернулся к дому и, нажав на кнопку, на весь университет закричал:

— Внимание, профессор Прайс, в вашем доме пожар! Бросайте свою винтовку и выходите!

Ответом было свежее пулевое отверстие в стволе ели, возле которой стоял Браун.

— Жив курилка! — пробормотал капитан, отползая к машине.

— Дайте-ка эту штуку, капитан, — предложил я. — Может, он меня слушает.

Браун подумал, а затем сказал:

— То, что он не слушает меня, — это точно!

И передал мне мегафон.

Повернувшись лицом к дому, я закричал на Кымриг:

— Это говорит Морган, дядя Дей! Я знаю, что это грядная маленькая шлюха сделала с нами обоими, но я с тобой, земляк! Я найду тебе адвоката, дядя Дей, и даю слово, что они тебя не тронут! Выходи оттуда! В доме пожар!

Вновь прогремел выстрел. Я ожидал его и только моргнул, когда пуля пролетела над моей головой.

— Что это он говорит? — спросил Браун.

— Это на уэльском, — сказал Кастис.

— Старик родом из Уэльса.

— Он скоро станет жареным, как уэльские гренки, если не выйдет оттуда!

— Пожарная машина у забора, капитан! — закричал один из полицейских в белом шлеме. Браун пожал плечами и пробормотал:

— Что она даст, если он стреляет. Единственный гидрант, к которому они могут подключиться, находится на линии огня!

— Ради бога, выходи! — закричал я в мегафон, когда сквозь дым увидел в окнах первого этажа языки пламени.

— Здорово принялось, — сказал кто-то.

— Видимо, она заехала к нему сегодня утром, и он убил ее, забыв после этого осмотреть квартиру.

— А что он должен был найти? — спросил Браун. — Бомбу с часовым механизмом?

Перед тем, как Кастис смог что-либо ответить, раздался грохот, и весь дом превратился в огромный столб огня. Если кто-то и кричал там, то крик этот утонул в грохоте. Повернувшись к выходу из университетского городка, я заметил, как пожарные прикрепляют первый рукав к пожарному гидранту.

Когда я прошел треть пути до ворот, меня нагнал Пит Кастис.

— С тобой все в порядке, Прайс?

— Я думаю, что вскоре опять упаду в обморок, — пробормотал я. — Я помогу тебе составить отчет позже. Ты сегодня долго будешь на работе?

— Похоже, — сказал Кастис. — Но я справлюсь с этим, малыш. Почему бы тебе не расслабиться, а? Ты мог бы пойти немного поспать и...

— Спать? — удивился я, только сейчас заметив, какими длинными стали тени, затем устало покачав головой, сказал:

— Ты шутишь, наверное. Я сомневаюсь, что когда-либо вообще смогу уснуть.

Я был не прав.

Мне удалось поспать пару часов после, того как из пепелища извлекли обугленные останки дяди Дея.

СОДЕРЖАНИЕ

Ф.Лаурия

Рага сикс *пер. И.Гусева* 5

Дж.Меткалф

Торжествующий мертвец *пер. И.Сатарина* 143

Л.Камерон

За багровой дверью *пер. О.Гончарука* 197

**Т 59 Торжествующий мертвец. Пер. с английского —
М.: РИПОЛ, Джокер, 1993.—
352 с. (Сборник произведений ужасов)**

ISBN 5-87012-016-3

**выпуск
Макаренков С. М.**

**Подписано в печать 20.12.92 г. Формат 84х108/32. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Физ. п. л. 11.
Усл. п. л. 18,48. Зак. 4215. Тир. 100 000 (1 — 50 000) 1-й завод. Переплет 7Б.
Цена договорная.**

**Издательства РИПОЛ, «Джокер».
123000 Москва, а/я 21.**

**Отпечатано в АП «Курск».
305007 г. Курск, ул. Энгельса, 109.**

Четвертая книга серии «HORROR» знакомит с новым для нашего читателя жанром: каждое из трех произведений, вошедших в сборник — это мистический триллер. А значит, — потрясающее сочетание авантюрного, полицейского детектива и любовных приключений, жутковатого колдовства и реалий современного Нью-Йорка. Но главное в книге — напряженная атмосфера непрерывного кошмара, от которого прямо-таки кровь стынет в жилах.

